

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 1 (25)

2013

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Карнишин В. Ю.</i> 300-летие дома Романовых: за фасадом официального празднования.....	5
<i>Белорыбкин Г. Н.</i> Культура быта населения Волжской Булгарии (историографический аспект).....	11
<i>Жабоедов-Господарец В. П.</i> Характеристика правового статуса Великого княжества Финляндского по материалам периодической печати начала XX столетия.....	17
<i>Варенцова Л. Ю., Варенцов С. Ю.</i> Нижегородско-Тюменский ссылный тракт в XIX – начале XX в.	32
<i>Калугин П. А.</i> Реформа судебной системы в программах либеральных партий России начала XX в.	44
<i>Захарова Л. Б.</i> Обновленческий раскол 1920-х гг. в Русской Православной Церкви	52

ФИЛОСОФИЯ

<i>Исаева О. С., Кошарный В. П.</i> Историко-философские предпосылки евразийского учения	59
<i>Арутюнян К. С.</i> Изменения в общественном сознании в условиях социального кризиса (социально-философский аспект).....	73
<i>Шаровская А. В.</i> Специфика самоосуществления личности в смысловом контексте современного общества потребления	80
<i>Розенберг Н. В.</i> Творческий потенциал повседневности: философский анализ	88
<i>Маслянка Ю. В.</i> Смысл и бессмысленное время: стратегия модернизации российского общества	93

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Уржумова А. А.</i> Особенности употребления членных и нечленных имен с суффиксом -ьн- в древнерусском языке (на материале летописных и евангельских текстов)	101
<i>Жаткин Д. Н., Бобылева С. В.</i> К вопросу о байронических мотивах и традициях творчества Дж.-Г. Байрона в поэмах И. И. Козлова	112
<i>Касимова Г. К.</i> О мутационных и модификационных значениях в семантической парадигме субстантивов с суффиксами -ник/-ниц(а).....	119
<i>Левина М. А.</i> Принципы организации вторичных терминосистем права.....	126
<i>Круглова Т. С.</i> Специфика адресации в книге стихов Андрея Белого «Золото в лазури»	132

ПЕДАГОГИКА

<i>Мещеряков А. С., Курпиянова Г. С.</i> Компетентность и модульность как векторы обновления профессиональной подготовки специалистов инженерного профиля: инновационный аспект (часть 1)	140
<i>Разуваев С. Г.</i> Профессиональная социализация будущего специалиста технического профиля в условиях многоуровневого образовательного комплекса: уровни, условия эффективности, этапы и критерии	151
<i>Толстенева А. А., Галкина Е. Н.</i> Этапы формирования коммуникативных умений специалистов сферы обслуживания	157
<i>Забельская Т. В.</i> Роль народного искусства в нравственном воспитании детей дошкольного возраста	165
<i>Косникова А. Ю.</i> Модель формирования профессиональной компетентности будущих переводчиков в процессе обучения переводу	172
<i>Варникова О. В.</i> Содержательные и технологические характеристики иноязычной подготовки в техническом вузе.....	179
<i>Яремко Н. Н., Краснова О. В.</i> Система формирования критериально-корректностной компетентности математиков: качественное структурирование процесса и межпредметная интеграция	189
<i>Агаева А. В.</i> Технология формирования коммуникативной готовности студентов, обучающихся по юридическим специальностям	202
<i>Дорофеев С. Н.</i> Индивидуальные траектории обучения как средство организации математической деятельности	210
<i>Мамедова С.</i> Роль теоретических знаний об азербайджанском музыкальном инструменте ганун (канон) в процессе обучения	218

**UNIVERSITY PROCEEDINGS
VOLGA REGION**

HUMANITIES

№ 1 (25)

2013

CONTENTS

HISTORY

<i>Karnishin V. Yu.</i> 300 th anniversary of Romanov dynasty: behind the scenes of official celebration	5
<i>Belorybkin G. N.</i> The culture of everyday life of Volga bulgar population (historiography aspect)	11
<i>Zhaboedov-Gospodarets V. P.</i> Legal status characteristics of the grand Duchy of Finland according to the periodical press of the early XXth century	17
<i>Varentsova L. Yu., Varentsov S. Yu.</i> Nizhy Novgorod-Tyumen exile route in the XIXth – early XXth century	32
<i>Kalugin P. A.</i> Court system reform in programs of liberal parties of Russia in the early XXth century	44
<i>Zakharova L. B.</i> Renovasionist schism of the russian orthodox church in 1920s	52

PHILOSOPHY

<i>Isaeva O. S., Kosharnyy V. P.</i> Historical and philosophical premises of the eurasian doctrine	59
<i>Arutyunyan K. S.</i> Changes in social consciousness in conditions of social crisis (social-philosophical aspect)	73
<i>Sharovskaya A. V.</i> Specificity of personality self-fulfillment in the semantic context of the modern consumer society	80
<i>Rozenberg N. V.</i> Creative potential of Everyday life: philosophical analysis	88
<i>Maslyanka Yu. V.</i> Sense and senseless time: strategy of russian society modernization	93

PHILOLOGY

<i>Urzhumova A. A.</i> Peculiarities of using brief and full names with -ЪН- suffix in ancient russian language (on the basis of annalistic and gospel texts).....	101
<i>Zhatkin D. N., Bobyleva S. V.</i> On the issue of Byronic motives and traditions of works by G. G. Byron in poems by I. I. Kozlov	112
<i>Kasimova G. K.</i> On the issue of mutation and modification values of the semantic paradigm of substantives with -ник/-ниц(а) suffixes	119
<i>Levina M. A.</i> Organizational principles for secondary legal terminologies.....	126
<i>Kruglova T. S.</i> Specificity of addressing in «Zoloto v lazuri» poems collection by Andrey Belyi	132

PEDAGOGY

<i>Meshcheryakov A. S., Kupriyanova G. S.</i> Competence and modularity as the vectors for renewal of engineering specialists professional training: innovative aspect (part 1).....	140
<i>Razuvaev S. G.</i> Professional socialization of a future engineering specialist in conditions of multilevel educational complex: levels, efficiency conditions, stages and criteria.....	151
<i>Tolsteneva A. A., Galkina E. N.</i> Formation stages of service specialist's communicative skills	157
<i>Zabel'skaya T. V.</i> The role of folk art in the moral education of preschool children	165
<i>Kosnikova A. Yu.</i> Model of future interpreters' professional competences formation in the process of translation studies.....	172
<i>Varnikova O. V.</i> Substantial and technological characteristics of foreign language studies in a technical university	179
<i>Yaremko N. N., Krasnova O. V.</i> Formation System for criteria-correctness competence of mathematicians: qualitative structuring of the process and interdisciplinary integration	189
<i>Agaeva A. V.</i> Technology of developing communicative readiness in students of law	202
<i>Dorofeev S. N.</i> Individual education trajectories as means for mathematical activity organization	210
<i>Mamedova S.</i> The importance of theoretical knowledge of the Azerbaijan musical instrument (kanon) in the educational process	218

УДК 94 (470)

В. Ю. Карнишин

300-ЛЕТИЕ ДОМА РОМАНОВЫХ: ЗА ФАСАДОМ ОФИЦИАЛЬНОГО ПРАЗДНОВАНИЯ

Аннотация. Рассмотрены особенности историографической ситуации исследования последнего крупного национального праздника позднеимперской России. Автором использованы воспоминания современников, статьи периодических изданий с целью выяснить специфику восприятия событий 1913 г., демонстрировавших сохранение социокультурного раскола российского общества.

Ключевые слова: 300-летие династии Романовых, Николай II, правительство, историография, духовенство, кинематограф.

V. Yu. Karnishin

300th ANNIVERSARY OF ROMANOV DYNASTY: BEHIND THE SCENES OF OFFICIAL CELEBRATION

Abstract. The article considers the features of historiography situation of the last national holiday of late imperial Russia. The author adduces the memories of contemporaries, articles of periodic editions to know the specificity of perception of events in 1913, which demonstrate preservation of social-culture split of the Russian community.

Key words: 300th anniversary of Romanov dynasty, Nikolay II, government, historiography, clergy, cinema.

Юбилей династии Романовых стал последним праздником, отмеченным столь широко в позднеимперской России. Масштаб официальных мероприятий был достаточно впечатляющим и привлек внимание современников [1]. Между тем изучение данного сюжета позволяет осмыслить феномен монархического массового сознания и отражение его в деятельности властных структур в центре и на периферии. Следует отметить и роль юбилея в общей цели официальных празднеств начала XX в. Наконец, важно рассмотреть и восприятие реалий развития страны современниками событий.

Изучение феномена юбилея дома Романовых стало одной из особенностей современной историографии. На протяжении десятилетий советской эпохи данный сюжет оказывался в своеобразной зоне умолчания. Фундаментальное исследование американского историка Р. Уортмана [2] стало подлинным прорывом в исследовании символики придворных церемониалов, системы мифов, определявших облик царя. Пристальный интерес Николая II к событиям XVII в. был далеко не случаен. По мнению Р. Уортмана, торжества 1913 г. убедили императора, что в национальном мире у него была особая роль – быть последователем царя Михаила, и уверили его в успехе миссии – восстановление личного самодержавия [2, т. 2, с. 711].

Подобная убежденность, как полагали современники, отражала особенности политического мирозерцания Николая II. Рассуждая о них, петербургский историк С. В. Куликов в своей статье приводил ряд свидетельств хорошо знавших царя государственных деятелей. Речь шла о достаточно четко проявлявшихся вотчинных элементах («он считал себя главой своего народа или как бы крупным помещиком»): отчетливым сознанием лежащего на нем долга перед своими подданными («он был проникнут чувством ответственности и не хотел, чтобы эта ответственность перекадывалась на другие плечи») [3, с. 271]. Проблема исторической ответственности последнего императора по-прежнему нуждается в тщательном изучении. Как полагает А. Н. Боханов, Николая II особенно мучила нравственная дихотомия: он готов был уступить часть своей властной прерогативы, но не мог допустить посторонних вторжений в сферу личных отношений его и Бога и потому в итоге, отказавшись от «неограниченности», однозначно высказался за сохранение второго предиката царского титула – самодержец [4, с. 326].

Вместе с тем реалии XX в. порождали новые противоречия, оказавшиеся в конфликте с мировоззрением императора, трагедией семьи (болезнь наследника) и являвшиеся проблесками будущих потрясений. Увлеченность Николая II ценностями допетровской Руси оказывалась уходом от реалий наступившего столетия. Рассуждая об этих процессах, Н. А. Бердяев прозорливо отмечал: «Для России представляет большую опасность увлечение органически-народными идеалами, идеализацией старой русской стихийности, старого русского уклада народной жизни, упоенными натуральными свойствами русского характера. Такая идеализация имеет фатальный уклон в сторону революционного мракобесия» [5, с. 54]. Идеализация минувших традиций в совокупности с сакрализацией власти определила содержание празднования 300-летия Дома Романовых. Не представляется необходимым давать описание торжеств, проходящих в стране на протяжении 1913 г., ввиду издания многочисленных книг, брошюр, альбомов [6–10]. Судьба ряда изданий была непростой.

В начале января 1913 г. читателем и государственным деятелем Д. Г. Булгаковским была издана брошюра, посвященная юбилею династии Романовых [11]. Однако после того как она увидела свет, Комитет по делам печати направил столичному градоначальнику официальное письмо, в котором говорилось, что в брошюре усмотрены признаки преступления на основании ст. 1213 «Устава уголовного судопроизводства». Как оказалось, преступление автора заключалось в том, что брошюра была издана без разрешения Министерства Императорского Двора, и предусмотрено ч. 2 ст. 1024 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», в которой указывалось, что виновные подвергаются денежному взысканию до трехсот рублей и аресту до трех месяцев [12, с. 197–198].

Далекий от политики Д. Г. Булгаковский опубликовал еще одну брошюру «Живем ли мы по-христиански» [13]. Автор с болью констатировал усиление кризисных явлений как в церкви, так и в русском обществе. Ощущение близости трагедии стало лейтмотивом в среде части духовенства. В воспоминаниях содержатся важные наблюдения о состоянии церкви в 1910-х гг.: «Положение ее (церкви – В. К.) было весьма сложное. По сущности своей, христианская церковь скорее антиреволюционная. А положение духовенства среди народа, с одной стороны, а властей и господ, со второй,

заставляло ее быть более сдержанной. Кроме того, мы (особенно епископы, городское духовенство, а отчасти и все вообще) все же были не бедняками, а буржуазным классом. Да если бы кто и думал иначе, он, чисто по пасторской педагогике, обязан был быть благоразумным: легко разжечь недобрые инстинкты в человеке, а как трудно потом их утишать!» [14].

Заслуживает внимания и оценка мемуаристом влияния празднования 300-летия династии Романовых на общество: «Воодушевления у народа не было. А уж про интеллигентный класс и говорить нечего. Церковь тоже лишь официально принимала обычное участие в некоторых торжествах. По-видимому, торжество предназначалось к поднятию монархических чувств против будто бы убитой революции. Но это не удалось. И вся эта затея была тоже искусственной... Ясно, что идея 1913 года в подпочве своей имела робкое сознание озлобления царской идеологии не только среди интеллигенции, но и в массах. И понятно, что торжества были малоторжественны: отбывалась временная повинность [14].

Небезынтересно отметить близость суждений и В. Н. Коковцова, прибывшего на торжество в Нижний Новгород с министром путей сообщений С. В. Рухловым. Общее впечатление выражалось сдержанной характеристикой атмосферы в городе – «очень тусклого и слабого проявления скорее любопытства, нежели истинного подъема в настроении новгородской толпы» [15, с. 170]. Достаточно сдержанным было и мнение о праздничной Москве: «Ничем не выдающееся... пребывание государя в Москве... Праздничные дни пролетали быстро, не оставив после себя заметного следа. Внешне, конечно, все было чинно и торжественно, но, по существу, у меня осталось какое-то чувство пустоты. Не то вообще было мало действительного подъема, не то в самом мне был сознательный страх за близкое будущее, и повседневные заботы о том, что готовит нам наступающий день, и как удастся предотвратить мировую катастрофу, поглощала все мое внимание» [15, с. 170–171].

За фасадом торжеств оставалась набиравшая силу конфликтогенность на Балканах. В беседе с В. Н. Коковцовым Николай II был довольно оптимистичен, возлагая надежды как на стабилизацию на Ближнем Востоке, так и на прагматизм германского кайзера Вильгельма. При этом император заявил, что «верит в искреннее желание Вильгельма не допустить до развития европейского пожара...» [15, с. 172].

Министр иностранных дел С. Д. Сазонов, озабоченный эскалацией Второй Балканской войны, оставил короткие воспоминания о торжествах, упомянув о «глубоко и неподдельно национальном настроении, которое переживала вся Россия, за исключением худосочных элементов своей интеллигенции, во дни московских и костромских торжеств, связанных с празднованием трехсотлетнего юбилея дома Романовых, создавшего современную Россию со всей ее былой славой и со всеми ее безбрежными возможностями и процветанием [16, с. 101]. Встреча министра с императором состоялась в дни празднования в Кремлевском дворце. Замысел С. Д. Сазонова заключался в том, чтобы убедить глав государств – Сербии и Болгарии – прекратить войну. В результате усилий России, по словам министра, позволили заключить Бухарестский мир, оказавшийся «только пластырем, наклепленным на незамеченные балканские язвы...» [16, с. 110].

Достаточно незаметным стало участие в торжествах депутатов IV Государственной Думы. Было бы неточным делать вывод об исключительно

пренебрежительном отношении императора к депутатскому корпусу. Думается, все обстояло сложнее. С. Л. Фирсов аргументированно утверждает о том, что, «участвуя в праздновании юбилеев исторических событий, царь воспринимал себя как полнокровного представителя русского народа и династии, а сами юбилеи – как личные праздники» [17, с. 304]. Неудивительно, что на Бородинские торжества депутаты не получили приглашений. А на службе в Казанском соборе 21 февраля 1913 г. место, выделенное для Председателя Государственной Думы М. В. Родзянко, оказалось занято Г. Распутиным, не приглашенным на молебен. После безуспешных попыток М. В. Родзянко потребовать освободить для него место ему пришлось применить силу: стащить с кресла и нанести несколько ударов под ребра [18, с. 61].

Новым явлением в культуре позднеимперской России стал кинематограф. Документальные кадры, запечатлевшие церемонию коронации Николая II, были достаточно известными публике. К 1913 г. кинотеатры появились в крупных городах. В столице их насчитывалось 134, а в Москве – 67 [19]. Надо полагать, что император отдавал предпочтение фотографии, но кино как инструмент пропаганды не встречало интереса как у главы государства, так и у его окружения. И хотя для съемок киноленты «Трехсотлетие царствования дома Романовых» было получено разрешение главы государства [20, с. 23], судя по публикациям, финансовая поддержка властями не была оказана. Это косвенно подтверждается и тем фактом, что заказчиком фильма выступило Лефортовское отделение дамского попечительства о бедных в Москве [21, с. 24].

Владелец кинематографической фабрики А. О. Дранков после показа картины императору и его семье 16 февраля 1913 г. свидетельствовал о том, что, помимо высказанных общих замечаний и пожеланий, глава государства не проявил особого интереса к перспективам развития киноискусства. Достаточно сложно судить о популярности фильма, в котором снимался известный актер М. П. Чехов. «Кине-журнал» в небольшой заметке сообщил об отсутствии успеха картины в среде московской публики, в то время как в провинции сеансы проходили с большим успехом [22, с. 17].

Конкурент А. О. Дранкова – А. А. Ханжонков, получив поддержку французской фирмы Пате, снял свою киноверсию событий 300-летней давности с участием блестящих актеров – И. Мозжухина, А. Гончаровой, В. Степанова, А. Громова. По окончании романовских торжеств А. А. Ханжонков первым из российских кинематографистов был пожалован орденом Святого Святослава 2-й степени [23].

Обращение к изучению событий, оставшихся за фасадом торжеств, посвященных 300-летию династии Романовых, позволяет сделать вывод о расхождении между официозом праздничных мероприятий и палитрой их восприятия как в среде верхов бюрократии, так и представителями различных социальных групп. Сохраняющийся социокультурный режим в обществе отражался и в восприятии юбилея Николаем II. Понимание им своей миссии, долга все более отторгалось реалиями нового столетия, которые требовали переосмысления проводившейся политики.

Список литературы

1. **Рубанков, К. С.** Празднование 300-летия дома Романовых (1913 г.) в воспоминаниях членов династии и их приближенных / К. С. Рубанков // II Романовские чтения «Центр и провинция в системе российской государственности»: материа-

- лы науч. конф. (г. Кострома, 26–27 марта 2009 г.) / сост. и науч. ред. А. М. Белов, А. В. Новиков. – Кострома, 2009.
2. **Уортман, Р.** Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. / Р. Уортман. – М. : ОГИ, 2004.
 3. **Куликов, С. В.** Император Николай II в годы Первой мировой войны / С. В. Куликов // Английская набережная, 4 : ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. 2000 г. – СПб. : Лики России, 2000.
 4. **Боханов, А. Н.** Самодержавие. Идея царской власти / А. Н. Боханов. – М. : Русское слово, 2002.
 5. **Бердяев, Н. А.** Судьба России / Н. А. Бердяев. – М. : Советский писатель, 1990.
 6. Романовские торжества // Нива. – 1913. – № 24.
 7. Празднование 300-летия Дома Романовых в Нижнем Новгороде // Нива. – 1913. – № 23.
 8. Торжества празднования Дома Романовых в Костроме // Нива. – 1913. – № 24.
 9. Пребывание их императорского величества в Ярославской губернии в лето 1913-е месяца мая в 21–23 день. Юбилейный альбом. – Ярославль, б. г.
 10. **Баженов, И. В.** Юбилейный альбом в память 300-летия Дома Романовых: Исторический очерк / И. В. Баженов. – СПб., 1913.
 11. **Булгаковский, Д. Г.** Трехсотлетие царствования Дома Романовых [Объяснительный текст к световым картинам, относящийся к 300-летию юбилею царствования Дома Романовых] / Д. Г. Булгаковский. – СПб., 1913.
 12. **Щеглов, Г. Э.** Печальник о благе народном. Жизнь и литературные труды Дмитрия Гавриловича Булгаковского / Г. Э. Щеглов. – Минск : Белорусский Экзархат, 2009.
 13. **Булгаковский, Д. Г.** Живем ли мы по-христиански? Апология христианства по поводу 1600-летнего торжества христианской веры / Д. Г. Булгаковский. – СПб., 1913.
 14. **Вениамин (Федченков), митр.** Между верой и безверием / Вениамин (Федченков), митр. – URL: <http://www.pravbeseda.ru/library/index/php?>
 15. **Коковцов, В. Н.** Из моего прошлого воспоминания 1903–1919 гг. Т. II / В. Н. Коковцов. – Париж, 1933.
 16. **Сазонов, С. Д.** Воспоминания / С. Д. Сазонов. – Минск : Харвест, 2002.
 17. **Фирсов, С. Л.** Николай II: пленник самодержавия / С. Л. Фирсов. – М. : Молодая гвардия, 2010.
 18. **Сукина, Л. Б.** «Золотое» столетие династии Романовых. Между империей и семьей / Л. Б. Сукина. – СПб. : Питер, 2008.
 19. **Изволов, Н. А.** Кино в 2013 году / Н. А. Изволов // Однако. – 2013. – № 1. – С. 24.
 20. История царствования Дома Романовых // Синема-фильм. – 2013. – № 8.
 21. Синема-фильм. – 2013. – № 12.
 22. Кине-журнал. – 1913. – № 4.
 23. **Рогова, В.** Синема – яблоко раздора / В. Рогова // Литературная Россия. – 2007. – № 22. – 1 июня.

References

1. **Rubankov, K. S.** Prazdnovanie 300-letiya doma Romanovykh (1913 g.) v vospominaniyakh chlenov dinastii i ikh priblizhennykh / K. S. Rubankov // II Romanovskie chteniya «Tsentr i provintsiya v sisteme rossiyskoy gosudarstvennosti» : materialy nauch. konf. (g. Kostroma, 26–27 marta 2009 g.) / sost. i nauch. red. A. M. Belov, A. V. Novikov. – Kostroma, 2009.
2. **Uortman, R.** Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoy monarkhii : v 2 t. / R. Uortman. – M. : OGI, 2004.
3. **Kulikov, S. V.** Imperator Nikolay II v gody Pervoy mirovoy voyny / S. V. Kulikov // Angliyskaya naberezhnaya, 4 : ezhegodnik Sankt-Peterburgskogo nauchnogo obshchestva istorikov i arkhivistov. 2000 g. – SPb. : Liki Rossii, 2000.

4. **Bokhanov, A. N.** Samoderzhavie. Ideya tsarskoy vlasti / A. N. Bokhanov. – M. : Russkoe slovo, 2002.
5. **Berdyayev, N. A.** Sud'ba Rossii / N. A. Berdyayev. – M. : Sovetskiy pisatel', 1990.
6. Romanovskie torzhestva // Niva. – 1913. – № 24.
7. Prazdnovanie 300-letiya Doma Romanovykh v Nizhnem Novgorode // Niva. – 1913. – № 23.
8. Torzhestva prazdnovaniya Doma Romanovykh v Kostrome // Niva. – 1913. – № 24.
9. Prebyvanie ikh imperatorskogo velichestva v Yaroslavskoy gubernii v leto 1913-e mesyatsa maya v 21–23 den'. Yubileynny al'bom. – Yaroslavl', b. g.
10. **Bazhenov, I. V.** Yubileynny al'bom v pamyat' 300-letiya Doma Romanovykh: Istoricheskiy ocherk / I. V. Bazhenov. – SPb., 1913.
11. **Bulgakovskiy, D. G.** Trekhsotletie tsarstvovaniya Doma Romanovykh [Ob'yasnitel'nyy tekst k svetovym kartinam, odnosyashchiysya k 300-letnemu yubileyu tsarstvovaniya Doma Romanovykh] / D. G. Bulgakovskiy. – SPb., 1913.
12. **Shcheglov, G. E.** Pechal'nik o blage narodnom. Zhizn' i literaturnye trudy Dmitriya Gavrilovicha Bulgakovskogo / G. E. Shcheglov. – Minsk : Belorusskiy Ekzarkhat, 2009.
13. **Bulgakovskiy, D. G.** Zhivem li my po-khristianski? Apologiya khristianstva po povodu 1600-letnego torzhestva khristianskoy very / D. G. Bulgakovskiy. – SPb., 1913.
14. **Veniamin (Fedchenkov), mitr.** Mezhdou veroy i bezveriem / Veniamin (Fedchenkov), mitr. – URL: <http://www.pravbeseda.ru/library/index/php?>
15. **Kokovtsov, V. N.** Iz moego proshlogo vospominaniya 1903–1919 gg. T. II / V. N. Kokovtsov. – Parizh, 1933.
16. **Sazonov, S. D.** Vospominaniya / S. D. Sazonov. – Minsk : Kharvest, 2002.
17. **Firsov, S. L.** Nikolay II: plennik samoderzhaviya / S. L. Firsov. – M. : Molodaya gvardiya, 2010.
18. **Sukina, L. B.** «Zolotoe» stoletie dinastii Romanovykh. Mezhdou imperiey i sem'ey / L. B. Sukina. – SPb. : Piter, 2008.
19. **Izvolov, N. A.** Kino v 2013 godu / N. A. Izvolov // Odnako. – 2013. – № 1. – S. 24.
20. Istoriya tsarstvovaniya Doma Romanovykh // Sinema-fil'm. – 2013. – № 8.
21. Sinema-fil'm. – 2013. – № 12.
22. Kine-zhurnal. – 1913. – № 4.
23. **Rogova, V.** Sinema – yabloko razdora / V. Rogova // Literaturnaya Rossiya. – 2007. – № 22. – 1 iyunya.

Карнишин Валерий Юрьевич

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории
Отечества, государства и права,
Пензенский государственный
университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: valerykarnishin@mail.ru

Karnishin Valeriy Yur'evich

Doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of history
of Russia, state and law, Penza
State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

УДК 94 (470)

Карнишин, В. Ю.

300-летие дома Романовых: за фасадом официального празднования / В. Ю. Карнишин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 5–10.

*Г. Н. Белорыбкин***КУЛЬТУРА БЫТА НАСЕЛЕНИЯ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ
(ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Аннотация. Анализируется эволюция бытоописательной истории Волжской Булгарии, раскрываются причины ее исчезновения в XX в. и необходимость ее возрождения. Дается оценка результатов изучения истории региона по археологическим, антропологическим и письменным источникам.

Ключевые слова: культура быта, археология, Волжская Булгария.

*G. N. Belorybkin***THE CULTURE OF EVERYDAY LIFE OF VOLGA BULGAR
POPULATION (HISTORIOGRAPHY ASPECT)**

Abstract. The article is devoted to the analysis of evolution of the life-descriptive history of Volga Bulgar and reveals the cause of its disappearance in the XXth century and the necessity of its revival. There is an assessment of historical research results about the region according to archeological, anthropological and graphical sources.

Key words: culture of life, archeology, Volga Bulgar.

Более ста лет культура быта¹ Волжской Булгарии оставалась за пределами внимания исследователей. Она прошла сложный путь от описательного состояния в конце XIX в., через стадию раздробления на многочисленные частные направления, к исторической беллетристике в конце XX в. В начале XXI в. появилась уникальная возможность снова вернуться к культуре быта уже на более высоком научном уровне, благодаря достижениям отечественной и мировой археологии, истории и лингвистике.

К первым представителям бытоописательного направления в болгаристике можно отнести педагога, археолога, активного члена Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете Петра Алексеевича Пономарева (1847–1919). При этом круг его интересов был довольно широким, и культура быта в его деятельности была не самой главной [1]. Собственно на этом можно было бы и закончить историографию вопроса, так как последователей этого направления не оказалось. Однако для нас важно понять причину этого явления и определить состояние проблемы на сегодняшний день.

В своих трудах П. А. Пономарев, анализируя различный археологический материал, связывал его с историческими и лингвистическими данными, тем самым показывая предназначение раскопанных вещей и объектов [2, 3].

Пик его творчества пришелся на рубеж XIX–XX вв., когда многие ученые уделяли огромное внимание именно бытовой стороне в исторических

¹ Быт – уклад повседневной жизни, включающий удовлетворение материальных потребностей людей, общение, отдых, развлечения (общественный, национальный, городской, сельский, семейный, индивидуальный быт). Складывается и изменяется под влиянием материального производства, общественных отношений, уровня культуры, а также географических условий. (См.: Российский энциклопедический словарь. – М., 2000. – С. 216).

построениях. Основу этого движения заложил А. С. Уваров и оформил его путем организации российских археологических съездов [4]. Наиболее ярким выразителем «бытоописательной археологии», а также истории и культуры в России можно назвать И. Е. Забелина, в трудах которого были сформулированы основные методические принципы исследования культуры быта [5]. Впрочем, по мнению Г. С. Лебедева, «труд И. Е. Забелина, подводивший итоги достижениям «бытоописательской археологии», продемонстрировал *исчерпанность ее возможностей*» [6, с. 187].

Однако востребованность в исследованиях подобного рода была столь велика, что, несмотря на критику как современников, так и нынешних исследователей, бытоописательская археология в разной степени присутствовала в трудах таких выдающихся исследователей, как преподаватель Санкт-Петербургского университета А. А. Спицын [7], казанский коллекционер А. Ф. Лихачев [8, 9], профессор Казанского университета И. Н. Смирнов [10]. Однако уже с конца XIX в. все большее значение стали приобретать узконаправленные исследования, а бытоописательное направление подвергалось критике и объявлялось тупиковым.

Подобные суждения основывались на том, что в связи с отсутствием четкой хронологии и малочисленностью материальных источников объединялись совершенно разновременные и разнокультурные события и процессы. Так, например, бытовая культура скифов и славян рассматривалась как культура единого народа, хотя их разделяют сотни столетий [6, с. 184]. Все это было порождено огромным желанием реконструировать историю и недостатком источниковой базы.

В настоящее время наблюдается похожая картина смещения времен и народов в публицистической литературе по исторической тематике [11, 12]. В то же время благодаря масштабным исследованиям археологов, историков, лингвистов, специалистов естественно-научных дисциплин выстроена стройная картина развития истории и обоснованы культурные особенности разных племен и народов.

Это прежде всего результаты работы таких исследователей, как А. Х. Халиков [13, 14], Д. Исхаков [15] (в области этнической истории болгар), Ю. А. Краснов [16] (сельское хозяйство), Ф. Ш. Хузин [17], Т. А. Хлебникова [18], И. Н. Васильева [19], Ю. А. Семькин [20], С. И. Валиуллина [21], Г. Ф. Полякова [22], К. А. Руденко [23], Е. П. Казаков [24] (ремесло), А. М. Белавин [25], Р. М. Валеев [26], А. Г. Мухамадиев [27] (торговля), И. Л. Измайлов [28], А. М. Губайдуллин [29] (военное дело), М. Д. Полубояринова [30], Е. А. Халикова [31] (религиозные верования), и других.

В то же время продолжали появляться и работы обобщающего характера, которые упоминали отдельные аспекты бытовой культуры волжских болгар. Это прежде всего труды А. П. Смирнова [32], А. Х. Халикова [33], Р. Г. Фахрутдинова [34], Ф. Ш. Хузина [35]. В книге Ф. Ш. Хузина к тому же собрана наиболее полная библиография по изучению различных аспектов Волжской Булгарии.

Все это позволяет снова повернуться лицом к бытоописанию, но уже на основе детальной хронологии и с использованием огромного числа археологических источников. Однако сложившиеся за прошлое столетие традиции не позволяют подняться над специализированными исследованиями и раскрыть историю через бытовую культуру человека.

Историография бытовой культуры требует анализа не только археологических, но и письменных источников.

Первые сведения о бытовой стороне жизни болгар можно получить из болгарской мифологии. Для средневековых болгар повседневная жизнь рядового человека была подчинена ритуалам и требовала определенной почтительности к одушевленному окружающему миру. Различные «табу» регламентировали повседневную жизнь. Остатки таких представлений сохранились в этнографическом материале. Основой болгарской исторической традиции были исторические предания и родословные. Сведения о культуре болгар содержат сочинения путешественников. В частности, Ибн-Фадлан оставил описание некоторых сторон жизни многих народов Поволжья, в том числе и болгар [36].

Важным источником сведений о болгарях и одновременно, одним из самых ранних, информативных и очень сложных является «восточная» арабомусульманская историко-географическая литература. Она представлена произведениями арабо- и персоязычных авторов [37].

Практически каждое сообщение восточных источников по болгарам является результатом многочисленных пересказов и компиляций (учитывая то, что первоисточник сообщения может быть только реконструирован) и несет на себе следы авторской правки с прибавлением разновременных и неродственных данных. Это требует чрезвычайно осторожного подхода к этим материалам и специального источниковедческого анализа в каждом случае. Однако для восстановления картины быта подобные источники являются очень важными.

Сведения о болгарях, по данным письменных источников, не раз анализировались и наиболее полно изложены в работах Б. Н. Заходера [37] и Ф. Ш. Хузина [35].

Изучение истории Волжской Булгарии, таким образом, прошло закономерный путь специализированных исследований и подошло к этапу междисциплинарных обобщений. Об этом свидетельствует ряд монографических работ последнего времени, но везде по-прежнему преобладает вещеведческий подход. Пора вернуться к человеку.

Список литературы

1. **Руденко, К. А.** Археология Волжской Булгарии. Историография и история изучения (X–XX вв.) : учеб. пособие / К. А. Руденко. – Казань : РИЦ «Школа», 2008. – С. 158–161.
2. **Пономарев, П. А.** Данные о городах Камско-Волжской Булгарии (Археологические заметки). Ошель и его следы / П. А. Пономарев // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 1892. – Т. X, вып. 3. – С. 273–288.
3. **Пономарев, П. А.** Данные о городах Камско-Волжской Булгарии: Булгарский город Кашан / П. А. Пономарев // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 1893. – Т. XI, вып. 2. – С. 111–138.
4. **Уваров, А. С.** Археология России. Каменный период / А. С. Уваров. – М., 1881.
5. **Забелин, И. Е.** История русской жизни с древнейших времен / И. Е. Забелин. – М., 1876. – Т. 1 ; 1879. – Т. 2.
6. **Лебедев, Г. С.** История отечественной археологии 1700–1917 гг. / Г. С. Лебедев. – СПб. : Изд-во СПб ун-та, 1992.

7. **Спицын, А. А.** Расселение древнерусских племен по археологическим данным / А. А. Спицын // Журнал Министерства народного просвещения. – 1899. – Вып. VIII. – С. 301–340.
8. **Лихачев, А. Ф.** Бытовые памятники Великой Булгарии / А. Ф. Лихачев // Труды II Археологического съезда. – СПб., 1876. – Вып. 1. – С. 1–50.
9. **Лихачев, А. Ф.** Скифский след на Билярской почве / А. Ф. Лихачев // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 1884. – Т. V.
10. **Смирнов, И. Н.** Волжские болгары / И. Н. Смирнов // Книга для чтения по русской истории. – М., 1904. – Т. 1. – С. 64–80.
11. **Носовский, Г. В.** Новая хронология Руси / Г. В. Носовский, А. Т. Фоменко. – М. : Факториал, 1997.
12. **Бушков, А.** Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы / А. Бушков. – М. : Олимп-АСТ, 1997.
13. **Халиков, А. Х.** Происхождение татар Поволжья и Приуралья / А. Х. Халиков. – Казань, 1978. – 160 с.
14. **Халиков, А. Х.** Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья : учеб. пособие / А. Х. Халиков. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1991. – 108 с.
15. **Исхаков, Д. М.** Этнографические группы татар Волго-Уральского региона / Д. М. Исхаков. – Казань, 1993. – 173 с.
16. **Краснов, Ю. А.** Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы / Ю. А. Краснов. – М., 1987. – 236 с.
17. **Хузин, Ф. Ш.** Булгарский город в X – начале XIII вв. / Ф. Ш. Хузин. – Казань, 2001. – 480 с.
18. **Хлебникова, Т. А.** Керамика памятников Волжской Болгарии / Т. А. Хлебникова. – М., 1984. – 240 с.
19. **Васильева, И. Н.** Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. / И. Н. Васильева. – Екатеринбург, 1993. – 245 с.
20. **Семыкин, Ю. А.** Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище / Ю. А. Семыкин // Город Болгар. – Казань, 1996. – С. 89–153.
21. **Валиуллина, С. И.** Стекло Волжской Болгарии / С. И. Валиуллина. – Казань, 2005. – 280 с.
22. **Полякова, Г. Ф.** Изделия из цветных и драгоценных металлов / Г. Ф. Полякова // Город Болгар. – Казань, 1996. – С. 154–268.
23. **Руденко, К. А.** Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. / К. А. Руденко. – Казань, 2000. – 156 с.
24. **Казаков, Е. П.** Булгарское село X–XIII веков низовий Камы / Е. П. Казаков. – Казань, 1991. – 176 с.
25. **Белавин, А. М.** Камский торговый путь: средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях / А. М. Белавин. – Пермь, 2000. – 200 с.
26. **Валеев, Р. М.** Торговля и торговые пути Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья (IX – начало XV в.) / Р. М. Валеев. – Казань, 2007. – 392 с.
27. **Мухамадиев, А. Г.** Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. / А. Г. Мухамадиев. – М., 1983. – 188 с.
28. **Измайлов, И. Л.** Вооружение и военное дело населения Волжской Болгарии X – начала XIII вв. / И. Л. Измайлов. – Казань ; Магадан, 1997. – 214 с.
29. **Губайдуллин, А. М.** Фортификация городищ Волжской Болгарии / А. М. Губайдуллин. – Казань, 2002. – 232 с.
30. **Полубояринова, М. Д.** Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. / М. Д. Полубояринова. – М., 1993. – 123 с.
31. **Халикова, Е. А.** Мусульманские некрополи Волжской Болгарии X – начала XIII в. / Е. А. Халикова. – Казань : Изд-во КГУ, 1986. – 160 с.
32. **Смирнов, А. П.** Волжские болгары / А. П. Смирнов. – М., 1951. – 275 с.

33. **Халиков, А. Х.** Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья / А. Х. Халиков. – Казань, 2011. – 336 с.
34. **Фахрутдинов, Р. Г.** Очерки по истории Волжской Булгарии / Р. Г. Фахрутдинов. – М., 1984. – 216 с.
35. **Хузин, Ф. Ш.** Ранние булгары и Волжская Булгария : учеб. пособие для вузов / Ф. Ш. Хузин. – Казань, 2006. – 582 с.
36. **Ковалевский, А. П.** Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. / А. П. Ковалевский. – Харьков, 1956. – 347 с.
37. **Заходер, Б. Н.** Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. / Б. Н. Заходер. – М., 1962. – Т. 1.

References

1. **Rudenko, K. A.** Arkheologiya Volzhskoy Bulgarii. Istoriografiya i istoriya izucheniya (X–XX vv.) : ucheb. posobie / K. A. Rudenko. – Kazan' : RITs «Shkola», 2008. – S. 158–161.
2. **Ponomarev, P. A.** Dannye o gorodakh Kamsko-Volzhskoy Bulgarii (Arkheologicheskie zametki). Oshel' i ego sledy / P. A. Ponomarev // Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. – 1892. – Т. X, vyp. 3. – S. 273–288.
3. **Ponomarev, P. A.** Dannye o gorodakh Kamsko-Volzhskoy Bulgarii: Bulgarskiy gorod Kashan / P. A. Ponomarev // Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. – 1893. – Т. XI, vyp. 2. – S. 111–138.
4. **Uvarov, A. S.** Arkheologiya Rossii. Kamennyi period / A. S. Uvarov. – М., 1881.
5. **Zabelin, I. E.** Istoriya russkoy zhizni s drevneyshikh vremen / I. E. Zabelin. – М., 1876. – Т. 1 ; 1879. – Т. 2.
6. **Lebedev, G. S.** Istoriya otechestvennoy arkheologii 1700–1917 gg. / G. S. Lebedev. – SPb. : Izd-vo SPb un-ta, 1992.
7. **Spitsyn, A. A.** Rasselenie drevnerusskikh plemen po arkheologicheskim dannym / A. A. Spitsyn // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. – 1899. – Vyp. VIII. – S. 301–340.
8. **Likhachev, A. F.** Bytovye pamyatniki Velikoy Bulgarii / A. F. Likhachev // Trudy II Arkheologicheskogo s"ezda. – SPb., 1876. – Vyp. 1. – S. 1–50.
9. **Likhachev, A. F.** Skifskiy sled na Bilyarskoy pochve / A. F. Likhachev // Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. – 1884. – Т. V.
10. **Smirnov, I. N.** Volzhskie bolgary / I. N. Smirnov // Kniga dlya chteniya po russkoy istorii. – М., 1904. – Т. 1. – S. 64–80.
11. **Nosovskiy, G. V.** Novaya khronologiya Rusi / G. V. Nosovskiy, A. T. Fomenko. – М. : Faktorial, 1997.
12. **Bushkov, A.** Rossiya, kotoroy ne bylo: zagadki, versii, gipotezy / A. Bushkov. – М. : Olimp-AST, 1997.
13. **Khalikov, A. Kh.** Proiskhozhdenie tatar Povolzh'ya i Priural'ya / A. Kh. Khalikov. – Kazan', 1978. – 160 s.
14. **Khalikov, A. Kh.** Osnovy etnogeneza narodov Srednego Povolzh'ya i Priural'ya : ucheb. posobie / A. Kh. Khalikov. – Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 1991. – 108 s.
15. **Iskhakov, D. M.** Etnograficheskie gruppy tatar Volgo-Ural'skogo regiona / D. M. Iskhakov. – Kazan', 1993. – 173 s.
16. **Krasnov, Yu. A.** Drevnie i srednevekovye pakhotnye orudiya Vostochnoy Evropy / Yu. A. Krasnov. – М., 1987. – 236 s.
17. **Khuzin, F. Sh.** Bulgarskiy gorod v X – nachale XIII vv. / F. Sh. Khuzin. – Kazan', 2001. – 480 s.
18. **Khlebnikova, T. A.** Keramika pamyatnikov Volzhskoy Bulgarii / T. A. Khlebnikova. – М., 1984. – 240 s.
19. **Vasil'eva, I. N.** Goncharstvo Volzhskoy Bulgarii v X–XIV vv. / I. N. Vasil'eva. – Ekaterinburg, 1993. – 245 s.

20. **Semykin, Yu. A.** Chernaya metallurgiya i metalloobrabotka na Bolgarskom gorodishche / Yu. A. Semykin // Gorod Bolgar. – Kazan', 1996. – S. 89–153.
21. **Valiullina, S. I.** Steklo Volzhskoy Bulgarii / S. I. Valiullina. – Kazan', 2005. – 280 s.
22. **Polyakova, G. F.** Izdeliya iz tsvetnykh i dragotsennykh metallov / G. F. Polyakova // Gorod Bolgar. – Kazan', 1996. – S. 154–268.
23. **Rudenko, K. A.** Metallichesкая posuda Povolzh'ya i Prikam'ya v VIII–XIV vv. / K. A. Rudenko. – Kazan', 2000. – 156 s.
24. **Kazakov, E. P.** Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizoviy Kamy / E. P. Kazakov. – Kazan', 1991. – 176 s.
25. **Belavin, A. M.** Kamskiy torgovyy put': srednevekovoe Priural'e v ego ekonomicheskikh i etnokul'turnykh svyazyakh / A. M. Belavin. – Perm', 2000. – 200 s.
26. **Valeev, R. M.** Torgovlya i torgovye puti Srednego Povolzh'ya i Priural'ya v epokhu srednevekov'ya (IX – nachalo XV v.) / R. M. Valeev. – Kazan', 2007. – 392 s.
27. **Mukhamadiev, A. G.** Bulgaro-tatarskaya monetnaya sistema XII–XV vv. / A. G. Mukhamadiev. – M., 1983. – 188 s.
28. **Izmaylov, I. L.** Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Volzhskoy Bulgarii X – nachala XIII vv. / I. L. Izmaylov. – Kazan' ; Magadan, 1997. – 214 s.
29. **Gubaydullin, A. M.** Fortifikatsiya gorodishch Volzhskoy Bulgarii / A. M. Gubaydullin. – Kazan', 2002. – 232 s.
30. **Poluboyarinova, M. D.** Rus' i Volzhskaya Bulgariya v X–XV vv. / M. D. Poluboyarinova. – M., 1993. – 123 s.
31. **Khalikova, E. A.** Musul'manskie nekropoli Volzhskoy Bulgarii X – nachala XIII v. / E. A. Khalikova. – Kazan' : Izd-vo KGU, 1986. – 160 s.
32. **Smirnov, A. P.** Volzhskie bulgary / A. P. Smirnov. – M., 1951. – 275 s.
33. **Khalikov, A. Kh.** Osnovy etnogeneza narodov Srednego Povolzh'ya i Priural'ya / A. Kh. Khalikov. – Kazan', 2011. – 336 s.
34. **Fakhrutdinov, R. G.** Ocherki po istorii Volzhskoy Bulgarii / R. G. Fakhrutdinov. – M., 1984. – 216 s.
35. **Khuzin, F. Sh.** Rannie bulgary i Volzhskaya Bulgariya : ucheb. posobie dlya vuzov / F. Sh. Khuzin. – Kazan', 2006. – 582 s.
36. **Kovalevskiy, A. P.** Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg. / A. P. Kovalevskiy. – Khar'kov, 1956. – 347 s.
37. **Zakhoder, B. N.** Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope. Gorgan i Povolzh'e v IX–X vv. / B. N. Zakhoder. – M., 1962. – T. 1.

Белорыбкин Геннадий Николаевич
доктор исторических наук, профессор,
Пензенский институт развития
образования
(г. Пенза, ул. Попова, 40)

Belorybkin Gennady Nikolaevich
Doctor of historical sciences, professor,
Penza University of Education
Development
(Penza, 40 Popova str.)

E-mail: belorybkingn@gmail.com

УДК 94/470

Белорыбкин, Г. Н.

Культура быта населения Волжской Булгарии (историографический аспект) / Г. Н. Белорыбкин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 11–16.

В. П. Жабоедов-Господарец

**ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОГО СТАТУСА
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО
ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ**

Аннотация. Дается характеристика отношения к правовому статусу Великого княжества Финляндского со стороны ведущих дореволюционных партий. Анализируются методы, применявшиеся ими в газетной полемике, определяется основной перечень вопросов, который они затрагивали в рамках этой проблемы во время публичного ее обсуждения на страницах периодической печати.

Ключевые слова: финляндский вопрос, Государственная Дума, «Речь», «Голос Москвы», «Русское Знамя», «Новое Время», «Московские Ведомости», кадеты, октябристы, правые, либералы, консерваторы.

V. P. Zhaboedov-Gospodarets

**LEGAL STATUS CHARACTERISTICS OF THE GRAND DUCHY
OF FINLAND ACCORDING TO THE PERIODICAL PRESS
OF THE EARLY XXth CENTURY**

Abstract. The article describes the relationship to the legal status of the Grand Duchy of Finland in terms of the leading pre-revolutionary parties. The author analyzes the methods used by them in a newspaper controversy and determines the core set of issues that affect them as part of the problem at the time of public debate in the pages of periodicals.

Key words: Finnish question, State Duma, «Speech», «Voice of Moscow», «Russian banner», «New Time», «Moscow News», cadets, octo, right, liberals, conservatives.

«Финляндский вопрос» являлся одним из самых проблематичных в области национальной политики Российской империи в начале XX столетия. Русификаторский курс, принятый в качестве рецепта решения проблемы в период генерал-губернаторства Н. И. Бобринского, привел к обострению отношений между метрополией и окраиной, активизации финляндского автономистского движения и гибели Н. И. Бобринского [1]. Послабления со стороны метрополии позволили умиротворить финнов и практически свести на нет сепаратистское движение [2]. Период премьерства П. А. Столыпина отмечен очередным «походом» на Финляндию. Премьер-министр, сообразуясь с политическими реалиями, предоставил право решения проблемы депутатам Государственной Думы [3], среди которых были как явные поклонники Великого княжества Финляндского и функционирующих в нем парламентских институтов, так и те, кто был весьма критично настроен в отношении привилегий, которыми пользовалась Финляндия. Среди всех вопросов, касающихся механизмов инкорпорации Финляндии в общеимперское правовое поле, спорным являлся статус Великого княжества Финляндского в составе Империи. Характеризуя правовой статус Великого княжества Финляндского, думские партии стояли во многом на кардинально различных позициях.

Полемика по этому вопросу практически сразу перенеслась из думских стен на страницы партийных изданий.

Правые были сторонниками теории о завоевании Финляндии. Тем самым они ставили ее в один ряд с другими провинциями Империи. Эта теория оформилась во второй половине XIX в. в результате дискуссий о правовом статусе Великого княжества между сторонниками теории унии и теории завоевания. Сторонниками второй были известные специалисты-правоведы – профессора Н. Таганцев, Н. Коркунов, Э. Берендтс, В. Даневский, Ф. Мартене, А. Алексеев [4]. Так, А. С. Алексеев писал: «Финляндия не присоединилась к России, а была присоединена к России. Связь между Финляндией и Россией основывается на договоре не между Финляндией и Россией, а между Швецией и Россией. Финляндия не самостоятельное государство, связанное с Россией реальной унией, а инкорпорированная Россией провинция» [5, с. 26]. Акцент на завоевание Финляндии имел важное значение в анализе правыми финляндского вопроса.

Ссылаясь на мнение именитых специалистов, правые публицисты и идеологи в своих выступлениях и публикациях рассуждали об особенностях вхождения Финляндии в состав Империи и ее фактическом положении на начало XX столетия. Правые не признавали юридической силы договоренностей, достигнутых в марте 1809 г. на сейме в Борго. Согласно их мнению, Финляндия, на тот момент являвшаяся частью Шведской империи, не имела права вести переговоры с Россией. Подобные действия правыми оценивались однозначно как измена. С думской трибуны депутат Марков 2-й заявлял: «Я позволяю себе сказать, не в сейме в Борго, а на так называемом сейме в Борго, по следующим основаниям. Сейм этот состоялся 15 марта 1809 года. Мирный договор России со Швецией был заключен 5 сентября того же года, полгода спустя после этого якобы сейма. Таким образом, в марте 1809 года в Финляндии не было никаких полноправных финляндских граждан, а были подданные Шведского Короля, который в это время вел с Русским Императором войну. Позвольте вас спросить: разве мог быть законным финляндский сейм, составленный из явных изменников своему Шведскому монарху? Ибо люди, которые во время войны заключают какие-либо договоры или какие-либо совещания с враждебным своему монарху Государем, суть государственные изменники, но никоим образом не полномочные граждане своего государства» [6, с. 86]. Согласно мнению правых, сейм в Борго не имел легитимной силы. Люди, на тот момент являвшиеся подданными Шведского Короля, не могли вступать в какие-либо переговоры с русским правительством. На основании этого Марков 2-й утверждал, что никакого сейма в Борго не было, а было собрание изменников Шведскому Королю [6, с. 89]. Проведение сейма правые относили к военно-тактическим акциям, проводимым для создания лояльного отношения финляндцев к русским. Сейм в Борго, по их мнению, не мог утвердить характер отношений между Финляндией и Россией, а должен был только умиротворить финнов.

Со схожей позиции вопрос вхождения Финляндии в состав Российской империи рассматривали октябристы. Так, газета «Голос Москвы», разъясняя своим читателям обстоятельства присоединения Великого княжества, ссылалась на слова члена русско-финляндской комиссии, составленной для обсуждения законопроекта общеимперского законодательства, Н. Н. Корево. Он заявлял: «Финляндия завоевана, а не только присоединена к России, и правооб-

ладание ее куплено ценою русской крови и бесчисленных жертв» [7]. Подобный ракурс освещения вопроса во многом развязывал руки правым и октябристам при обсуждении законопроекта общеимперского законодательства. Ставя Великое княжество в один разряд с другими окраинами, военным путем присоединенными к империи, они тем самым лишали его особенного положения в ее составе. С помощью соответствующих публикаций пытались лишить Княжество счита в виде местного законодательства, ограничивавшего вмешательство правительства во внутренние дела Финляндии.

Кадеты в этом вопросе были отчасти согласны со своими оппонентами. Они не отрицали факта завоевания Финляндии, но в их интерпретации вхождение Великого княжества в состав Российской империи стало естественным продвижением России на Балтику, в результате которого «руки были присоединены к туловищу» [8]. Это позволило России избавиться от беспокойного соседа и непрерывных войн, а Финляндии приобрести право независимого существования в пределах своей внутренней жизни [9].

Заявляя о подчиненном положении Финляндии, правые соглашались с особым статусом, закрепленным за ней, подтвержденным статьями Фридрихсгамского мирного договора от 5 сентября 1809 г., с предоставлением финнам особого законодательства, функционирующего на основе «Формы правления» от 21 августа 1772 г. и «Акта соединения и безопасности» от 21 февраля и 3 апреля 1789 г. Но в их интерпретации привилегии, которыми пользовалось Княжество, были односторонним даром российского монарха, наделившего финнов привилегиями как завоеватель, который по праву победителя был волен выбирать формат отношений между государством и завоеванной территорией. Отталкиваясь от этого, они утверждали, что, пока все те постановления русских императоров, на которых покоится современное политическое устройство Финляндии, остаются неотменными, до тех пор и само это устройство сохраняет свою юридическую и нравственную обоснованность и страна свое политическое бытие [5, с. 22]. Сами же постановления, по представлению правых, могли быть отменены Императором без согласований с финляндской стороной, что в то же время означало изменение характера правового статуса Великого княжества [10, с. 1; 11, с. 14].

Подобные рассуждения полностью соответствовали представлениям о свободном поведении относительно покоренной страны со стороны страны-завоевательницы. Такая логика рассуждений была в русле представлений правых о формате государственной власти Империи. Свойственное им упование на мудрость монарха, ничем не ограниченного в своих действиях, вступало в противоречие с представлениями финнов о высшей власти. Финское общество, видевшее высшую силу в законе, развившее эффективно действующие парламентские институты, не могло уповать на волю одного человека. Пусть даже если он был первым лицом в государстве. Нежелание правых принимать эту истину приводило к обвинениям в неуважении монарха и институтов власти, функционирующих в Империи.

Акт наделения Финляндии привилегиями правые оценивали как проявление неудачной окраинной политики Александра I, приведшей в дальнейшем финляндцев к убеждению в предоставлении им не только государственной автономии, но и некоторых признаков государственной самостоятельности [12, с. 10], к формированию теории о личной унии Княжества с Монархом. В этом вопросе рассуждения правых имели зерно истины. Провинция,

наделенная рядом привилегий, действительно оказалась в более выгодном положении, чем внутренние губернии, и развивалась намного динамичнее громоздкой Империи. Но, забрасывая Княжество критическими замечаниями, правые отказывались признавать рациональное использование финнами предоставленных им условий, видя в этом лишь паразитерство по отношению к остальной Империи.

Саму теорию правые называли не иначе, как «легендой о финляндском государстве», появившейся в 60-е гг. XIX столетия. «Научным» теоретиком ее, по их мнению, был Ю. Коскинен (профессор Гельсингфорского университета, известный, однако, больше не как ученый, а как политический деятель), изданная которым в 1872 г. «История Финляндии» заключала в себе целый отдел, озаглавленный: «Финляндия, как государство в унии с Россией». Это был первый опыт, по утверждению правых публицистов, «научной» теоретизации финляндского сепаратизма. За Коскиненом последовали другие (Юерг, Германсон, Даниельсон, Кастрен, Монголири и др.), и, таким образом, в сравнительно короткий промежуток времени создалось целое учение о «финляндском государстве». В качестве лица, давшего отпор теоретическим притязаниям финляндцев, назывался К. Ф. Ордин, издавший в 1889 г. работу «Покорение Финляндии» (первый том этой двухтомной работы являлся опровержением легенды о «финляндском государстве»). За Ординым последовал длинный ряд русских ученых (профессора А. В. Лохвицкий, Н. М. Коркунов, Н. С. Таганцев, Н. Д. Сергеевский) и писателей (К. И. Якубов, Ф. П. Еленев, П. И. Мессарош, М. М. Бородин и др.), проливших, по убеждению правых, истинный свет на положение Финляндии в составе русского государства и шаг за шагом разбивших финляндское сепаратистское учение [13, с. 79]. В своих рассуждениях названные авторы придерживались линии насильственного подчинения Финляндии России, сам факт которого, по их мнению, делал совершенно бессмысленными все последующие теоретизирования по финляндскому вопросу.

Основную причину, которая подвигла финляндцев сформировать теорию о личной унии, правые видели в наличии особых привилегий. Пуришкевич в своей думской речи настаивал, что «отличительной чертой тех народностей, которые входят в состав великой русской Империи, является то, что всякий раз, как им дается известная свобода и когда она расширяется, когда раздвигаются невозможные аппетиты у этих народностей... эти аппетиты ведут к тому, что приходится брать назад то, что было дано. Этого не избежала и Финляндия» [6, с. 266]. Националистически настроенный лидер Союза Михаила Архангела призывал в своих выступлениях использовать в качестве основной меры в окраинной политике метод сокращения привилегий и увеличения повинностей в пользу государства, что в определенной мере совпадало с мнением большинства представителей правого движения. Что касается финнов, то указывался конкретный политический акт, подвигнувший их к разработке теории о «финляндском государстве». По словам Пуришкевича, им стало позволение Александра II на открытие в 1863 г. сейма. Далее он продолжает: «...мы видим не стремление к получению автономных прав, а мы видим прямое стремление к отделению Финляндии от России, сепаратистские тенденции, которые развиваются все более и более» [6, с. 268]. В интерпретации правых, восстановление деятельности финляндского сейма в 1863 г. было мероприятием крайне вредным, способствовавшим усилению

неподконтрольности Великого княжества по отношению к Империи и, как следствие, развитию сепаратистских тенденций. Критика парламентских институтов была характерным явлением в идеологии правых партий. В развитии их они видели угрозу стабильному развитию государства, основанного на неограниченной воле монарха. Парламент же, согласно их рассуждениям, являлся рассадником крамолы, где лица, заботящиеся только о личном благе, проводят подходящие только для них законопроекты, не соответствующие нуждам основной массы населения. Монарх же являлся тем лицом, по их мнению, кто мог защитить своих подданных от корыстных действий нерадивых парламентариев.

В схожем ключе высказывались октябристы. Но в отличие от правых они не критиковали подобную меру в отношении Великого княжества, а называли акт наделения Финляндии автономными правами преждевременным. Согласно их рассуждениям подобные права Финляндия должна была получить только после того, как доказала бы свою верность Империи. Нарушение этой последовательности, по выводам октябристов, привело к тому, что Россия оказалась в роли угнетательницы, а Финляндия – в роли ее невинной жертвы [14]. Свои рассуждения они подтверждали ссылкой на английский колониальный опыт. В нем их привлекало то, что, «только добившись признания за собою особых прав, Англия дала Южной Африке автономию, но с условием суверенитета над ней английского парламента» [15]. Октябристы последовательно в печати проводили мысль о превосходстве империи в правовом отношении над Княжеством. Подобный подход был очень важен для доказательства законности принимаемых законодательных актов относительно Великого княжества Финляндского на заседаниях Государственной Думы. В отличие от правых, призывавших в случае необходимости решить финляндский вопрос силовым путем, октябристы стояли на законном пути решения проблемы, посредством обсуждения вопроса на заседаниях Государственной Думы, специально создаваемых комиссиях. В связи с этим они высказывали сожаление по поводу запоздалой реакции в решении финляндского вопроса. По мнению октябристов, в начале XX столетия было необходимо создать губернское земское представительство в Финляндии. Тогда была бы возможность определить компетенцию сейма сообразно интересам всего государства [16]. Основной акцент в подобных рассуждениях был сделан на определяющую роль центра в процессе реформирования финляндского сейма. Так как эта реформа могла быть проведена в либеральном ключе, то это, по мнению октябристов, не давало бы повода финнам и лояльным к ним для критики в адрес имперского правительства.

Кадеты, отстаивавшие интересы Финляндии, выступавшие против ограничения автономии Великого княжества Финляндского и введения общеимперского законодательства, в принадлежащих Финляндии особых правах видели только благо. Отстаивая особый статус Княжества, они приводили слова министра финансов В. Н. Коковцова, который указывал, что Финляндия пользуется признанной за ней основными законами Русского государства автономией. Кроме того, автономия эта неоднократно была подтверждена и государями России [17]. Подобным аргументом кадеты пытались урезонить правых и октябристов, неоднократно заявлявших о своих верноподданных чувствах. Ссылка на авторитет предшествующих самодержцев должна

была сдерживать антифинляндскую активность сторонников общеимперского законодательства.

В арсенале кадетов имелось большое количество аргументов в пользу сохранения особого статуса Великого Княжества. Приводя мнения различных крупных сановников, они также указывали, что наличие у Финляндии особого статуса позволило развить население окраины, и в политическом отношении финны стали одними из самых даровитых [18]. Исключительное положение Финляндии в составе Империи, по мнению кадетов, стало главной причиной процветания окраины. Оно являлось основным фундаментом, на котором зиждилось ее благополучие. Корреспонденты «Речи» приводили мнение финнов на то, чем для них является особое законодательство. Согласно мнению барона Пальмена особый статус позволил развить сеть народных школ, создать превосходную инфраструктуру в виде разветвленной железнодорожной сети и шоссейных дорог, почтовых сообщений, береговых освещений и создать конкурентоспособную промышленность. Лишение же Финляндии этих привилегий, согласно мнению собеседника «Речи», могло привести к тому, что «все это будет сметено, как ураганом» [19]. Для «увесистости» своих доводов кадетское издание приводило мнение члена финляндской комиссии Государственного Совета, лидера литовско-русского коло И. О. Корвин-Милевского, который утверждал, что «Финляндия из страны бедной и неплодородной, благодаря своей собственной культуре, сумела превратиться в западный уголок, делающий честь России. Законопроект стремится эту культуру разрушить и обратить Финляндию в какую-нибудь олонекскую губернию. Не привлекательна и другая задача проекта – наводнить страну русскими чиновниками, вместо туземных» [20]. Приводя столь содержательные комментарии, кадеты, защищая Финляндию, также достаточно прямо указывали на причину антифинских поползновений, видя в этом лоббирование интересов определенных групп. Также, по мнению кадетов, искусственно раздувая финляндский вопрос, правительство намеренно уводило общество от обсуждения более важных и насущных проблем [21]. Среди защитников особого подхода в решении финляндского вопроса, в период жарких обсуждений его на заседаниях Государственной Думы, кадеты, кроме того, называли генерал-губернатора Великого княжества Финляндского Бекмана, заявлявшего о невозможности отмены основных финляндских законов общегосударственными [22]. Развивая мысль Бекмана, кадеты утверждали, что отношения центральной и местной законодательной власти не могут быть определяемы центральной властью односторонне, самостоятельно и совершенно независимо. Отстаивая эту позицию, они выступали в противовес Корево, утверждавшему на заседаниях финляндской комиссии об обратном, и стоявшим за ним кругам, ратовавшим за отмену автономного статуса Великого княжества и лишения его особого законодательства [23, 24]. Сохранение прежнего принципа, по мнению кадетов, позволило бы финнам максимально долго сохранять автономию во внутренних делах, избегать сверхдавления из центра.

Октябристы, доказывая абсолютную законность и практическую необходимость проектов общеимперского законодательства, тем самым «давали отпор» появлявшимся в прессе и присылаемым Правительству России адресам и заявлениям иностранных ученых и членов европейских парламентов. Октябристы доказывали, что подобного рода заявления являются плодом

творчества господ Тергрена и Мехелина, «фарширующих протесты европейских ученых финляндской начинкой» [25, 26]. Помимо этого, «Голос Москвы» напечатал наполненный «праведного» гнева ответ члена Государственного Совета В. Ф. Дейтриха французским парламентариям, в котором он заявлял о «неслыханном и невиданном вмешательстве членов иностранного парламента во внутренние законодательные дела другой страны» [27]. Подобные публикации, вероятнее всего, по задумке авторов газеты должны были вызвать «справедливое» возмущение у читателей. Для октябристов было важным доказать, что финляндский вопрос является сугубо внутренним делом Российской империи, а любое вмешательство и комментарии извне – либо происки финнов, либо неадекватные действия иностранных государственных учреждений.

В ином ракурсе подобная информация освещалась в кадетской «Речи». Используя отработанный подход, в виде ссылки на авторитетов, в статьях указывались авторы обращений и воззваний с поименным перечислением и указанием на их компетентность в этом вопросе. По сообщению газеты, в совещании по обсуждению финляндского вопроса принимали участие: сэр Фредерик Поллок (Оксфорд), Гергарт Аншютц (Берлин), Эрнест Нис (Брюссель), Леон Мишу (Гренобль), Джон Вестлэк (Кембридж), Бэр (Геттинген), Лапраделл (Париж), фан-дер Флугт (Лейден). Упомянутые европейские ученые – специалисты по вопросам государственного и международного права, собравшиеся в Лондоне по инициативе голландских ученых [28]. Кадеты отмечали, что подобные действия находили положительный отклик в Финляндии и будоражили финскую интеллигенцию. Сожаление кадетов вызвало то, что подобные вещи появлялись в финской прессе в перепечатанном виде без комментариев местных политиков, «стесненных» должностным положением [29]. Кадетам необходимо было доказать незаконность действий Государственной Думы и русского правительства в отношении Финляндии. Ссылка на мировых светил юриспруденции, депутатов иностранных парламентов, где демократические традиции культивировались на протяжении столетий, выглядела весомым аргументом. Лишение легитимности данной меры в глазах широкого круга русской общественности для кадетов было бы маленькой победой.

Апеллируя кадетам, октябристы «играли» с читателем. Авторы «Голоса Москвы» использовали достаточно простой прием: они публиковали заявления финских политиков, цитаты из программных заявлений партий, в которых имелась критика в адрес России. Подводя итоги выборам в финский сейм в 1907 г., они отмечали, что большинство избирателей отдали свои голоса социал-демократам, открыто заявлявшим о том, что в будущем Финляндия порвет все сношения с «варварской Россией» [30]. Анализируя результаты выборов, автор делал однозначный вывод о популярности идеи свободной Финляндии среди широких масс финского народа. В преддверии выборов в сейм в 1910 г. на страницах «Голоса Москвы» появилось предвыборное воззвание партии старофиннов, перепечатанное из газеты «*Uusi Suometar*» (№ 289), в котором заявлялось: «Финские граждане! Те грозные государственные тучи, которые в последнее время «из-за границы» поднялись на наше небо, покроют будущность нашего народа. Вслед за последними выборами был проведен так называемый «закон общегосударственного законодательства», который отнимает у нашего народа стародавние наследованные от отцов

права и свободу, разрушает внутреннюю автономию нашей страны, останавливает самостоятельное народное развитие. Это грязное постановление проведено через русское законодательное учреждение, с совершенным устранением нашего свято утвержденного права...» [31]. Публикуя подобный материал, октябристы намеренно отрицательно настраивали читателей относительно Финляндии, апеллируя к свойственному русским людям чувству имперскости. После принятия законопроектов, инкорпорирующих Финляндию в общеимперскую правовую систему, на страницах «Голоса Москвы» с завидным постоянством стали появляться заметки о неповиновении финнов принятым законопроектам. Так, в числе нарушителей законов были как депутаты сейма [32], так и простые чиновники [33], отказывавшиеся подчиняться новому законодательству. Подобные сообщения авторы оставляли без комментариев, давая возможность читателю самому осмыслить позицию, занятую финской стороной. Депутатов сейма уличали в отказе обсуждать законопроекты, переданные им на рассмотрение российским правительством в новом порядке, согласующимся с новыми правилами, определенными Государственной Думой. Чиновников обвиняли в отказе руководствоваться новыми правилами непосредственно по месту прохождения службы. Нежелание финнов руководствоваться новым законодательством подтверждается объявлением циркуляра генерал-губернатора, который по поручению Совета министров предупреждал их против принятия участия в бойкотировании закона об уравнении в правах русских в Финляндии [34].

Если противодействие общеимперскому законодательству в правой и октябристской печати рассматривалось как неопровержимое зло, кадеты же подобные действия интерпретировали совершенно в ином ключе. В этом вопросе они были солидарны с лидером финского автономистского движения Лео Мехелиным, который заявлял, «что те законы, которые собираются издать для нас помимо нас, в Финляндии законами не будут» [35]. Исходя из этого, все случаи противодействия принятию и проведению в жизнь общеимперского законодательства кадетами рассматривались как совершенно приемлемые действия по защите законного порядка. «Речь» с нескрываемой радостью отмечала, что финны едины в борьбе за сохранение своих законов [36]. Корреспонденты информировали своих читателей, какой характер эта борьба принимает на местах. Так, с завидным постоянством появлялись заметки, сообщавшие об отказе чиновников собирать гербовый сбор. Этот налог был утвержден финским сенатом, русским по своему составу, без предварительного согласования с финляндским сеймом. «Речь» отмечало, что зачастую сила сопротивления финских чиновников зависела от их индивидуальных качеств. При всеобщем убеждении о незаконности отдельных мер, принятых в отношении Финляндии, на местах противодействие отличалось вариативностью, кто-то из чиновников отказывался взимать гербовый сбор, другие взимали, третьи, взимая, не перечеркивали марок, с тем, чтобы они сохранили свою ценность [37, 38]. Ведущую роль в защите финских законов кадеты отводили финляндскому сейму. Кадетское издание отмечало, что в сложный для Финляндии период заседания сейма посещало большое количество простых граждан, равнодушных к проблеме, интересующихся реакцией сейма [39].

Особым направлением в критике правых и октябристов было правовое положение русских граждан. Напоминая о полноправном положении финнов

на территории всей Империи, они требовали того же и для русских на территории Княжества [40]. Среди основных претензий, предъявляемых к динамично развивающейся окраине, были: ограничения в правах граждан России, находящихся на территории Княжества, запрет на занятие ими административных должностей, отсутствие свободы занятия торговлей, препятствие повсеместному распространению русского языка. Характеризуя положение русских на финляндской окраине, октябристы определяли его как «угнетенные русские» [41]. Рассуждая о справедливости притязаний, корреспонденты «Русского Знамени» и «Голоса Москвы» напоминали: «... в России мы видим финляндцев всюду: и на постах министров, командующих армиями, и в рядах русского войска, и в составе русских министерств, и при дворе. Видим мы их бездонно и беспощинно торгующими наравне с русскими людьми, видим целые финляндские предприятия в самом Петербурге, словом, видим их всюду в России, пользующихся благами и преимуществами русских подданных» [41]. Сами финны относились довольно спокойно к подобной критике, уповав на то, что они не просили наделять их равными правами с русскими гражданами вне Финляндии. Рассуждая о последствиях возможных ограничений в отношении финнов, они заявляли, что подобная мера не отразится существенно на гражданах Княжества из-за их небольшого количества вне Финляндии на территории Империи [42].

В кадетском издании эту проблему также не обошли стороной. Кадеты признавали неполноправное положение русских граждан, но основной акцент делали на мирном сожительстве русских и финнов в пределах Великого княжества Финляндского и позитивном отношении со стороны финнов к русской культуре. В доказательство своим утверждениям «Речь» приводила репертуар финских театров, в котором было много русских постановок, а также обращала внимание на помощь финнов русским студентам при организации последними различных вечеров. Самым главным, по мнению кадетского издания, было мирное сожительство финских и русских рабочих [43]. Что касается источника ограничения прав русских на территории Финляндии, то «Речь», ссылаясь на депутата финляндского сейма, делилась с читателями следующим замечанием: «При союзе финляндских рабочих в Гельсингфорсе существовал русский отдел, в котором принимали участие русские рабочие. Союз и отдел носили вполне мирный профессиональный характер. И что же, в 1907 г. генерал-губернатор, вопреки протестам финляндского союза, распорядился о закрытии русского отдела! И закрыл. Финляндский отдел существовать может, русский отдел – нет. Кто же ограничивает в Финляндии права русских граждан?» [44]. Представляя подобного рода контраргументы, кадеты действовали в противовес правой и октябристской печати, снимая ответственность за ограничение в правах русских с финнов. Они отмечали готовность финнов в решении этой насущной проблемы, в подтверждение приводили слова члена финляндского сейма Даниельсона-Кальмари, заявлявшего о необходимости уравнивания в правах русских подданных в Финляндии [45], и заявления, звучавшие из рядов младофиннов, также признававших необходимость дать русским все права, ограждая при этом лишь свое национальное существование [46]. Начиная с 1912 г. газета «Речь» не ввязывалась в серьезную полемику с правыми и октябристскими изданиями по правовому положению русских граждан на территории Финляндии. Она информировала своих читателей о случаях противодействия уравнительному законодательству,

но подобные действия финской стороны оставляла без комментариев, ограничиваясь кратким сообщением об имевшемся случае. Вопрос правового статуса русских граждан был особенным. По его содержанию кадеты были солидарны со своими оппонентами, но отрицали несправедливые претензии, предъявляемые финской стороне, и пытались срезать наиболее острые углы. В связи с этим они внимательнее пытались разобраться в сути проблемы, определить ее первоисточник и найти оптимальный способ ее решения. Случаи противодействия уравнительному законодательству выпадали из выстраиваемой кадетами картины доброжелательных финнов. В связи с этим, не имея возможности совсем не упомянуть, «Речь» предпочитала ограничиться небольшим сообщением, «затерявшимся» в числе других, повествующих о событиях и происшествиях в разных уголках мира [47, 48].

Объясняя необходимость принятия срочных мер относительно Великого княжества, октябристы предлагали вполне простые и понятные доводы, что «не приходит наивным людям в голову только одно соображение, что настоящее преступное варварство и самоубийственная грубость в том и состоит, что мы у своих детей рвем куски из рук, чтобы накормить чужеродных пиявок, которые становятся тем жаднее и злее, чем больше убеждаются в святой простоте и безнадежной наивности россиян» [49]. Подобный аргумент заставлял обывателя совершенно в ином контексте оценивать действия правительства и Государственной Думы относительно Великого княжества Финляндского. Добавляя периодически отдельные штрихи, правые и октябристские издания «рисовали» необходимый образ Финляндии для проведения проекта общеимперского законодательства.

Оценивая реакцию финнов на принятые законопроекты, ограничивающие самостоятельность Великого княжества, октябристское издание заявляло: «...если, будучи избалованы вековым покровительством власть имущих не в пример прочим окраинам, финляндцы не могут узреть в законе 17 июня 1910 года ничего, кроме «варварского угнетения», то в этом меньше всего виноваты мы, русские люди XX века» [50]. Логика рассуждений октябристов основывалась на уверенности превосходства имперских парламентских институтов над окраинными. В связи с этим законопроекты, получившие одобрение в Государственной Думе, должны были быть беспрепятственно одобрены финляндским сеймом. Также, ссылаясь на мнение вице-президента финляндского Императорского Сената генерала Маркова, октябристы утверждали, что в том случае, если бы финляндцы искренне желали идти навстречу русским требованиям, то они могли сами выработать законопроект для обсуждения в сейме или программу для Высочайшего утверждения, не дожидаясь, пока это сделает русское правительство [51]. Но так как ничего подобного не происходило, их автоматически приписывали к реакционерам, препятствующим претворению в жизнь прогрессивного законодательства. Правые и октябристы, достаточно много уделяя внимания обоснованию необходимости введения общеимперского законодательства, приводя множество примеров противодействия его внедрению, не представляли читателям глубинного анализа, чем подобное реформирование обернется для Великого княжества Финляндского. Преобладание общеимперских интересов над частными окраинными – основной аргумент, которого они придерживались. Будучи последовательными, все попытки сохранения финнами своего законодательства и автономного статуса Финляндии они рассматривали как из-

мену общеимперским интересам и к схожему убеждению пытались подвести своих читателей.

Согласно представлениям правых, Великое княжество Финляндское было рядовой провинцией Империи, наделенной особыми привилегиями в одностороннем порядке. Привилегии, согласно заявлениям их публицистов и идеологов, в любой момент могли быть отобраны у Великого княжества путем оглашения самодержавной воли монарха без предварительных согласований с финнами. Особый статус Финляндии они считали явлением ненормальным и активно призывали к изменению формата отношений, вплоть до применения насильственных мер в том случае, если финляндцы стали бы сопротивляться. Октябристы, в отличие от них, настаивали на законном решении проблемы, исключая применение силы, к тому же они не были столь категоричны в вопросе финляндской автономии, высказываясь за оставление Великому княжеству права самостоятельности в решении внутренних вопросов [52]. Но в то же время они настойчиво отстаивали позицию, что в связи с появлением Государственной Думы статус финляндского сейма стал на порядок ниже и одной из его обязанностей было руководствоваться теми решениями, которые принимались на заседаниях Государственной Думы [53]. По мнению кадетов, меры, принимаемые в отношении Великого княжества Финляндского, являлись абсолютно незаконными. Основные законы, подтвержденные всеми предшествующими монархами и на тот момент царствовавшим Николаем II, – вот то единственное, чем должны были руководствоваться финны, то, что позволило развить Финляндию в правовом, политическом, экономическом и культурном отношении, то, что не имело право, согласно мнению кадетов, отменять Государственная Дума без согласия финской стороны [55, с. 143].

Список литературы

1. **Дякин, В. С.** Национальный вопрос во внутренней политике царизма XIX – начала XX вв. (к постановке проблемы) / В. С. Дякин. – СПб. : ЛИСС, 1998.
2. **Матти, Клинге.** Имперская Финляндия / Клинге Матти ; пер. с финск. И. Соломеща, В. Мусаева и А. Рупасова. – СПб. : Изд. дом «Коло», 2005.
3. **Аврех, А. Я.** П. А. Столыпин и судьбы реформ в России / А. Я. Аврех. – М. : Политиздат, 1991.
4. **Новикова, И. Н.** Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века / И. Н. Новикова // Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности. – М. : МОНФ, 2001.
5. **Ковалевский, М. М.** Сборник мнений русских профессоров государственно-го права о природе отношений России к Финляндии / М. М. Ковалевский. – СПб. : б. и., 1910.
6. Запросы по финляндскому управлению в Государственной Думе 1908 года. – СПб., 1908.
7. Финляндский вопрос // Голос Москвы. – 1910. – № 58. – С. 4.
8. **Козельцов, В.** 100-летие Фридрихсгамского мира. Финляндская война / В. Козельцов // Речь. – 1909. – № 243. – С. 2.
9. **Григорьев, А.** К событиям 1808–1809 г. / А. Григорьев // Речь. – 1909. – № 243. – С. 2.
10. **Берендтс, Э. Н.** К вопросу о правовом положении Финляндии / Э. Н. Берендтс. – СПб., 1910.

11. **Берендтс, Э. Н.** По поводу воззваний иностранных ученых относительно прав Финляндии / Э. Н. Берендтс. – СПб., 1910.
12. **Будилович, А. С.** Вопрос об окраинах России. В связи с теорией самоопределения народностей и требованиями государственного единства / А. С. Будилович. – СПб., 1906.
13. **Липранди, А. П.** Россия и ее Финляндская окраина / А. П. Липранди. – Харьков : б. и., 1910.
14. Финляндская аргументация // Голос Москвы. – 1911. – № 30. – С. 2.
15. Трансвааль и Финляндия // Голос Москвы. – 1912. – № 16. – С. 1.
16. Б. О финляндском сейме // Голос Москвы. – 1907. – № 122. – С. 1.
17. Министр финансов В. Н. Коковцов об автономии Финляндии // Речь. – 1910. – № 243. – С. 2.
18. Барон Ф. А. Мейендорф о финляндском запросе // Речь. – 1908. – № 28. – С. 2.
19. **Григорьев, А.** Финляндское письмо. Беседа с бароном Пальменом / А. Григорьев // Речь. – 1910. – № 85. – С. 2.
20. **Озероский, С.** К финляндскому законопроекту / С. Озероский // Речь. – 1910. – № 118. – С. 2.
21. Скептик. Проворство рук // Речь. – 1909. – № 285. – С. 2.
22. Об отношении Финляндии к России // Речь. – 1909. – № 84. – С. 2.
23. М. Суверенитет и государственная автономия // Речь. – 1909. – № 312. – С. 2.
24. В русско-финляндской комиссии // Речь. – 1909. – № 338. – С. 3.
25. Финляндская откровенность // Голос Москвы. – 1910. – № 19. – С. 19.
26. Финляндский вопрос // Голос Москвы. – 1910. – № 101. – С. 1.
27. Отголоски финляндского вопроса // Голос Москвы. – 1910. – № 251. – С. 3.
28. Декларация европейских ученых по финляндскому вопросу // Речь. – 1910. – № 68. – С. 2.
29. Финляндские дела // Речь. – 1910. – № 14. – С. 3.
30. Из Финляндии // Голос Москвы. – 1907. – № 69. – С. 3.
31. Вести из Финляндии // Голос Москвы. – 1910. – № 287. – С. 5.
32. Финляндский сейм // Голос Москвы. – 1910. – № 210. – С. 3.
33. Финляндские дела // Голос Москвы. – 1914. – № 30. – С. 3.
34. В Финляндии // Голос Москвы. – 1913. – № 17. – С. 4.
35. Сенатор Лео Мехелин // Речь. – 1910. – № 84. – С. 2.
36. Финляндские дела // Речь. – 1909. – № 162. – С. 2.
37. **Литвинцев, С.** Финляндский вопрос / С. Литвинцев // Речь. – 1910. – № 7. – С. 2.
38. Гербовый сбор // Речь. – 1910. – № 8. – С. 4.
39. Финляндские дела // Речь. – 1911. – № 41. – С. 3.
40. **Дрозд-Бонячевский, Влад.** Польша и Финляндия / Влад. Дрозд-Бонячевский // Русское Знамя. – 1906. – № 53. – С. 2.
41. Национальный вопрос // Голос Москвы. – 1907. – № 296. – С. 4.
42. Дневники печати. Чего ждать от финляндского сейма // Московские Ведомости. – 1910. – № 183. – С. 3.
43. **Литовцев, С.** Финляндские настроения / С. Литовцев // Речь. – 1910. – № 27. – С. 2.
44. **Литовцев, С.** Финляндские настроения / С. Литовцев // Речь. – 1910. – № 19. – С. 2.
45. Финляндские письма. Речь Даниельсона-Кальмари // Речь. – 1910. – № 252. – С. 3.
46. **Григорьев, А.** Гельсингфорские письма / А. Григорьев // Речь. – 1911. – № 101. – С. 2.
47. Речь. – 1913. – № 52. – С. 3.
48. Речь. – 1913. – № 81. – С. 4.
49. Спешность в деле с финляндским законодательством // Голос Москвы. – 1910. – № 135. – С. 1.

50. Суверенная власть России над финляндской окраиной // Голос Москвы. – 1911. – № 30. – С. 1.
51. У вице-президента финляндского Императорского сената ген. Маркова // Голос Москвы. – 1910. – № 211. – С. 2.
52. Финляндский вопрос // Голос Москвы. – 1910. – № 108. – С. 1.
53. **Кондратенко, Д. П.** Самодержавие, либералы и национальный вопрос в России в конце XIX – начале XX века / Д. П. Кондратенко. – Киров : ВятГТУ, 2005. – С. 149.
54. **Гоголевский, А. В.** Очерки истории русского либерализма XIX – начала XX века / А. В. Гоголевский. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996.

References

1. **Dyakin, V. S.** Natsional'nyy vopros vo vnutrenney politike tsarizma XIX –nachala XX vv. (k postanovke problemy) / V. S. Dyakin. – SPb. : LISS, 1998.
2. **Matti, Klinge.** Imperskaya Finlyandiya / Klinge Matti ; per. s finsk. I. Solomeshcha, V. Musaeva i A. Rupasova. – SPb. : Izd. dom «Kolo», 2005.
3. **Avrekh, A. Ya.** P. A. Stolypin i sud'by reform v Rossii / A. Ya. Avrekh. – M. : Politizdat, 1991.
4. **Novikova, I. N.** Osoboe gosudarstvo ili provintsiya imperii: problema gosudarstvenno-pravovogo statusa Finlyandii v rossiysko-finlyandskikh otnosheniyakh XIX veka / I. N. Novikova // Prostranstvo vlasti: Istoricheskiy opyt Rossii i vyzovy sovremennosti. – M. : MONF, 2001.
5. **Kovalevskiy, M. M.** Sbornik mneniy russkikh professorov gosudarstvennogo prava o prirode otnosheniy Rossii k Finlyandii / M. M. Kovalevskiy. – SPb. : b. i., 1910.
6. Zaprosy po finlyandskomu upravleniyu v Gosudarstvennoy Dume 1908 goda. – SPb., 1908.
7. Finlyandskiy vopros // Golos Moskvy. – 1910. – № 58. – S. 4.
8. **Kozel'tsov, V.** 100-letie Fridrikhsgamskogo mira. Finlyandskaya voyna / V. Kozel'tsov // Rech'. – 1909. – № 243. – S. 2.
9. **Grigor'ev, A.** K sobytiyam 1808–1809 g. / A. Grigor'ev // Rech'. – 1909. – № 243. – S. 2.
10. **Berendts, E. N.** K voprosu o pravovom polozhenii Finlyandii / E. N. Berendts. – SPb., 1910.
11. **Berendts, E. N.** Po povodu vozzvaniy inostrannykh uchenykh otnositel'no prav Finlyandii / E. N. Berendts. – SPb., 1910.
12. **Budilovich, A. S.** Vopros ob okrainakh Rossii. V svyazi s teoriey samoopredeleeniya narodnostey i trebovaniyami gosudarstvennogo edinstva / A. S. Budilovich. – SPb., 1906.
13. **Liprandi, A. P.** Rossiya i ee Finlyandskaya okraina / A. P. Liprandi. – Khar'kov : b. i., 1910.
14. Finlyandskaya argumentatsiya // Golos Moskvy. – 1911. – № 30. – S. 2.
15. Transvaal' i Finlyandiya // Golos Moskvy. – 1912. – № 16. – S. 1.
16. B. O finlyandskom seyme // Golos Moskvy. – 1907. – № 122. – S. 1.
17. Ministr finansov V. N. Kokovtsov ob avtonomii Finlyandii // Rech'. – 1910. – № 243. – S. 2.
18. Baron F. A. Meyendorf o finlyandskom zaprose // Rech'. – 1908. – № 28. – S. 2.
19. **Grigor'ev, A.** Finlyandskoe pis'mo. Beseda s baronom Pal'menom / A. Grigor'ev // Rech'. – 1910. – № 85. – S. 2.
20. **Ozerosskiy, S.** K finlyandskomu zakonoproektu / S. Ozerosskiy // Rech'. – 1910. – № 118. – S. 2.
21. Skeptik. Provorstvo ruk // Rech'. – 1909. – № 285. – S. 2.
22. Ob otnoshenii Finlyandii k Rossii // Rech'. – 1909. – № 84. – S. 2.

23. M. Suverenitet i gosudarstvennaya avtonomiya // Rech'. – 1909. – № 312. – S. 2.
24. V rusско-finlyandskoy komissii // Rech'. – 1909. – № 338. – S. 3.
25. Finlyandskaya otkrovennost' // Golos Moskvyy. – 1910. – № 19. – S. 19.
26. Finlyandskiy vopros // Golos Moskvyy. – 1910. – № 101. – S. 1.
27. Otgoloski finlyandskogo voprosa // Golos Moskvyy. – 1910. – № 251. – S. 3.
28. Deklaratsiya evropeyskikh uchenykh po finlyandskomu voprosu // Rech'. – 1910. – № 68. – S. 2.
29. Finlyandskie dela // Rech'. – 1910. – № 14. – S. 3.
30. Iz Finlyandii // Golos Moskvyy. – 1907. – № 69. – S. 3.
31. Vesti iz Finlyandii // Golos Moskvyy. – 1910. – № 287. – S. 5.
32. Finlyandskiy seym // Golos Moskvyy. – 1910. – № 210. – S. 3.
33. Finlyandskie dela // Golos Moskvyy. – 1914. – № 30. – S. 3.
34. V Finlyandii // Golos Moskvyy. – 1913. – № 17. – S. 4.
35. Senator Leo Mekhelin // Rech'. – 1910. – № 84. – S. 2.
36. Finlyandskie dela // Rech'. – 1909. – № 162. – S. 2.
37. **Litvintsev, S.** Finlyandskiy vopros / S. Litvintsev // Rech'. – 1910. – № 7. – S. 2.
38. Gerbovyi sbor // Rech'. – 1910. – № 8. – S. 4.
39. Finlyandskie dela // Rech'. – 1911. – № 41. – S. 3.
40. **Drozd-Bonyachevskiy, Vlad.** Pol'sha i Finlyandiya / Vlad. Drozd-Bonyachevskiy // Russkoe Znamya. – 1906. – № 53. – S. 2.
41. Natsional'nyy vopros // Golos Moskvyy. – 1907. – № 296. – S. 4.
42. Dnevnik pechati. Chego zhdat' ot finlyandskogo seyma // Moskovskie Vedomosti. – 1910. – № 183. – S. 3.
43. **Litovtsev, S.** Finlyandskie nastroyeniya / S. Litovtsev // Rech'. – 1910. – № 27. – S. 2.
44. **Litovtsev, S.** Finlyandskie nastroyeniya / S. Litovtsev // Rech'. – 1910. – № 19. – S. 2.
45. Finlyandskie pis'ma. Rech' Daniel'sona-Kal'mari // Rech'. – 1910. – № 252. – S. 3.
46. **Grigor'ev, A.** Gel'singforskie pis'ma / A. Grigor'ev // Rech'. – 1911. – № 101. – S. 2.
47. Rech'. – 1913. – № 52. – S. 3.
48. Rech'. – 1913. – № 81. – S. 4.
49. Speshnost' v dele s finlyandskim zakonodatel'stvom // Golos Moskvyy. – 1910. – № 135. – S. 1.
50. Suverennaya vlast' Rossii nad finlyandskoy okrainoy // Golos Moskvyy. – 1911. – № 30. – S. 1.
51. U vitse-prezidenta finlyandskogo Imperatorskogo senata gen. Markova // Golos Moskvyy. – 1910. – № 211. – S. 2.
52. Finlyandskiy vopros // Golos Moskvyy. – 1910. – № 108. – S. 1.
53. **Kondratenko, D. P.** Samoderzhavie, liberaly i natsional'nyy vopros v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka / D. P. Kondratenko. – Kirov : VyatGGU, 2005. – S. 149.
54. **Gogolevskiy, A. V.** Ocherki istorii russkogo liberalizma XIX – nachala XX veka / A. V. Gogolevskiy. – SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1996.

***Жабоедов-Господарец
Василий Петрович***

аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48)

E-mail: Zhabvasek@list.ru

***Zhaboedov-Gospodarets
Vasilij Petrovich***

Postgraduate student, Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen (Saint-Petersburg, 48 Naberezhnaya reki Moyky str.)

УДК 94

Жабоедов-Господарец, В. П.

Характеристика правового статуса Великого княжества Финляндского по материалам периодической печати начала XX столетия / В. П. Жабоедов-Господарец // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 17–31.

НИЖЕГОРОДСКО-ТЮМЕНСКИЙ ССЫЛЬНЫЙ ТРАКТ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация. На основе законодательных, делопроизводственных, статистических источников, дореволюционной печати впервые рассматривается вопрос о значимости Нижегородско-Тюменского ссыльного тракта в масштабах Нижегородской губернии и России.

Ключевые слова: главный ссыльный тракт России, заключенные, тюремное дело в Нижегородской губернии и России.

L. Yu. Varentsova, S. Yu. Varentsov

NIZHNY NOVGOROD-TYUMEN EXILE ROUTE IN THE XIXth – EARLY XXth CENTURY

Abstract. On the basis of legislative, clerical, statistical sources of pre-revolution print, the authors for the first time consider the question of significance of the Nizhny Novgorod-Tyumen exile route in scale Nizhny Novgorod Gubernia and Russia.

Key words: main exile route of Russia, prisoners, prison in Nizhny Novgorod Gubernia and Russia.

Астольф де Кюстин, французский писатель и публицист, создавая известные записки «Россия в 1839 году», посетил российские столицы и Нижний Новгород. Его удивила красота волжской природы, размах Нижегородской ярмарки. Здесь на большом сибирском тракте, соединявшем Нижний Новгород с Тюменью, маркиз увидел партию пеших ссыльных поляков, закованных в кандалы, сопровождаемых двенадцатью всадниками. Они держали путь в «страшную сибирскую тайгу». Писатель проникся жалостью к узникам и пришел к выводу, что они «были невинны, ибо при деспотическом режиме виновен тот, кто карает» [1].

По сведениям профессора М. Н. Гернета, через Нижегородскую губернию ежегодно следовало множество арестантов, переправляемых в Сибирь на крепостные, портовые и другие работы [2].

В 1830-х гг. через Нижегородскую губернию переправлялись узники, следовавшие в Сибирь, с двух важнейших трактов России – Московского и Костромского. Подводную повинность несли жители селений, где останавливались данные партии [3]. Ответственность за обеспечение порядка лежала на нижегородском губернаторе. По указу Сената от 1830 г. узникам, отправляемым в Сибирь через этапы, ежемесячно наполовину брили головы [4]. Для предупреждения побегов использовались ручные укрепления – легкие железные прутья. На каждые 200 арестантов полагалось 20 прутьев [5]. Использовались легкие ручные и ножные оковы [6].

В 1864 г. Министерство внутренних дел признало Нижегородско-Тюменский ссыльный тракт важнейшей ссыльно-этапной дорогой Российской империи. Появились правила по перевозке арестантов [7]. Дважды в 1865 г. правительство рассматривало вопрос об увеличении штата конвоя [7] на главном ссыльном тракте России [8]. На правительственном уровне

ссылный тракт от Нижнего Новгорода до Ачинска назвали главным ссылкойным трактом России. В 1865 г. вышли в свет правила о перевозке арестантов и по перессылному тракту от Тюмени до Ачинска [9], а также положения о доставке узников в навигационное время по рекам Сибири [10].

Пеше-этапный порядок следования арестантов по главному ссылкеному тракту был заменен перевозкой заключенных на переменных лошадях, за исключением навигационного времени, когда арестантов от Нижнего Новгорода до Перми перевозили водой.

Дорога от Нижнего Новгорода проходила через город Василь, пересекая Нижегородскую, Казанскую, Вятскую, Пермскую губернии. Всего от Нижнего Новгорода до Перми существовало 42 перехода, на которые уходило 59 дней следования, включая дневки [11].

Перевозке на лошадях подлежали без исключения все арестанты, следовавшие по Нижегородско-Тюменскому тракту, как ссылкиные с их семьями, так и пересылаемые между городами, лежавшими на том тракте, по требованию судебных мест [12, с. 7–15].

Перевозка производилась на простых повозках или телегах. Зимой везли арестантов в санях. На дне летней и зимней повозки постилался двойной или тройной обшитый холстом войлок или соломенные маты. Сидений или скамеек не предусматривалось, вместо них делались веревочные переплеты, прикрепленные к краям повозки.

Женщины и дети перевозились в крытых повозках и санях. На каждой повозке размещалось по четыре арестанта и по одному конвойному, сидевшему рядом с возчиком на передке. Вещи арестанты держали при себе.

За лицами, добровольно следовавшими в Сибирь вслед за ссылкойными родственниками, на две-три повозки предусматривался один конвойный.

Арестантский поезд отправлялся с каждой станции ежедневно и только в Казани и Перми делал остановку на один день.

Перевозка арестантов прекращалась во времена весенней и осенней распутицы на две недели. В арестантском поезде всегда имелось по две-три пустые повозки. В день поезд преодолевал по две-четыре станции. Ночлежными этапами назывались пункты, где назначались ночлеги, а промежуточными этапными станциями – места для перемены лошадей и повозок. На промежуточных станциях нанимались крестьянские избы.

С ночлежных этапов арестанты отправлялись в 5–6 часов утра, когда все запряженные повозки ввозились на двор этапа или острога. Начальник команды проверял исправность повозок и сбруи, осматривал ямщиков, чтобы не было запрещенных для арестантов законом вещей [12, с. 9].

Когда поезд был готов, во двор выходили конвоиры в полном вооружении, а вслед за ними и арестанты. Начальник команды размещал их по подводам. Прежде всего помещались в повозки осужденные на каторжные работы и на поселение, ссылаемые по суду за бродяжничество, затем все остальные. Ключи от цепей вручались унтер-офицеру, заведовавшему поездом. Семьи поселенцев и каторжников отделялись от арестантов и следовали в особых повозках. Женщин-преступниц везли отдельно. Отдельно находились и лица привилегированных сословий. Поезд следовал со скоростью 8 верст в час.

Поездом заведовал унтер-офицер, он беспрерывно осуществлял руководство на всем пути следования. Рядовые конвоиры сменялись на каждой станции. Через каждые два часа поезд останавливался на 10 минут.

Для предупреждения побегов вместо ручных и ножных кандалов и общей цепи из прутьев использовалась особая цепь на ногу арестанту длиной в аршин, а другой ее конец фиксировался к повозке или саням и запирался снаружи замком. Замеченных в буйстве, неповиновении, покушении к побегу, привязывали к телегам или саням цепью за руки.

Арестанты получали путевое довольствие в размере 10–15 копеек в сутки. Предполагалась ежедневно теплая пища. При отправлении с ночлега им выдавали по фунту хлеба и по половине фунта вареной говядины или рыбы с солью на каждого человека [12, с. 13]. Инспектор по пересылке арестантов нес полную ответственность перед государством за проведение операции. Он обо всем докладывал губернатору.

В зимнюю пору ссыльным и пересыльным арестантам-мужчинам выдавались полушубки, армяки, коты, онучи, шапки, рукавицы, вареги, рубахи, порты, шаровары. Для женщин в холодное время года предполагались шубы, армяки, вареги, рукавицы, онучи, коты, суконные юбки, рубахи, порты. Каждому выделялся мешок для содержания этих вещей. В летнее время мужчинам выделялись особые шапки, портянки, а представительницам женского пола – холщевые юбки, платки и портянки [13]. В партиях присутствовали малолетние дети мужского и женского пола, поэтому и для них была соответствующая одежда.

В конце 1860-х – начале 1870-х гг. стоимость отправления одного ссыльного арестанта от Нижнего Новгорода до Тюмени обходилась государству 17 рублей 97 $\frac{1}{2}$ копейки. Эта сумма складывалась из кормового довольствия (1 рубль 80 копеек, из расчета по 10 копеек в сутки), платы за привоз пароходами (4 рубля 41 копейка), за переправу на подводах (11 рублей 76 $\frac{1}{2}$ копейки) [14, л. 104]. Приблизительно столько же стоило отправить до Тюмени одного арестанта от Казани – 17 рублей 87 $\frac{1}{2}$ копейки. Еще дороже вставала казне доставка одного ссыльного арестанта от других губернских и областных городов. Например, от Москвы это стоило 21 рубль 69 $\frac{1}{6}$ копейки, от Новгорода – 24 рубля 19 $\frac{1}{6}$ копейки [14, л. 104].

По сведениям Министерства внутренних дел, только в Нижегородской губернии в 1869 г. расходы на препровождение преступников по главным путям империи составили свыше 15 854 рубля. Они были потрачены на наем этапных помещений, расходы по этапам, содержание тюремных помещений, оплату подвод и перевозку арестантов, оплату труда офицеров [14, л. 48].

В 1862 г. открылась железная дорога, связавшая Нижний Новгород и Москву [15]. В 1864 г. вышло в свет положение о перевозке арестантов. Использовались особые поезда из восьми вагонов. Каждый из них вмещал до 60 человек. В арестантские вагоны, следовавшие между Нижним Новгородом и Москвой, принимались арестанты из попутных городов в случае наличия свободных мест. Плата за провоз арестантов определялась в 50 копеек серебром с каждой версты пути. Обратная доставка вагонов, без арестантов, производилась бесплатно [16].

Нижний Новгород превратился в важный перевалочный пункт по доставке арестантских партий на длительном этапном маршруте от Варшавы и Вильно, Санкт-Петербурга, Москвы до Перми и Тюмени. Из всех дальних губерний их везли по железным дорогам до Нижнего Новгорода.

Арестантов, следовавших только до Нижнего Новгорода, отправляли по прибытии партии в волжскую столицу при особом конвое и при унтер-

офицере прибывшей конвойной команды в Нижегородскую городскую тюрьму. Здесь их передавали начальнику тюрьмы со всеми письменными на них сведениями под квитанцию [17, с. 222].

Движение арестантских партий нередко приостанавливалось из-за распространения в местах заключения инфекционных заболеваний [18]. В 1877 г. император Александр II утвердил Положение о перевозках арестантов по железным дорогам России. Через год на основании этого документа вышло распоряжение инспектора Нижегородско-Тюменского ссыльного тракта. Арестанты перед доставкой на нижегородскую железную дорогу в местах заключения обеспечивались горячей пищей, если партия отправлялась не ранее 9 часов утра. Для довольствия в пути арестанты снабжались сухой пищей. В сутки на человека полагалось 3 фунта (1 кг 200 граммов) хлеба с солью. В скоромные дни предполагался еще $\frac{1}{2}$ –1 фунт (200–400 граммов) вареного мяса, а в дни великого поста давали вареную рыбу. Причем запрещалось давать сельдь, сушеную, сырую или соленую рыбу [19].

В 1896 г. император Николай II также утвердил проект о перевозке арестантов железнодорожным транспортом. Согласно проекту, деньги на путевое кормовое довольствие арестантов и конвойных рассчитывались посуточно. Пища для них в пути не готовилась. В пути они обеспечивались горячей и холодной водой, хлебом, мясом или рыбой. Арестантам простого звания выделялось в сутки на руки по 10 копеек, лицам привилегированных сословий – по 15 копеек на продовольствие в пути [20]. Кормовые деньги им выдавались на руки, чтобы они могли купить питание на станциях с помощью конвойных. В противном случае они получали сухую улучшенную пищу [21]. Если в арестантских партиях имелись малолетние дети, до семи лет, их родителям выдавались кормовые деньги на дорогу для покупки пищи, соответствующей их возрасту.

Из Москвы в Нижний Новгород прибывало от двух до пяти вагонов с арестантами, в каждом из которых находились от 40 до 50 узников. Каждую партию сопровождал офицер и конвойная команда из нижних чинов – от 12 до 30 человек.

Нижегородская губерния относилась к губерниям России, в которых ссыльные задерживались на зиму в местах осуждения, а в навигационное время высылались в Сибирь [17, с. 216–217]. В большей степени ссыльные и пересыльные арестанты на зимнее время определялись в Нижегородскую центральную пересыльную тюрьму, в меньшей степени распределялись и по уездным тюрьмам Нижегородской губернии [22].

Из центральных губерний России в Нижний Новгород поставлялись узники по железной дороге, а из Нижнего Новгорода до Перми и Тюмени – пароходами, а далее – на подводах [23].

Арестанты, подлежащие отправлению из Нижнего Новгорода пароходами, привозились из тюрьмы на городскую сибирскую пристань к тому времени, как приводилась арестантская баржа, сдавались на баржу конвойному офицеру начальником тюрьмы или чиновником губернского правления. Передавались документы и особые попутные списки [17, с. 223].

Для продовольствия арестантов в пути между Нижним Новгородом и Пермью Нижегородское губернское правление снабжало каждый рейс отдельно. Начальникам конвоя выдавалось для продовольствия арестантов по 500 рублей. За выданные деньги отчитывались перед инспектором Ниже-

городско-Тюменского ссыльного тракта. Шнуровая тетрадь с отчетами затем шла в Нижегородскую контрольную палату [24].

В 1873 г. высочайше был утвержден штат нижегородской и тюменской пароходо-конвойных команд, сопровождавших арестантов. В навигационное время они перевозили арестантов по рекам Волге и Каме, между Нижним Новгородом и Пермью, по рекам Западной Сибири, между Тюменью и Томском. Во главе партии стоял начальник команды. Под его руководством были штаб-офицеры, унтер-офицеры, рядовые. Строевых нижних чинов в нижегородской команде находилось 85 человек, а в тюменской – 95 человек. Нестроевых (писарей и денщиков) было соответственно 10 и 11 человек [25, с. 133–134]. На каждом из пароходов полагалось по 1 офицеру, 1 старшему и 2 младшим унтер-офицерам, 25 рядовых и 1 писарю. В тюменской команде было 10 запасных рядовых для усиления конвоя. Нередко из-за мелководья арестантские партии отправлялись пешком от Тюмени до села Артамоново [25, с. 133]. Начальники команд не менее одного раза в каждую навигацию сами отправлялись с арестантскими партиями из Нижнего Новгорода в Пермь и из Тюмени в Томск для проверки правильности конвоирования. Во время препровождения арестантов офицерам выплачивались суточные деньги по 1 рублю в день каждому, порционные деньги, провиант, приварочные деньги, по 5 копеек в сутки каждому на улучшение пищи. В награду за исправную службу они ежегодно получали годовой оклад жалованья. Нижние чины вооружались револьверами и шашками. Нижние чины снабжались летом гимнастическими рубашками, зимой – полушубками и другой теплой одеждой.

В конце XIX в. от Нижнего Новгорода на Пермь в течение навигации отправляли до 15 100 человек, в том числе около 100 местных арестантов. Между Нижним Новгородом и Пермью ежегодно совершалось 32 рейса, начиная с 29 апреля до 20 сентября. Каждые две недели – по три рейса: в каждую первую неделю по понедельникам и пятницам, а каждую вторую – только по понедельникам [17, с. 222]. После 20 сентября, до закрытия навигации, арестантские пароходы делали дополнительные осенние рейсы из Нижнего Новгорода до Казани для перевозки пересыльных арестантов.

Летом через Нижний Новгород проходили особо крупные партии арестантов, в числе которых было много политических заключенных.

Осуществлять перевозки арестантов по рекам помогало государству купечество. В 1867 г. император Александр II наградил нижегородского 1-й гильдии купца Ивана Колчина орденом св. Станислава 2-й степени за заслуги перед государством, за сделанные им значительные сбережения казны во время перевозок арестантов между Нижним Новгородом и Пермью [26].

В конце XIX в. перевозкой арестантов водой, по рекам Волге и Каме, занимался пароходовладелец, купец первой гильдии из Санкт-Петербурга Александр Семенович Семенов. Для буксировки арестантских барж он использовал три парохода: «Кунгур-1», «Кунгур-11», «Бабка» [27]. Всего ходу от Нижнего Новгорода до Перми 5 суток 12 часов. Только за одну навигацию он выполнял по 16 рейсов, доставив на своих баржах 16 арестантских партий.

В конце XIX – начале XX в. на пароходах купца М. П. Зарубина перевозились арестантские партии между Рыбинском и Нижним Новгородом [28]. Пароходами У. С. Курбатова поставлялись арестанты на баржах из Перми до Нижнего Новгорода [29]. Санкт-Петербургская компания «Надежда» также

занималась перевозкой арестантов по Волге между Нижним Новгородом и Рыбинском [30].

В начале XX в. арестанты перевозились между Нижним Новгородом и Астраханью на пароходах «Крестьянка» и «Крестьянин», «Царевич» и «Царевна», а также «Княгиня». Первые четыре парохода принадлежали пароходному обществу «По Волге», учрежденному в 1843 г. специально для перевозки арестантов от Нижнего Новгорода до Астрахани [31].

Расписание движения данных арестантских пароходов утверждалось Главным тюремным управлением, а также нижегородским губернатором. График действовал с апреля по сентябрь. Время пребывания парохода в пути – 5 суток 3 часа 30 минут.

Перевозка осуществлялась под руководством начальников конвоя штабс-капитанов Меркеля и Мрачковского. В их ведении находилась следующая документация: арестантские журналы, харчевые книги, рейсовые ведомости, квитанции переднего и обратного пути, именные списки, сведения на заболевших. Больные арестанты при доставке в Нижний Новгород отправлялись на лечение в Нижегородский тюремный замок либо в Нижегородскую губернскую земскую больницу.

В 1897 г. из Москвы на Пермь и Тюмень через Нижний Новгород перевезено около 15 000 арестантов в 32 партиях. Они отправлялись из Московской центральной пересыльной тюрьмы по железной дороге до Нижнего Новгорода, а затем по рекам до Сибири. Некоторые арестанты следовали только до Нижнего Новгорода [32, с. 154–155]. В Нижний Новгород под руководством инспектора Нижегородско-Тюменского ссыльного тракта прибывали заключенные из Москвы, со всего Поволжья, из Владимирской губернии. В Нижний Новгород инспектору поступали сведения, какое количество арестантов включает каждая из партий, из каких категорий состоит, подлежат ли они отправке в Сибирь. Прибывали в Нижний Новгород партии каторжных, бродяг, ссыльных, общественников, пересыльных арестантов [32, с. 155]. К прибывавшим в навигацию 1897 г. в Нижний Новгород 15 000 заключенных прибавлялось еще и 100 человек из местных тюрем для отправки в Сибирь [32, с. 156].

В 1901 г. нижегородская пароходо-конвойная команда состояла из 146 человек [33, л. 3]. В навигационном отчете за этот год значится, что за весь сезон имел место только один побег пересыльного арестанта Александра Шефера по пути из Нижнего Новгорода в Астрахань [34].

Во время навигации от нижегородской конвойной команды требовались особые знания конвойной службы по сплаву арестантов водой, особая бдительность и осторожность. Имелись случаи, что нижние чины заражались от арестантов инфекционными болезнями. В 1894 г. был распространен сыпной тиф [35].

В ноябре 1901 г. Нижегородская пароходо-конвойная команда рапортовала инспектору Нижегородско-Тюменского ссыльного тракта, что конвойная служба в летний сезон велась исправно, офицеры и нижние чины команды достойны наградных денег [33, л. 1]. В 1901 г. между Нижним Новгородом и Астраханью перевозились из привилегированного сословия ссыльные арестанты (всего пять человек), из простого звания – в основном пересыльные, каторжные, ссыльнопоселенцы, бродяги, военные, ссылаемые в дисциплинарные батальоны [36].

Из Нижегородского края преступники, присужденные к ссылке в отдаленные губернии, кроме сибирских, ссылались еще и в Самарскую губернию [37]. Некоторых отправляли в каторжные тюрьмы Владимира, Орла [38].

Пешие переходы, перевозка арестантов на лошадях, по железной дороге, по главным водным артериям России велись под наблюдением и ответственностью инспектора Нижегородско-Тюменского ссыльного тракта.

Курировалась деятельность инспектора в Министерстве внутренних дел России [39].

В 1860–1870-е гг. инспектором главного ссыльного тракта являлся генерал-майор Игорь Федорович Вокач [40]. Он пользовался уважением со стороны центральной и местной властей. В феврале 1867 г. император Александр II утвердил полковника Вокача в звании директора Нижегородского губернского попечительного о тюрьмах комитета [41].

С 1876 г. в должности инспектора ссыльного тракта служил генерал-майор Виктор Иванович Винокуров, выходец из дворян Санкт-Петербургской губернии, выпускник Московского кадетского корпуса, бывший инспектор Тюменско-Ачинского ссыльного тракта. Имел жалованье 3 000 рублей в год и доплату к нему за сибирскую службу в 400 рублей. Годовой оклад инспектора Нижегородского-Тюменского ссыльного тракта назначался императором и складывался из жалованья, столовых и квартирных денег [42]. В. И. Винокуров лично сопровождал партии государственных преступников [43].

17 декабря 1894 г. государь император Николай II всемилостивейше соизволил пожаловать инспектору в воздаяние ревностной и беспорочной службы в офицерских чинах в течение 35 лет орден святого Владимира 4-й степени [44, л. 12]. До этого он уже награждался орденом святого Станислава 2-й степени.

В 1894 г. в пасхальное воскресенье, после заутрени, Нижегородский губернатор Николай Михайлович Баранов (1882–1897) [45] с супругой покорнейше просили инспектора Нижегородско-Тюменского ссыльного тракта пожаловать к ним, чтобы разговестись [44, л. 14]. 21 октября 1894 г. инспектор был приглашен в числе дворян, гражданских и военных чинов, духовенства нижегородским губернатором [46], генерал-лейтенантом Н. М. Барановым, в кафедральный собор Нижнего Новгорода к 9 часам утра для принятия установленной присяги на верность подданства императору Николаю II.

Расположение Нижнего Новгорода на главных водных и сухопутных трактах России оказало существенное влияние на тюремное дело в Нижегородской губернии. В силу этих обстоятельств губернские и уездные тюремные замки постоянно пополнялись ссыльными и пересыльными арестантами.

В конце XIX в. в Нижегородской губернии каменные тюремные замки имелись в Нижнем Новгороде, Арзамасе, Ардатове, Балахне, Василе, Лукоянове, в селе Лысково Макарьевского уезда, деревянные – в Семенове и Сергаче. По сведениям прокурора Окружного суда, к 1 января 1899 г. арестантов в этих местах заключения было 1064 человека. За 12 месяцев того же года поступило 27 588, выбыло 27 657 человек. Таким образом, на 1 января 1900 г. осталось 995 человек [47]. На основании этих официальных данных следует сделать вывод, что Нижний Новгород являлся одним из важнейших пересыльных центров в процессе передвижения арестантских партий из Европейской России в Сибирь. Нижегородско-Тюменский ссыльный тракт оказывал

огромное влияние не только на тюрьмы Нижегородской губернии, но и на всю пенитенциарную систему России XIX – начала XX в.

Список литературы

1. Астольф де Кюстин // Путешественники / сост.: Н. В. Морохин, Д. Г. Павлов. – Н. Новгород : Книги, 2009. – С. 352–353.
2. **Гернет, М. Н.** История царской тюрьмы / М. Н. Гернет. – М. : Гос. изд-во юрид. л-ры, 1951. – Т. 2. – С. 522.
3. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 5. Оп. 45. Д. 406. Л. 10.
4. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 45. Д. 397. Л. 1 об.
5. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 44. Д. 174. Л. 12, 33.
6. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 44. Д. 173. Л. 5.
7. № 41874 – 1865, марта 5. – Высочайше утвержденное положение Комитета министров, объявленное Сенату министром внутренних дел. – О дополнительном штате конвойных команд по Нижегородско-Тюменскому ссыльно-этапному тракту // ПСЗРИ. Отделение 1-е. Т. 40. Законы 1865 года. – СПб., 1867. – С. 281.
8. № 42683 – 1865, ноября 18. – Именной, объявленный в приказе военного министра. – О назначении по одному запасному рядовому в каждой конвойной команде главного ссыльного тракта от Нижнего Новгорода до Ачинска // ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. 40. Законы 1865 года. – СПб., 1867. – С. 173.
9. № 41872 – 1865 года, марта 5. – Высочайше утвержденные правила о сухопутной перевозке арестантов по главному пересыльному тракту от Тюмени до Ачинска // ПСЗРИ. Отделение 1-е. Т. 40. Законы 1865 года. – СПб., 1867. – С. 264–273.
10. № 41873 – 1865 года, марта 5. – Высочайше утвержденные Временные правила о перевозке арестантов в навигационное время по рекам; Туре, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи в Западной Сибири, между городами Тюменью, Тобольском и Томском // ПСЗРИ. Отделение 1-е. Т. 40. Законы 1865 года. – СПб., 1867. – С. 273–281.
11. № 48045 – 1870, февраля 18. – Этапный маршрут следования арестантов от Варшавы, через Гродно, Вильно, Динабург, Псков, Санкт-Петербург, этап Чудово, Тверь, Москву, Владимир, Нижний Новгород, Казань и Пермь, до Тюмени (Тобольской губернии и обратно) // ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. 45. Законы 1870 года. – СПб., 1874. – С. 91–92.
12. № 41329 – 1864 года, октября 5. Сенатский, по Высочайшему повелению. – О сухопутной перевозке арестантов по главному пересыльному тракту от Нижнего Новгорода до Тюмени // ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. 39. Отделение 2-е. Законы 1864 года. – СПб., 1867.
13. Одежда ссыльных и пересыльных арестантов // Тюремный вестник (далее – ТВ). – 1896. – № 4. – С. 230.
14. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 455.
15. Нижегородский край: Факты, события, люди. – Н. Новгород, 1994. – С. 264.
16. № 40467 – 1864 года, января 5. Высочайше утвержденный, 5 января 1864 года, проект предполагаемых дополнений и изменений в Положениях о перевозке арестантов по железным дорогам. Положения о перевозке арестантов по Московско-Нижегородской железной дороге // ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. 39. Отделение 3-е. Законы 1864 года. – СПб., 1867. – С. 13–15.
17. Общее расписание движения партий ссыльных арестантов в 1896 году // ТВ. – 1896. – № 4.
18. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1003. Л. 1.
19. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 662. Л. 214.
20. ЦАНО. Ф. 2592. Оп. 1. Д. 167. Л. 2.

21. Об утверждении проекта примечания к параграфу 39 положения о перевозке арестантов по железным дорогам, Высочайше утвержденного 24 марта 1877 года // ТВ. – 1897. – № 4. – С. 136.
22. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 595. Л. 1–2.
23. № 48045 – 1870, февраля 18. – Правила перевозки арестантов // ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. 45. Законы 1870 года. – СПб., 1874. – С. 88.
24. Утвержденное начальником Главного тюремного управления расписание движения ссыльных арестантов от сборных пунктов в Сибирь в навигацию 1897 г. // ТВ. – 1897. – № 4. – С. 156–157.
25. № 52082 – 1873 года, марта 31. – Высочайше утвержденный, 31 марта 1873 года, штат Нижегородской и Тюменской пароходо-конвойных команд, сопровождающих арестантов, перевозимых в навигационное время пароходами по рекам Волге и Каме, между Нижним Новгородом и Пермью и по рекам Западной Сибири, между Тюменью и Томском // ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. 48. Законы 1873 года. – СПб., 1876.
26. Высочайшая награда // Нижегородские губернские ведомости (далее – НГВ). – 1867. – № 39. – Часть официальная (далее – ЧО). – С. 258.
27. ЦАНО. Ф. 2592. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.
28. ЦАНО. Ф. 2592. Оп. 1. Д. 170. Л. 35.
29. План движения арестантских барж за пароходами У. С. Курбатова наследницы О. П. Карповой в навигацию 1904 года // ТВ. – 1904. – № 5. – С. 344.
30. План перевозки арестантских партий на пароходах Санкт-Петербургской компании «Надежда» по реке Волге, между Нижним Новгородом и Рыбинском, еженедельно, во время навигации 1904 г. // ТВ. – 1904. – № 5. – С. 353–354.
31. ЦАНО. Ф. 2592. Оп. 1. Д. 164. Л. 2 об. – 3.
32. Утвержденное начальником Главного тюремного управления расписание движения ссыльных арестантов от сборных пунктов в Сибирь в навигацию 1897 г. // ТВ. – 1897. – № 4.
33. ЦАНО. Ф. 2592. Оп. 1. Д. 171.
34. ЦАНО. Ф. 2592. Оп. 1. Д. 151. Л. 17 об.
35. ЦАНО. Ф. 2592. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.
36. ЦАНО. Ф. 2592. Оп. 1. Д. 170. Л. 9.
37. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 455. Л. 15.
38. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 994. Л. 1 об. – 3.
39. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Центральные государственные учреждения. Министерство внутренних дел. Министерство юстиции. Министерство финансов. Министерство торговли и промышленности. Государственный контроль. – СПб., 2001. – Т. 2. – С. 8.
40. Адрес-календарь Нижегородской губернии на 1888 год. – Н. Новгород, 1888. – С. 94.
41. Высочайшее повеление // НГВ. – 1867. – № 12. – ЧО. – С. 63.
42. № 51904. – 1873 года, февраля 16. Именной, объявленный Сенату министром внутренних дел 21 апреля. – О разделении содержания чинов инспектуры пересылки арестантов на жалованье, столовые и квартирные // ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. 48. Отделение 1-е. Законы 1873 года. – СПб., 1876. – С. 239.
43. ЦАНО. Ф. 2592. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
44. ЦАНО. Ф. 2592. Оп. 1. Д. 30. Л. 12.
45. **Селезнев, Ф. А.** Первые лица Нижегородской губернии XVIII–XX вв. / Ф. А. Селезнев. – Н. Новгород : ННГУ, 2005. – С. 46.
46. ЦАНО. Ф. 2592. Оп. 1. Д. 1. Л. 51.
47. Нижегородский край. Адресная и справочная книга г. Нижнего Новгорода и Нижегородской губернии 1901 г. – Н. Новгород, 1901. – С. 85.

References

1. Astol'f de Kyustin // Puteshestvenniki / sost.: N. V. Morokhin, D. G. Pavlov. – N. Novgorod : Knigi, 2009. – S. 352–353.
2. **Gernet, M. N.** Istoriya tsarskoy tyur'my / M. N. Gernet. – M. : Gos. izd-vo yurid. l-ry, 1951. – T. 2. – S. 522.
3. Tsentral'nyy arkhiv Nizhegorodskoy oblasti (dalee – TsANO). F. 5. Op. 45. D. 406. L. 10.
4. TsANO. F. 5. Op. 45. D. 397. L. 1 ob.
5. TsANO. F. 5. Op. 44. D. 174. L. 12, 33.
6. TsANO. F. 5. Op. 44. D. 173. L. 5.
7. № 41874 – 1865, marta 5. – Vysochayshe utverzhdennoe polozhenie Komiteta ministrov, ob'yavlennoe Senatu ministrom vnutrennikh del. – O dopolnitel'nom shtate konvoynykh komand po Nizhegorodsko-Tyumenskomu ssyl'no-etapnomu traktu // PSZRI. Otdelenie 1-e. T. 40. Zakony 1865 goda. – SPb., 1867. – S. 281.
8. № 42683 – 1865, noyabrya 18. – Imennoy, ob'yavlennoy v prikaze voennogo ministra. – O naznachenii po odnomu zapasnomu ryadovomu v kazhdoy konvoynoy komande glavnogo ssyl'nogo trakta ot Nizhnego Novgoroda do Achinska // PSZRI. Sobranie 2-e. T. 40. Zakony 1865 goda. – SPb., 1867. – S. 173.
9. № 41872 – 1865 goda, marta 5. – Vysochayshe utverzhennyye pravila o sukhoputnoy perezovozke arestantov po glavnomu peresyl'nomu traktu ot Tyumeni do Achinska // PSZRI. Otdelenie 1-e. T. 40. Zakony 1865 goda. – SPb., 1867. – S. 264–273.
10. № 41873 – 1865 goda, marta 5. – Vysochayshe utverzhennyye Vremennyye pravila o perezovozke arestantov v navigatsionnoe vremya po rekam; Ture, Tobolu, Irtyshe, Obi i Tomi v Zapadnoy Sibiri, mezhdru gorodami Tyumen'yu, Tobol'skom i Tomskom // PSZRI. Otdelenie 1-e. T. 40. Zakony 1865 goda. – SPb., 1867. – S. 273–281.
11. № 48045 – 1870, fevralya 18. – Etapnyy marshrut sledovaniya arestantov ot Varshavy, cherez Grodno, Vil'no, Dinaburg, Pskov, Sankt-Peterburg, etap Chudovo, Tver', Moskvu, Vladimir, Nizhniy Novgorod, Kazan' i Perm', do Tyumeni (Tobol'skoy gubernii i obratno) // PSZRI. Sobranie 2-e. T. 45. Zakony 1870 goda. – SPb., 1874. – S. 91–92.
12. № 41329 – 1864 goda, oktyabrya 5. Senatskiy, po Vysochayshemu poveleniyu. – O sukhoputnoy perezovozke arestantov po glavnomu peresyl'nomu traktu ot Nizhnego Novgoroda do Tyumeni // PSZRI. Sobranie 2-e. T. 39. Otdelenie 2-e. Zakony 1864 goda. – SPb., 1867.
13. Odezhda ssyl'nykh i peresyl'nykh arestantov // Tyuremnyy vestnik (dalee – TV). – 1896. – № 4. – S. 230.
14. TsANO. F. 5. Op. 1. D. 455.
15. Nizhegorodskiy kray: Fakty, sobytiya, lyudi. – N. Novgorod, 1994. – S. 264.
16. № 40467 – 1864 goda, yanvarya 5. Vysochayshe utverzhennyy, 5 yanvarya 1864 goda, proekt predpolagaemykh dopolneniy i izmeneniy v Polozheniyakh o perezovozke arestantov po zheleznykh dorogam. Polozheniya o perezovozke arestantov po Moskovsko-Nizhegorodskoy zheleznoy doroge // PSZRI. Sobranie 2-e. T. 39. Otdelenie 3-e. Zakony 1864 goda. – SPb., 1867. – S. 13–15.
17. Obshchee raspisanie dvizheniya partiy ssyl'nykh arestantov v 1896 godu // TV. – 1896. – № 4.
18. TsANO. F. 5. Op. 1. D. 1003. L. 1.
19. TsANO. F. 5. Op. 1. D. 662. L. 214.
20. TsANO. F. 2592. Op. 1. D. 167. L. 2.
21. Ob utverzhdenii proekta primechaniya k paragrafu 39 polozheniya o perezovozke arestantov po zheleznykh dorogam, Vysochayshe utverzhdenogo 24 marta 1877 goda // TV. – 1897. – № 4. – S. 136.
22. TsANO. F. 5. Op. 1. D. 595. L. 1–2.
23. № 48045 – 1870, fevralya 18. – Pravila perezovozki arestantov // PSZRI. Sobranie 2-e. T. 45. Zakony 1870 goda. – SPb., 1874. – S. 88.

24. Utverzhdennoe nachal'nikom Glavnogo tyuremnogo upravleniya raspisanie dvizheniya ssyl'nykh arestantov ot sbornykh punktov v Sibir' v navigatsiyu 1897 g. // TV. – 1897. – № 4. – S. 156–157.
25. № 52082 – 1873 goda, marta 31. – Vysochayshe utverzhdenny, 31 marta 1873 goda, shtat Nizhegorodskoy i Tyumenskoy parokhodo-konvoynykh komand, soprovozhdayushchikh arestantov, perevozimykh v navigatsionnoe vremya parokhodami po rekam Volge i Kame, mezhdru Nizhnim Novgorodom i Perm'yu i po rekam Zapadnoy Sibiri, mezhdru Tyumen'yu i Tomskom // PSZRI. Sobranie 2-e. T. 48. Zakony 1873 goda. – SPb., 1876.
26. Vysochayshaya nagrada // Nizhegorodskie gubernskie vedomosti (dalee – NGV). – 1867. – № 39. – Chast' ofitsial'naya (dalee – ChO). – S. 258.
27. TsANO. F. 2592. Op. 1. D. 7. L. 2.
28. TsANO. F. 2592. Op. 1. D. 170. L. 35.
29. Plan dvizheniya arestantskikh barzh za parokhodami U. S. Kurbatova naslednitsy O. P. Karpovoy v navigatsiyu 1904 goda // TV. – 1904. – № 5. – S. 344.
30. Plan perevozki arestantskikh partiy na parokhodakh Sankt-Peterburgskoy kompanii «Nadezhda» po reke Volge, mezhdru Nizhnim Novgorodom i Rybinskom, ezhenedel'no, vo vremya navigatsii 1904 g. // TV. – 1904. – № 5. – S. 353–354.
31. TsANO. F. 2592. Op. 1. D. 164. L. 2 ob. – 3.
32. Utverzhdennoe nachal'nikom Glavnogo tyuremnogo upravleniya raspisanie dvizheniya ssyl'nykh arestantov ot sbornykh punktov v Sibir' v navigatsiyu 1897 g. // TV. – 1897. – № 4.
33. TsANO. F. 2592. Op. 1. D. 171.
34. TsANO. F. 2592. Op. 1. D. 151. L. 17 ob.
35. TsANO. F. 2592. Op. 1. D. 6. L. 12.
36. TsANO. F. 2592. Op. 1. D. 170. L. 9.
37. TsANO. F. 5. Op. 1. D. 455. L. 15.
38. TsANO. F. 5. Op. 1. D. 994. L. 1 ob. – 3.
39. Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917. Tsen-tral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya. Ministerstvo vnutrennikh del. Ministerstvo yustitsii. Ministerstvo finansov. Ministerstvo torgovli i promyshlennosti. Gosudarstvennyy kontrol'. – SPb., 2001. – T. 2. – S. 8.
40. Adres-kalendar' Nizhegorodskoy gubernii na 1888 god. – N. Novgorod, 1888. – S. 94.
41. Vysochayshee povelenie // NGV. – 1867. – № 12. – ChO. – S. 63.
42. № 51904. – 1873 goda, fevralya 16. Imennoy, ob'yavlennoy Senatu ministrom vnutrennikh del 21 aprelya. – O razdelenii sodержaniya chinov inspektury peresylyki arestantov na zhalovan'e, stolovye i kvartirnye // PSZRI. Sobranie 2-e. T. 48. Otdelenie 1-e. Zakony 1873 goda. – SPb., 1876. – S. 239.
43. TsANO. F. 2592. Op. 1. D. 1. L. 11.
44. TsANO. F. 2592. Op. 1. D. 30. L. 12.
45. **Seleznev, F. A.** Pervye litsa Nizhegorodskoy gubernii XVIII–XX vv. / F. A. Seleznev. – N. Novgorod : NNGU, 2005. – S. 46.
46. TsANO. F. 2592. Op. 1. D. 1. L. 51.
47. Nizhegorodskiy kray. Adresnaya i spravochnaya kniga g. Nizhnego Novgoroda i Nizhegorodskoy gubernii 1901 g. – N. Novgorod, 1901. – S. 85.

Варенцова Лариса Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России и краеведения,
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(г. Нижний Новгород, ул. Большая
Покровская, 60)

Varentsova Larisa Yuryevna

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of history
of Russia and history of Nizhny Novgorod
region, Nizhny Novgorod State University
named after N. I. Lobachevsky
(Nizhny Novgorod, 60 Bolshaya
Pokrovskaya str.)

E-mail: l_varentsova.65@mail.ru

Варенцов Сергей Юрьевич

сотрудник уголовно-исполнительной
системы

E-mail: s_varentsov@mail.ru

Varentsov Sergey Yuryevich

Associate of the criminal executive
system

УДК 908 (470.341)

Варенцова, Л. Ю.

Нижегородско-Тюменский ссыльный тракт в XIX – начале XX в. /
Л. Ю. Варенцова, С. Ю. Варенцов // Известия высших учебных заведений.
Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 32–43.

РЕФОРМА СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В ПРОГРАММАХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПАРТИЙ РОССИИ НАЧАЛА XX в.

Аннотация. Статья посвящена основным направлениям реформирования судебной системы страны, сформулированным в программах либеральных политических партий России начала XX в. Проводится сравнительный анализ программ основных либеральных политических партий. Делается вывод о соответствии содержания партийной программы конституционно-демократической партии деятельности ее фракции в Государственной думе.

Ключевые слова: судебная система, российский либерализм, либеральные политические партии.

P. A. Kalugin

COURT SYSTEM REFORM IN PROGRAMS OF LIBERAL PARTIES OF RUSSIA IN THE EARLY XXth CENTURY

Abstract. The article is devoted to the main directions of reforming the country's judicial system contained in the programmes of liberal political parties in Russia at the beginning of the XXth century. The author carries out a comparative analysis of the programmes of the major liberal political parties and concludes about accordance of the constitutional-democratic party programme content and about the party's faction activity in the State Duma.

Key words: judicial system, Russian liberalism, liberal political parties.

Практически все либеральные партии России начала XX в. включили в свои партийные программы разделы, посвященные реформе судебной системы. В полной мере это относится к разделу партийной программы конституционно-демократической партии, который так и называется «Суд» [1, с. 37–38]. Сущностно он не отличается от иных разделов и так же, как и иные разделы программы, содержит основные принципы и ориентиры для будущей программы законотворческой и партийно-политической работы в данном направлении.

Следуют они из общего вывода, сделанного российской либеральной юриспруденцией при анализе хода и результатов «Великих реформ» последней трети XIX в., о том, что судебная реформа 1864 г. была наиболее демократичной и создала в системе государственного управления институты, порой опережавшие общий уровень развития социально-политического строя страны. Соответственно, в качестве первого пункта указанного раздела (п. 27) присутствует фраза, ставшая лейтмотивом всей деятельности российского либерализма в части реализации судебной реформы: «Все отступления от начал Судебных Уставов 20 ноября 1864 года, устанавливающих отделение судебной власти от административной (несменяемость, независимость и гласность суда и равенство всех перед судом), как внесенные позднейшими новеллами, так и допущенные при самом составлении Уставов, упраздняются» [1, с. 38–39].

Данный раздел программы не был столь же разработанным, как иные разделы программы главной партии российского либерализма. На первом

месте находились такие принципиально значимые для страны темы, как права и свободы человека, введение всеобщего избирательного права и аграрная реформа.

В той же статье указывалось, что «не подлежит никаким ограничениям правило о том, что никто не может быть подвергнут наказанию без вошедшего в силу приговора компетентного суда». Ограничивалось вмешательство министра юстиции в назначение на судебские должности или в перемещение судей и производство судебных дел [7, с. 60–61].

Следующая группа принципов доводила до завершения судебную реформу 1864 г. Она предусматривала, что: «сословный суд упраздняется»; «ответственность должностных лиц определяется на общем основании»; «компетенции выборного мирового суда подчиняются и дела волостной юстиции. Волостной суд и институт земских начальников упраздняются», восстанавливался принцип единства кассационного суда [1, с. 38].

Совершенствовался и институт присяжных. Согласно кадетской программе «компетенция суда присяжных определяется исключительно тяжестью наказания, назначенного в законе безотносительно к роду дел». Жюри присяжных формировалось без имущественного ценза. Отменялся он и для мировых судей. Таким образом, основные элементы судебной системы становились подлинно всеобщими [4, с. 128]. При этом специально оговаривалось, что в его компетенцию входят все государственные преступления, а также преступления, связанные с делами о печати. Завершается совокупность принципов переустройства судебной системы провозглашением принципа организации адвокатуры на основе подлинного самоуправления.

Содержал раздел и более общие принципы судебной реформы, связанные с решением таких острых социальных проблем политической жизни России начала XX в., как отмена смертной казни, введение условного осуждения, защиты на предварительном следствии, а также состязательного начала в процессе предания суду [1, с. 38].

Сходные положения содержались и в программатике иных либеральных партий, которые, в отличие от кадетов, по различным обстоятельствам не облекли свои собственные программные установки в законченную форму законопроектов [2, с. 26–27].

В программе Партии демократических реформ формально раздел «Суд» содержался, но, в отличие от кадетской программы, он был редуцирован до одного пункта (ст. 24): «Все отступления от основных начал судебной реформы 20-го ноября 1864-го года, как внесенные позднейшими узаконениями, так и допущенные при самом составлении судебных уставов, отменяются» [1, с. 23]. Нетрудно заметить, что это прямое заимствование из программы конституционно-демократической партии. Этот механизм ни для кого не был секретом, так как партии либерального центра вполне сознательно практиковали подобные заимствования. При этом часть разделов программы центристских либеральных партий (например, по рабочему вопросу) была разработана более подробно, чем у кадетов. Она содержала, в частности, и требование учреждения особых судов «для разбора споров и несогласий, возникающих между рабочими и предпринимателями по предмету заключенного между ними договора найма».

Сходным у Партии демократических реформ и кадетов было и общее видение места и роли реформирования судебной системы в партийной

программатике. Достаточно ясно и четко это выразил в одном из своих программных выступлений один из лидеров партии М. М. Ковалевский 14 февраля 1906 г., где, анализируя программы многочисленных либеральных партий, он отмечал: «...во всех программах наших политических партий личные права граждан понимаются весьма широко и ставятся под защиту суда. То же самое может быть сказано, в частности, и о Партии демократических реформ: она делает суд стражем как личной неприкосновенности, так и свободы слова и печати» [2, с. 38].

Изложил он в этом выступлении и общие подходы к пониманию принципов организации суда в той части выступления, где говорил о том, что «партия желает видеть суд свободным от тех ограничений, каким подвергалось его право самоопределения за последние сорок лет, другими словами, что для нее несменяемость судей, гласность и состязательность прений и участие народного элемента присяжных в решении вопроса о совершении или несовершении преступного акта – равно желательны, то всем станет ясно, что составители программы имели в виду не одно лишь принципиальное развитие доктрины субъективных прав граждан, но и проведение ее начал в жизнь» [2, с. 39].

Аналогичным был подход к данному вопросу и у Партии мирного обновления. В преамбуле к партийной программе мирнообновленцы указывают на то, что ближе всего к их политическим воззрениям находится программа Партии демократических реформ. При этом они отмечают, что в области судебной реформы они считают необходимым «рядом с осуществлением основ уставов 20 ноября 1864 года в их первоначальной чистоте... необходимым ввести новые юридические положения». В данном случае речь шла об участии защиты в предварительном следствии, условном осуждении, досрочном освобождении, отмене смертной казни [2, с. 63]. Указанные положения преамбулы, в отличие от Партии демократических реформ, были отражены в двух статьях Партии мирного обновления (ст. 23–24). В ст. 24 содержалось общее для всех либералов положение – об отмене смертной казни.

Развитие этих идей мы видим в «Основных положениях программы Партии демократических реформ», опубликованных в рамках предвыборной кампании во Вторую Государственную думу. В нее вошли два пункта (п. 7–8), в которых речь шла об отмене смертной казни и категорическом запрете телесных наказаний, а также военного суда, за исключением нахождения страны в состоянии войны с иностранным государством [2, с. 85].

По аналогичному пути пошли и мирнообновленцы, которые 18 ноября 1906 г. опубликовали воззвание «К избирателям», где они, в сравнении с партийной программой, значительно расширили раздел «Суд», написанный, следует отметить, в стилистике именно агитационных материалов. Он собственно начинается следующими словами: «...для охранения прав русских граждан нужен суд правый, скорый и милостивый: для этого нужно, чтобы суд был независим от министров и других начальников» [2, с. 91–92]. Впрочем, если абстрагироваться от языка документа и проанализировать его содержание, то получается достаточно репрезентативная, для характеристики подхода мирнообновленцев к судебной реформе, картина. Воззвание включает в себя такие требования, как увольнение судей от должности только судом.

Сравнительный анализ включенности основных направлений реформирования судебной системы в программы либеральных политических партий России начала XX в. представлен в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ включенности основных направлений реформирования судебной системы в программы либеральных политических партий России начала XX в.

Положения реформы	Конституционно-демократическая партия	Партия демократических реформ	Партия мирного обновления
1. Восстановление судебных уставов 1864 г.	2 Упразднение всех отступлений от начал судебных уставов 20 ноября 1864 г., устанавливающих отделение судебной власти от административной (несменяемость, независимость и гласность суда и равенство всех перед судом), как внесенных позднейшими новеллами, так и допущенных при самом составлении Уставов	3 Отмена всех отступлений от основных начал судебной реформы 20 ноября 1864 г., как внесенных позднейшими узаконениями, так и допущенных при самом составлении судебных уставов	4 Введение новых юридических положений рядом с осуществлением основ уставов 20 ноября 1864 г. в их первоначальной чистоте
2. Несменяемость судей, гарантии от произвола судебного начальства	Ограничение вмешательства министра юстиции в назначение на судебские должности или в перемещение судей и производство судебных дел	Независимость суда от министров и других начальников / увольнение судей от должности только судом	Независимость суда от министров и других начальников / увольнение судей от должности только судом
3. Отмена смертной казни	Отмена смертной казни	Отмена смертной казни и категорический запрет телесных наказаний	Отмена смертной казни навсегда
4. Отмена института земских начальников / восстановление мировых судей	Подчинение компетенции выборного мирового суда и дел волостной юстиции. Упразднение волостного суда и института земских начальников. Восстановление принципа единства кассационного суда. Определение ответственности должностных лиц на общем основании. Упразднение сословного суда. Отмена имущественного ценза для мировых судей	Отнесение дел о незначительных преступлениях и проступках к юрисдикции мировых судей, избираемых населением, а не земских начальников	Отнесение дел о незначительных преступлениях и проступках к юрисдикции мировых судей, избираемых населением, а не земских начальников

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
5. Расширение юрисдикции суда присяжных	<p>Определение компетенции суда присяжных исключительно тяжестью наказания, назначенного в законе относительно к роду дел.</p> <p>Формирование жюри присяжных без имущественного ценза.</p> <p>Отнесение к компетенции суда присяжных всех государственных преступлений, а также преступлений, связанных с делами о печати.</p> <p>Никто не может быть подвергнут наказанию без вошедшего в силу приговора компетентного суда</p>		<p>Отнесение крупных преступлений к юрисдикции суда присяжных.</p> <p>Суд – страж как личной неприкосновенности, так и свободы слова и печати</p>
6. Принцип наложения наказания исключительно судом	<p>Никто не может быть подвергнут наказанию без вошедшего в силу приговора компетентного суда</p>		<p>Суд – страж как личной неприкосновенности, так и свободы слова и печати</p>
7. Отмена военных полевых судов	<p>Отмена чрезвычайных судов</p>	<p>Отмена военного суда, за исключением случаев нахождения страны в состоянии войны с иностранным государством</p>	
8. Предварительное следствие	<p>Введение защиты на предварительном следствии, а также состязательного начала в процессе предания суду</p>		<p>Участие защиты в предварительном следствии</p>
9. Условное наказание	<p>Введение условного осуждения</p>		<p>Условное осуждение</p>
10. Споры Имперского центра и местного самоуправления	<p>Распространение на отношения между органами государственного и местного самоуправления судебного порядка разрешения возникающих споров</p>		

Окончание табл. 1

1	2	3	4
11. Замена административного вмешательства в деятельности центральной власти в дела местного самоуправления судебным порядком разрешения противоречий	Запрет административного вмешательства органов государственной власти в деятельность органов местного самоуправления и их ограничение отношениями контроля		
12. Статус судей	Судьи не должны были получать награды от государства		
13. Досрочное освобождение			Досрочное освобождение
14. Суды специальной компетенции		Учреждения особых судов «для разбора споров и несогласий, возникающих между рабочими и предпринимателями по предмету заключенного между ними договора найма»	

Если подводить итог сравнительному анализу подходов Партии демократических реформ и Партии мирного обновления к реформированию судебной системы России, то можно сделать вывод о том, что если объединить комплекс программных документов указанных партий в данной сфере, то мы получим почти точное совпадение с программой Конституционно-демократической партии.

Соответственно, программа Конституционно-демократической партии служит исходным материалом для конструирования программатики иных либеральных партий и содержит в той или иной форме, но преимущественно именно в тексте партийной программы, большинство либеральных положений в области судебной реформы в России. Что касается партий мирного обновления и демократических реформ, то для создания комплексной картины их видения на уровне внутривыборных документов основных направлений реформы судебной страны был использован комплекс документов, включающий предвыборные воззвания и выступления ведущих теоретиков и партийных лидеров [5, с. 126–127].

Вместе с тем следует отметить, что в двух выявленных нами в ходе сравнительного анализа случаях программатика Партии мирного обновления и Партии демократических реформ, напротив, дополняет кадетскую в части введения института досрочного освобождения и судов специальной компетенции для разрешения споров в сфере исполнения трудовых договоров между рабочими и работодателями.

Что же касается последующего процесса воплощения программных установок в повседневную политическую практику, то это впервые было осуществлено именно российскими либералами, сумевшими пройти стадию перевода партийной программатики на язык практического законотворчества [7, с. 55]. И в этой части кадеты будут вне конкуренции уже в силу того, что их либеральные союзники справа сравнительно недолго будут фракционно представлены в Государственной думе, впрочем, оставаясь в общем ряду либерального движения. Однако эти партийные наработки, как и многие другие, не были восприняты обществом, находящимся на стадии системного кризиса, когда либеральные ценности редко находят адекватное восприятие [6, с. 15–16].

Список литературы

1. Съезды и конференции конституционно-демократической партии : в 3 т. Т. 1: 1905–1907 гг. – М. : РОССПЭН, 1997. – 744 с.
2. Партия демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. – М. : РОССПЭН, 2002. – 528 с.
3. Российский либерализм середины XVIII – начала XX века : энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. – М. : РОССПЭН, 2010. – 1087 с.
4. **Сорокин, А. А.** Кадетская фракция Государственной думы и столыпинская реформа местного суда (1907–1912 гг.) / А. А. Сорокин, Ф. А. Селезнев // IV Муромцевские чтения. Время выбрало нас: Путь интеллектуала в политику : сб. материалов науч. конф. (25–26 октября 2012 г.). – Орел : Издатель А. В. Воробьев, 2012. – С. 127–135.
5. **Хайлова, Н. Б.** Партия демократических реформ : дис. ... канд. ист. наук / Хайлова Н. Б. – М., 1994. – 305 с.
6. **Шелохаев, В. В.** Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе / В. В. Шелохаев // Вопросы истории. – 2007. – № 5. – С. 3–16.

7. **Шелокхаев, В. В.** Либеральная модель переустройства России / В. В. Шелокхаев. – М. : РОССПЭН, 1996. – 227 с.

References

1. S"ezdy i konferentsii konstitutsionno-demokraticheskoy partii : v 3 t. T. 1: 1905–1907 gg. – М. : ROSSPEN, 1997. – 744 s.
2. Partiya demokraticheskikh reform, mirnogo obnovleniya, progressistov. 1906–1916 gg. Dokumenty i materialy. – М. : ROSSPEN, 2002. – 528 s.
3. Rossiyskiy liberalizm serediny XVIII – nachala XX veka : entsiklopediya / otv. red. V. V. Shelokhaev. – М. : ROSSPEN, 2010. – 1087 s.
4. **Sorokin, A. A.** Kadetskaya fraktsiya Gosudarstvennoy dумы i stolypinskaya reforma mestnogo suda (1907–1912 gg.) / A. A. Sorokin, F. A. Seleznev // IV Muromtsevskie chteniya. Vremya vybralo nas: Put' intellektuala v politiku : sb. materialov nauch. konf. (25–26 oktyabrya 2012 g.). – Orel : Izdatel' A. V. Vorob'ev, 2012. – S. 127–135.
5. **Khaylova, N. B.** Partiya demokraticheskikh reform : dis. ... kand. ist. nauk / Khaylova N. B. – М., 1994. – 305 s.
6. **Shelokhaev, V. V.** Diskussionnye problemy istorii russkogo liberalizma v noveyshy otechestvennoy literature / V. V. Shelokhaev // Voprosy istorii. – 2007. – № 5. – S. 3–16.
7. **Shelokhaev, V. V.** Liberal'naya model' pereustroystva Rossii / V. V. Shelokhaev. – М. : ROSSPEN, 1996. – 227 s.

Калугин Павел Александрович
соискатель, Госуниверситет –
учебно-научно-производственный
комплекс
(г. Орел, Наугорское шоссе, 29)

E-mail: kalugin.p@bk.ru

Kalugin Pavel Alexandrovich
Applicant, State University – educational-
research-production complex
(Orel, 29 Naugorskoe road)

УДК 329.12; 32.001(091)(4/9)

Калугин, П. А.

Реформа судебной системы в программах либеральных партий России начала XX в. / П. А. Калугин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 44–51.

ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ РАСКОЛ 1920-х гг. В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Аннотация. Обновленческий раскол стал свидетельством становления новой коммунистической морали в обществе, попыткой определенной части русского православного духовенства «вписать» Церковь в жесткие идеологические рамки нового политического режима. Однако обновленчество, несмотря на активную поддержку Советской власти, угасло к середине 1930-х гг. и не стало мощной духовной силой и нравственно-религиозной основой морального сознания русского народа.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Патриарх Тихон, обновленчество, Советская власть, 1920-е гг., общественное сознание.

L. B. Zakharova

RENOVATIONIST SCHISM OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN 1920s

Abstract. The Renovationist schism became the indication of the formation of the new Communist morality in society, an attempt of a certain part of the Russian Orthodox clergy «accommodate» the Church in the strict ideological framework of the new political regime. However, Renovationism, despite the active support of the Soviet government, was extinguished by the mid-1930s, and failed to become a strong spiritual power and the moral and religious basis of the moral consciousness of the Russian people.

Key words: Russian Orthodox Church, Patriarch Tikhon, Renovationism, Soviet power, 1920s, public consciousness.

Одной из особенностей морального сознания русского общества в начале 1920-х гг. стало противостояние Советской власти и Церкви, точнее – давление властей на Русскую православную церковь, обусловленное целым рядом факторов. Власть боялась укрепления авторитета Церкви в глазах народа, стремилась ее всячески дискредитировать. Главными причинами наступления на Церковь со стороны Советской власти было, во-первых, ее мощное влияние на моральное сознание народа, которое шло вразрез с марксистской идеологией и пропагандой большевиков и воспринималось как «конкурирующая» сила для коммунистической идеи в массовом сознании. Во-вторых, новой власти было необходимо оперативно уничтожить все прежние государственные институты, ассоциируемые в обществе с прежним укладом жизни, вековыми обычаями и традициями, – таким институтом была Церковь («Мы наш, мы новый мир построим» – слова пролетарского гимна). В-третьих, атеистическая идеология не вписывалась в традиционную религиозную картину мира, сложившуюся в общественном сознании («Религия – яд, береги ребят!» – призыв на плакате начала 1920-х гг.). В-четвертых, духовенство и священнослужители стали «классово чуждым элементом», и места в социальной структуре нового общества для них не было. В-пятых, Советская власть получила возможность, используя неограниченные администра-

тивные ресурсы, национализировать собственность и имущество, принадлежащие Церкви.

Раскол внутри самой Русской православной церкви произошел вследствие начавшегося церковно-реформаторского движения «обновленческой церкви» по инициативе священника А. И. Введенского [1–3], выступавшего против руководства Церковью Патриархом Тихоном, поддерживавшего новый политический режим и проводимые им преобразования. 15 мая 1922 г. депутация обновленцев, получивших негласную поддержку ГПУ НКВД РСФСР, была принята Председателем ВЦИК М. И. Калининым, на следующий день было объявлено об учреждении нового «Высшего Церковного Управления» (ВЦУ), состоявшего полностью из сторонников обновленчества.

29 мая 1922 г. в Москве была создана обновленческая группа «Живая церковь». Обновленцы (официальное самоназвание – Православная Российская церковь) возносили «многая лета благовернейшему Совнаркому», заменяли кресты на могилах красными звездами, развешивали в своих церквах и конторах лозунги: «Обновленческая церковь есть форма коллективизации народного духа на началах религии», «Разными путями, но мы идем к одной цели – к Царствию Божию – социализму на земле». В Бузулукском уезде Самарской губернии обновленцы переименовали свой собор в «пролетарский», а в Бугурусланском уезде – перекрасили в красный цвет свою церковь. Органы Советской власти повсеместно поддерживали обновленцев, видя в этом течении силу, способную серьезно подорвать изнутри Русскую православную церковь.

Для захвата церковного управления на местах в епархии России было направлено 56 уполномоченных ВЦУ. Им вменялось в обязанность «изгнание монахов», т.е. архиереев православного направления, из архиерейских домов, создание обновленческих епархиальных управлений, изъятие храмов у православных. Исследователь православной истории Самарского края А. Г. Подмарицын отмечает, что «появление обновленчества в Самаре – не искусственный, не занесенный из Москвы вирус. Либеральное и просоциалистически настроенное духовенство существовало в епархии еще до революции... Неурожаи, страшный голод плюс политика большевиков, решивших воспользоваться этими событиями, чтобы уничтожить... духовенство путем репрессий и разделений, послужили благодатной почвой для появления обновленческих идей в Самаре. Какое-то время... практически вся епархия стояла на позициях ВЦУ» [4, с. 99].

В самарской газете «Коммуна» был опубликован своего рода манифест самарских обновленцев – письмо сельского священника Частухина, содержащее основные постулаты «живой церкви», в частности: «Как граждане мы не можем не сказать, что из всех существующих форм правления – власть Советская одна является действительной выразительницей и верной защитницей интересов трудящихся, что новой лучшей формы еще не знает человечество» [5, с. 175].

Несмотря на то, что Патриарх Тихон 18 мая 1922 г. был вынужден временно сложить свои полномочия и ВЦУ под давлением властей поддержали авторитетные архиереи – митрополит Сергей (Страгородский), архиепископы Евдоким (Мещерский) и Серафим (Мещеряков), собрание духовенства и верующих г. Самары, состоявшееся 6 июня в трапезной церкви Иверского

монастыря и посвященное событиям в Москве, решило не признавать ни одного из обновленческих течений и не допускать до служения священников-обновленцев [6, с. 106].

Упорная борьба обновленцев с тихоновцами окончилась тем, что в Самаре за обновленцами остались только Вознесенский кафедральный собор с протоиереем Стрельниковым и протодиаконом Руновским, Покровская церковь с Чубукиным и лагерная с Львовым. «Коммуна» писала 22 июля 1922 г.: «Сейчас в Самаре имеется два епархиальных управления. Первое от ВЦУ и второе – самовосстановившееся старое правление, в лице протоиерея Колесникова, псаломщика Клименко, священника Губарева и др. (все тихоновского толка). 20 июля тихоновское епархиальное управление посетило представителей ВЦУ и предложило им передать все дела по епархии и сложить свои полномочия. Живоцерковники отказались покинуть свои посты без санкции центра. Спор между двумя епархиальными управлениями продолжался несколько часов, но спорящие ни к какому выводу не пришли» [5, с. 176].

Самарское духовенство в своей массе, включая самарского епископа Анатолия и сызранского епископа Павла, осталось верным Патриарху Тихону. ВЦУ, пользующееся всемерной поддержкой ГПУ, постановлением 24 августа 1922 г. предложило епископу Павлу (Гальковскому) покинуть пределы Самарской губернии с полным отстранением от церковных дел. Епископ Павел был уволен на покой без права жительства в пределах Самарской епархии [5, с. 178]. В начале 1924 г. он был осужден за «антисоветскую деятельность», находился в заключении в Таганской тюрьме Москвы, в марте был отправлен в ссылку. 24 февраля 1923 г. был арестован епископ Анатолий (Грисюк). В информационной сводке «О состоянии православных церковников» ОГПУ отчитывалось: «Ввиду удаления из Самарской губернии видных тихоновцев последняя потеряла всякую возможность на успех своей работы и в конце концов совсем затихла. Местные обновленцы, которые в период тихоновщины окончательно растерялись, приступили к более оживленной работе и к сбору своих распыленных сил... В уездах работа обновленческого движения движется медленно» [7, с. 384]. Таким образом, очевидно, что, несмотря на всяческую поддержку обновленческой церкви из Москвы и политическое и идеологическое давление, позиции традиционной Русской православной церкви и ее верующих – сторонников патриарха Тихона оказались гораздо сильнее.

Характерным стало явление, когда органы советской печати, выполняя указания из центра, предоставляли газетные полосы в распоряжение обновленческого духовенства («Коммуна» периода июня-сентября 1922 г. публиковала на первой-второй страницах материалы о событиях, разворачивающихся в Церкви как в Москве, так и в Самарской епархии). Газета широко освещала ход развития в Самаре обновленческого движения, печатала отчеты о съездах и соборах «Живой церкви». В государственных типографиях Самары беспрепятственно публиковались сочинения видных обновленцев, календари, пропагандистская литература.

29 апреля 1923 г. в Москве состоялся очередной обновленческий собор (в это время патриарх Тихон находился в заключении в Донском монастыре в Москве), который высказался в поддержку Советской власти и объявил о низложении Патриарха Тихона, лишении его сана; ВЦУ было преобразова-

но в Высший церковный совет – ВЦС (а в августе 1923 г. ВЦС был преобразован в Священный Синод).

Итак, несмотря на активную агитацию и идеологическую пропаганду обновленческого движения, самарское духовенство и верующие остались сторонниками Русской православной церкви и Патриарха Тихона. Председатель епархиального управления (обновленческого) протоиерей М. М. Алексеев признавал: «Здесь, в Самаре, состоялись бурные собрания духовенства и мирян, на которых определенно выяснилось, что огромное большинство темной и введенной в заблуждение массы стоит за патриарха Тихона и против обновленческой церкви».

Сразу после освобождения из-под ареста Патриарх Тихон сам возглавил борьбу с обновленчеством. Вскоре после получения в Самаре текста послания Патриарха Тихона от 15 июля 1923 г., в котором он откровенно рассказал, какими методами действовали обновленцы, обманным путем захватывая власть в Церкви весной-летом 1922 г., Самарское епархиальное управление (организационно-управленческая структура обновленческой церкви) прервало служебную связь с ВЦУ 27 июля 1923 г.

В конце 1923 г. у обновленцев появился свой епископ с титулованием «Самарский». Сохранилось отношение Самарского епархиального управления (обновленческого) за № 120 от 5 февраля 1924 г. за подписью председателя епископа Александра Анисимова с просьбой о регистрации Устава епархиального управления, одобренного Собором 1923 г. К этому же времени относится список членов СЕУ, представленный на регистрацию в отдел управления: епископ Александр, протоиерей Спасо-Преображенской церкви М. Алексеев, протоиерей Всехсвятской церкви А. Малицкий, диакон Никольской (бывшего мужского монастыря) церкви Н. И. Муравецкий и священник той же церкви М. А. Никольский (временно исполняющий должность уполномоченного Священного Синода) [4, с. 86–87].

Губернский адмотдел постоянно переправлял в ГубГПУ доклады и докладные записки обновленческого епископа Александра и его епархиального управления, в которых содержалась информация об «антисоветских и антигосударственных» речах и «делах» духовенства, не признающего власть обновленцев каноничной. Государство дало разрешение обновленцам на печатание антиправославных воззваний, запрещая в то же время печатание православным текста разрешительной молитвы.

Однако поддержка Патриарха Тихона в среде прихожан, православных верующих и общественное мнение в целом были столь сильны, что власти вынуждены были использовать дополнительные административные меры содействия обновленческой церкви. Самгубисполком предписывал уездным исполкомам не чинить препятствий в чтении епископом Александром Анисимовым на их территории лекций. 14 февраля 1924 г. в своем заявлении в ГубГПУ он просил разрешения на проведение лекций на тему «Тихон или Священный Синод» во время своей предполагаемой поездки по епархии. Резолюция уполномоченного ГубГПУ на заявлении такова: «Будьте так добры дать справку на руки Е. Александру, что ему разрешается в связи с поездкой проводить диспут». Президиум самгубисполкома направил предписание на имя президиумов Бугурусланского и Мелекесского исполкомов о нечинении препятствий епископу Самарскому Александру читать лекции в «делах указанных уездов».

Положение Самарской епархии, признающей Патриарха Тихона своим главой, было нестабильно из-за частой смены правящих архиереев вследствие арестов. 18 сентября 1923 г. арестовали епископа Анатолия, его преемника епископа Бугурусланского Алексия (Орлова) (26 августа 1937 г. осужденного тройкой при УНКВД по Южно-Казахстанской области за «антисоветскую деятельность» и приговоренного к расстрелу, а 4 сентября 1937 г. расстрелянного близ города Чимкента), которого сменил на этом посту в конце 1923 г. епископ Вольский Петр (Соколов). В начале 1924 г. самарской епархией непродолжительное время управлял епископ Мелекесский Павел (Введенский), но вскоре был арестован и в апреле 1924 г. уже оказался в московской Бутырской тюрьме. С ноября 1924 до конца 1925 г. Самарской епархией управлял в сане епископа Мелитопольского, викария Таврической епархии епископ Сергей (Зверев). Несмотря на короткий срок пребывания в Самаре, ему удалось сплотить все православные общины епархии и нанести обновленчеству ощутимый удар.

Во время подготовки к Собору 1925 г. обновленцы направили к епископу Сергию комиссию для переговоров, но он не принял пришедших, а через третье лицо ответил: «Не нахожу надобности вести переговоры с вашим управлением и принять поэтому депутацию не нахожу нужным» [5, с. 188]. После этого обновленцы разослали по епархии «Воззвание к духовенству и мирянам Самарской епархии, принадлежащим к Православной российской церкви, но уклоняющимся от общения со Священным Синодом и его Епархиальным органом – Самарским Епархиальным Управлением» и «Открытое письмо епископу Сергию (Звереву)», в котором он обвинялся, например, в том, что отказывался дискутировать с обновленцами по вопросам религии [6, с. 128–130].

Но ни духовенство, ни миряне не стремились сблизиться с обновленцами, напротив, во время поездок епископа Сергия по епархии с православием воссоединялись новые приходы, до того числившиеся обновленческими [8, с. 3–25]. Если в 1925 г. Самарская обновленческая епархия насчитывала в своем ведении 190 храмов, 2 епископа, 164 священника, 45 диаконов [6, с. 111–123], то через два года только 6 храмов, в том числе 3 – в Самаре.

К концу 1925 г. большая часть приходов уже находилась под юрисдикцией владыки Сергия (в конце 1925 г. епископ Сергей был отстранен от управления Самарской епархией; в ноябре 1937 г. он был расстрелян). И хотя обновленческое движение в Самаре еще теплилось несколько лет (последний храм обновленцев в этом городе был закрыт в 1937 г.), жизнь показала, что народ отверг «демократию» в церковной жизни, а власти поняли: ставка на раскол Русской православной церкви не оправдала себя.

В этой связи нельзя не согласиться с исследователем православной истории Самарского края А. Г. Подмарицыным в том, что «обновленчество, несмотря на поддержку властей, которые помогли получить им наиболее удобно расположенные храмы (в Самаре – три собора, включая кафедральный, и два кладбищенских храма) и помогали, насколько это было возможно, противостоять «реакционерам»-тихоновцам, не смогло долгое время удерживать на своей стороне верующие массы. Главный просчет «религиозных» политиков заключался в том, что внешнее сходство обновленческих и православных храмов отнюдь не означало идентичности и равнозначности совер-

шаемого в них» [6, с. 132–134]. В итоге к концу 1920-х гг. обновленческое движение, инспирированное и поддерживаемое Советской властью, фактически исчезло, а Русская православная церковь сохранила свое значение в духовной жизни народа.

Обновленческий раскол стал свидетельством становления новой коммунистической морали в обществе, попыткой определенной части русского православного духовенства «вписать» Церковь в жесткие идеологические рамки нового политического режима. Однако обновленчество, несмотря на активную поддержку Советской власти, угасло к середине 1930-х гг. и не стало мощной духовной силой и нравственно-религиозной основой морального сознания русского народа. Обновленчество, кроме того, не оправдало надежд власти на поддержку большевистского режима со стороны духовенства и Русской православной церкви.

Список литературы

1. **Введенский, А. И., митроп.** Судьба веры в бога в борьбе с атеизмом / митроп. А. И. Введенский // Мысль. – 1922. – № 2. – С. 3–20.
2. **Луначарский, А. В.** Христианство или коммунизм. Диспут с митрополитом А. Введенским / А. В. Луначарский. – Л., 1926. – 75 с.
3. **Луначарский, А. В.** Идеализм или материализм. Диспут 21 сентября 1925 г. / А. В. Луначарский. – Л., 1926. – 75 с.
4. **Подмарицын, А. Г.** Очерки истории Самарской епархии / А. Г. Подмарицын. – Самара : Книга, 2008. – 151 с.
5. **Якунин, В. Н.** История Самарской епархии / В. Н. Якунин. – Тольятти : МНХ, 2011. – 625 с.
6. **Подмарицын, А. Г.** Взаимоотношения Русской православной церкви и государственных органов в Самарском регионе: 1917–1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Подмарицын А. Г. – Самара, 2006. – 252 с.
7. Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Кн. 2. – Новосибирск ; М., 1998. – 454 с.
8. **Кириченко, О. В.** Монахины и чернички как организаторы народного противодействия церковному обновленчеству в 1930-е годы / О. В. Кириченко // Традиции и современность : научный православный журнал. – 2006. – № 4. – С. 3–25.

References

1. **Vvedenskiy, A. I., mitrop.** Sud'ba very v boga v bor'be s ateizmom / mitrop. A. I. Vvedenskiy // Mysl'. – 1922. – № 2. – S. 3–20.
2. **Lunacharskiy, A. V.** Khristianstvo ili kommunizm. Disput s mitropolitom A. Vvedenskim / A. V. Lunacharskiy. – L., 1926. – 75 s.
3. **Lunacharskiy, A. V.** Idealizm ili materializm. Disput 21 sentyabrya 1925 g. / A. V. Lunacharskiy. – L., 1926. – 75 s.
4. **Podmaritsyn, A. G.** Ocherki istorii Samarskoy eparkhii / A. G. Podmaritsyn. – Samara : Kniga, 2008. – 151 s.
5. **Yakunin, V. N.** Istoriya Samarskoy eparkhii / V. N. Yakunin. – Tol'yatti : MNKh, 2011. – 625 s.
6. **Podmaritsyn, A. G.** Vzaimootnosheniya Russkoy pravoslavnoy tserkvi i gosudarstvennykh organov v Samarskom regione: 1917–1941 gg. : dis. ... kand. ist. nauk / Podmaritsyn A. G. – Samara, 2006. – 252 s.
7. Arkhivy Kremlya. Politbyuro i tserkov'. 1922–1925 gg. Kn. 2. – Novosibirsk ; M., 1998. – 454 s.
8. **Kirichenko, O. V.** Monakhini i chernichki kak organizatory narodnogo protivodeystviya tserkovnomu obnovenchestvu v 1930-e gody / O. V. Kirichenko // Traditsii i sovremennost' : nauchnyy pravoslavnyy zhurnal. – 2006. – № 4. – S. 3–25.

Захарова Людмила Борисовна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра гуманитарных и правовых
дисциплин, Самарская академия
государственного и муниципального
управления

(г. Самара, ул. Стара Загора, 96)

E-mail: zakharova_luda@mail.ru

Zakharova Lyudmila Borisovna

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of humanitarian
and legal disciplines, Samara Academy
of Public and Municipal Administration
(Samara, 96 Stara Zagora str.)

УДК 93/94

Захарова, Л. Б.

Обновленческий раскол 1920-х гг. в Русской православной церкви /
Л. Б. Захарова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион.
Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 52–58.

УДК 1(091)

О. С. Исаева, В. П. Кошарный

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЕВРАЗИЙСКОГО УЧЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена евразийству как одному из наиболее оригинальных течений русской философской мысли. Анализируются факторы, повлиявшие на формирование и возникновение евразийского течения. Характеризуются и раскрываются истоки евразийской концепции.

Ключевые слова: евразийство, причины формирования евразийства, истоки евразийства, соборность, мультилинейность развития, византизм, философия действия, философия хозяйства, географический фактор.

O. S. Isaeva, V. P. Kosharnyy

HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL PREMISES OF THE EURASIAN DOCTRINE

Abstract. The article is devoted to the eurasism, as to one of the most original currents of Russian philosophical thought. The factors which have affected formation and emergence of a current of eurasism are analyzed. Sources of the concept of Eurasians are characterized and revealed.

Key words: eurasism, reasons of eurasism formation, eurasism sources, unity, multilinearity of development, vizantizm, action philosophy, economy philosophy, geographical factor.

Евразийское учение, очень разнородное по составу своих участников и вместе с тем очень богатое своими оригинальными идеями, сформировалось в начале XX столетия, взбудоражив своим появлением сотни лучших ученых того времени. Отзвуки тех, поистине великих, мыслей и замыслов не затихают до сих пор. Это было «новое мировоззрение, сформировавшееся... под воздействием войны и революции» [1, с. 44]. Возникнув в кругах русской эмиграции, евразийство «раскинулось» и объяло собой многие европейские города, среди которых Париж, София, Прага, Берлин и многие другие. Для России оно стало олицетворением «третьего» пути, глотком воздуха, которого так долго ждали, своеобразным воплощением «русской» идеи.

Движение, с такой быстротой и силой «нахлынувшее» и ворвавшееся в мировую научную мысль, претендовавшее быть «новым мировоззрением», не появилось из «ниоткуда» и уж тем более не возникло спонтанно. На формирование евразийского течения повлияли многие факторы, среди которых выделим первостепенные и второстепенные. Такая классификация носит условный характер, но тем не менее позволяет посмотреть на формирование течения несколько в другом ракурсе, выделив главное и отбросив лишнее. Первые – это те события и явления, что непосредственно обусловили и спо-

собствовали появлению евразийства, те, что лежат «в корне» порожденного явления. Их мы назовем причинами. Вторые – это события, лишь ускорившие возникновение евразийства, появление которого было подготовлено закономерным, необходимым ходом исторического развития. Такие события являются, с нашей точки зрения, поводами.

Для того чтобы выявить идейные истоки евразийства, необходимо обратиться к культурно-исторической ситуации второй половины XIX – начала XX в. Среди причин, породивших евразийское движение, выделим две. Во-первых, это духовный кризис европейской культуры, получивший яркое отображение в книге О. Шпенглера «Закат Европы», обострившей критическое отношение российской интеллигенции к ценностям буржуазного запада, «мещанству» и в целом европоцентризму. Евразийские мыслители изначально стояли на позиции отрицания взглядов на европейскую культуру как культуру общечеловеческую. С этой точки зрения исходили они при построении своего учения. «Евразийство включает в себе зерно стремления к истине общефилософской», – писал П. Н. Савицкий, но стремление это, по мнению евразийцев, должно совершаться в контексте выхода из рамок современной им европейской культуры [2, с. 113]. Во-вторых, это особенности российской гражданской и интеллектуальной истории. Знаменитая полемика славянофилов и западников получила в евразийстве свое продолжение и оригинальную интерпретацию. «Всякое современное размышление о грядущих судьбах России должно определенным образом ориентироваться относительно уже сложившихся в прошлом способов решения, или, точнее, самой постановки русской проблемы: «славянофильского» или «народнического», с одной стороны, «западнического» – с другой», – утверждали евразийцы [3, с. 24].

Непосредственными условиями формирования евразийского движения стали исторические события, произошедшие в начале столетия. Первая мировая война, потрясшая мир своими масштабами, революция 1917 г., свергнувшая существовавший в России царский режим, и, как следствие, духовный кризис, безусловно, сыграли свою не последнюю роль. Это был «толчок» к началу активных действий. Мыслям о переустройстве и трансформации российского общества, назревавшим в умах интеллигенции, была дана «свобода действий», и они стали стремительно оформляться в различные направления. Одним из таких течений и стало евразийство. Евразийцы восприняли революционные события как своеобразное окно «из Европы», открывающее для России ее собственный, самобытный путь развития, с которого она «сошла» в эпоху Петра I.

И последним, что сподвигло молодых ученых к объединению в рамках евразийства именно в исторической обстановке начала XX в., явился, безусловно, факт эмиграции. Сильный эмоциональный порыв обездоленных, чужих за границей ученых дал столь мощный импульс, что формировавшееся и «вызревавшее» годами семя мгновенно проросло и принесло невиданные плоды, отзвуки которых до настоящего времени будоражат умы человечества.

Евразийское течение 20–30-х гг. XX в. объединило в своих кругах множество ярких и талантливых ученых того времени. Деятельностное разнообразие его участников затрагивало многие области науки. Взять хотя бы, к примеру, имена основоположников евразийства. П. Н. Савицкий – экономист-географ, Н. С. Трубецкой – лингвист и этнограф, Г. В. Флоровский – философ, П. П. Сувчинский – искусствовед. Позже к движению присоеди-

лись правовед Н. Н. Алексеев, философ и историк Л. П. Карсавин, историк Г. В. Вернадский и многие другие выдающиеся ученые. Научные интересы евразийцев охватывали философию, географию, экономику, историю, этнографию и другие направления научной мысли. Но, несмотря на такую пестроту, созданная евразийскими мыслителями концепция очень органична, произошедший в ее рамках синтез наук образовал в конечном итоге единую мировоззренческую систему.

Многогранность научной доктрины евразийцев обусловила и многогранность вопроса об идейных истоках их концепции. Существует множество предшественников, на взгляды которых евразийцы опирались, мысля себя в русле развития мирового научного знания. Истоки евразийских идей можно условно разделить на историко-философские, геософские и социально-правовые. Но лишь условно, поскольку каждый из участников евразийского течения имел свои собственные источники вдохновения и в силу своих определенных научных ориентаций опирался на взгляды тех или иных мыслителей прошлого. Отметим также, что зачастую евразийские предшественники высказывали мысли, близкие евразийским, в рамках не одной проблемы, а по целому ряду вопросов. В целом, обращаясь к истокам евразийства, отметим, что они представляют собой сложный комплекс идей, объединяющий в себе различные направления историческо-философской, культурологической, геософской, геополитической мысли прошлого.

Как уже было отмечено выше, вопрос об истоках евразийства неоднозначен и представляет определенную сложность для исследователя. Обозначить всех мыслителей, которые были близки евразийцам в своих воззрениях и на взгляды которых они так или иначе опирались, в рамках одной статьи не представляется возможным. Поэтому, характеризуя воззрения предшественников евразийцев, остановимся на взглядах преимущественно русских мыслителей и попытаемся выделить и раскрыть наиболее значимые, с нашей точки зрения, источники, оказавшие наиболее существенное влияние на формирование евразийской концепции. В той или иной мере коснемся всех выше обозначенных групп истоков евразийского творчества, охватив, таким образом, все грани евразийского учения.

Одним из хронологически первых источников евразийских идей являются, по признанию самих евразийцев, «Послания старца Филофея», датированные первой третью XVI в. и имевшие целью своего изложения концепцию «Москва – третий Рим». Евразийцы разделяли мнение о том, что Россия – страна с огромными возможностями, имеющая особое предназначение, им особо импонировала мысль о ведущей роли православия в жизни нашей страны. Поэтому евразийцы легко восприняли идею о том, что Москва вслед за Римом и Константинополем является центром православия, последним церковным «Римом».

Приоритетное значение православия в развитии нашей страны признавали и славянофильские мыслители. Славянофилы активно отстаивали тезис о том, что именно православное христианство является истинно верным учением и именно оно впоследствии должно распространиться по всей земле и стать единственной религией, объединяющей людей под эгидой единой церкви. Л. П. Карсавин в предисловии к переизданию сочинения А. С. Хомякова «О Церкви» выражал глубокое признание его идеям. В частности, он, так же как и его предшественник, развивал мысль о том, что Православное

Вселенское Предание, которое и пытался выразить А. С. Хомяков, «должно быть основой всех наших индивидуальных исканий и рассуждений» [4, с. 367]. Евразийцы считали славянофилов самыми близкими себе по духу и вслед за ними связывали православие с русской культурой, с церковью, хотя и отмечали у последних наличие лишь «смутного культурного самосознания».

У славянофилов евразийцы заимствовали понятие «соборность», занявшее в их учении место одного из основополагающих принципов. Сам А. С. Хомяков, с чьим именем непосредственно связано появление этого термина, использует его для характеристики церковного общежития людей. Соборный, или, что синонимично, «кафолический», обозначает некое сплочение, единение людей безо всякой ориентации на местность и время. А. С. Хомяков пишет: «Собор» выражает идею собрания, не обязательно соединенного в каком-либо месте, но существующего потенциально без внешнего соединения. Это единство во множестве» [5, с. 242]. Такой смысл вкладывали в понятие соборности еще славянские первоучителя Кирилл и Мефодий, подразумеваемая под ним принцип великого единения людей, принцип всецелостности.

Определение «соборная», каковой обязательно должна быть церковь, согласно А. С. Хомякову, может быть присуще, с точки зрения автора, лишь православной церкви, поскольку лишь она обладает истинным единством, в отличие от протестантской и католической церквей западного мира. Только православная христианская церковь может быть единой и свободной. «Она (церковь) пребывает единою, не имея нужды в официальном представителе ее единства, и свободною, хотя свобода не обнаруживается разъединением ее членов», – утверждает А. С. Хомяков [6, с. 88]. Соборная церковь являет собой органическое единство, «живое начало которого есть Божественная благодать взаимной любви» [6, с. 88].

Подобно славянофилам, евразийцы трактовали соборность как некую целостность, единство «в целом и во всех частях». Соборный – значит «единый по всему и во всем» [7, с. 32]. Соборность, согласно евразийцам, является «существеннейшим понятием православия». Подобно Хомякову, они также полагают, что географически-этнографическая характеристика церкви является чисто внешней, «соборность» же и «соборный» определяют внутреннюю природу церкви, а не ареол распространенности ее на земле.

Для участников евразийского течения в рамках рассмотрения содержания понятия «соборная церковь» как высшей всеединой личности особое значение приобретает понятие соборной, или симфонической, личности. Социальная группа, народ, субъект культуры, государство, человечество – все это, согласно евразийцам, личности, но, в отличие от индивидуумов, личности соборные, или симфонические. Евразийские теоретики определяют соборную личность не просто как сумму индивидов, но «их согласование (симфонию), согласованное множество и единство и – в идеале и пределе – всеединство» [8].

Родство своих взглядов с воззрениями славянофильских мыслителей евразийцы подчеркивали не раз, признавая «величину» исторических фигур славянофилов. Одновременно они указывали, что евразийские формулировки одинаковых со славянофилами мыслей «в некоторых отношениях» более точны. Вслед за славянофилами евразийцы обосновывали самобытность России, ее собственный, а главное незападный путь развития. Эта мысль на протяжении относительно длительного периода времени была определяющей в эволюции евразийских идей.

Вместе с тем вопрос об отношении евразийцев к славянофильству не является однозначным. Славянофилы, как подчеркивал П. Н. Савицкий, делали упор на «славянство» – начало, которым определяется культурно-историческое своеобразие России. Евразийцы же считали «славянство» в большей степени языковой связью. Реальная история славянских народов, по их мнению, свидетельствует об отсутствии у них единой культуры, о тяготении одних народов к Западу, других к Востоку, третьих к Югу. Для евразийцев источник своеобразия русской культуры – сочетание в ней европейских и азиатских («азиатских») элементов. Именно связи русской культуры с «широким и творческим в своей исторической роли миром культур «азиатско-азиатских» являлись, по мнению П. Н. Савицкого, «одной из сильных сторон русской культуры» [9, с. 81].

Еще одним неоспоримым источником евразийских воззрений являются взгляды позднего славянофила Н. Я. Данилевского (1822–1885), автора вышедшей в 1869 г. книги «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому», во многом предвосхитившей основные положения евразийского учения. Данилевский негативно относился к явлению европоцентризма в целом и, в частности, к тому, что только европейские страны способны развиваться прогрессивно. Европа вовсе не является общечеловеческой цивилизацией, соответственно, не существует и единой линии исторического развития. Вместо этого ученый выделяет типы локальных цивилизаций или культурно-исторические типы как самостоятельные, самодостаточные культурные образования, имеющие свои собственные, не передающиеся другой цивилизации, начала. Стоя на позиции органицизма, Данилевский выделяет три стадии развития каждой цивилизации: этнографическую, государственную и цивилизационную, или культурную. Но ни один из культурно-исторических типов, достигший периода цивилизации, не является вершиной прогресса, не может обогнать либо отстать в своем развитии от другого, потому как единого пути развития, по мнению Н. Я. Данилевского, не существует. Следуя такой постановке вопроса, русский мыслитель утверждает, что «прогресс состоит... в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях» [10, с. 90].

Среди всех культурно-исторических типов Н. Я. Данилевский особо выделяет славянский. Он, по мнению мыслителя, впервые в истории сможет представить все виды культурной деятельности: религиозную, промышленную, общественно-экономическую и собственно культурную и впервые стать «четырёхосновным» культурно-историческим типом. Тогда как, например, германо-романская цивилизация является лишь «дву-основным» политико-культурным типом, с преимущественно научным и промышленным характерами культуры, в тесном смысле этого слова» [10, с. 525].

Евразийцы заимствуют у Данилевского основную идею его историософской концепции – мысль о мультилинейности исторического развития человечества, выделяя в мире множество равноценных и равнозначных культур. Им импонирует и органицистский подход ученого. С точки зрения евразийцев, развитие каждой отдельной культуры можно разделить на периоды зарождения, расцвета и упадка. Стараясь подчеркнуть преемственность своих взглядов, евразийцы кладут учение Н. Я. Данилевского о культурно-истори-

ческих типах в основу своего учения о месторазвитии, соотнося каждый тип цивилизации с определенным месторазвитием.

В числе своих предшественников евразийские мыслители также называли К. Н. Леонтьева (1831–1891), чье творчество является прямым продолжением учения Н. Я. Данилевского. К. Н. Леонтьев, также придерживавшийся органицистского подхода, полагал, что всякая культура, подобно физиологическому организму, пройдя все стадии развития, не исчезает бесследно. Ее элементы перенимаются и продолжают существовать в других национальных культурах. Так произошло с культурой Византии. Российское общество оказалось благодатной почвой для переселения на нее основных принципов византизма – самодержавия в государстве и православного христианства в сфере религиозной. Согласно Леонтьеву, влияние византизма на Россию имело для нашей страны определяющий характер, придавая ей силу и мощь. «Византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше», – писал философ, искренне веря, что, изменив византийскому христианству и византийской церкви, Россия погибнет [11, с. 104]. Вслед за К. Н. Леонтьевым и евразийские мыслители признавали определенное значение византизма для развития российского государства, характеризуя влияние византийской культуры на Россию как «длительное» и «основоположное».

Еще один момент в учении К. Н. Леонтьева, явно заслуживающий внимания со стороны евразийских ученых, – это критика панславизма. Славяне, с точки зрения философа, не представили миру ничего собственного и своеобразного, и поэтому будущее России, хотя и являющейся страной преимущественно славянской, определяет ее восточные корни. Ведущую роль в этом будет играть азиатско-туранская нация. «Только из более восточной, из наиболее, так сказать, азиатской – Туранской, нации в среде славянских наций может выйти нечто от Европы духовно независимое; без этого азиатизма влияющей на них России все остальные Славяне очень скоро стали бы самыми плохими из континентальных европейцев, и больше ничего», – утверждает К. Н. Леонтьев, делая акцент, таким образом, на определяющее влияние на судьбу России туранского фактора [12, с. 285]. Впоследствии евразийцы отмечали, что только К. Леонтьев решился «выступить против растворения русской культуры в отвлеченном и романтическом панславизме» [7, с. 38].

Читая тексты евразийцев, стоит отметить их частое обращение к «Философии Общего Дела» Н. Ф. Федорова (1829–1903). Учение русского мыслителя о супраморализме, о долге воскрешения перед нашими предками, как о всеобщем человеческом деле, носит характер идеалистической утопии. Философ призывает людей к объединению ради общего дела, ради действия, чтобы достичь, по его глубокому убеждению, высоконравственную цель. Его философия – это философия непосредственного действия. Мысль, по мнению Федорова, не должна преобладать над делом. «Философия, понимаемая лишь как мышление, есть произведение еще младенчествующего человечества», – пишет философ [13]. И продолжает: «Но философия, понимаемая не как чистое только мышление, а как проект дела, есть уже переход к совершеннолетию» [13]. Мысль о «философии действия и дела» очень импонировала евразийским мыслителям, что четко просматривается в развитии самого евразийского движения. «Евразийство есть не только система историософских или иных теоретических учений. Оно стремится сочетать мысль с действием», –

утверждали евразийцы [9, с. 91]. Заметим, что именно порыв к действию у евразийцев выражен гораздо более остро. Их трактовка «общего дела» не является прямым следованием учению Н. Ф. Федорова. Евразийцы переняли лишь саму идею нравственного объединения, определяя «общее дело» как служение всех и каждого во благо государственного целого. Усовершенствовать государственное устройство, сделать его идеальным – вот конечная цель евразийцев. Высшим призванием личности в таком государстве евразийские мыслители считали служение общему делу, посредством чего она (личность) сможет приобрести высшую свободу, понимаемую в материальном смысле слова как возможность осуществлений.

Обращение к философским предпосылкам евразийства не позволяет нам оставить без внимания взгляды С. Н. Булгакова (1871–1944). Философия «подчиненной экономики», в рамках которой евразийские мыслители строили свою концепцию, основывалась на особом определении понятия «хозяйство». Категория «хозяйство» мыслится евразийцами не только как чисто экономическая категория, но соотносится в евразийской доктрине с областью философского знания. В этом отношении евразийцы являются прямыми последователями философии хозяйства С. Н. Булгакова, где автор последовательно разграничивает понятия «хозяйство» и «экономика». Он полагал, что совершенно естественно, конечно, было бы при изучении проблемы хозяйства обратиться сначала к науке о хозяйстве (т.е. к политической экономии). Но знания о хозяйстве, которые дает эта наука, определяя хозяйство лишь как деятельность человека, направленную на удовлетворение его материальных потребностей, представляются Булгакову неполными, поскольку субъект хозяйствования, человек, включает в себе и духовную ценность. Толкование проблемы хозяйства в таком ракурсе, согласно мыслителю, выходит за рамки компетенции политической экономии и должно быть перенесено в область метафизики и натурфилософии.

По Булгакову, хозяйство софийно, соответственно, софийна и всякая творческая деятельность человека в хозяйстве. Бог здесь выступает творцом, и все в мире создано им. Человек же, как существо тварное, принадлежа и к миру Софии, и к миру эмпирии, способен лишь воссоздавать, воспроизводить уже заданное Творцом. Он может лишь припоминать то, что метафизически уже дано.

Рассматривая хозяйство как процесс, С. Н. Булгаков акцентирует внимание на личности как самостоятельном факторе хозяйства, утверждая, что хозяйственная жизнь немислима вне личной инициативы. «Хозяйство есть взаимодействие свободы, творческой инициативы личности и механизма, железной необходимости, есть борьба личности с механизмом природы... Одним словом, хозяйство ведет хозяин», – заключает Булгаков [14, с. 183].

Евразийские мыслители, подобно С. Н. Булгакову, строят свою концепцию «хозяйнодержавия», четко различая в сфере хозяйства экономический аспект и внеэкономический. Их теория носит личностный характер, одновременно обосновывая и религиозное начало в хозяйственной деятельности, и ведущую роль хозяина-личности. При этом евразийцы аргументируют необходимость и государственного участия в хозяйстве. Вслед за своим предшественником они утверждают связь хозяйствующей личности с Богом. Евразийцы акцентируют внимание на философско-нравственных аспектах

хозяйствования, проводя в жизнь попытку обоснования ведущей роли этического и морального компонентов в хозяйстве как сфере особого рода деятельности.

Рассматривая предпосылки социально-правовых идей евразийцев, необходимо упомянуть воззрения Л. И. Петражицкого (1867–1931), чье имя часто называется в трудах известного евразийского правоведа Н. Н. Алексеева как непосредственного предшественника его взглядов. В частности, в вопросе о взаимоотношениях права и нормы как двух различных процессов социального регулирования Н. Н. Алексеев апеллирует ко взглядам Л. И. Петражицкого как одного из немногих, кто отстаивал данную точку зрения. Петражицкий выделяет тип государства, в котором нормоустановление и правоустановление будут находиться в органическом равновесии. Человек в таком государстве будет обладать не только правами, но и некоторыми положительными обязанностями. Таким образом, Л. И. Петражицким устанавливалось органическое сочетание свободы и принуждения. Впоследствии эта мысль была воспринята евразийскими мыслителями и легла в основу их концепции правообязанностей.

Еще один непосредственный источник воззрений евразийцев, их концепции «государства правды», культивирующей принцип социальной справедливости, как основного закона, регулирующего все общественные взаимоотношения, является учение заволжских старцев. Устав заволжцев, во главе с Нилом Сорским, оглашает приемы и способы духовного подвижничества и представляет собой религиозно-философский трактат, обучающий правилам духовного и мистического опыта. Их верховной религиозной нормой является Новый завет, в котором Бог выступает как Бог любви и милосердия. И царь, уподобляясь милосердному Богу, предстает как царь любви и милости. Его главную задачу заволжцы видят в построении истинного, праведного государства. Государь должен проявлять милость и кротость как во внутренней, так и во внешней политике. В его царстве все должно быть основано на началах справедливости, в нем должна править правда. В личном, нравственном смысле такая правда требовала внутренней работы над собой, а с позиции целого государства она требовала его преобразования в государство правовое, в котором власть царя была бы подчинена началам законности. Эта мысль очень импонировала евразийцам и легла в последующем в основу их идеального государства.

Евразийские мыслители построили свою философско-историческую концепцию как учение о континенте Евразия, основной особенностью которого является рассмотрение в качестве основополагающего элемента географического фактора [15, с. 9]. Громко заявив о себе выпущенным в 1921 г. сборником статей под символическим названием «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения», евразийцы четко обозначили тот путь, по которому должна двигаться Россия – не на запад, не за Европой, а в Азию, на восток.

Дилемма выбора «восток ли, запад ли», часто вставала перед русскими мыслителями. Так, Ф. М. Достоевский (1821–1881), чье имя евразийцы называли в числе своих предшественников, на страницах «Дневника писателя» не раз высказывал мысли, очень напоминающие будущие евразийские суждения. Достоевский уверенно утверждает, что русские люди – не только и не столько европейцы, сколько азиаты, а Россия – страна не только европейская,

но и азиатская, и даже более азиатская. «...Может быть, Азия-то и есть наш главный исход!» – восклицает писатель [16, с. 504]. Русские вовсе не должны стыдиться называть себя азиатами, ведь Россия, со времен Петра I подражавшая Европе, способна на создание собственной идеи. И идея эта, согласно Ф. М. Достоевскому, произрастает в Азии.

Евразийское течение представляет собой попытку осмысления истории России с точки зрения ее особенного месторазвития – срединного положения между Европой и Азией – материк Евразия. По глубочайшему убеждению евразийцев, особенность и уникальность евразийской цивилизации заключается в особом географическом положении России. Но уже до появления евразийской доктрины существование континента Евразия как срединного, третьего мира, отличного и от Европы, и от Азии, обозначил русский славист-историк и географ В. И. Ламанский (1833–1914). В работе «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892) ученый говорил о возможности такого выделения. Ламанский разделил континент Евразию не на две, как принято, а на три части, «три великих отдела или мира, каждый со своими, исключительно ему свойственными, географическими, этнологическими и историко-культурными особенностями» [17, с. 185], а именно – собственно Европу, собственно Азию и Средний мир, не являющийся, согласно Ламанскому, ни настоящей Европой, ни настоящей Азией. Основную территорию Среднего мира занимает Российская империя, являющаяся, несомненно, его главной представительницей. Выделенный материк ученый так и называет «Средним». Впоследствии евразийские мыслители, продолжив линию, заданную В. Ламанским, нарекут его Евразией.

В трудах русского ученого-естествоиспытателя Д. И. Менделеева (1834–1907) мы находим определение России как «срединного царства», являющегося своеобразным мостом между Европой и Азией. Ученый придерживается мнения, что «отделение Европы от Азии во всех положениях искусственно и с течением времени непременно сгладится и, вероятно, даже совершенно пропадет» [18, с. 143]. России как стране, находящейся «отчасти и в Европе», а «отчасти в Азии», отведена совершенно особая роль. Она «назначена историей именно для того, чтобы так или иначе Европу с Азией примирить, связать и слить» [18, с. 143]. Д. И. Менделеев стремился показать, что Россия является целым, единым государством и в пространственном, и в континентальном, и в народном отношении. Через десятилетия мы прочтем в текстах евразийцев: «Сама же Россия есть ни Азия, ни Европа – таков основной геополитический тезис евразийцев. И потому нет «Европейской» и «Азиатской» России, а есть части ее, лежащие к западу и к востоку от Урала» [19, с. 297].

Вообще «фактор гео» играл в евразийском учении значительную, если не сказать ведущую роль. Географическое направление в социально-философской мысли России второй половины XIX – начала XX в. было представлено выдающимися русскими учеными – С. М. Соловьевым, А. П. Щаповым, В. О. Ключевским, Л. И. Мечниковым и другими.

Источник будущих евразийских идей можно найти в воззрениях А. П. Щапова (1830–1876). Исследуя взаимосвязь развития умственных способностей и задатков русского народа и тех «естественных условий», в которых они проживают, ученый пришел к выводу, что суровые природные усло-

вия сыграли ведущую роль в становлении и процветании монархической власти на Руси. Выделив и проследив взаимозависимость форм государственного устройства и географических характеристик места проживания русского народа, Шапов тем самым, по сути, предвосхитил будущую евразийскую концепцию месторазвития. В его учении геополитический компонент тесно увязан с формированием ментальных особенностей русских людей [20].

Влияние географических факторов на развитие социума исследовал и другой русский ученый – географ и социолог Л. И. Мечников (1838–1888). Он полагал, что историческая ценность географической среды обитания заключается в способности проживающих на ней людей к добровольному солидарно-кооперативному труду. Среда поощряет или затрудняет развитие солидарности и взаимопомощи между людьми, оказывая тем самым влияние на их социальную жизнь. В качестве наиболее значимого фактора влияния окружающей среды Л. И. Мечников выделял гидрологический. Он полагал, что именно вода способствовала появлению цивилизации и явилась той самой «благоприятной средой» для ее возникновения [21].

Элементы методологии географического детерминизма в исследовании и объяснении исторических явлений использовались С. М. Соловьевым (1820–1879), который в своей «Истории России с древнейших времен» выявил объективную связь между естественными условиями географической среды и характером экономической жизни славянских племен на территории русской равнины. «Однообразие природных форм, – писал он, – исключает областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразие занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения; одинаковые потребности указывают одинаковые средства к их удовлетворению; и равнина, как бы ни была обширна, как бы ни было в начале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства; отсюда понятны обширность Русской Государственной области, однообразие частей и крепкая связь между ними» [22].

Значение географического фактора при исследовании влияния природы на историю России отмечал также историк В. О. Ключевский (1841–1911). «Речными бассейнами направлялось географическое размещение населения, а этим размещением определялось политическое деление страны», – писал мыслитель [23, с. 50]. Взаимная близость главных речных бассейнов занимаемой русским народом равнины способствовала, по мнению автора, объединению населения, поддерживала общение между его частями, расположившимися в разных точках рек, вела к народному единству и содействовала государственному объединению страны.

При констатации существенного значения «фактора гео» в работах представителей классического евразийства, на наш взгляд, следует учитывать и выводы, которые сделал П. Серियो, анализирувавший важнейшее для евразийцев понятие «месторазвитие» в аспекте евразийской идеи связи динамики социокультурных процессов и географических условий. П. Серियो указывал на неправомерность обвинений евразийцев в географическом детерминизме, как его применял, например, Ф. Ратцель. В отличие от последнего, швейцарский исследователь подчеркивает, что у евразийцев речь идет о *взаимодействии* человека и естественной среды, но не о детерминации жизнедеятельности

общества природной средой. «Оригинальность, или, точнее, лейтмотив, евразийцев заключается в настойчивом проведении идеи существования связи между социально-исторической средой и географической обстановкой; они при этом не вводят причинно-следственные связи, но настаивают на понятии симбиоза, органической тотальности» [24]. Нужно отметить, что такая трактовка учения евразийцев о месторазвитии, о роли географических обстоятельств в российской истории вполне вписывается в общий замысел евразийского теоретического синтеза как высшего этапа познания, синтеза, в значительной степени определявшегося целостным характером самого объекта исследования [15].

На евразийские воззрения повлияли и другие идейные течения и мыслители XIX в. Так, негативное отношение евразийцев к Петру I и его времени предопределило отрицательные оценки петровской эпохи Н. М. Карамзиным, хотя в другие периоды своей жизни он был не столь категоричен в своих суждениях [25]. У И. В. Кириевского они восприняли критику европейской философии, которая представлялась русскому мыслителю бесплодной спекуляцией [26].

Итак, все выше озвученные воззрения, безусловно, как и было показано, в той или иной степени повлияли на становление и развитие евразийского учения. Мы обратили внимание на ряд основных историко-философских, правовых, геополитических истоков евразийских идей, представленных во взглядах отечественных мыслителей, способствовавших формированию евразийской концепции в целом, оформлению их социально-философских взглядов и становлению их социального проекта в частности. Причисляя себя к общему потоку мировой философской мысли, евразийцы считали себя идейными наследниками и продолжателями традиций русской философии. Евразийское течение предстало перед общественностью как яркий феномен, являющийся одновременно и чем-то абсолютно новым и оригинальным, имеющим свою собственную точку зрения в ответе на вопрос о месте и роли России в мировом сообществе и в то же время продолжившим и обогатившим ранее существовавшие направления русской философской и научной мысли.

Список литературы

1. **Исаева, О. С.** Нравственно-философские основания социального проекта евразийцев / О. С. Исаева, В. П. Кошарный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 43–52.
2. **Савицкий, П. Н.** Два мира / П. Н. Савицкий // Континент Евразия. – М. : Аграф, 1997. – 464 с.
3. Предисловие к сборнику «Исход к Востоку» // Мир России – Евразия. Антология / сост.: Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. – М. : Высш. шк., 1995. – 399 с.
4. **Карсавин, Л. П.** А. С. Хомяков / Л. П. Карсавин // Малые сочинения. Памятники религиозно-философской мысли. – СПб. : Алетейя, 1994. – 536 с.
5. **Хомяков, А. С.** Письмо к редактору «L' Union chretienne» о значении слов «кафолический» и «соборный». По поводу речи отца Гагарина, иезуита / А. С. Хомяков // Сочинения : в 2 т. – М. : Медиум, 1994. – Т. 2.
6. **Хомяков, А. С.** Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу одного окружного послания Парижского архиепископа / А. С. Хомяков // Сочинения : в 2 т. – М. : Медиум, 1994. – Т. 2.
7. **Савицкий, П. Н.** Евразийство (опыт систематического изложения) / П. Н. Савицкий // Континент Евразия. – М. : Аграф, 1997. – 464 с.

8. **Карсавин, Л. П.** Основы политики / Л. П. Карсавин // Евразийский временник. – Париж, 1927. – Кн. 5. – С. 185–239.
9. **Савицкий, П. Н.** Евразийство / П. Н. Савицкий // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. – М. : Беловодье, 1997.
10. **Данилевский, Н. Я.** Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому / Н. Я. Данилевский. – СПб., 1895.
11. **Леонтьев, К. Н.** Византизм и славянство / К. Н. Леонтьев // Восток, Россия и славянство. – М., 1885. – Т. 1.
12. **Леонтьев, К. Н.** Письма о восточных делах / К. Н. Леонтьев // Восток, Россия и славянство. – М., 1885. – Т. 1.
13. **Федоров, Н. Ф.** О философии В. Соловьева (наброски) – URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/fedorov/fedor097.htm>.
14. **Булгаков, С. Н.** Народное хозяйство и религиозная личность / С. Н. Булгаков // Два града. Исследования о природе общественных идеалов. – М., 1911. – Т. 1.
15. **Кошарный, В. П.** Евразийство как объект междисциплинарного синтеза / В. П. Кошарный // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. – 1994. – № 4. – С. 9–11.
16. **Достоевский, Ф. М.** Дневники писателя / Ф. М. Достоевский // Собрание сочинений : в 15 т. – СПб. : Наука, 1995. – Т. 14.
17. **Ламанский, В. И.** Три мира Азийско-Европейского материка / В. И. Ламанский // Геополитика панславизма. – М. : Институт русской цивилизации, 2010. – 928 с.
18. **Менделеев, Д. И.** К познанию России / Д. И. Менделеев. – СПб. : Издание А. С. Суворина, 1906.
19. **Савицкий, П. Н.** Географические и геополитические основы евразийства / П. Н. Савицкий // Континент Евразия. – М. : Аграф, 1997. – 464 с.
20. **Щапов, А. П.** Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа / А. П. Щапов // Сочинения : в 3 т. – СПб., 1908. – Т. 3.
21. **Мечников, Л. И.** Цивилизация и великие исторические реки / Л. И. Мечников. – М. : Директ-Медиа, 2011. – 455 с.
22. **Соловьев, С. М.** История России с древнейших времен. Кн. I / С. М. Соловьев. – М. : Издательство социально-экономической литературы, 1959. – С. 60–61.
23. **Ключевский, В. О.** Лекция IV / В. О. Ключевский // Русская история. Полный курс лекций : в 2 кн. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – Кн. 1.
24. **Seriot, P.** Strure et totalite / P. Seriot. – Paris : Press Universitaires de Franse, 1999. (Цит. по: Кириченко, М. М. Структурализм Пражского кружка и евразийство: обзор книги Патрика Серию «Структура и тотальность» / М. М. Кириченко // Социологический журнал. – 2001. – № 2. – С. 168–169.
25. **Карамзин, Н. М.** Записка о древней и новой России / Н. М. Карамзин. – М. : Лит. учеба, 1988. – С. 97–142.
26. **Boess, O.** Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur Russischen Ideengeschichte / O. Boess. – Wiesbaden, 1961. – S. 122.

References

1. **Isaeva, O. S.** Nравstvenno-filosofskie osnovaniya sotsial'nogo proekta evraziytsev / O. S. Isaeva, V. P. Kosharnyy // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki. – 2011. – № 1. – S. 43–52.
2. **Savitskiy, P. N.** Dva mira / P. N. Savitskiy // Kontinent Evraziya. – M. : Agraf, 1997. – 464 s.
3. Predislovie k sborniku «Iskhod k Vostoku» // Mir Rossii – Evraziya. Antologiya / sost.: L. I. Novikova, I. N. Sizemskaya. – M. : Vyssh. shk., 1995. – 399 s.

4. **Karsavin, L. P.** A. S. Khomyakov / L. P. Karsavin // *Malye sochineniya. Pamyatniki religiozno-filosofskoy mysli.* – SPb. : Aleteya, 1994. – 536 s.
5. **Khomyakov, A. S.** Pis'mo k redaktoru «L' Union chretienne» o znachenii slov «kafolicheskiy» i «sobornyy». Po povodu rechi ottsa Gagarina, iezuita / A. S. Khomyakov // *Sochineniya* : v 2 t. – M. : Medium, 1994. – T. 2.
6. **Khomyakov, A. S.** Neskol'ko slov pravoslavnogo khristianina o zapadnykh veroisповедaniyakh. Po povodu odnogo okruzhnogo poslaniya Parizhskogo arkhiepiskopa / A. S. Khomyakov // *Sochineniya* : v 2 t. – M. : Medium, 1994. – T. 2.
7. **Savitskiy, P. N.** Evraziystvo (opyt sistematicheskogo izlozheniya) / P. N. Savitskiy // *Kontinent Evraziya.* – M. : Agraf, 1997. – 464 s.
8. **Karsavin, L. P.** Osnovy politiki / L. P. Karsavin // *Evraziyskiy vremennik.* – Parizh, 1927. – Kn. 5. – S. 185–239.
9. **Savitskiy, P. N.** Evraziystvo / P. N. Savitskiy // *Russkiy uzel evraziystva. Vostok v russkoy mysli.* – M. : Belovod'e, 1997.
10. **Danilevskiy, N. Ya.** Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu / N. Ya. Danilevskiy. – SPb., 1895.
11. **Leont'ev, K. N.** Vizantizm i slavyanstvo / K. N. Leont'ev // *Vostok, Rossiya i slavyanstvo.* – M., 1885. – T. 1.
12. **Leont'ev, K. N.** Pis'ma o vostochnykh delakh / K. N. Leont'ev // *Vostok, Rossiya i slavyanstvo.* – M., 1885. – T. 1.
13. **Fedorov, N. F.** O filosofii V. Solov'eva (nabroski) – URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/fedorov/fedor097.htm>.
14. **Bulgakov, S. N.** Narodnoe khozyaystvo i religioznaya lichnost' / S. N. Bulgakov // *Dva grada. Issledovaniya o prirode obshchestvennykh idealov.* – M., 1911. – T. 1.
15. **Kosharnyy, V. P.** Evraziystvo kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo sinteza / V. P. Kosharnyy // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya.* – 1994. – № 4. – S. 9–11.
16. **Dostoevskiy, F. M.** Dnevnik pisatelya / F. M. Dostoevskiy // *Sobranie sochineniy* : v 15 t. – SPb. : Nauka, 1995. – T. 14.
17. **Lamanskiy, V. I.** Tri mira Aziysko-Evropeyskogo materika / V. I. Lamanskiy // *Geopolitika panslavizma.* – M. : Institut russkoy tsivilizatsii, 2010. – 928 s.
18. **Mendeleev, D. I.** K poznaniyu Rossii / D. I. Mendeleev. – SPb. : Izdanie A. S. Suvorina, 1906.
19. **Savitskiy, P. N.** Geograficheskie i geopoliticheskie osnovy evraziystva / P. N. Savitskiy // *Kontinent Evraziya.* – M. : Agraf, 1997. – 464 s.
20. **Shchapov, A. P.** Estestvenno-psikhologicheskie usloviya umstvennogo i sotsial'nogo razvitiya russkogo naroda / A. P. Shchapov // *Sochineniya* : v 3 t. – SPb., 1908. – T. 3.
21. **Mechnikov, L. I.** Tsivilizatsiya i velikiye istoricheskie reki / L. I. Mechnikov. – M. : Direkt-Media, 2011. – 455 s.
22. **Solov'ev, S. M.** Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. Kn. I / S. M. Solov'ev. – M. : Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury, 1959. – S. 60–61.
23. **Klyuchevskiy, V. O.** Lektsiya IV / V. O. Klyuchevskiy // *Russkaya istoriya. Polnyy kurs lektsiy* : v 2 kn. – M. : OLMA-PRESS, 2002. – Kn. 1.
24. **Seriot, P.** Sture et totalite / P. Seriot. – Paris : Press Universitaires de Franse, 1999. (Tsit. po: Kirichenko, M. M. Strukturalizm Prazhskogo kruzhka i evraziystvo: obzor knigi Patrika Serio «Struktura i total'nost'» / M. M. Kirichenko // *Sotsiologicheskii zhurnal.* – 2001. – № 2. – С. 168–169.
25. **Karamzin, N. M.** Zapiska o drevney i novoy Rossii / N. M. Karamzin. – M. : Lit. ucheba, 1988. – S. 97–142.
26. **Boess, O.** Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur Russischen Ideengeschichte / O. Boess. – Wiesbaden, 1961. – S. 122.

Исаева Оксана Сергеевна
аспирант, Пензенский
государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)
E-mail: dep-ph@pnzgu.ru

Isaeva Oksana Sergeevna
Postgraduate student,
Penza State University
(Penza, 40 Kransaya str.)

Кошарный Валерий Павлович
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии,
Пензенский государственный
университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)
E-mail: dep-ph@pnzgu.ru

Kosharnyy Valeriy Pavlovich
Doctor of philosophy, professor, head
of sub-department of philosophy,
Penza State University
(Penza, 40 Kransaya str.)

УДК 1(091)

Исаева, О. С.

Историко-философские предпосылки евразийского учения /
О. С. Исаева, В. П. Кошарный // Известия высших учебных заведений.
Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 59–72.

К. С. Арутюнян

ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. Проанализировано формирование общественного сознания в условиях современного общества. Выявлены кризисные тенденции общественного сознания, раскрывается роль социального кризиса как фактора трансформации общественного сознания.

Ключевые слова: общественное сознание, социальный кризис, трансформация общественного сознания, кризисные тенденции общественного сознания.

K. S. Arutyunyan

CHANGES IN SOCIAL CONSCIOUSNESS IN CONDITIONS OF SOCIAL CRISIS (SOCIAL-PHILOSOPHICAL ASPECT)

Abstract. The article analyzes the formation of social consciousness in the modern society. The crisis tendencies of social consciousness are identified, the role of the social crisis as a factor in the transformation of public consciousness is revealed.

Key words: social consciousness, social crisis, transformation of social consciousness, crisis tendencies of social consciousness.

Современный этап развития российского общества характеризуется широким многообразием изменений во всех сферах социального бытия. Именно наличие данных изменений позволяет нам говорить о «новой России». Преобразование российского общества сопровождается глубокой трансформацией общественного сознания.

Исследование трансформаций в общественном сознании под воздействием социального кризиса в современной России является необходимым условием для многоаспектного понимания хода преобразований общества и определения тех проблем, которые осложняют его становление. Выявление и анализ трансформаций общественного сознания, а также социальных характеристик социального кризиса требуют методологической определенности в понимании данных категорий. При этом, как указывают многие современные исследователи, «особое внимание следует обратить на социальную философию в связи с необходимостью адекватного использования ее значительного исторического опыта исследований, потребности ее определенного теоретического и методологического переосмысления в усложняющемся мире» [1, с. 54].

Сложность интерпретации смыслового наполнения категорий «общественное сознание» и «социальный кризис» обусловлена следующими факторами:

1. В современной социальной философии в целом до сих пор не существует конвенционального подхода к категориям «общественное сознание» и «социальный кризис».

2. Категория «общественное сознание» все еще содержит множество протосмыслов, укорененных в парадигме советской философии, что приво-

дит к ситуации, когда современные философы по возможности избегают ее использовать.

3. Феномен общественного сознания сводят сугубо к социологическому или социально-психологическому уровням интерпретации.

4. Общественное сознание отождествляют с общественным мнением, массовым сознанием и коллективным сознанием.

5. Анализ общественного сознания сводится или к узкому материально-экономическому детерминизму без учета обратных влияний сознания на природный и социальный мир, или же, напротив, общественное сознание и социальная реальность в целом рассматриваются только как результат сознательного конструирования.

6. В социальной философии не сформирован методологический аппарат для осмысления связи кризисных процессов, протекающих в современном обществе (в том числе острых социальных проблем современности) с трансформациями общественного сознания.

Таким образом, понимание современного этапа развития российского общества требует нового и иного по качеству социально-философского анализа, который состоял бы не просто в осмыслении феномена общественного сознания, а способствовал бы всестороннему исследованию содержания общественного сознания в ситуации социального кризиса.

В современной социальной философии общественное сознание, как правило, определяется как совокупность научных идей и теорий, обыденных и профессиональных знаний и навыков, а также психологических чувств, настроений, привычек и традиций, которые отражают реальную жизнь общества и окружающего мира. В этом определении, однако, присутствует лишь перечисление различных элементов общественного сознания, не объединенных центральным сущностным признаком.

Для придания понятию общественного сознания социально-философской определенности следует выделить основные подходы к его рассмотрению, сложившиеся в настоящее время. Они, по сути, располагаются между двумя крайними позициями, которые можно обозначить как методологический субстанционализм и методологический конструктивизм.

В основе первой методологической позиции лежит упрощенное понимание общественного сознания, которое рассматривается в рамках узкого материально-экономического детерминизма (Л. А. Кощей) [6]. Субстанционализм концентрируется на гносеологических аспектах и объективной стороне проблемы общественного сознания. Марксизм, в котором общественное сознание есть лишь отражение общественного бытия, прежде всего материально-экономического базиса общественной жизни, тяготеет именно к субстанционализму.

Примером второй позиции может служить подход, который сложился в западной социальной теории и был теоретически оформлен П. Бергером и Т. Лукманом в работе «Социальное конструирование реальности». К конструкционистским представлениям об общественном сознании приводит акцентирование внимания на социологическом аспекте рассмотрения общественного сознания в ущерб гносеологическому аспекту и на субъективном содержании в ущерб объективному.

Конструкционизм представляет социальное знание не как отражение реальной жизни природы и общества, а как конструкт, который основан

исключительно на социальных конвенциях. В ряде случаев конструкты теряют всякую связь с реальностью и начинают претендовать на адекватное отображение референтов (предметов и явлений), которых в реальности не существует. Так, для Ж. Бодрийера современное общество является прежде всего обществом симулякров, а общественное сознание понимается как «гиперреальность» [3, с. 12].

Наиболее взвешенной представляется позиция, равноудаленная от крайностей жесткого конструкционизма (характерного для современного постмодернизма) и жесткого субстанционализма (характерного для догматического марксизма) и предусматривающая диалектический подход к проблеме общественного сознания. Показательно, что к такому подходу близки как Маркс и Энгельс, так и Бергер и Лукман, но далеко не всегда – их последователи.

Бергер и Лукман писали об этом так: «У Маркса берет свое происхождение основное положение социологии знания о том, что социальное бытие определяет человеческое сознание. Было много споров по поводу того, какую именно детерминацию Маркс имел в виду. Однако бесспорно, что “борьба с Марксом”, которая была характерна не только для социологии знания на начальной стадии ее развития, но и для “классического периода” социологии вообще, на самом деле была по большей части борьбой с ошибочной интерпретацией Маркса современными марксистами. Это утверждение кажется еще более достоверным, когда подумаешь о том, что лишь в 1932 году была заново открыта очень важная работа Маркса “Экономико-философские рукописи 1844 г.”, и лишь после Второй мировой войны стало возможным полностью оценить значение этого открытия для понимания Маркса» [2, с. 16–17].

В данном аспекте можно говорить не о противостоянии, а о возможности взаимной дополнительности конструкционистских и субстанциалистских идей в изучении общественного сознания. Это значит, что общественное сознание следует рассматривать комплексно, стереоскопически: учитывая как особенности объекта отражения (и степень их соответствия самому отражению), так и позицию субъекта конструирования (его идеологию, мотивы, цели и т.д.). С этой точки зрения общественное сознание можно определить как *диалектическое единство процессов отражения и конструирования социальной жизни*. Такое определение позволяет показать сущностное единство элементов сознания – научных идей и теорий, обыденных и профессиональных знаний и навыков, психологических чувств, настроений, привычек, традиций и т.д., которые одновременно отражают жизнь общества и являются механизмами социального воспроизводства.

Что касается социального кризиса, то к настоящему времени существует не так много социально-философских работ, посвященных данной проблеме, что во многом связано с отсутствием методологии, адекватно и целостно отображающей кризисные явления в целом и современный социальный кризис в частности. Для осмысления современного социального кризиса необходимы как новые идеи, так и серьезное переосмысление старых подходов с учетом новых условий и новых данных. «Без развития базовых философских постулатов и выводов, – резюмирует выводы современных исследований кризисных явлений И. А. Гобозов, – нельзя по настоящему решить ни одной серьезной проблемы» [5, с. 10].

Правильное социально-философское понимание кризисных явлений и путей выхода из кризиса современности невозможно без анализа тех

трансформаций, которые происходят в общественном сознании человечества. Т. Ю. Сидорина пишет по этому поводу: «Социальные кризисы неизбежно провоцируют всплеск и обострение кризисного сознания. Понимание особенностей кризисного сознания, его эволюции, причин, вызывающих обострение кризисного сознания в те или иные периоды человеческой истории, требует изучения феномена кризисного сознания в контексте социального сознания в целом» [7, с. 19]. Таким образом, именно изучение общественного сознания способно представить ориентиры как для понимания социального кризиса, так и для осознания путей выхода из него.

Наиболее часто в публичных дискуссиях, в СМИ и в выступлениях политиков называются следующие характеристики социального кризиса:

- состояние разрушения или распада важных подсистем общества;
- неопределенность и существование множества возможностей для дальнейшего развития общественной системы;
- утрата или искажение основных социальных ценностей, характерных для различных сфер общественной жизни и форм общественного сознания;
- доминирование цивилизационного, искусственного, материального начала над духовным (культурным);
- доминирование партикулярных (частных, узкогрупповых) ценностей и интересов над ценностями, связанными с общим благом.

Несомненно, все названные явления и процессы являются важными характеристиками кризиса, характерного для современного этапа развития общества. Однако сам подбор характеристик выглядит случайным и не позволяет отделить собственно кризисные процессы от процессов социальной трансформации в целом. В свою очередь на основании этих индуктивных характеристик невозможно выстроить систему рекомендаций по преодолению кризиса. Для такой системы нужны серьезные теоретические основания, предполагающие рассмотрение кризиса как сложного, но системного процесса.

Представления об общественном сознании и его формах позволяют представить социальный кризис как сложную систему, элементами (подсистемами) которой являются политический, моральный и другие кризисы. На уровне социального бытия можно говорить об экономическом, экологическом, демографическом и прочих кризисах.

Кризис в общественном сознании современной России (морали, праве, искусстве и т.д.), с одной стороны, является отражением проблем общественной жизни (в основном экономического кризиса). С другой стороны, само общественное сознание является причиной кризиса – так, экономические проблемы можно трактовать как следствие отказа от специфических религиозных и моральных принципов (М. Вебер [4]) или снижения уровня доверия в обществе (Ф. Фукуяма [8]). В этом случае изменение общественного сознания (ценностей, убеждений и т.д.) является не менее значимой предпосылкой для выхода из кризиса, чем повышение качества жизни.

Таким образом, экологический, экономический, социальный кризисы тесно связаны с духовным кризисом, являясь, как правило, одновременно его причинами и следствиями.

Характеристики духовного кризиса с учетом концепции общественного сознания приобретают более системный вид:

1. С точки зрения морального сознания кризис есть доминирование партикулярных норм и принципов (власть, личная выгода и т.д.) над универсальными (общее благо).

2. С точки зрения эстетического сознания кризис проявляет себя как доминирование массовой культуры, превращение произведения искусства в объект массового потребления, дегуманизация искусства.

3. С позиции политического сознания кризис есть девальвация базовых политических ценностей – гражданского долга, уважения человеческого достоинства, справедливости, патриотизма и нарастание авторитарных и ксенофобных тенденций.

4. Для правового сознания кризис есть нарастание правового нигилизма, абсентеизма, политической пассивности, отсутствие или ослабление институтов и ассоциаций гражданского общества.

5. Для философского сознания кризис проявляет себя как догматизация определенных теорий или учений, дегуманитаризация образования, приводящая к отрицанию роли гуманитарных наук в современном мире и к формированию «одномерного человека».

6. В религиозном сознании кризис связан с нарастанием тенденций фундаментализма и фанатизма.

Каждый тип кризиса связан с той или иной сферой жизни общества и формой общественного сознания. Однако, поскольку общественное сознание есть гибкая динамическая система, кризис в одной из форм общественного сознания приводит к негативным изменениям во всех других системах. Соответственно, и разрешение проблем кризиса должно быть комплексным: например, экологический кризис не может быть решен в отрыве от решения экономических, социологических, моральных, правовых и т.д. проблем.

Наконец, для правильного понимания кризиса необходимо учитывать социокультурные особенности его протекания. Так, следует учитывать, что социальный кризис в России связан как минимум с двойной сменой ценностных парадигм. Первая из смен происходит в масштабах всего мира и знаменует переход общества к новой постиндустриальной системе ценностей (*постмодернизации* общества). На глобальный духовный кризис в России накладывается локальный кризис, связанный с переходом от специфических ценностей, характерных для советской эпохи, к *модернизационным*. Этот переход связан с разрушением традиционных коллективистских ценностей, прежде всего ценностей семейных и национальных.

Такое наложение двух типов трансформации является одной из важнейших причин противоречивости и амбивалентности современного социального кризиса. Например, проявлениями политического кризиса в одних ценностных координатах являются высокая коррупционность на разных уровнях власти, слабость властных институтов, их некомпетентность, неспособность обеспечить порядок и проконтролировать законность. В других координатах политический кризис можно интерпретировать как подавление гражданского общества и нарастание авторитарных и ксенофобных тенденций.

Таким образом, кризис – это сложное и многозначное явление. С одной стороны, в публичном дискурсе превалирует понимание кризиса как нарушения, распада каких-то устойчивых связей, регрессии, как состояния явления, чаще всего предшествующего гибели той или иной социальной подсистемы. С другой стороны, социальный кризис является свидетельством начала существенных изменений общественного организма.

Социальный кризис, как и общественное сознание, требует диалектического рассмотрения: это не только состояние распада, но и необходимое ус-

ловие для формирования новых элементов (ценностей, идей, норм, отражающих уровень общественного сознания), позволяющих социальной системе перейти в новое состояние, т.е. способность прогрессировать на определенном историческом этапе.

Кризис есть как нарушение механизмов общественного воспроизводства, так и условие их восстановления. При этом сама возможность восстановления в ситуации кризиса предполагает обострение реальной и символической борьбы различных групп за власть и признание на различных «полях» – экономическом, социальном и т.д., а также в пространстве каждой из основных форм общественного сознания – моральной, религиозной, правовой, политической, эстетической, философской.

В целом кризисные тенденции общественного сознания – это специфические типы выражения социального бытия, а также связанные с ними и фиксированные на уровнях общественного сознания атомизация, аномия, антиномичность, декультуризация и т.д. Социально-философская теория общественного сознания способна указать самые общие ориентиры для преодоления этих тенденций, связанные, соответственно, с интеграцией, гуманизацией, консолидацией, нацеленностью на консенсус, повышением уровня культуры и т.д. Все эти ориентиры должны составлять целостную систему, что предполагает адекватность понимания не только природы, но и сущности общественного сознания и социального кризиса. В дальнейшем на основании предложенных ориентиров специалистами в различных областях социального знания можно разрабатывать конкретные политические, социальные, правовые, педагогические рекомендации по преодолению кризисных явлений в современном обществе.

Список литературы

1. **Ахиезер, А. С.** Концепция социальной философии в усложняющемся мире / А. С. Ахиезер // *Власть*. – 2005. – № 7. – С. 54–63.
2. **Кошей, Л. А.** Общественное сознание: проблемы, решения, поиск / Л. А. Кошей. – Барнаул : АГУ, 1995. – 75 с.
3. **Бодрийяр, Ж.** В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург : Новая Заря, 2000. – 480 с.
4. **Бергер, П.** Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, П. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
5. **Гобозов, И. А.** Смысл и направленность исторического процесса / И. А. Гобозов. – М. : МГУ, 1987. – 219 с.
6. **Сидорина, Т. Ю.** Философия кризиса / Т. Ю. Сидорина. – М. : Наука, 2003. – 456 с.
7. **Вебер, М.** Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
8. **Фукуяма, Ф.** Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2004. – 730 с.

References

1. **Akhiezer, A. S.** Kontseptsiya sotsial'noy filosofii v uslozhnyayushchemsya mire / A. S. Akhiezer // *Vlast'*. – 2005. – № 7. – S. 54–63.
2. **Koshchey, L. A.** Obshchestvennoe soznanie: problemy, resheniya, poisk / L. A. Koshchey. – Barnaul : AGU, 1995. – 75 s.
3. **Bodriyyar, Zh.** V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo / Zh. Bodriyyar. – Ekaterinburg : Novaya Zarya, 2000. – 480 s.

4. **Berger, P.** Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya / P. Berger, P. Lukman. – M. : Medium, 1995. – 323 s.
5. **Gobozov, I. A.** Smysl i napravlennost' istoricheskogo protsessa / I. A. Gobozov. – M. : MGU, 1987. – 219 s.
6. **Sidorina, T. Yu.** Filosofiya krizisa / T. Yu. Sidorina. – M. : Nauka, 2003. – 456 s.
7. **Veber, M.** Izbrannyye proizvedeniya / M. Veber. – M. : Progress, 1990. – 808 s.
8. **Fukuyama, F.** Doverie. Sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu / F. Fukuyama. – M. : AST, 2004. – 730 s.

Арутюнян Каринэ Сергеевна
старший преподаватель, кафедра
политологии и социальных наук,
Рязанский государственный
радиотехнический университет
(г. Рязань, ул. Гагарина, 59/1)

E-mail: carin@ mail.ryazan.ru

Arutyunyan Karine Sergeevna
Senior lecturer, sub-department
of political science and social sciences,
Ryazan State Radio Engineering
University
(Ryazan, 59/1 Gagarina str.)

УДК 111.1

Арутюнян, К. С.

Изменения в общественном сознании в условиях социального кризиса (социально-философский аспект) / К. С. Арутюнян // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 73–79.

СПЕЦИФИКА САМООСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В СМЫСЛОВОМ КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена раскрытию особенностей самоосуществления личности, сформировавшихся под влиянием смысловых установок общества потребления. Проанализированы источники формирования шаблонного самосознания современного человека.

Ключевые слова: общество потребления, личность, самоосуществление, смысл, образ, контекст.

A. V. Sharovskaya

SPECIFICITY OF PERSONALITY SELF-FULFILLMENT IN THE SEMANTIC CONTEXT OF THE MODERN CONSUMER SOCIETY

Abstract. The article is devoted to the specificities of self-fulfillment of a personality, formed under the influence of semantic basis of the consumer society. The author also considers the sources of formation of a pattern of self-awareness in a modern personality.

Key words: consumerism, personality, self-fulfillment, meaning, form, context.

В 20-е гг. XX в. Эрих Фромм охарактеризовал современный ему этап развития общества как потребительский и ввел понятие «общество потребления». Определим данное понятие как такой тип социальной действительности в развитых странах середины XX – начала XXI в., в котором система массового и индивидуального потребления является самостоятельной сферой общественной жизни, в значительной мере определяя ценностно-мировоззренческие установки. Акцентируя в характеристике современного общества внимание на потреблении, одновременно следует рассматривать неотъемлемую включенность потребительских практик в сферы экономики, духовной жизни, социальных отношений, властного регулирования. Таким образом, потребление становится одним из определяющих факторов формирования смыслового поля современного общества. Как отмечал Ж. Бодрийяр, «обществом потребления является то, где не только есть предметы и товары, которые желают купить, но и где само потребление потреблено в форме мифа» [1, с. 3], т.е. потребность имеет символический характер.

Исследуя общество потребления, современные авторы в основном обращаются к какому-либо аспекту его проявлений: поведению потребителей (В. И. Ильин), практике потребления (Л. В. Кузнецова), властным отношениям (А. С. Калинин), аксиологии потребительства (В. М. Лукьянов). При этом остается малоисследованной взаимосвязь общества потребления в единстве его проявлений и сущностного самостановления человека. Способы ответа на «вечные вопросы», которые стали возможными именно в условиях общества потребления, требуют осмысления не столько социальных условий, конкретного контекста реализации, но и заложенных в них смыслов, образов,

оказывающих непосредственное воздействие на восприятие мира личностью и личности в мире.

Эволюция отечественной мысли о духовном развитии и перспективах человека наиболее ярко проявилась в XIX–XX вв. в религиозной философии В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, С. Л. Франка, а также в философии Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, социологии П. А. Сорокина, философской антропологии Н. Н. Страхова.

В советский период развития философской мысли интерес к ценностям потребления и личности человека-потребителя был снижен и в большей степени начал проявляться с середины 1970-х – начала 1980-х гг. с сохранением идеологической ориентации. Тем не менее именно в работах советских философов обнаруживаются детальный и критический анализ точек зрения зарубежных исследователей на проблемы развития человека в обществе, а также крупные самостоятельные социологические, исторические и социально-философские исследования. В частности, это работы М. К. Мамардашвили, И. С. Кона, С. С. Батенина, М. Н. Руткевича, В. Ж. Келле, А. В. Ахутина, В. С. Библера, Э. В. Ильенкова, Ю. М. Лотмана, В. А. Лекторского, Ю. И. Семенова (исследование исторически обусловленной сущности человека), Н. М. Бережного, И. Т. Фролова (анализ социальной детерминации потребностей), В. С. Степина (исследование ценностей техногенной цивилизации), В. А. Ядова, Б. М. Фирсова, Р. Л. Лившица, В. Г. Стрепетова, В. И. Ильина, Е. В. Лебедевой, Н. В. Мотрошиловой и многих других отечественных исследователей.

Анализируя тенденции современного социально-философского осмысления развития человека в обществе потребления, можно заметить, что в нем преобладает теоретико-методологический плюрализм. Он во многом связан со сложностью и специфичностью данного явления, неоднозначностью существующих трактовок положения современного человека. Определенной традиции в социально-философском осмыслении самоактуализационного потенциала личности в обществе потребления не сложилось, поскольку существующие научные поиски происходили в основном в плоскости социологического (О. Е. Алабердина, Н. Г. Бондаренко, Н. Е. Стрижакова и др.), экономического, психологического и политологического подходов.

Социально-философский подход присутствует в основном в исследованиях ростовской школы: это работы М. Б. Маринова (стратегия жизни личности как адаптация к индивидуализации общества), Б. В. Мартынова (генезис самореализации в меняющемся обществе), А. С. Подопригоры (техногенная цивилизация и развитие человека), М. П. Челомбицкой (конкретные факторы самоактуализации современного человека), Е. В. Орловой (социальный паразитизм в современном обществе), М. А. Петровской (динамика потребностей самоактуализирующейся личности), Н. В. Киреевой (социально-философский анализ потребностей). Современные отечественные авторы основное внимание акцентируют на социальных условиях, в которых проходит самореализация, а актуализация индивидуального потенциала рассматривается в социологическом или экономико-политологическом ключе. Также социально-философские исследования положения человека в современном обществе поднимают вопросы трансформации его ценностного мира (В. М. Лукьянов, Н. Н. Хомутова и др.), развития и мировоззрения (Л. В. Кузнецова, А. С. Калинин, Г. Н. Верещагина, Л. Р. Дернова и др.).

Обозначенная многими авторами трансформация потребностей современного человека (Г. М. Андреева, В. И. Бакштановский, В. С. Барулин, Д. С. Белоусов, Н. М. Бережной, В. В. Гаврилюк, М. К. Горшков, Э. М. Думнова, А. А. Кара-Мурза, М. Кастельс, М. Кивинен, В. Е. Кемеров, О. Н. Козлова, О. В. Крыштановская, В. В. Миронов, Т. А. Рассадина, М. М. Руткевич, В. С. Степин, Д. В. Ховалыг и др.) имеет глубокие ценностные основания и тесно связана с противоречием усвоенных социальных установок. Искаженные ценности перепотребления, формируя смысложизненные ориентации личности, становятся образом мышления, превращают принципы утилитаризма в идеологию современного человека. При этом с позиций полезности и утилитарной функциональности переосмысливаются и духовно-нравственные, и этические ценности – это происходит наряду с либерализацией общественных отношений.

Определенной перспективой в исследовании смыслового поля современного общества является применение социально-феноменологического подхода, который ориентирован не на изучение структурно-институционального каркаса социального организма, а на воссоздание его всеобщих смысловых характеристик – интересубъективной смысловой структуры. Именно она выступает основой для непрерывного воспроизводства социального организма, становится его «смысловыми скрепами». Процесс становления неклассической картины мира, как это подчеркивает Н. М. Смирнова, сопровождается так называемым антропологическим поворотом в философии и культуре, отказом от субстанциональности «сознания вообще» в пользу индивидуальности, неповторимости человека-субъекта, сознание которого обретает культурно-историческую обусловленность и непрозрачность [2, с. 183–185].

Источниками феноменологического анализа становятся и элементы повседневной реальности, и художественные произведения, и целостные культурные образы. Так, современная популярная литература ярко воссоздает облик современного человека-потребителя, конструирует смысловое поле посредством описания ежедневных практик, вкусовых предпочтений и элементарных переживаний человека, существующего в иллюзорном мире потребительской символики (М. Уэльбек, Ч. Паланик, Ф. Бегбедер, С. Минаев, В. Шендерович и многие другие). Мир художественных образов, обращенный к читателю, создает то представление о реальности, которое ориентирует человека, удручает или воодушевляет его, рисует перспективы и выражает возможности дальнейшего существования. Данные образы не возникают из ниоткуда, но и не являются чистым слепком с действительности, всегда выражая и индивидуальный опыт художника. В этом отношении именно социально-феноменологический метод может конструировать ту субъективную реальность, которая отражает общие смысловые основания социального бытия современного человека.

С позиций социально-феноменологического исследования общество потребления приобретает особую смысловую нагрузку, которая воплощается в индивидуальном конструировании социальной реальности – вписываясь в конкретно-исторический контекст, личность воссоздает себя и окружающий мир, формируется ее социальное самочувствие, выстраивается модель социального взаимодействия. Таким образом, поиск сущностных оснований развития современного человека претерпевает специфические трансформации,

находится под постоянным влиянием социальных отношений, ритма жизни, сконструированных смыслов.

В обществе потребления воссоздание его образа в сознании индивида (как способ постижения мира человеком) является одновременно и способом примирения с ним. Образ социального мира становится более значимым особенно в том понимании, что все больше проявляется разорванность бытия и сознания, связанная с нарастанием экзистенциального вакуума в современной культуре, перенасыщением информационного рынка с сопутствующим когнитивным обеднением, формированием рыночной системы ценностей, которая проникает в сферы духовного и культурного производства.

Исследовательский акцент на феномене самоактуализации, на наш взгляд, открывает перспективы изучения подлинных смыслов и ориентиров развития личности общества потребления, а также позволяет рассматривать социально обусловленные искажения смысловой самоидентификации. Индивидуальный смысл, имея значение лишь для отдельного человека, опосредованно обуславливает и осмысление индивидом общественной жизни, социальных связей и фактов. Характеризуя современное общество, многие отечественные исследователи отмечали его тесную взаимосвязь с изменениями внутреннего мира человека (М. А. Хевеши, Н. Н. Стрельцов, Г. К. Ашин, Г. С. Померанц и др.). Общество потребления опосредованно формирует представления об индивидуальной ценности и возможностях развития личности. Таким образом, социально-философское осмысление понятия «самоосуществление личности» приобретает характер постижения процессов развития человека в меняющихся условиях современности на наиболее глубоком уровне формирования социальной установки – на уровне жизненных смыслов.

Общество потребления, становясь смысловым контекстом развития современной личности, оказывает влияние на конструирование индивидуальных представлений об идеальном образе самоосуществления. В данном контексте самоосуществление представляет собой процесс активации смысло-жизненных установок личности. А. Маслоу определил его как самоактуализацию – стремление человека к возможно более полному выявлению и развитию своих личностных возможностей [3, с. 108–110]. Самоактуализация может быть рассмотрена и как процесс, и как результат данного стремления, что отражает целостность природы индивидуального развития. Не рассматривая специфику самоактуализации непосредственно в культурном контексте консьюмеризма (понятие, производное от англ. «consumer» – потребитель, используемое для характеристики масштаба потребления, превышающего уровень, необходимый для удовлетворения естественных потребностей), А. Маслоу обращал внимание на то, что самоактуализация, подлинно выражая индивидуальную природу личности, по-разному проявляется в различных типах культуры [3, с. 109].

С позиции неотрейдизма процесс смысловой самоидентификации личности опосредован ценностями конкретной культуры: Э. Фромм разделял позиции «бытия» и «обладания», каждая из которых определяет свою ориентацию осмысления мира и человека в нем [4], а К. Хорни пишет, что именно общество задает «идеальные цели», достижение которых может отрицать подлинные интересы личности [5, с. 9–27]. Философское осмысление трансформации индивидуальных смысло-жизненных установок под влиянием общественно транслируемых ценностей позволяет рассматривать самоактуа-

лизацию не как явление индивидуального сознания, а как социальный феномен, отраженный в конкретных значениях и смыслах [6; 7, с. 153–157].

Источниками формирования смысловых установок личности являются неосознанно воспринимаемые образы социальной и индивидуальной реальности, средства массовой информации, повседневные практики общения, произведения искусства и т.д. – транслируемые характеристики становятся внутренними императивами самосознания и самоосуществления. В самоосуществлении современной личности отражается расширение возможностей социальной мобильности и получения информации, либерализация общественных отношений, девальвация моральных ценностей, индивидуализация сознания и рост разнообразия способов освоения действительности.

Специфика формирования смыслового контекста современного общества потребления проявляется в том, что современный индивид не мыслит себя вне контекста потребления: он включен в систему, взаимосвязан с ней привычками, ценностями, потребностями и эта неразрывная связь формирует его облик, отражается на его способе существования. На своем первоначальном уровне человек становится тем, что он потребляет. В понимании Ж. Бодрийера, персона оказывается носителем символики, ее можно описать теми лейблами, которые она выбирает, возможно, даже не обращая внимания на них [1, с. 5–16].

Включенность в систему потребления меняет способ осмысления действительности: окружающий мир начинает восприниматься и оцениваться с точки зрения категорий доступности, объектами потребления становятся нематериальные сущности: знания, творчество, индивидуальные характеристики и даже собственная личность. «Общество потребления – это также общество обучения потреблению, социальной дрессировки в потреблении, т.е. новый и специфический способ социализации» [1, с. 111].

Самоосуществление и постижение социальной реальности у современного человека трансформируются под влиянием смысловых установок общества потребления на обладание, соответствие социально заданным критериям успешности. Консьюмеризм конструирует шаблоны деятельности и развития: они формируются в стандартизированной жизненной практике по принципам рациональности, целесообразности и комфорта. В частности, К. С. Пигров выразил принцип комфорта как редукцию сенсорных пространств современного человека, формирование «рамочной экзистенции». Требования комфорта главным образом делают не живой сенсорный мир, а потребление фиксированных смыслов в стандартном сенсорном наборе. «Цивилизованный человек – это существо в известном смысле радикально дистанцированное от мира. Он живет в мире смыслов, которые на 70–90 % сообщаются ему визуально, причем не просто визуально, но символически» [8, с. 153].

Неопределенность и замкнутость смыслов на собственной личности нарушают осознание целостности, причастности современного человека миру – это преодолевается искусственно через сознательное конструирование. В стремлении к определенности человек сталкивается с необходимостью быть самим собой, т.е. идентифицировать себя в развитии. «Под давлением существующей идеологии даже абсолютно нормальный человек считает, что его значимость напрямую связана с успехом, сопутствующим ему. Нет надобности говорить о том, что это создает шаткую основу для самоуваже-

ния» [9, с. 176]. Современная личность наряду с тем, что она испытывает тревожную освобожденность от заранее заданных бытовых сценариев, остается вписанной в принципиальную систему общества потребления с его навязанной идентичностью.

Общество потребления формирует целостную социокультурную систему, подразумевающую свои представления о счастье, грехе, страдании, развитии, возможностях и перспективах. В частности, одной из центральных в системе общественного сознания консьюмеризма становится апокалиптическая идея, которая выражает потребность в определении смысловой целостности общественной системы, ее самооправдании в ситуации разрушения. Трансляция идеи надвигающейся катастрофы в обществе потребления выполняет и непосредственную функцию манипуляции общественным сознанием: повышается уровень тревожности, растет спрос на развлекательные услуги, увеличиваются объемы потребления, культивируются религиозные чувства, развиваются идеи спасения и аскетизма, формируется массовый интерес к вопросам экологической, технологической и политической безопасности и т.д.

Установки современного общества на благополучие, системную рационализацию и целесообразность часто противоречат конструируемому в сознании образам социальной реальности, поскольку смыслы навязанной среды способствуют дезориентации человека в осмыслении его подлинных экзистенциальных потребностей. Личность общества потребления вследствие этого обозначает свое существование как «ненастоящее» и «чужое», а сознание – «мифологизированное» и «вынужденное». По замечанию В. Франкла, в «обществе изобилия» переживание экзистенциальных вопросов обострено и актуально, поскольку в «таком обществе созданы условия лишь для удовлетворения потребностей, но не для стремления к смыслу» [10, с. 28].

Подобно тому, как С. Кьеркегор видел в отчаянии переход на более глубокий уровень самопознания [11, с. 643–644], человек, сталкиваясь с одномерной реальностью консьюмеризма, открывает в себе такие потребности роста, которые уже не могут быть удовлетворены в процессе потребления. «У каждого человека, как бы мало одарен он ни был... есть нормальная потребность выработать для себя некое общее мировоззрение, некое представление о смысле жизни и ее цели... Но тот, кто говорит, что хочет наслаждаться жизнью, всегда полагает условие, лежащее либо вне индивида, либо внутри индивида, однако всегда таким образом, что оно не пребывает там благодаря самому индивиду» [11, с. 656]. Но в обществе потребления столкновение с реальностью отсрочено, поскольку общественная практика постоянно отвлекает от уединенности сознания и рефлексии.

Современный человек имеет больше социальных возможностей для самоосуществления по сравнению с традиционным обществом, обладая социальной свободой и осмысленностью в удовлетворении своих потребностей. Лишь в современном обществе самоактуализация стала возможна не как феномен индивидуального сознания, а как социальное явление. Реализация индивидуального потенциала стала признанной в обществе ценностью и ориентиром индивидуального развития. В то же время общество потребления способствовало трансформации самоактуализационного потенциала человека: он становится более разнообразным, выраженным и осмысленным. Ранее трудовая деятельность была исключительно вынужденной, а в современном

обществе потребления она больше согласуется с интересами, потребностями в утверждении индивидуальной значимости и самореализации. Это стало возможно вследствие того, что значительная часть деятельности субъекта переходит на уровень его сознательного выбора. Личность, утрачивая непосредственную увлеченность деятельностью, принимает решение о том, что для нее более значимо: смысловое самоосуществление или самореализация посредством достижения значимого социального статуса и высокого уровня доходов.

Расширив рамки доступной самореализации, современное общество потребления создает мнимую свободу выбора, представляя себя как мир неограниченных возможностей. И человек проще создает образ счастья, чувствует свою причастность, свободную волю в становлении и развитии – вечные вопросы могут отойти на второй план, создавая иллюзию полноценного существования, гармоничности и самоосуществления.

Таким образом человек может утрачивать непосредственную возможность столкнуться со своей подлинностью и самоактуализироваться вследствие социокультурно обусловленного обеднения духовной потребности. Под влиянием смысловых установок общества потребления человек формирует представления о должном образе самореализации, утверждает в сознании конечную цель своего развития. Личность современного человека оказывается продуктом культуры, который не может отрицать самого себя в ней – так или иначе эта взаимосвязь сохраняется в сознании и деятельности. Правила и условия социальной жизни, становясь гибче, предполагают большую степень свободы для развития индивидуальности и в то же время повышают риск отклонения от продуктивного вектора самореализации: именно в современном обществе появляется больше факторов, нарушающих гармоничный личностный рост.

Список литературы

1. **Бодрийяр, Ж.** Общество потребления: его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М. : Республика, 2006. – 269 с.
2. **Смирнова, Н. М.** Социальная феноменология в изучении современного общества / Н. М. Смирнова. – М. : Канон+ ; РООИ «Реабилитация», 2009. – 400 с.
3. **Маслоу, А.** Самоактуализация / А. Маслоу // Психология личности. Тексты. – М. : МГУ, 1982. – С. 108–118.
4. **Фромм, Э.** «Иметь» или «быть» / Э. Фромм. – М. : АСТ МОСКВА, 2010. – 314 с.
5. **Хорни, К.** Невроз и рост личности / К. Хорни. – М. : Академический проект, 2008. – 400 с.
6. **Гуссерль, Э.** Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – М. : ДиК, 1999. – Т. 1. – 336 с.
7. **Гуссерль, Э.** Картезианские размышления / Э. Гуссерль. – СПб. : Наука ; Ювента, 1998. – 315 с.
8. **Пигров, К. С.** Звучащая философия / К. С. Пигров // Сборник материалов конференции. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 147–158.
9. **Хорни, К.** Невротическая личность нашего времени. Самоанализ / К. Хорни. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 464 с.
10. **Франкл, В.** Страдания от бессмысленности жизни / В. Франкл. – Новосибирск : Сибир. унив. изд-во, 2009. – 105 с.
11. **Кьеркегор, С.** Или-или. Фрагмент из жизни / С. Кьеркегор. – СПб. : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии : Амфора, 2011. – 823 с.

References

1. **Bodriyyar, Zh.** Obshchestvo potrebleniya: ego mify i struktury / Zh. Bodriyyar. – M. : Respublika, 2006. – 269 s.
2. **Smirnova, N. M.** Sotsial'naya fenomenologiya v izuchenii sovremennogo obshchestva / N. M. Smirnova. – M. : Kanon+ ; ROOI «Reabilitatsiya», 2009. – 400 s.
3. **Maslou, A.** Samoaktualizatsiya / A. Maslou // Psikhologiya lichnosti. Teksty. – M. : MGU, 1982. – S. 108–118.
4. **Fromm, E.** «Imet'» ili «byt'» / E. Fromm. – M. : AST MOSKVA, 2010. – 314 s.
5. **Khorni, K.** Nevroz i rost lichnosti / K. Khorni. – M. : Akademicheskiiy proekt, 2008. – 400 s.
6. **Gusserl', E.** Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii / E. Gusserl'. – M. : DiK, 1999. – T. 1. – 336 s.
7. **Gusserl', E.** Kartezijskie razmyshleniya / E. Gusserl'. – SPb. : Nauka ; Yuventa, 1998. – 315 s.
8. **Pigrov, K. S.** Zvuchashchaya filosofiya / K. S. Pigrov // Sbornik materialov konferentsii. – SPb. : Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2003. – S. 147–158.
9. **Khorni, K.** Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeni. Samoanaliz / K. Khorni. – M. : Ayris-press, 2004. – 464 s.
10. **Frankl, V.** Stradaniya ot bessmyslennosti zhizni / V. Frankl. – Novosibirsk : Sibir. univ. izd-vo, 2009. – 105 s.
11. **K'erkegor, S.** Ili-ili. Fragment iz zhizni / S. K'erkegor. – SPb. : Izd-vo Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii : Amfora, 2011. – 823 s.

Шаровская Анна Владимировна
аспирант, Педагогический институт
имени В. Г. Белинского, Пензенский
государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

Sharovskaya Anna Vladimirovna
Postgraduate student, Pedagogical
Institute named after V. G. Belinsky,
Penza State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

E-mail: assonia@mail.ru

УДК 130.3

Шаровская, А. В.

Специфика самоосуществления личности в смысловом контексте современного общества потребления / А. В. Шаровская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 80–87.

ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Статья посвящена анализу творческого потенциала современной повседневности, которая рассматривается как поле реализации творческих потребностей человека.

Ключевые слова: повседневность, культура повседневности, творческие потребности, творчество.

N. V. Rozenberg

CREATIVE POTENTIAL OF EVERYDAY LIFE: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Abstract. The article analyzes the creative potential of modern everyday life. Daily life is seen as a field of implementation of creative human needs.

Key words: everyday life, everyday life culture, creative needs, creativity.

Культура повседневности человека проявляется через особенности его деятельности, сознания, поведения, а также через вещи, предметы, произведения искусства и художественного ремесла, языковые особенности речи, характеризующие конкретного человека или общество в целом. На какую бы сферу ни было обращено внимание культурного аналитика, везде первостепенное значение будет приобретать именно культура повседневности человека, так как она и есть организация человеческих взаимоотношений. Современные изменения культуры повседневности определяются целым рядом факторов: изменением бытийственной среды с включением в нее образцов новых технологий, материалов, дизайнерских инноваций, которые создают иную экологию культуры и одновременно становятся ключами доступа к ней. Они порождают множественные «переходные», гибридные и потому уникальные культурные практики. По сути дела, и профессиональная, и домашняя (повседневная) среда – процесс постоянной социализации.

Несмотря на очевидную прагматичность культуры повседневности, она не сводится только к данному аспекту. Безусловно, весь массив культурных форм возник прежде всего ради выживания и развития телесного эмпирического человека, обеспечения ему хотя бы относительного комфорта, но в повседневности есть место и для непрагматического поведения, для игры, созерцания, философствования, витания в грезах и фантазиях. Так, например, Е. В. Золотухина-Аболина подчеркивает, что такие качества повседневности, как повторяемость, стереотипность и понятность, не тотальны. Они оставляют зазоры для своих противоположностей – исключительности, неопределенности и непонятности. Причем ситуации неопределенности занимают в повседневной жизни значительное место [1, с. 37]. Кроме того, среди повседневности исследовательница выделяет так называемые «лакуны внеповседневного», в рамках которых законы повседневности бывают существенно потеснены.

Повседневность – это то, что окружает человека «здесь» и «сейчас» и включает все многообразие его личностных предпочтений, поэтому исходным пунктом осмысления культуры повседневности становится человек со всем спектром его потребностей и интересов.

Человек, в отличие от животного, характеризуется многообразием потребностей, а также различием в конкретной потребности отдельных частей и сторон. Потребности современного человека изменяются и усложняются вместе с усложнением социальной среды, в которой он обитает. Более того, еще Гегель, обращая внимание на их бесконечное изменение, писал, что, нет предела направленности общественного состояния на неопределенное увеличение разнообразия и специфицирование потребностей, средств и удовольствий, так же как нет и предела различию между естественными потребностями и потребностями культурных людей. Удовлетворение и развитие потребностей – инструмент для раскрытия творческого потенциала человека.

Повседневность – это относительно автономная сфера, в которую вторгаются до определенной степени все формы культуры – мораль, искусство, наука, техника. Именно синкретизм повседневности образует ее специфику. В этом смысле повседневность не является самотождественным феноменом, поскольку в ней есть место сакральному, экстраординарному, творческому. Помимо общепринятого деления на биологические и социальные, материальные и духовные, индивидуальные и общественные, человеческие потребности могут быть разделены на рутинные и творческие. Рутинные потребности состоят в потреблении, использовании уже произведенных предметов и услуг; устоявшимися методами и здесь нельзя обойти вниманием такой феномен повседневности, как «привычка». Культура повседневности представляет собой хорошо организованные рутинные образцы и состоит из набора привычек, традиций, институтов, распорядка всех видов деятельности. Безусловно, и в повседневной рутине есть новые ситуации и неожиданные события, но даже такие отклонения управляются способами, с помощью которых люди обычно справляются с экстраординарными ситуациями. Существуют привычные способы реагирования на кризисы в бизнесе, отношения к болезни или даже смерти. Как это ни парадоксально, в культуре повседневности существуют рутинные способы иметь дело с инновациями. Рутинный характер социальной жизни, продленной во времени и пространстве, повторяемость действий, их воспроизводство в одинаковой манере день за днем составляют материальную основу того, что называется рекурсивным (возвратным) характером социальной жизни. Э. Гидденс пишет: «Структуральные свойства социальной деятельности постоянно восстанавливаются, и это однообразие важно для функционирования психологических механизмов, посредством которых в ходе повседневной деятельности удовлетворяется потребность в надежности и онтологической безопасности. В связи с этим второстепенные с виду и несущественные правила поведения, условности и традиции повседневной социальной жизни оказываются ее фундаментальным каркасом, играя первостепенную роль в деле обуздания источников подсознательной напряженности, которые в противном случае поработили бы нас» [2, с. 19]. Повседневные привычки – это то, чему индивид не придает значения, а иногда просто не замечает, но что прорастает в самые глубинные пласты его жизни и не уничтожается даже во времена войн и революций. Это

отлаженные, постоянно повторяющиеся действия, становящиеся сценариями жизни. Рутинные и инновации дополняют друг друга. Творческие потребности – это потребности в создании новых материальных и духовных ценностей или в самостоятельном осмыслении и переработке уже познанного и созданного.

Безусловно, в любом обществе существуют и удовлетворяются и рутинные, и творческие потребности. Всегда существует опасность, что традиция и решение повседневных задач постепенно ограничат или вытеснят творчество, поскольку все люди стремятся к спокойной удобной жизни и минимальному риску. И если необходимость удовлетворения рутинных потребностей очевидна для всех, поскольку многие из них насущные, то творческий потенциал человека используется при возникновении проблемных ситуаций. Ведь повседневность чревата возможностью неожиданного поворота событий, внезапно принимаемых решений, незапланированных действий. Креативное в повседневности прокладывает себе путь с помощью отклонений, отходов от правил и новых дефиниций, повседневность начинает существовать как место образования смысла, открытия правил.

В противовес регламентирующей функции институционального оформления искусства повседневная культура выставляет неинституциональные формы творчества, обозначая тем самым тенденцию к депрофессионализации творческой деятельности. В повседневной жизни творчество есть необходимое условие существования, и все, что выходит за пределы рутины и в чем заключена хотя бы малая часть нового, обязано своим происхождением творческому процессу. В повседневной творческой деятельности присутствует, с одной стороны, элемент непредсказуемости и спонтанности, а с другой, человек может сознательно готовить себя к творческой деятельности, повышать ее эффективность. Ориентация на спонтанное «эстетическое действие» любого человека, не связанного с системой производства художественных ценностей, является отличительной чертой современной повседневной культуры. Изменяются отношения между искусством и жизнью.

Каждый человек должен стать художником, поскольку в его жизни присутствует момент творческого отношения к действительности, творчество необходимо для нашего благополучия. Понимание творчества как жизни и жизни как творчества предполагает спонтанный, принципиально не сводимый к фиксированным состояниям опыт эстетического творчества в бытовой повседневности. Современная повседневность насыщена творчеством, это отличает ее от повседневности предыдущих эпох: изобретение кулинарных блюд, использование цвета, ароматов, вкуса; изготовление вещей (одежды, предметов интерьера и пр.); выращивание растений, умение создавать новые композиции; пение, танцы, эпистолярное мастерство; проектирование и строительство домов и т.д. Это те моменты, которые мы редко считаем творчеством, но оно таковым является, поскольку улучшает окружающий мир. «Концепция эстетики повседневности – пишет Н. Б. Маньковская, – сводит художественное творчество к домашнему самовыражению в одежде, танцах, кулинарии, поделках, интерьере и т.п. Проблема свободы творчества переводится в план внутренней культурной эмансипации» [3, с. 56]. Ценность творчества заключается в возможности изменения качества наличного существования человека посредством самого процесса творчества и его окончательного продукта. Люди не случайно стремятся показать прекрасно ухожен-

ный сад, отремонтированную квартиру, новую одежду, рассказать о своих успехах... Удовлетворяя творческие потребности в повседневной жизни, человек улучшает мир, а творчество, как отмечал Н. А. Бердяев, и есть всегда прирост, прибавление, создание нового, не бывшего в мире. Общеизвестно, что творчество есть функция свободы, и с его помощью свобода может быть направлена либо в конструктивное, либо в деструктивное русло существования. И повседневная жизнь дает нам возможность управления своей свободой.

Переплетение жизни и искусства способствует вполне определенной карнавализации повседневного поведения в противостоянии ценностям «истеблишмента». Современная повседневность стремится к преодолению замкнутости элитарного художественного профессионализма и его отчужденности от эстетических потребностей общественного большинства. Соотношение творчества и повседневности сегодня становится центральной проблемой, вокруг которой группируются идеи о приобщении к эстетически продуктивной деятельности не только профессиональных художников, но и каждого человека. М. Дюфрен констатирует конец институциональных форм художественного творчества. «Смерть институционализации» он считает важнейшим показателем современного состояния художественной культуры. Когда-то элитарность искусства была необходима, но сегодня она стала анахронизмом. Необходимо создание подлинно народного искусства, к которому были бы причастны все, а не только специалисты и эксперты. По мнению М. Дюфрена, необходимо изменить структуру занятости, чтобы у каждого появилось достаточно свободного времени для того, чтобы попробовать свои силы в художественном творчестве. Как было отмечено нами выше, информационная эра дает и дальше будет давать такую возможность. «Художественное творчество не должно пониматься согласно модели, предлагаемой самими художниками. Следует принять, признать и уважать, не делая противопоставления с традицией и сложившимися нормами, такие виды творчества, которыми занят обустроивающий свой участок садовод, украшающая свое жилище женщина, любитель-живописец, поп-музыкант» [4, с. 34].

В повседневной практической деятельности есть место творчеству каждого человека. Творческая активность перемещается в повседневность.

В определенной степени этому способствует значительная трансформация и реорганизация системы академического художественного образования. Основы профессиональной подготовки проникли в пограничные искусству области: неспециализированный фольклор, декоративное творчество, дизайн, эстетизацию досуга и жизненного пространства. Образование стало более массовым, охватывало широкие слои населения, прямо не связанные с производством художественных ценностей.

Исходя из этого, можно предположить, что именно в креативном потенциале неспециализированной повседневности просматриваются новые продуктивные ресурсы культуры.

Список литературы

1. **Золотухина-Аболина, Е. В.** Повседневность: философские загадки / Е. В. Золотухина-Аболина. – М. : Старклайт ; Киев : Ника-Центр, 2005.
2. **Гидденс, Э.** Устройство общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М. : Академический Проект, 2005.

3. **Маньковская, Н. Б.** Художник и общество: критический анализ концепций в современной французской эстетике / Н. Б. Маньковская. – М. : Искусство, 1985.
4. **Дюфрен, М.** Кризис искусства / М. Дюфрен // Западноевропейская эстетика XX века: Некоторые направления западной эстетики. – М. : Знание, 1991. – Вып. I.

References

1. **Zolotukhina-Abolina, E. V.** Povsednevnost': filosofskie zagadki / E. V. Zolotukhina-Abolina. – М. : Starklayt ; Kiev : Nika-Tsentr, 2005.
2. **Giddens, E.** Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii / E. Giddens. – 2-e izd. – М. : Akademicheskiiy Proekt, 2005.
3. **Man'kovskaya, N. B.** Khudozhnik i obshchestvo: kriticheskiy analiz kontseptsiy v sovremennoy frantsuzskoy estetike / N. B. Man'kovskaya. – М. : Iskusstvo, 1985.
4. **Dyufren, M.** Krizis iskusstva / M. Dyufren // Zapadnoevropeyskaya estetika XX veka: Nekotorye napravleniya zapadnoy estetiki. – М. : Znanie, 1991. – Вып. I.

Розенберг Наталья Владимировна

доктор философских наук, доцент,
заведующая кафедрой
коммуникационного менеджмента,
Пензенский государственный
университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: elya@sura.ru

Rozenberg Natal'ya Vladimirovna

Doctor of philosophy, associate professor,
head of sub-department of communication
management, Penza State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

УДК 008.001.14

Розенберг Н. В.

Творческий потенциал повседневности: философский анализ /
Н. В. Розенберг // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион.
Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 88–92.

Ю. В. Маслянка

**СМЫСЛ И БЕССМЫСЛЕННОЕ ВРЕМЯ:
СТРАТЕГИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Аннотация. Исследуется ключевая проблема современности – кризис смысла, понимания основных тенденций развития и перспектив мировой цивилизации. Особое внимание уделяется анализу социально-экономической и духовной ситуации в современной России, поиску адекватной ей стратегии модернизации общества в целом.

Ключевые слова: кризис смысла, стратегия модернизации общества, риск, ценности, современная Россия.

Yu. V. Maslyanka

**SENSE AND SENSELESS TIME:
STRATEGY OF RUSSIAN SOCIETY MODERNIZATION**

Abstract. The article discusses the key problem of our time – the crisis of human life essence, understanding the main trends and prospects of world civilization. Particular attention is paid to the analysis of socio-economic and moral situation in Russia today, the search for an adequate strategy of modernizing society in general.

Key words: crisis of human life essence, strategy of modernization of society, risk, values, modern Russia.

Серьезные вызовы, с которыми столкнулась Россия в последние десятилетия, реальные угрозы утраты экономической самостоятельности, целостности страны, привели к осознанию необходимости глубоких преобразований, модернизации всех сфер общественной жизни, инновационного развития страны. Исследования авторитетных ученых показывают, что в сложившейся ситуации России необходима не «догоняющая», а *прорывная стратегия* развития [1]. Однако реализация подобной стратегии требует выявления и понимания *действительных глубинных тенденций общественного развития*, глубинной природы постиндустриального, «информационального» общества, тех коренных и неотвратимых перемен в недрах общественной системы, торможение которых чревато углублением кризисных явлений. Не вызывает сомнения то, что пути выхода России из охватившего ее системного кризиса неразрывно связаны с путями преодоления общецивилизационного кризиса, реорганизации и модернизации существующих общественных институтов, формирования новых глобальных принципов общественного взаимодействия и сосуществования. Сложности в данном отношении возникают вследствие противоречивости и неопределенности той фазы развития, в которую вступила современная мировая цивилизация. Этим объясняется растущее значение проблематики риска как выражения нового отношения и понимания обществом своего будущего (У. Бек, Н. Луман, З. Бауманн и др.). По мнению Г. Бехмана, противоречивость современности, принципиальная открытость и плюрализм научно-технического общества порождают серьезные проблемы ориентации [2, с. 43]. При этом риск соотносится с «внутренними опасностями», собственным поведением социальной системы, *включая*

и бездействие. Этот вывод недвусмысленно указывает на то, что риски связаны с нарушением *внутренней логики* развития системы, исключая плюрализм как возможную основу развития и видения будущего.

Единая логика развития и плюрализм формируют, по мнению ряда исследователей, наиболее актуальную дихотомию современной теории модернизации общества. Модернизация (modernity), получившая за последние десятилетия статус своеобразного «мегатренда», претерпевает сегодня весьма интересную теоретическую эволюцию. Развиваясь преимущественно в рамках нелиберальных теоретических моделей общества (И. Л. Горовиц, С. П. Хантингтон, К. Фуртадо, Д. Лернер, Р. Редфилд, С. Айзенштадт и др.), концепции модернизировать все дальше уходят от идеи унифицирующей глобальной вестернизации, группируясь вокруг идеи многовекторной модернизировать [3, с. 39]. Однако это движение мысли остается весьма поверхностным, чего как будто не замечают В. Г. Буров и В. Г. Федотова [4]. Практически во всех нелиберальных вариантах модернизировать сохраняется неявная установка, при которой вестернизация с ее «рыночной ориентацией» рассматривается в качестве стержневой линии развития цивилизации, а *национальные модели модернизации* – в качестве локальных, «культурных» *форм* ее проявления. Выделяя отдельные черты китайской национальной модели модернизации, указанные авторы упускают, с нашей точки зрения, из вида главное – сущность, основной вектор модернизационного проекта Китая. С нашей точки зрения, именно *социалистический, планово-рыночный* проект модернизации лежит в основе современного «китайского бума», прорыва страны в глобальную экономику, «хотя мир не вполне понял его причины». Не вполне мир понял и причин другого колоссального социокультурного прорыва XX в. – проекта социалистической модернизации, реализованного в нашей стране.

Распад СССР и последовавший за ним развал социальных и экономических институтов практически на всей территории бывшей социалистической сверхдержавы, с одной стороны, а с другой – успехи китайского социалистического проекта, заставляют по-новому взглянуть на известную проблему соотношения капиталистического и социалистического хозяйства. Радует то, что постепенно в отечественной науке формируется мощная оппозиция утопическим, и даже губительным в контексте российской действительности, постулатам «рыночного фундаментализма». Так, по мнению И. И. Кравченко, ведущая роль в модернизационном процессе должна принадлежать *государству*. Это предполагает: расширение государственного сектора экономики; усиление государственного контроля в сфере кредитно-финансовых операций, государственное регулирование денежного обращения и банковского кредита и т.д.; осуществление государством функции долгосрочного программирования и планирования [5, с. 15]. В контексте диалога рынок/план обнаруживаются весьма интересные и плодотворные, с нашей точки зрения, тенденции поиска и выявления *онтологических оснований* существующих «экономических моделей» человека и общества (В. Г. Федотова). Так, «экономическому человеку» нелиберальных экономических теорий (Дж. Бьюкеннан, М. Фридман и др.) все чаще противопоставляется «человек институциональный» (Г. Саймон, Ю. Эльстер, П. Вайзе, К. Бруннер и др.), подчиняющийся «невидимой руке» общества и культуры в целом [6, с. 27]. По справедливому замечанию В. Г. Федотовой, мы наблюдаем сегодня скорее «кризис не экономической теории вообще, а нелиберальной экономиче-

ской теории», связанный с ошибочностью ее основных принципов, и прежде всего теоретической модели «экономического человека» [6, с. 30].

Институциональная экономическая модель с ее критикой абсолютного экономического детерминизма в смысле «рыночной неопределенности» и социального атомизма (индивидуализма), у истоков которой стоял Т. Веблен и которая была реализована в программе реформ Дж. М. Кейнса, действительно оправдала себя на практике. Этого не учитывают сегодня те авторы [7], которые, находясь под впечатлением от реванша неолиберальных экономических теорий на рубеже веков, подвергают довольно поверхностной критике взгляды Джона Кеннета Гэлбрейта, последователя Кейнса. Гэлбрейт убедительно показал, что развитая индустриальная экономика, стремясь повысить собственную эффективность и обеспечить устойчивость экономического роста, устраняет одну из ключевых характеристик «рынка» – его *неопределенность* и связанную с ней *конкурентность*. «...Рыночный механизм начинает отказывать как раз тогда, когда возникает необходимость исключительно высокой надежности, когда существенно необходимым становится планирование» [8, с. 61]. Именно в этом смысле Гэлбрейт говорит о конвергенции капиталистической и социалистической систем: «Обе системы переросли рынок. Наблюдается явная конвергенция в направлении одинаковых форм планирования» [8, с. 169]. В то же время Гэлбрейт, с нашей точки зрения, действительно дает недостаточно глубокий анализ рынка, а точнее, пользуясь научной терминологией, *товарного производства и его пределов*. С этим, очевидно, следует связывать и то, что он недооценивает разницу, т.е. *общественное содержание*, капиталистического и социалистического «планов», в полной мере проявившуюся в последней трети XX – начале XXI в. – в эпоху глобализации. Устранение «неопределенности рынка» в пользу крупных национальных (а сегодня уже транснациональных) корпораций только усилило *капитал*, углубив его основное противоречие. В глобальных масштабах это противоречие выражается в той «логике исключения», которая сегодня уже явно работает против *логики и смысла истории*. Дж. Сорос, например, отмечает, что главным врагом открытого общества сегодня выступает даже не общество закрытое, а «рыночный фундаментализм» – вера в магию рынка и «рыночный» подход ко всем сферам общественной деятельности, грозящий самоуничтожением существующей системы [9, с. 107].

Не вызывает сомнения то, что логика и смысл истории разворачиваются в направлении господства общественного интереса в экономической и социальной сферах, сглаживания социального неравенства, реальной демократизации общественных систем, что, по Соросу, означает движение к открытому обществу, а в марксизме – движение к социализму и коммунизму. В то же время практически во всех современных экономических и социологических концепциях, в том числе и в наиболее влиятельной теории постиндустриального общества, характер и логика этого движения и, как следствие, будущее мира представлены далеко не однозначно. Вызывает серьезные опасения и то, что теоретики постиндустриализма, усматривая в развитии современной цивилизации борьбу противоположных тенденций – социокультурного прогресса, демократизации жизни и тенденции возврата в «темные века», не могут предложить принципов практического усиления первой и преодоления второй. Коренной порок этих концепций, с нашей точки зрения, состоит в том, что они работают на уровне феноменологического среза социальной

реальности, не доходя до предельных основ общественной жизни, ее субстанции – материального труда. Показательно в этом отношении и то, что Д. Белл, уделяя особое внимание марксовской концепции перехода от капитализма к новой форме организации общества, пропускает его глубинный «третий сценарий» [10]. Содержащийся в «Капитале» в имплицитном виде действительный «сценарий» развития событий связан с выявленной Марксом тенденцией *разрушения пропорциональности* между вещественным и абстрактным богатством, потребительными стоимостями и стоимостью (порциями абстрактного труда), *которая лежит в основе товарного производства вообще – капиталистического в особенности* [10, с. 210].

Сегодня можно говорить уже о том, что процесс *вырождения товарной стоимости* фактически «выходит на поверхность», проявляясь в феноменах резкого возрастания роли науки, превращения ее в непосредственную производительную силу, роста значения информации и информационных технологий, смещения центра тяжести экономики от производства товаров к производству услуг, появления «сетевых структур» и т.д., на основе обобщения которых и складываются концепции постиндустриального общества. Однако «осевая» логика постиндустриализма (предложенная Д. Беллом), сочетающая в себе одновременно прямолинейный идеализм и технологический детерминизм, не имеет под собой, что называется, эссенциальной основы. «Знания» и «технологии» – это, безусловно, довольно бедные, бессодержательные характеристики тех процессов, которые связаны с появлением качественно нового типа труда как новой ступени развития родовой и индивидуальной человеческой сущности.

Одним из крупнейших открытий Маркса, лежащим в основе его понимания трансформации капиталистической системы производства и в полной мере подтвердившимся дальнейшим ходом истории, является открытие *всеобщего, или научного (онаученного), труда*. В то же время его трактовки многими так называемыми «постмарксистами», классиками постиндустриализма и отечественными представителями «старого» (И. И. Чангли, В. М. Межуев, Ю. К. Плетников и др.) и «нового» (А. В. Бузгалин, А. И. Колганов и др.) марксизма не представляются удовлетворительными. «Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение» [11, с. 116]. Это, во-первых, совместный, кооперированный труд и, во-вторых, труд, аккумулирующий в себе труд предшественников. Колоссальная производительная сила этого труда связана не с мыслью как таковой, но с качественно новым уровнем развития всеобщих родовых сил человека, аккумулированных в науке и технологии и подчиняющих себе все более мощные (а в перспективе бесконечные) силы природы. Современной конкретно-исторической формой всеобщего труда является, очевидно, *компьютерный труд*, связанный с *производством информации, или абстрактных материальных структур* (В. В. Орлов). Обнаруживая выделенные выше черты всеобщего труда, при котором человек выступает *не как определенным образом выдрессированная сила природы, а как субъект, управляющий всеми силами природы* [12, с. 110], складывающийся уникальный вид невещественного материального производства инициирует коренные преобразования на всех уровнях общественной системы. Важнейшими в этом отношении особенностями компьютерного труда являются принципиально новое единство материального и интеллектуального труда и его глубоко общественный

характер, несопоставимый по содержанию и широте с общественным характером труда прошлых эпох. Это проявляется в том числе и в его растущей производительности, высвобождении значительной части рабочего времени и смещении центра тяжести экономики от производства товаров к производству услуг как сферы экономики, непосредственно направленной на производство *самого человека*, его *всестороннее развитие*. Именно в сфере общественных услуг (здравоохранение, образование, научные исследования), имеющих, по Беллу, нерыночный характер, наиболее явно обнаруживает себя феномен вырождения товарной стоимости, и, как следствие, возникает проблема развития «нерыночной экономики благосостояния» и отсутствия «адекватных механизмов оценки общественных благ» [13, с. 160].

Коренные изменения в экономике за последние два десятилетия привели, как отмечает Д. А. Силичев, к пониманию того, что «социальное необходимо рассматривать как самостоятельную цель и важную сферу продуктивного вложения в человеческий капитал, который по своему значению соперничает с финансовым капиталом» [14, с. 20]. В этом русле, как замечает автор, развивается сегодня европейская социальная модель, опирающаяся на принцип нерасторжимой связи между экономической эффективностью и социальным прогрессом (Совет Европы, Барселона, 2002) и постепенно сближающаяся со скандинавской моделью занятости и социальной защиты.

Неуклонное расширение сферы нерыночных общественных услуг, переход от жестких пирамидальных структур управления к сетевым и, наконец, *непосредственно* общественный характер компьютерного труда (информации) – явления, скрывающие под собой глубинный процесс социально-экономической реструктуризации, вырождения ключевого для предшествовавшего способа производства феномена частной собственности и формирования новой, более эффективной в складывающихся условиях, *индивидуализированной общественной собственности* (В. В. Орлов). Под «ураганым натиском» именно этих процессов – вырождения стоимостного отношения и частной собственности (последнее отмечают и многие постиндустриалисты) – шатаются сегодня традиционные для капитала социально-экономические институты и рожденные ими системы ценностей и мифов. Один из них, уже изрядно устаревший, но все еще востребованный в среде отечественных «реформаторов», – миф о неэффективности общественной (государственной) собственности. Ясно, что рост основательности исторического действия, проявляющийся в научно-техническом прогрессе, подчинение человеку все более мощных сил природы, вплоть до космических, предполагают и процесс *обобществления собственности*. Наиболее типичной и неизбежной, хотя и первоначальной, формой такого обобществления, как отмечает В. В. Орлов, является ограничение частной собственности посредством роста *государственного управления экономикой*. Именно в русле этой общечивилизационной тенденции должна разворачиваться, с нашей точки зрения, «прорывная стратегия» модернизации российской социально-экономической системы, связанная с *«определенным оптимумом (может быть, даже минимумом) “рыночного” развития и форсированным внедрением постиндустриальной технологии и экономики»* [10, с. 260].

Разрушение товарной стоимости, в течение длительного периода истории служившей основой экономических, правовых, политических, нравственных отношений, базирующихся на принципе «эквивалентного обмена»

деятелями («око за око», правило «шу», «золотое правило» морали), ведет к кризису и неизбежному преодолению, «снятию» последних. Относительно простой, поддающийся абстрагированию труд с его аддитивной структурой и соответствующей структурой оценки (стоимостью) находит свое отражение и в соответствующей *абстрактно-всеобщей системе ценностей и смыслов* (абстрактное равенство, абстрактный «человек вообще» и т.д.), вполне сносно уживающейся с реальным неравенством условий жизни. Зарождение всеобщего труда и формирование новой, «очеловеченной» стоимости (ценности) труда, перерастающей принцип «эквивалентного обмена», предполагает и формирование новой, *конкретно-всеобщей, системы ценностей*, в которой реальное равенство возможностей и условий жизни будет исходным принципом, создающим условия максимального и не ограничивающего других индивидуального развития.

Сегодня мы являемся свидетелями кризиса существовавшей более тысячи лет (с некоторыми видоизменениями) абстрактно-всеобщей системы ценностей: она буквально «трещит по швам». Мы не можем признать ее удовлетворительной, реально работающей в условиях «столкновения цивилизаций», развитых и развивающихся стран и регионов мира, в условиях, когда более миллиарда людей на планете голодает... Современный мир мучительно ищет, а точнее, рождает новые идеалы. Новая, *конкретно-всеобщая система общечеловеческих ценностей* создается, с нашей точки зрения, в контексте межкультурного диалога, набирающего силу движения альтерглобализма, ее элементы явно просматриваются в социальной политике ряда европейских государств. Основные концептуальные моменты этой системы, безусловно, уже сформировались, хотя и еще в довольно обобщенном виде: это, во-первых, приоритет труда, «человеческого капитала» перед «финансовым капиталом» и, во-вторых, приоритет коллективности перед индивидуальностью (индивидуализмом), конкретно-всеобщее ядро которого образует принцип господства общественного интереса и собственности над частным интересом и собственностью. Глубокий кризис современной системы образования, приобретающий общецивилизационные масштабы и требующий как никогда серьезного осмысления в контексте «непрерывно исчезающего настоящего», красноречиво подтверждает наши выводы. Та система установок и ценностей, на которую до последнего времени ориентировалась западная образовательная модель и цивилизация в целом и которая вопреки логике и смыслу истории внедряется в нашей стране, – система, направленная на формирование узкого специалиста, индивидуалиста, противопоставляющего себя обществу, постепенно, неравномерно, болезненно уходит в прошлое.

Восстановление и совершенствование уровня образования – одно из ключевых направлений прорывной стратегии развития России, один из ключевых «трендов» общецивилизационного движения. Современная, отвечающая логике и смыслу истории система образования должна формировать: в аспекте собственно образования (знания) – преимущественно *универсала, широкого специалиста* (на что направлена как раз система классического университетского образования, стратегия гуманизации образования); в аспекте воспитания (ценности) – безусловно, *коммунистара, общественника*, связывающего личный успех с общественными интересами. Абстрактно-всеобщая система ценностей с характерной для нее двойной моралью, сочетающей поверхностный «абстрактный гуманизм» с реальным индивидуализ-

мом и эгоизмом, подвела мировую цивилизацию к «точке невозврата». Выход из тупика, смысл видится сегодня исключительно в контексте развития, углубления складывающихся элементов конкретно-всеобщей системы общечеловеческих ценностей – гуманизма, приоритета общественных интересов над индивидуальными, патриотизма, любви к труду, стремления к творчеству и новым горизонтам знания.

Список литературы

1. **Орлов, В. В.** Университетское образование в постиндустриальном обществе / В. В. Орлов // Вестник Перм. ун-та. – 2007. – Вып. 6 (11). – С. 32–36.
2. **Бехман, Г.** Современное общество как общество риска / Г. Бехман // Вопросы философии. – 2007. – № 1. – С. 26–46.
3. **Глинчикова, А. Г.** Модернити и Россия / А. Г. Глинчикова // Вопросы философии. – 2007. – № 6. – С. 38–56.
4. **Буров, В. Г.** Китайский опыт модернизации: теория и практика / В. Г. Буров, В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2007. – № 5. – С. 7–20.
5. **Кравченко, И. И.** Модернизация мира и сегодняшней России. Выход из кризиса / И. И. Кравченко // Вопросы философии. – 2002. – № 9. – С. 3–19.
6. **Федотова, В. Г.** Человек в экономических теориях: пределы онтологизации / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2007. – № 9. – С. 20–31.
7. **Травин, Д.** Джон Кеннет Гэлбрейт. Камо грядеши? / Д. Травин // Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. – М. ; СПб., 2004. – С. 586–602.
8. **Гэлбрейт, Дж.** Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт. – М. : АСТ ; СПб. : Транзиткнига, 2004. – 608 с.
9. **Ефремов, О. А.** Концепция «открытого» и «закрытого» обществ Джорджа Сороса: полет надежды и тиски реальности / О. А. Ефремов // Философия и общество. – 2005. – № 4. – С. 93–114.
10. **Орлов, В. В.** Философия экономики / В. В. Орлов, Т. С. Васильева. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2005. – 264 с.
11. **Маркс, К.** Капитал. Т. III / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. – Ч. I. – 545 с.
12. **Маркс, К.** Экономические рукописи 1857–1859 годов. Часть вторая / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. – Ч. II. – 618 с.
13. **Белл, Д.** Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М. : Academia, 2004. – 788 с.
14. **Силичев, Д. А.** Социальные последствия перехода от индустриализма и модерна к постиндустриализму и постмодерну / Д. А. Силичев // Вопросы философии. – 2005. – № 7. – С. 3–20.

References

1. **Orlov, V. V.** Universitetskoe obrazovanie v postindustrial'nom obshchestve / V. V. Orlov // Vestnik Perm. un-ta. – 2007. – Vyp. 6 (11). – S. 32–36.
2. **Bekhman, G.** Sovremennoe obshchestvo kak obshchestvo riska / G. Bekhman // Voprosy filosofii. – 2007. – № 1. – S. 26–46.
3. **Glinchikova, A. G.** Moderniti i Rossiya / A. G. Glinchikova // Voprosy filosofii. – 2007. – № 6. – S. 38–56.
4. **Burov, V. G.** Kitayskiy opyt modernizatsii: teoriya i praktika / V. G. Burov, V. G. Fedotova // Voprosy filosofii. – 2007. – № 5. – S. 7–20.
5. **Kravchenko, I. I.** Modernizatsiya mira i segodnyashney Rossii. Vykhod iz krizisa / I. I. Kravchenko // Voprosy filosofii. – 2002. – № 9. – S. 3–19.
6. **Fedotova, V. G.** Chelovek v ekonomicheskikh teoriyakh: predely ontologizatsii / V. G. Fedotova // Voprosy filosofii. – 2007. – № 9. – S. 20–31.

7. **Travin, D.** Dzhon Kennet Gelbreyt. Kamo gryadeshi? / D. Travin // Gelbreyt Dzh. Novoe industrial'noe obshchestvo. – M. ; SPb., 2004. – S. 586–602.
8. **Gelbreyt, Dzh.** Novoe industrial'noe obshchestvo / Dzh. Gelbreyt. – M. : AST ; SPb. : Tranzitkniga, 2004. – 608 s.
9. **Efremov, O. A.** Kontsepsiya «otkrytogo» i «zakrytogo» obshchestv Dzhordzha Sorosa: polet nadezhdy i tiski real'nosti / O. A. Efremov // Filosofiya i obshchestvo. – 2005. – № 4. – S. 93–114.
10. **Orlov, V. V.** Filosofiya ekonomiki / V. V. Orlov, T. S. Vasil'eva. – Perm' : Izd-vo Perm. un-ta, 2005. – 264 s.
11. **Marks, K.** Kapital. T. III / K. Marks // Marks K., Engel's F. Soch. T. 25. – Ch. I. – 545 s.
12. **Marks, K.** Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov. Chast' vtoraya / K. Marks // Marks K., Engel's F. Soch. T. 46. – Ch. II. – 618 s.
13. **Bell, D.** Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya / D. Bell. – M. : Academia, 2004. – 788 s.
14. **Silichev, D. A.** Sotsial'nye posledstviya perekhoda ot industrializma i moderna k postindustrializmu i postmodernu / D. A. Silichev // Voprosy filosofii. – 2005. – № 7. – S. 3–20.

Маслянка Юлия Владимировна

кандидат философских наук,
старший преподаватель, кафедра
философии, Пермский
государственный университет
(г. Пермь, ул. Букирева, 15)

E-mail: ecv@yandex.ru

Maslyanka Yuliya Vladimirovna

Candidate of philosophy, senior lecturer,
sub-department of philosophy, Perm
State University
(Perm, 15 Bukiryova str.)

УДК 172

Маслянка, Ю. В.

Смысл и бессмысленное время: стратегия модернизации российского общества / Ю. В. Маслянка // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 93–100.

УДК 811.161.1-112

А. А. Уржумова

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЧЛЕННЫХ И НЕЧЛЕННЫХ ИМЕН С СУФФИКСОМ -ЪН- В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕТОПИСНЫХ И ЕВАНГЕЛЬСКИХ ТЕКСТОВ)¹

Аннотация. Представлены результаты исследования употребления нечленных и членных имен с суффиксом -ън- в атрибутивной и предикативной функции в корпусе древнейших русских летописей и славянских евангелий. Делаются выводы о предикативности нечленных имен во всех типах конструкций, а также о зависимости употребления членных атрибутивных форм от значения лица имени существительного и о принципах распределения членных имен по позиции в синтагме.

Ключевые слова: членные и нечленные имена, имя прилагательное, корпус русских летописей, славянские евангелия, синтаксическая функция прилагательного, история русского языка.

A. A. Urzhumova

PECULIARITIES OF USING BRIEF AND FULL NAMES WITH -ЪН- SUFFIX IN ANCIENT RUSSIAN LANGUAGE (ON THE BASIS OF ANNALISTIC AND GOSPEL TEXTS)¹

Abstract. The article presents the results of researching the use of brief and full names with -ън- suffix in the attributive and predicative functions in the corps of the ancient Russian chronicles and in the Slavonic gospels. The author concludes about the predicative character of brief names in all types of constructions, also about the relationship of full attributive names with a noun with the person meaning, and about the distributive syntagmatic rules of using the full names are presented.

Key words: full and brief names, adjective, corps of Russian chronicles, Slavonic gospels, syntax role of adjective, history of the Russian language.

Становление имени прилагательного как части речи в истории русского языка – один из проблемных вопросов исторического языкознания. Употребление членных форм, сыгравших основную роль в формировании имени прилагательного, и нечленных, ушедших на периферию русского языка, в древнерусских текстах исследовалось учеными на разном языковом материале [1–7]. Несмотря на это, некоторые аспекты функционирования членных и нечленных имен до сих пор вызывают в науке большой интерес.

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Лингвистическое обеспечение аннотированного корпуса древнерусских евангелий XI–XIV вв.», государственный контракт № 14.740.11.0568 на выполнение работ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

Сейчас уже не подлежит сомнению тот факт, что членное имя явилось выразителем идеи качества, безотносительности признака [8, с. 5], и это послужило предпосылкой к закреплению членной формы в качестве атрибутивной при имени существительном и окончательному формированию имени прилагательного как части речи в русском языке. Однако принципы использования в текстах членных форм в противоположность нечленным, механизмы закрепления за членными формами определенной позиции при имени существительном (пре- и постпозиции) остаются не проясненными до конца.

Исследование проблемы функционирования членных и нечленных имен проводилось на разновременном языковом материале, основу которого составил корпус древнейших русских летописей, состоящий из трех списков – Лаврентьевского (далее – ЛЛ), 1377 г., [9], Ипатьевского (далее – ЛИ), ок. 1425 г., [10] и Радзивилловского (далее – ЛР), XV в., [11], и в большей мере общая часть списков – «Повесть временных лет» (далее – ПВЛ). В качестве дополнительного иллюстративного материала привлекались славянские евангелия, а в частности три памятника – Саввина книга (далее – СК), XI–XIV в., [12], Архангельское евангелие (далее – АЕ), 1092 г., [13] и Симоновское евангелие (далее – СЕ), 1270 г., [14].

Членные и нечленные имена с суффиксом -ьн- – это одна из самых многочисленных групп суффиксальных имен в древнерусском языке и в изучаемых текстах [8, с. 13; 15, с. 54; 16, с. 75; 17, с. 368].

Имена с суффиксом -ьн- представлены в летописях и евангелиях в нечленной и членной формах. Известно, что нечленные имена специализировались в древнерусском языке на предикативной функции, при этом традиционно считается, что они могли употребляться и в функции атрибутивной [18, с. 49; 19, с. 55]. Однако анализ языкового материала позволяет классифицировать все случаи употребления нечленных имен только как примеры их предикативного использования.

Во-первых, следует выделить «классические» примеры предикативного употребления нечленных имен в летописях и евангелиях [20, с. 137; 21, с. 54–55]:

1) ярославъ се слышавъ печаленъ бѣ по шци н по бранн ш дрѣнь (ЛР 80 л., ЛИ 53 л., ЛЛ 48 л.);

2) н бѣ съча снана (ЛР 83 об., ЛИ 55 л., ЛЛ 50 об.);

3) дхъ бо предьмыслнвъ · а плзть немошьна (АЕ 95 об. – 96 л., СЕ 103 об., 129 л., СК 97 л. – 97 об.);

4) рече гь · амнъ амнъ · глау камъ · яко ннкынже прркъ · прнатънъ ксть въ отьуьствнн своємь (АЕ 164 об. – 165 л., СЕ 65 л.) и др.

Кроме случаев предикативного использования нечленных имен, и в летописях, и в евангелиях встречаются, например, конструкции с нечленными именами, соотносимые с современными полупредикативными определениями и с приложениями (предикативный характер последних в современном русском языке у исследователей не вызывает сомнения). И в изучаемых текстах такие нечленные имена имеют известную степень предикативности:

1) носнфъ же моумь ея · правьднъ сы · н не хотѣ обланчнтн ея · въсхотѣ тан поустнтн ю (АЕ 142 об.);

2) н видѣвъ ю добрѹ сущю лнцѣ · н смьсленѹ велмн · н оуднкнса црь разумѹ ея (ЛИ 24 л.);

3) [Ярославу] самомѣ же колнѣ соущѣ н прнше^ашю к възшегород^аю н разболѣ^с велмн (ЛР 93 об., ЛИ 60 об., ЛЛ 54 об.) и др.

Все приведенные примеры представляют собой сочетание определяемого имени существительного и нечленного имени с причастием. Причастие и нечленное имя образуют предикативную единицу, при этом нечленное имя обозначает другие свойства имени существительного, по-другому именуя его, а также устанавливая дополнительные отношения между предикативными единицами (причинно-следственные, временные или уступительные и др.).

Однако даже в случаях, когда при зависимом нечленном имени нет причастия, нечленная форма сохраняет способность образовывать своеобразный предикативный центр. Такие конструкции похожи на конструкции с причастием и нечленным именем не только внешне и структурно, но и по значению:

1) *аще бо колн кто · прннесаше дѣтнщъ болєнъ · кацнмъ любо недугомъ · шдєрьжнмъ · прнношаху в манастырь* (ЛИ 70 л., ЛЛ 63 об., ЛР – нет) – *если же кто-нибудь приносил ребенка, **больного** каким-либо недугом, **одержимого**, приносили (его) в монастырь;*

2) *н несоща н болна в манастырь* (ЛИ 73 л., ЛЛ 66 об., ЛР 114 л.) – *и несли его, **больного**, в монастырь;*

3) *нзвлєчє мрѣжю на зємлю пълну вєлкынхъ рѣбъ* (АЕ 177 л.) – *извлек сеть, **полную** больших рыб и др.*

А. А. Шахматов отмечает, что «всякое определение, выраженное нечленным прилагательным в древнем языке, надо рассматривать как предикативное определение: зльь чєловѣкъ, т.е. зльь сы чєловѣкъ (будучи злым)» [22, с. 492]. Это замечание заставляет нас смотреть на любую нечленную форму как на потенциально предикативную.

И с этой точки зрения особого внимания заслуживают конструкции с нечленным именем, зависимым от имени существительного. Традиционно такие нечленные формы признаются атрибутивными, однако вновь у А. А. Шахматова находим замечание о том, что «всякие атрибутивные отношения могут мыслиться и предикативно» [22, с. 179]. Многочисленные примеры использования в традиционном понимании атрибутивных нечленных форм позволяют рассматривать нечленные имена как формы, имеющие особую грамматическую семантику.

Обратимся к примерам:

1) *пропокедаша вѣроу непорочнѣ н правѣ* (ЛР 63 об., ЛИ 43 л., ЛЛ 39 об.);

2) *нзєраша мѹжн дєкрь н смѣслєны* (ЛЛ 36 об., ЛИ 41 л., ЛР 59 л.);

3) *аще нматє вѣроу яко зѣрно горюшьно* (АЕ 38 л., СЕ 90 л., СК 65 об.);

4) *да прндєтъ на вѣ всака крѣвь правѣдѣна · пролнвємаѣа на зємлю* (АЕ 125 об.) и др.

Во всех приведенных примерах нечленное имя не является собственно атрибутом в привычном понимании, что во многом объясняется происхождением нечленного имени. Нечленные имена, как и имена существительные, восходят к синкретичному имени [23, с. 80–81; 24, с. 108]. Внутри синкретичного имени на определенном этапе развития языка сосуществовал ряд признаков, и если имя выступало как субстанция, то вперед выдвигался один круг признаков, если как качество субстанции – другой. Нечленное имя в языке исследуемых памятников еще сохраняет генетическую связь с син-

критичной формой, проявляя способность обозначать лицо/предмет/явление и его существенный признак, данные в цельном образе. В таком случае в приведенных примерах следует видеть не атрибутивное нечленное имя, а нечленную форму, способную по-другому именовать субстанцию, обозначенную именем, и сопоставляться с ним [23, с. 40–44]. Наиболее отчетливо такое значение нечленного имени выявляется тогда, когда оно сопоставляется с именем существительным, обозначающим лицо (пример 2), а также в примерах, в которых нечленное имя употребляется в одном ряду с именем существительным:

1) кто убо ест вѣрнѣ рабѣ и мждрѣ · его же поставитъ гъ надъ домомъ свои^м (СК 90 об.);

2) его же слухъ пронзиде · по вснмъ странамъ · нанпауе же вѣстрашенѣ · поганымъ · братолюбѣцѣ и ннщелюбѣцѣ (ЛИ 108 л.) и др.

Показательны и примеры разночтений с нечленным именем в одном списке и существительным в другом:

1) аще са крѣтншн то и се получишь · и црство нѣ^с ное примешн · и с намн ѣдннѣ^в ѣрннкъ будешн (ЛЛ 37 об., ЛИ 42 л.) – с намн ѣднновѣрнѣ^в будешн (ЛР 61 л.);

2) аще не вѣрацѣтсѣ · кто рѣцѣ · батъ ли ли убогъ · нли ннщѣ · ли работннкъ протнкѣнѣ мнѣ да будеть (ЛЛ 40 об.) – аще не вѣрацѣтѣ^с кто заутра на рѣцѣ · богатъ ли^н ли убогъ · нли ннщѣ · нли работѣнѣ · протнвнн^к мнѣ да бодѣ^{тѣ} (ЛР 65 л., ЛИ 44 л.) и др.

Заметим, что большинство нечленных имен употреблено в постпозиции по отношению к имени существительному, от которого они зависят, при этом от более ранних по времени написания евангелий к более поздним рукописям – летописям – количество постпозитивных нечленных имен увеличивается (табл. 1).

Таблица 1

Употребление нечленных имен по позиции в синтагме

Список	Имена в препозиции к существительному	Имена в постпозиции к существительному
СК	25 (30 %)	58 (70 %)
АЕ	31 (28 %)	81 (72 %)
СЕ	70 (33 %)	141 (67 %)
ЛЛ	34 (24 %)	110 (76 %)
ЛИ	31 (25 %)	92 (75 %)
ЛР	27 (22 %)	95 (78 %)

Постпозиция по отношению к существительному – это не только позиция зависимого имени, но и позиция предиката по отношению к грамматическому субъекту. Таким образом, сложная семантика и позиция нечленного имени в синтагме позволяют относить его к предикативным формам.

Предикативный характер нечленных постпозитивных форм отчетливо проявляется при сопоставлении с препозитивными нечленными формами. Именно в препозиции нечленные имена вступают в конкуренцию с членными

(собственно атрибутивными) именами, что отражается в многочисленных примерах разночтений в списках летописей:

1) БЛУДНА БО ТЕУЕНЬА ЕА · Н НЕ БЛГОРАЗУМНА (ЛИ 31 об.) – БЛУДНАА ЖЕ ТЕУЕНЬА ЕА НЕ БЛГОРАЗУМНА (ЛЛ 25 об.);

2) ДОНДЕЖЕ ПРИДЕТЬ ВЪ БЕСТРАШНО МЪСТО (ЛИ 14 л.) – ДОНДЕ ПРИДЕТЬ ВЪ БЕСТРАШНОЕ МЪСТО (ЛР 17 об.);

3) ПОХОРОНН БЛЖЕНУ ШЛГҮ (ЛИ 27 об.) – ПОХОРОНН БЛЖНОЮ ШЛГОҮ (ЛР 36 об., ЛЛ 21 л.) и др.

Нечленное имя в препозиции – факт, разумеется, не исключительный для древнерусского языка. Однако нетипичность препозиции для нечленного имени, обладающего при других синтаксических условиях предикативностью, является одной из причин переосмысления отношений между нечленным именем и существительным, в результате чего вместо предикативных отношений появляются атрибутивные, но с заменой нечленной формы на одноосновную членную.

Таким образом, нечленное имя проявляет предикативные свойства в разных падежных формах и в различных типах конструкций, при этом по преимуществу в постпозиции. Процесс утраты нечленной формой склонения, который традиционно объясняется закреплением нечленной формы в предикативной функции, связан прежде всего с утратой типов полупредикативных конструкций с участием нечленной формы и формированием синтаксической системы русского языка. При рассмотрении синтаксической системы прошлого, а особенно при постоянном сравнении ее с современным состоянием языковой системы, следует помнить, что «некоторые из вариантов, некогда демонстрировавших системно predetermined свободу в строе синтаксического целого, становятся принадлежностью модели языка, а другие отесняются на его периферию, вплоть до полной нейтрализации» [25, с. 29].

Анализ употребления нечленных форм в языке евангелий и летописей побуждает к выводу об особом статусе нечленной формы – формы, обладающей грамматическим значением с заложенной предикативностью и способной образовывать предикативные центры во фразе. При этом важно: то, что в традиционной исторической грамматике называется атрибутивным кратким (нечленным) прилагательным, собственно атрибутом не является. Возможно, по отношению к нечленной форме следует употреблять термин «предикатив», или «предикативная нечленная форма».

Перейдем к рассмотрению членных форм. Употребление членных имен с суффиксом -ьн- в текстах летописей и евангелий существенно отличается от функционирования нечленных имен.

Членные имена по преимуществу имеют атрибутивную функцию в текстах. Некоторые исследователи считают позицию зависимого членного и нечленного имени незакрепленной (немотивированной), позволяющей ему в равной степени занимать пре- и постпозиции относительно определяемого существительного. Так, например, В. З. Санников отмечает, что «в древнерусских памятниках препозиция или постпозиция согласованного определения не связаны с различием значения и являются в значительной мере случайными» [18, с. 64]. При этом автор приводит следующие данные: на 52 % препозитивных прилагательных приходится 48 % постпозитивных [18, с. 62].

Такая точка зрения не может не подвергаться критике. Как отмечает З. К. Тарланов, в древнерусском языке «атрибутивное прилагательное свободно в препозитивном и постпозитивном расположении относительно определяемого», однако сделать такие выводы можно только на материале «произвольно привлеченных разножанровых памятников того же периода» (курсив наш – А. У.) [25, с. 31].

Исследования многих лингвистов – историков языка свидетельствуют о том, что употребление членного и нечленного имени в пре- или постпозициях продиктовано определенными условиями – стилистическими, лексическими и др. [26, с. 5–6; 27, с. 9].

Действительно, в текстах евангелий и летописей обнаруживается зависимость употребления членных пре- и постпозитивных форм от определенных условий – в частности, от значения лица определяемого имени существительного. Так, при именах со значением лица наблюдается употребление членного имени в препозиции. Причем в более ранних и более строгих в жанровом и языковом отношении памятниках – евангельских текстах – членная форма при именах существительных со значением лица употребляется в препозиции с разной степенью интенсивности, тогда как в летописях – более поздних рукописях – тенденция употребления членных форм в препозиции по отношению к существительному со значением лица выражена более отчетливо (табл. 2).

Таблица 2

Распределение членных имен по позициям с учетом значения лица имени существительного

Список	Членные имена при существительных со значением лица		Членные имена при существительных со значением нелица	
	в препозиции	в постпозиции	в препозиции	в постпозиции
СК	3 (20 %)	12 (80 %)	1 (13 %)	7 (87 %)
АЕ	10 (34 %)	19 (66 %)	35 (29 %)	85 (71 %)
СЕ	37 (50 %)	37 (50 %)	55 (23 %)	185 (77 %)
ЛЛ	60 (65 %)	33 (35 %)	95 (42 %)	129 (58 %)
ЛИ	73 (78 %)	21 (22 %)	121 (47 %)	136 (53 %)
ЛР	56 (75 %)	19 (25 %)	104 (46 %)	122 (54 %)

Членные имена, употребленные при существительных со значением лица, – это собственно качественные образования:

- 1) мѣца тѣ · къ · дѣ · преподобнаго · маркела (АЕ 171 л.);
- 2) къ истинноу по радюу пьсати славьнѣи феофиле · да разоумѣнѣи (АЕ 165 об., СЕ 162 об.);
- 3) то є знаменьє нѣнаго црѣа (ЛР 105 л., ЛИ 66 об., ЛЛ 60 об.);
- 4) проклнаемн ѿ блговѣрнѣи мужь н ѿ вѣрнѣи женъ (ЛР 66 об., ЛИ 45 об., ЛЛ 42 л.) и др.

Употребление членных имен при существительных со значением нелица также необходимо рассмотреть с точки зрения семантических особенностей членной формы, а именно способности обозначать признак – относительный или безотносительный, т.е. качество.

Нечленные же имена, по преимуществу занимающие постпозицию, не выполняют собственно атрибутивную функцию, а образуют предикативный центр, называя лицо/предмет и одновременно обозначая его признаки.

Список литературы

1. **Баданина, И. В.** Именные и местоименные формы имен прилагательных в летописях и деловых памятниках Москвы XVII в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Баданина И. В. – М., 1999. – 24 с.
2. **Георгиева, В. Л.** Синтаксические функции прилагательных в древнерусском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Георгиева В. Л. – Л., 1952. – 23 с.
3. **Гурьева, Н. Ю.** Эволюция синтаксической функции членных и нечленных прилагательных в русском языке: XII–XVII вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Гурьева Н. Ю. – М., 1988. – 18 с.
4. **Кукушкина, О. В.** Атрибутивная позиция, функция, форма и семантика / О. В. Кукушкина // Системные семантические связи языковых единиц. – М., 1992. – С. 87–97.
5. **Ленделова, В.** Синтаксические особенности кратких и полных форм прилагательных в духовных и договорных грамотах великих удельных князей XV в. в сопоставлении с Московским летописным сводом XV в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленделова В. – М., 1989. – 24 с.
6. **Мосалова, Г. П.** Функционирование прилагательных в нижегородской художественно-повествовательной и деловой письменности (по текстам XIV–XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Мосалова Г. П. – Нижний Новгород, 2001. – 22 с.
7. **Флайер, М.** Аспекты именной определенности в старославянском языке. Причастительные прилагательные / М. Флайер // Избранные труды. Т. I: Работы по синхроническому языкознанию. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 696 с.
8. **Балалыкина, Э. А.** Словообразовательная структура прилагательных в славянских и балтийских языках: Именное образование с индоевропейскими формантами *-*no*, *-*to*, *-*mo*, *-*lo* / Э. А. Балалыкина. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1980.
9. Лаврентьевская летопись: «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку летописи // Манускрипт: письменное наследие / Лаборатория по автоматизации филологических работ УдГУ, кафедра лингвистики ИжГТУ. 2004–2012. – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32500902.
10. Ипатьевская летопись // Манускрипт: письменное наследие / Лаборатория по автоматизации филологических работ УдГУ, кафедра лингвистики ИжГТУ. 2004–2012. – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32151080.
11. Радзивилловская летопись «Повесть временных лет» по Радзивилловскому списку летописи // Манускрипт: письменное наследие / Лаборатория по автоматизации филологических работ УдГУ, кафедра лингвистики ИжГТУ. 2004–2012. – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=43296853.
12. Евангелие апракос краткий (Саввина книга) // Манускрипт: письменное наследие / Лаборатория по автоматизации филологических работ УдГУ, кафедра лингвистики ИжГТУ. 2004–2012. – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=53086106.
13. Евангелие апракос краткий (Архангельское евангелие) // Манускрипт: письменное наследие / Лаборатория по автоматизации филологических работ УдГУ, кафедра лингвистики ИжГТУ. 2004–2012. – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=15843750.
14. Евангелие апракос полный (Симоновское евангелие) // Манускрипт: письменное наследие / Лаборатория по автоматизации филологических работ УдГУ, кафедра лингвистики ИжГТУ. 2004–2012. – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=43532484.

15. **Зверковская, Н. П.** Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI–XVII вв. / Н. П. Зверковская. – М. : Наука, 1986.
16. Историческое словообразование русского языка / под ред. Г. А. Николаева. – Казань : Изд-во КГУ, 1984.
17. **Борковский, В. И.** Историческая грамматика русского языка / В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. – М. : Изд-во АН СССР, 1963.
18. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение. – М. : Наука, 1978.
19. **Якубинский, Л. П.** Из истории имени прилагательного / Л. П. Якубинский // Доклады и сообщения. Институт языкознания. I. – М., 1952.
20. **Ломтев, Т. П.** Очерки по историческому синтаксису русского языка / Т. П. Ломтев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956.
21. **Стеценко, А. Н.** Исторический синтаксис русского языка / А. Н. Стеценко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1977.
22. **Шахматов, А. А.** Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов ; ред. и комм. Е. С. Истриной. – 2-е изд. – Л. : Гос. уч.-пед. изд-во, 1941.
23. **Баранов, В. А.** Формирование определительных категорий в истории русского языка / В. А. Баранов. – Казань : Изд-во КГУ, 2003.
24. **Марков, В. М.** К вопросу о субстантивации имен прилагательных в русском языке / В. М. Марков // Уч. зап. КГУ. – Казань, 1959. – Т. 119. – Кн. 5. Памяти В. А. Богородицкого.
25. **Тарланов, З. К.** Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии / З. К. Тарланов. – Петрозаводск : ПГУ, 1999.
26. **Лаптева, О. А.** Расположение одиночного качественного прилагательного в составе атрибутивного словосочетания в русских текстах XI–XIV вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лаптева О. А. – М., 1963.
27. **Коробчинская, Л. А.** К вопросу о порядке слов в древнерусском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Коробчинская Л. А. – Львов, 1950.
28. **Колесов, В. В.** История русского языка : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / В. В. Колесов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Академия, 2005.
29. **Срезневский, И. И.** Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – Репринт. изд. – М., 1958.
30. Словарь русского языка XI–XVII вв. : в 26 т. – М., 1975–2002. – Вып. 8. – 1981.

References

1. **Badanina, I. V.** Imennye i mestoimennye formy imen prilagatel'nykh v letopisyakh i delovykh pamyatnikakh Moskvy XVII v. : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Badanina I. V. – М., 1999. – 24 s.
2. **Georgieva, V. L.** Sintaksicheskie funktsii prilagatel'nykh v drevnerusskom yazyke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Georgieva V. L. – L., 1952. – 23 s.
3. **Gur'eva, N. Yu.** Evolyutsiya sintaksicheskoy funktsii chlennykh i nechlennykh prilagatel'nykh v russkom yazyke: XII–XVII vv. : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Gur'eva N. Yu. – М., 1988. – 18 s.
4. **Kukushkina, O. V.** Atributivnaya pozitsiya, funktsiya, forma i semantika / O. V. Kukushkina // Sistemnye semanticheskie svyazi yazykovykh edinits. – М., 1992. – S. 87–97.
5. **Lendelova, V.** Sintaksicheskie osobennosti kratkikh i polnykh form prilagatel'nykh v dukhovnykh i dogovornykh gramotakh velikikh udel'nykh knyazey XV v. v sopostavlenii s Moskovskim letopisnym svodom XV v. : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Lendelova V. – М., 1989. – 24 s.
6. **Mosalova, G. P.** Funktsionirovanie prilagatel'nykh v nizhegorodskoy khudozhestvenno-povestvovatel'noy i delovoy pis'mennosti (po tekstam XIV–XX vv.) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Mosalova G. P. – Nizhniy Novgorod, 2001. – 22 s.

7. **Flayer, M.** Aspekty imennoy opredelennosti v staroslavlyanskom yazyke. Prityazhatel'nye prilagatel'nye / M. Flayer // Izbrannyye trudy. T. I: Raboty po sinkhronicheskomu yazykoznaniiyu. – M. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2010. – 696 s.
8. **Balalykina, E. A.** Slovoobrazovatel'naya struktura prilagatel'nykh v slavyanskikh i baltiyskikh yazykakh: Imennoe obrazovanie s indoevropeyskimi formantami *-*no, *-to, *-mo, *-lo* / E. A. Balalykina. – Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 1980.
9. Lavrent'evskaya letopis': «Povest' vremennykh let» po Lavrent'evskomu spisku letopisi // Manuscript: pis'mennoe nasledie / Laboratoriya po avtomatizatsii filologicheskikh rabot UdGU, kafedra lingvistiki IzhGTU. 2004–2012. – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32500902.
10. Ipat'evskaya letopis' // Manuscript: pis'mennoe nasledie / Laboratoriya po avtomatizatsii filologicheskikh rabot UdGU, kafedra lingvistiki IzhGTU. 2004–2012. – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32151080.
11. Radzivilovskaya letopis' «Povest' vremennykh let» po Radzivilovskomu spisku letopisi // Manuscript: pis'mennoe nasledie / Laboratoriya po avtomatizatsii filologicheskikh rabot UdGU, kafedra lingvistiki IzhGTU. 2004–2012. – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=43296853.
12. Evangelie aprakos kratkiy (Savvina kniga) // Manuscript: pis'mennoe nasledie / Laboratoriya po avtomatizatsii filologicheskikh rabot UdGU, kafedra lingvistiki IzhGTU. 2004–2012. – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=53086106.
13. Evangelie aprakos kratkiy (Arkhangel'skoe evangelie) // Manuscript: pis'mennoe nasledie / Laboratoriya po avtomatizatsii filologicheskikh rabot UdGU, kafedra lingvistiki IzhGTU. 2004–2012. – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=15843750.
14. Evangelie aprakos polnyy (Simonovskoe evangelie) // Manuscript: pis'mennoe nasledie / Laboratoriya po avtomatizatsii filologicheskikh rabot UdGU, kafedra lingvistiki IzhGTU. 2004–2012. – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=43532484.
15. **Zverkovskaya, N. P.** Suffiksals'noe slovoobrazovanie russkikh prilagatel'nykh XI–XVII vv. / N. P. Zver'kovskaya. – M. : Nauka, 1986.
16. Istoricheskoe slovoobrazovanie russkogo yazyka / pod red. G. A. Nikolaeva. – Kazan' : Izd-vo KGU, 1984.
17. **Borkovskiy, V. I.** Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka / V. I. Borkovskiy, P. S. Kuznetsov. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1963.
18. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Sintaksis. Prostoe predlozhenie. – M. : Nauka, 1978.
19. **Yakubinskiy, L. P.** Iz istorii imeni prilagatel'nogo / L. P. Yakubinskiy // Doklady i soobshcheniya. Institut yazykoznaniiya. I. – M., 1952.
20. **Lomtev, T. P.** Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo yazyka / T. P. Lomtev. – M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1956.
21. **Stetsenko, A. N.** Istoricheskiy sintaksis russkogo yazyka / A. N. Stetsenko. – 2-e izd., ispr. i dop. – M. : Vysshaya shkola, 1977.
22. **Shakhmatov, A. A.** Sintaksis russkogo yazyka / A. A. Shakhmatov ; red. i komm. E. S. Istrinoy. – 2-e izd. – L. : Gos. uch.-ped. izd-vo, 1941.
23. **Baranov, V. A.** Formirovanie opredelitel'nykh kategoriy v istorii russkogo yazyka / V. A. Baranov. – Kazan' : Izd-vo KGU, 2003.
24. **Markov, V. M.** K voprosu o substantivatsii imen prilagatel'nykh v russkom yazyke / V. M. Markov // Uch. zap. KGU. – Kazan', 1959. – T. 119. – Kn. 5. Pamyati V. A. Bogoroditskogo.
25. **Tarlanov, Z. K.** Stanovlenie tipologii russkogo predlozheniya v ee otnoshenii k etnofilozofii / Z. K. Tarlanov. – Petrozavodsk : PGU, 1999.
26. **Lapteva, O. A.** Raspolozhenie odinochnogo kachestvennogo prilagatel'nogo v sostave atributivnogo slovosochetaniya v russkikh tekstakh XI–XIV vv. : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Lapteva O. A. – M., 1963.
27. **Korobchinskaya, L. A.** K voprosu o poryadke slov v drevnerusskom yazyke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Korobchinskaya L. A. – L'vov, 1950.

28. **Kolesov, V. V.** Istoriya russkogo yazyka : ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedeniy / V. V. Kolesov. – SPb. : Filologicheskiy fakul'tet SPbGU ; M. : Akademiya, 2005.
29. **Sreznevskiy, I. I.** Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam : v 3 t. / I. I. Sreznevskiy. – Reprint. izd. – M., 1958.
30. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. : v 26 t. – M., 1975–2002. – Вып. 8. – 1981.

Уржумова Анна Анатольевна

аспирант, Ижевский государственный
технический университет
имени М. Т. Калашникова
(Удмуртская Республика, г. Ижевск,
ул. Студенческая, 7)

Urzhumova Anna Anatol'evna

Postgraduate student, Izhevsk State
Technical University
named after M. T. Kalashnikov
(Udmurt Republic, Izhevsk,
7 Studencheskaya str.)

E-mail: anna_korotaeva@mail.ru; anna.urzhumova@gmail.com

УДК 811.161.1-112

Уржумова, А. А.

Особенности употребления членных и нечленных имен с суффиксом -ьн- в древнерусском языке (на материале летописных и евангельских текстов) / А. А. Уржумова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 101–111.

Д. Н. Жаткин, С. В. Бобылева

**К ВОПРОСУ О БАЙРОНИЧЕСКИХ МОТИВАХ
И ТРАДИЦИЯХ ТВОРЧЕСТВА ДЖ.-Г. БАЙРОНА
В ПОЭМАХ И. И. КОЗЛОВА¹**

Аннотация. С учетом тенденций развития «русского байронизма» раскрыты байронические мотивы и традиции творчества Дж.-Г. Байрона в поэмах И. И. Козлова (1779–1840), написанных в 1820-е гг. Подробно анализируются параллели между «Гяуром» Дж.-Г. Байрона и «Чернецом» И. И. Козлова, причем для обоснования байроновского влияния привлекаются материалы русской литературной критики 1820–1830-х гг. (П. А. Вяземского, А. Д. Улыбышева, В. Г. Белинского и др.), отклики современников (А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского и др.). Отдельно рассматривается вопрос о влиянии байроновского «Гяура» на замысел поэмы И. И. Козлова «Безумная», вызвавшей неоднозначную реакцию в литературных кругах своего времени.

Ключевые слова: И. И. Козлов, поэзия, реминисценция, традиция, литературная критика, байронизм, русско-английские литературные связи, межкультурная коммуникация, художественная деталь.

D. N. Zhatkin, S. V. Bobyleva

**ON THE ISSUE OF BYRONIC MOTIVES AND TRADITIONS
OF WORKS BY G. G. BYRON IN POEMS BY I. I. KOZLOV¹**

Abstract. Taking into consideration tendencies of «Russian Byronism's» development the article discovers Byronic motives and traditions of G. G. Byron in poems by I. I. Kozlov (1779–1840), written in the 1820-s. It gives detailed analysis of the parallel between G. G. Byron's «Giaour» and I. I. Kozlov's «The Monk», and to prove Byron's influence it involves the materials of Russian literary critics of the 1820–1830-s (P. A. Vyazemskiy, A. D. Ulybyshev, V. G. Belinskiy, etc.), comments of contemporaries (A. S. Pushkin, E. A. Baratynskiy, etc.). The article considers separately the influence of Byron's «Giaour» on the plot of I. I. Kozlov's poem «The Mad Woman», which caused ambiguous reaction in contemporary literary circles.

Key words: I. I. Kozlov, poetry, reminiscence, tradition, literary critics, Byronism, Russian-English literary ties, intercultural communication, artistic detail.

Огромная популярность творчества Байрона среди русских поэтов-романтиков, неоднократно становившаяся предметом научного исследования (В. И. Маслов, Б. В. Нейман, В. М. Жирмунский, В. И. Сахаров и др.), привела к расцвету «русского байронизма», проявившегося во множестве вариантов и оттенков, имевших существенные различия и индивидуально-авторские особенности, но вместе с тем объединенных неизменным интересом к новым формам и способам раскрытия внутреннего мира человека и художественного выражения миропонимания и мироощущения великого английского поэта. Байронические мотивы играют одну из ключевых ролей в творчестве видного русского романтика Ивана Ивановича Козлова (1779–1840): как в его

¹ Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта 6.1563.2011 (госзадание вузу Минобрнауки России на 2012–2014 гг.).

оригинальных лирических произведениях, о чем мы размышляли ранее в одной из статей [1, с. 203–206], так и в его поэмах 1820-х гг.

Своеобразным синтезом стилевых тенденций Дж. Г. Байрона, В. А. Жуковского и А. С. Пушкина стала оригинальная поэма И. И. Козлова «Чернец» (1824), которую можно считать не только одним из вершинных достижений поэта, но и ярчайшим образцом русской байронической поэмы. Об огромной популярности поэмы в широких читательских кругах писал В. Г. Белинский, признававший, что «слава Козлова была создана его «Чернецом»: «Несколько лет эта поэма ходила в рукописи по всей России, прежде чем была напечатана. Она взяла обильную и полную дань слез с прекрасных глаз; ее знали наизусть и мужчины. Чернец возбуждал в публике не меньший интерес, как и первые поэмы Пушкина, с тою только разницею, что его совершенно понимали: он был в уровень со всеми натурами, всеми чувствами и понятиями, был по плечу всякому образованию» [2, с. 7]. В своем письме от 29 апреля 1825 г. М. Н. Загоскин одним из первых поблагодарил И. И. Козлова за «неизъяснимое удовольствие», которое доставило чтение «Чернеца», «исполненного истинной поэзии и глубокого чувства» [3, с. 190].

Поэма впервые вышла в свет отдельным изданием в 1825 г. под названием «Чернец, киевская повесть. Сочинение Ивана Козлова» с предисловием «От издателей», вероятно принадлежавшим перу В. А. Жуковского («Мы не хотим предупреждать суда наших читателей о небольшой поэме, которую здесь им предлагаем: и без нас они найдут в ней красоты возвышенные, и без нас могут заметить, что воображение поэта согрето пламенем чувства, что язык его силен, прост и живописен...») [4, с. 5]), и эпиграфом из поэмы Дж. Г. Байрона «Гяур»: «The wither'd frame, the ruined mind, / The wrack by passion left behind, / A shriveled scroll, a scatter'd leaf / Seared by the autumn blast of grief» [4, с. 7] («Изможденное тело, разрушенный разум, обломок пережитой страсти, сморщенный пергамент, унесенный ветром листок, увядший от осеннего вихря грусти»).

Эпиграф из «Гяюра» далеко не случаен, поскольку Козлов в работе над своим произведением ориентировался на сюжетную схему поэмы Байрона, строящуюся на предсмертной исповеди героя, обращенной к монаху. Как отмечал П. А. Вяземский, «содержание «Чернеца» занимательно: главное лицо есть характер отменно поэтический, оживляющий в памяти некоторые воспоминания о «Гяуре» Байрона; сцена действия, самое действие, довольно простое, но быстрое и полное, отдельные подробности, язык стихотворный – все озарено, все одушевлено поэтическим пламенем» [5, с. 107]. Поэме свойственны характерные для байронизма фрагментарность, стремительная динамика в развитии действия, лирические описания небывало ярких и смелых чувств, противопоставляемых тусклости и серости обывательского мира. Строй поэтической речи, взволнованной и страстной, но простой и незамысловатой, восходил к столь полюбившемуся Байрону, особенно в период «восточных поэм», к числу которых принадлежит и «Гяур», жанру баллады.

Характер героя раскрывался в действии, в борьбе с жизненными препятствиями, в столкновении с враждебной средой. Пылкий и отзывчивый в юные годы, герой испытал разочарование, отчаяние, губительную силу зла: «...дней моих весною / Уж я все горе жизни знал; / <...> / Огонь и чистый и прекрасный / В груди молодой пылал напрасно: / Мне было некого любить! / Увы! я должен был таить, / Страшась холодного презренья, / От неприветли-

вых людей / И сердца пылко волненья, / И первый жар души моей; / Уныло расцветала младость, / Смотрел я с дикостью на свет; / Не знал я, что такое радость; / От самых отроческих лет» [6, с. 316]. Эта характерная черта «Чернеца» была тонко подмечена П. А. Вяземским в 1825 г.: «При самом рождении Чернец уже познакомился с несчастьем сиротства и под гнетом строгой судьбы образовался к сильным и мрачным страстям» [5, с. 107].

Отторгнутый ненавистным ему жестоким миром, герой скитается по лесам, переплывает Днепр, играя с опасностью и бросая вызов судьбе: «Любил я по лесам скитаться, / День целый за зверьми гоняться, / Широкий Днепр переплывать, / Любил опасностью играть, / Над жизнью дерзостно смеяться, – / Мне было нечего терять, / Мне было не с кем расставаться» [6, с. 317]. Мотивы страдания, изгнанничества, одиночества восходят к традициям творчества Дж. Г. Байрона.

Выход из порочного круга одиночества, осуществление своей мечты о счастье Чернец находит в любви к девушке (подобно Гяуру, страстно полюбившему Лейлу, испытывавшую к нему взаимные чувства): «И вдруг дано мне небесами / И жить, и чувствовать вполне, / И плакать сладкими слезами, / И видеть счастье не во сне! / С какой невинностью святою / Она пылающей душою / Лила блаженство на меня! / <...> / Сбылося в ней мое мечтанье, / Весь тайный мир души моей, – / И я, любви ее созданье, / И я воскрес любовью к ней!» [6, с. 318]. Как видим, любовь становится основным сюжетобразующим мотивом поэмы.

Но по аналогии с «Гяуром», где ревнивый и коварный муж Лейлы Гесан выследил ее и злодейски убил, злой соперник чернеца убивает возлюбленную своими кознями и клеветой, распуслав слух, что отец девушки проклял дочь и не простил побег и тайное венчание влюбленных: «В опасный час к нам весть несется, / Что вся надежда отнята, что дочь отцом уж проклята... / Обман ужасный удастся – / Злодей несчастную убил: / Я мать с младенцем схоронил» [6, с. 320].

Потеря возлюбленной вносит в душу героя горе и отчаяние, обрекая его на страдания, мучительные воспоминания о минувшем счастье и долгие странствования в надежде обрести покой (что вновь наводит нас на мысль о скитающемся в далеких краях, одиноком байроническом герое-отшельнике): «Я бросил край наш опустелый; / Один, в отчаяньи, в слезах, / Блуждал, с душой осиротелой, / В далеких дебрях и лесах. / <...> / Угрюмый, скорбный, одичалый, / Терзался я мечтой бывалой; / Рыдал о том, чего уж нет» [6, с. 321]. Образ-видение любимой женщины, посещающий героя, во многом ирреален, подобен «пленительной тени»: «Покрыта белой пеленой, / Она предстала предо мной, / И очи черные горели / Ярче звезд осенней ночи / <...> / И то была, поверь... она! / Она, прекрасная, младая! / Ее улыбка неземная! / И кудри темные с чела / На грудь лилейную бежали, / И мнилось мне, ее уста / Былое, милое шептали; / Все та ж любовь в ее очах / <...> / Но сердце у нее не бьется, / Молчит пленительная тень» [6, с. 328].

Чернец, активная, страстная и полная решимости личность, вместе с тем несет в себе и черты христианского смирения, уповая на загробную встречу с любимой: «О чем теперь и как молиться? / Чего мне ждать у алтарей? / Мне ль уповать навеки с ней / В святой любви соединиться?» [6, с. 326]. В этом поэма Козлова существенно отклоняется от основной

концепции байронической поэмы, не содержащей в себе религиозных идей, отрицающей возможность покорности и внутреннего компромисса.

Тема бога, божественного покаяния находится у Козлова в центре всего повествования. Даже убийство соперника рассматривается не как акт мести, а как искушение, перед которым не устоял Чернец, находясь в состоянии аффекта, и которое привело героя в монастырь в надежде искупить свой грех: «Не думал я его искать, / Я не хотел ему отмщать / <...> / То знает совесть, видит бог: / Хотел простить – простить не мог. / <...> / В обитель вашу я вступил, / Искал я слез и покаянья; / <...> / Я мнил, отец мой, между вами / Небесный гнев смягчать слезами; / Я мнил, что пост, молитва, труд / Вине прощенье обретут» [6, с. 326].

По словам В. Г. Белинского, «содержание «Чернеца» напоминает собою содержание Байронова «Джияура»; есть общее между ними и в самом изложении. Но это сходство чисто внешнее: «Джияур» не отражается в «Чернеце» даже и как солнце в малой капле воды, хотя «Чернец» и есть явное подражание «Джияуру». Причина этого заключается сколько в степени талантов обоих певцов, столько и в разности их духовных натур. «Чернец» полон чувства, насквозь проникнут чувством – и вот причина его огромного, хотя и мгновенного успеха» [2, с. 7].

Вера Козлова в жизнь после смерти, в блаженство и радужность загробного мира получила яркое воплощение в поэме. Не найдя успокоения в молитвах, в монастыре, Чернец обретает долгожданное счастье при воссоединении с любимой и сыном на небесах: «И с ложа на колена пал / Чернец, и замер голос муки; / Взор оживился, засверкал; / К чему-то вдруг простер он руки, / Как иступленный закричал: / «Ты здесь опять!.. конец разлуки!»» [6, с. 328]. Таким образом, в основу сюжета поэмы заложены мотивы искупления и прощения (те же мотивы см., например, в [7, с. 37–42]) – автором показано столкновение земной любви, с ее неистовыми страстями и страданиями, с любовью небесной, чистой и непоколебимой.

Говоря о композиции поэмы, следует отметить, что Козлов отходил от традиционного для байронизма «вершинного» построения сюжета, заменяя его последовательным изложением событий, не лишенным, однако, фрагментарности.

А. Д. Улыбышев, который, подобно В. Г. Белинскому, не был сторонником отождествления Козлова с Байроном, писал в своей статье, впервые напечатанной на французском языке и републикованной в русском переводе в одном из номеров «Новостей литературы» за 1825 г.: «Не думайте, однако ж, найти в русском авторе рабского подражателя лорду Бейрону. Если он заимствовал от него смелые и таинственные формы повествования, столь близкие к романтической поэзии, то честь изобретения собственно ему принадлежит. Герой поэмы имеет свой особенный отпечаток и нимало не походит на героев Бейрона. Последние отличаются каким-то фатализмом: это существа, выходящие из круга человечества; это потомки древних титанов, которые носят на челе своем как бы наследственное клеймо, печать отвержения, постигшего гордых и мятежных предков» [8, с. 481]. Чернец Козлова выделяется своим сиротским, безродным происхождением и этим во многом противопоставлен байроническому герою.

Интересен и отзыв Е. А. Баратынского, в котором он размышлял о перенесении Козлова в привнесении черт национальной самобытности в русскую

романтическую поэзию: «Это превосходное произведение, на мой взгляд. Все положения исполнены силы, столь живой, бушующей красками <...>. Места, где вы подражаете Байрону, <...> великолепно звучат по-русски. Но в чем бы сам Байрон хотел бы вам подражать – так это конец вашей поэмы. Он особенно поражает воображение. Он пронизан каким-то особенным национальным романтизмом, и я думаю, что вы первый, кто так хорошо это схватил» [3, с. 187]. Православный обряд погребения, описанный в финале произведения, и колоритные киевские пейзажи придают поэме Козлова подчеркнuto национальный характер.

Высокую оценку «Чернецу» и творческому гению Козлова дал А. С. Пушкин в своем послании, созданном при получении поэмы: «Певец, когда перед тобой / Во мгле сокрылся мир земной, / Мгновенно твой проснулся гений, / На все минувшее воззрел / И в хоре светлых привидений / Он песни дивные запел. / О, милый брат, какие звуки! / В слезах восторга внемлю им: / Небесным пением своим / Он усыпил земные муки, / Тебе он создал новый мир: / Ты в нем и видишь, и летаешь, / И вновь живешь, и обнимаешь / Разбитой юности кумир» [9, т. 2/1, с. 174].

Национальный характер и простой крестьянский быт отображены в поэме И. И. Козлова «Безумная» (1830), первое издание которой (под названием «Безумная. Русская повесть в стихах. Сочинение Ивана Козлова») было опубликовано с эпиграфом из поэмы Дж. Г. Байрона «Гяур»: «...thou wert, thou art / The cherish'd madness of my heart!» [10, с. 5] («...ты была, ты есть взлелеянное безумие моего сердца!»).

Двух героев, байроновского Гяура и крестьянку из поэмы Козлова, объединяют несчастная любовь, страдания по любимому, но недостижимому человеку, земные страсти, представляющие собой главные, сюжетообразующие мотивы обоих произведений. Если слова из поэмы Байрона обращены к Лейле, гибель которой оплакивает Гяур, то в поэме Козлова девушка, доведенная до безумия предательством своего возлюбленного, все еще ждет его возвращения, храня в сердце безответную любовь, перед которой поблекли все прежние радости жизни: «Она, крушимая тоской, / В безумии любви земной / <...> / <...> она сидела / Печально-сумрачно бледна; / Невнятно, тихо что-то пела» [6, с. 416].

Облик женщины навевает мысли о смерти, словно витающей вокруг нее («Улыбка на ее лице; / Она – как из цветов душистых / Венок на бледном мертвец» [6, с. 416]), – ее появление перед странником напоминает возникновение призрака, «привиденья», обнаруживая отдаленное сходство с байроническими видениями: «Но кто, как тень, как привиденье, / Как полуночное явление, / Могил таинственный жилец, / На срок отпущенный мертвец, – / Кто там мелькает предо мною? / <...> / По белому челу бежали / Струи разметанных кудрей / И тмили чудный блеск очей» [6, с. 414–415].

Встреча безумной и путника происходит на фоне ночного пейзажа, временами озаряющегося багровыми вспышками, как бы отображавшими игру света и тьмы, жизни и смерти (данный стилистический прием восходит к Байрону): «Зажглось небо надо мной, / Горит кровавою зарей; / Волнуясь, север пламенеет, / То весь багровый, то бледнеет, / И море зыбкого огня / Готово хлынуть на меня» [6, с. 412]. Героиня и в этой ситуации противостоит бездушию, черствости, беспощадности общества, становясь одиноким изгнанником: «Пропало все! Родня, чужие, / Все меня пеняют, все бранят! /

Когда б ты знал, что говорят! / Крестьянки грубые, простые / Со мной встречаться не хотят!» [6, с. 421].

Наряду с несомненными достоинствами поэмы, как-то: выразительное описание природы, изображение чистой, искренней любви, томящейся души, сталкивающейся с жестокостью окружающего мира, образность стиха, – современники И. И. Козлова отмечали искусственность и надуманность характера крестьянки, особенно ярко выразившиеся в монологах героини. Об этом, в частности, так писал А. А. Дельвиг: «В поэме «Безумная» каждый стих звучит не фистулою, но чистыми и полными тонами, прямо возникшими из прекрасного сердца. Это пение соловья, успокаивающее душу, но не удовлетворяющее фантазии. Разделяешь печаль с милым певцом и невольно сердиться на него, что он заставил нас плакать от несчастий вымышленных и рассказанных оперною актрисою, а не настоящею поселянкой» [11, с. 267]. В. Г. Белинский рассматривал поэму «Безумная», «как повторение «Чернеца»: «... слова другие, но мотив тот же, а одно и то же утомляет внимание, перестает возбуждать участие» [2, с. 8]. Именно этим в значительной мере объясняется то обстоятельство, что «Безумная», равно как и другая поэма И. И. Козлова «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая», не смогла даже отчасти повторить успех «Чернеца».

Список литературы

1. **Жаткин, Д. Н.** Традиции творчества Дж.-Г. Байрона и байронические мотивы в лирике И. И. Козлова / Д. Н. Жаткин, С. В. Бобылева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 4. – С. 203–206.
2. **Белинский, В. Г.** О творчестве И. И. Козлова / В. Г. Белинский // Отечественные записки. – 1841. – Т. XV, ч. VI. – С. 1–7.
3. **Иванов, В. И.** Байронизм как событие в жизни русского духа / В. И. Иванов // Иванов В. И. Родное и вселенское / сост., вступ. ст. и прим. В. М. Толмачева. – М.: Республика, 1994. – С. 269–272.
4. **Козлов, И. И.** Чернец: киевская повесть / И. И. Козлов. – СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1825. – 64 с.
5. **Вяземский, П. А.** «Чернец», киевская повесть. Сочинение Ивана Козлова / П. А. Вяземский // Вяземский П. А. Сочинения: в 2 т. – М.: Худ. лит., 1982. – Т. 2. – С. 106–111.
6. **Козлов, И. И.** Полное собрание стихотворений / И. И. Козлов. – Л.: Сов. писатель, 1960. – 508 с.
7. **Жаткин, Д. Н.** Поэма Альфреда Теннисона «Леди из Шалотта» в русских переводах конца XIX века / Д. Н. Жаткин, В. К. Чернин // Филологические науки. – 2009. – № 2. – С. 37–46.
8. **Гликман, И. Д.** Примечания / И. Д. Гликман // Козлов И. И. Полное собрание стихотворений. – Л.: Сов. писатель, 1960. – С. 441–490.
9. **Пушкин, А. С.** Полное собрание сочинений: в 17 т. / А. С. Пушкин. – М.: Воскресенье, 1994–1999. – Т. 1–17.
10. **Козлов, И. И.** Безумная: русская повесть в стихах / И. И. Козлов. – СПб.: Тип. А. Смирдина, 1830. – XI. – 33 с.
11. **Дельвиг, А. А.** Сочинения: стихотворения, статьи, письма / А. А. Дельвиг; сост., вступ. ст., коммент. В. Э. Вацура. – Л.: Худ. лит. (Ленингр. отделение), 1986. – 472 с.

References

1. **Zhatkin, D. N.** Traditsii tvorchestva Dzh.-G. Bayrona i bayronicheskie motivy v lirike I. I. Kozlova / D. N. Zhatkin, S. V. Bobyleva // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2010. – № 4. – S. 203–206.

2. **Belinskiy, V. G.** O tvorchestve I. I. Kozlova / V. G. Belinskiy // Otechestvennyye zapiski. – 1841. – T. XV, ch. VI. – S. 1–7.
3. **Ivanov, V. I.** Bayronizm kak sobytie v zhizni russkogo dukha / V. I. Ivanov // Ivanov V. I. Rodnoe i vselenskoe / sost., vstup. st. i prim. V. M. Tolmacheva. – M. : Respublika, 1994. – S. 269–272.
4. **Kozlov, I. I.** Chernets : kievskaya povest' / I. I. Kozlov. – SPb. : Tip. Departamenta narodnogo prosveshcheniya, 1825. – 64 s.
5. **Vyazemskiy, P. A.** «Chernets», kievskaya povest'. Sochinenie Ivana Kozlova / P. A. Vyazemskiy // Vyazemskiy P. A. Sochineniya : v 2 t. – M. : Khud. lit., 1982. – T. 2. – S. 106–111.
6. **Kozlov, I. I.** Polnoe sobranie stikhotvoreniy / I. I. Kozlov. – L. : Sov. pisatel', 1960. – 508 s.
7. **Zhatkin, D. N.** Poema Al'freda Tennisona «Ledi iz Shalotta» v russkikh perevodakh kontsa XIX veka / D. N. Zhatkin, V. K. Chernin // Filologicheskie nauki. – 2009. – № 2. – S. 37–46.
8. **Glikman, I. D.** Primechaniya / I. D. Glikman // Kozlov I. I. Polnoe sobranie stikhotvoreniy. – L. : Sov. pisatel', 1960. – S. 441–490.
9. **Pushkin, A. S.** Polnoe sobranie sochineniy : v 17 t. / A. S. Pushkin. – M. : Voskresen'e, 1994–1999. – T. 1–17.
10. **Kozlov, I. I.** Bezumnaya : russkaya povest' v stikhakh / I. I. Kozlov. – SPb. : Tip. A. Smirdina, 1830. – XI. – 33 s.
11. **Del'vig, A. A.** Sochineniya : stikhotvoreniya, stat'i, pis'ma / A. A. Del'vig ; sost., vstup. st., komment. V. E. Vatsuro. – L. : Khud. lit. (Leningr. otделение), 1986. – 472 s.

Жаткин Дмитрий Николаевич

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой перевода
и переводоведения, Пензенская
государственная технологическая
академия
(г. Пенза, проезд Байдукова, 1а)

E-mail: ivb40@yandex.ru

Zhatkin Dmitriy Nikolaevich

Doctor of philological sciences, professor,
head of sub-department of translation
and methods of translation, Penza
State Technological Academy
(Penza, 1a Baydukova passage)

Бобылева Светлана Вячеславовна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра перевода и переводоведения,
Пензенская государственная
технологическая академия
(г. Пенза, проезд Байдукова, 1а)

E-mail: darlis@list.ru

Bobyleva Svetlana Vyacheslavovna

Candidate of philological sciences,
associate professor, sub-department
of translation and methods of translation,
Penza State Technological Academy
(Penza, 1a Baydukova passage)

УДК 820

Жаткин, Д. Н.

**К вопросу о байронических мотивах и традициях творчества
Дж.-Г. Байрона в поэмах И. И. Козлова / Д. Н. Жаткин, С. В. Бобылева //**
Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные
науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 112–118.

Г. К. Касимова

**О МУТАЦИОННЫХ И МОДИФИКАЦИОННЫХ
ЗНАЧЕНИЯХ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ
СУБСТАНТИВОВ С СУФФИКСАМИ -НИК/-НИЦ(А)**

Аннотация. Рассматриваются типы словообразовательных значений в смысловой структуре субстантивов с суффиксами -ник/-ниц(а). Выявляются различные мутационные значения в структуре параллельных дериватов, устанавливается регулярность модификационных образований со значением женскости с суффиксом -ниц(а) от субстантивов с суффиксом -ник.

Ключевые слова: субстантив, дериват, семантическая парадигма, мутационное значение, модификационное значение.

G. K. Kasimova

**ON THE ISSUE OF MUTATION AND MODIFICATION
VALUES OF THE SEMANTIC PARADIGM
OF SUBSTANTIVES WITH -НИК/-НИЦ(А) SUFFIXES**

Abstract. The article describes the types of derivational meanings in the semantic structure of substantives with -nik/-nic(a) suffixes. The author determines different mutation meanings in the structure of parallel derivatives and states the regularity of modification formations with the meaning of femininity with the suffix -nic(a) from the nominal with the suffix -nik.

Key words: substantive, derivative, semantic paradigm, mutation meaning, modification meaning.

Словообразовательные значения в русском языке, как известно, делятся на модификационные, транспозиционные и мутационные. «Слова с модификационными словообразовательными значениями содержат в своем значении, помимо значения мотивирующего слова, дополнительный мотивирующий признак: *домик* – «маленький дом», *превысокий* – «очень высокий», *запеть* – «начать петь». Слова с транспозиционными словообразовательными значениями тождественны во всех компонентах своего значения со значением мотивирующего слова, за исключением части речи (*смелый* – *смелость*, *невежество* – *невежественный*, *читать* – *чтение*). Слова с мутационными словообразовательными значениями называют субстанцию, признак, действие, полностью отличные от того, что названо мотивирующим словом (*чай* – *чайник*, *белый* – *белеть*, *жир* – *жирный*) [1, с. 149]. Объектом нашего внимания выступают отсубстантивные имена существительные с суффиксами -ник и -ниц(а). Спектр значений, выражаемых этими суффиксами, достаточно разнообразен, что подтверждают многочисленные производные. В задачи нашего исследования входит рассмотрение существительных с суффиксом -ник (-атник) и соотносительных с ними субстантивов с суффиксом -ниц(а) (-атниц(а)) с целью выявления типов словообразовательных значений и возможных их совмещений в структуре семантической парадигмы деривата.

К анализу привлечены данные «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова, «Нового словаря русского языка. Толково-сло-

вообразовательного» Т. Ф. Ефремовой, «Словаря русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой и «Словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, иллюстративный материал взят из материалов сайта Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Для суффиксов *-ник* и *-ниц(а)* и их алломорфов характерно инвариантное значение «носитель предметного признака», которое конкретизируется в процессе деривации при присоединении к различным мотивирующим основам.

Так, на базе зоонимов образуется большая группа многозначных существительных с суффиксом *-ник*. Например, у субстантива *голубятник* представлены значения лица, хищной птицы, помещения: **1.** Любитель голубей. *Правда, что там в воскресенье толпятся все голубятники Москвы со своими всевозможными голубями.* В. Солоухин. Григоровы острова (НКРЯ). **2.** Ловчая хищная птица (ястреб, сокол), выпускаемая на голубей. **3.** *Разг.* То же, что *голубятня*. *Мои-то голодные, с утра ничего не ели, ну и поскакали в голубятник, а чужой за ними.* В. П. Беляев. Старая крепость (НКРЯ).

В семантической парадигме существительного *медвежатник* наличествуют значения лица (1-й и 2-й ЛСВ – лексико-семантический вариант) и помещения: **1.** Охотник на медведей. *Опытные охотники-медвежатники хорошо знают, что для успеха в охоте прежде всего нужен порядок.* И. Соколов-Микитов. На медвежьей охоте. – *Так и действовал всякий матерый медвежатник и так ходил один на один, пока не заваливал тридцатого медведя.* П. Крусанов. Сотворение праха (НКРЯ). **2.** *Устар.* Вожак прирученного, дрессированного медведя. *Гудочки, блинники, сбитенички, медвежатники-поводыри сновали в толпе наехавших в Китай-город принарядившихся крестьян.* В. Костылев, Иван Грозный. **3.** Помещение для медведей в зоологическом парке.

Многозначность у таких существительных формируется в результате неоднократного действия словообразовательной модели, в каждом акте деривации суффикс приобретает конкретное словообразовательное значение. Другими словами, «полисемия аффикса – обычно следствие многократной деривации от одного и того же производящего с помощью одно и той же словообразовательной модели» [2, с. 89].

Одно из значений семантической парадигмы субстантива с суффиксом *-ник*, в частности значение лица, выступает мотиватором для модификационных значений дериватов с суффиксом *-ниц(а)*:

кошатник (*разг.* **1.** Любитель кошек) → *кошатница* (*разг. женск.* к *кошатник* (в 1-м знач.);

лошадник (*разг.* **1.** Любитель лошадей) → *лошадница* (*разг. женск.* к *лошадник* (в 1-м знач.);

птичник (**2.** Работник, ухаживающий за домашней птицей) → *птичница* (работница, ухаживающая за домашней птицей);

скотник (**1.** Работник, ухаживающий за скотом) → *скотница* (**1. женск.** к *скотник* (в 1-м знач.);

скот (**1. собир.** Четвероногие домашние сельскохозяйственные животные) → *скотница* (**2. разг.** То же, что *скотник* (во 2-м знач.); **2. разг.** Помещение для скота; скотный двор). *Позади [флигеля] в косом направлении тянутся постройки: хлебные амбары, скотница, теплый сарай для дойных коров.* Неверов. Музыка);

собачник (разг. 2. Любитель собак) → **собачница** (разг. женск. к **собачник** (во 2-м знач.);

телятник (2. Работник, ухаживающий за телятами) → **телятница** (женск. к **телятник** (во 2-м знач.).

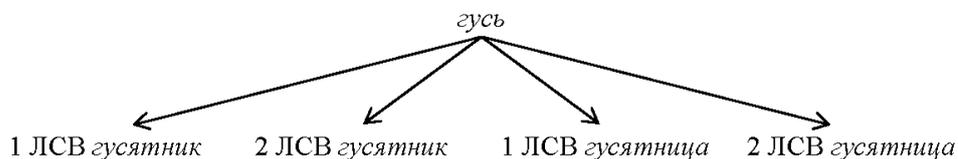
Субстантивы с суффиксом *-ниц(а)* в приведенных словообразовательных парах предстают модификационными образованиями со значением женскости от значения лица мужского пола полисемантических существительных, мотивированных зоонимами. Исключение составляет словообразовательная пара *скот* → *скотница*, в которой производное существительное, называя помещение, мотивируется производным словом и выражает мутационное значение.

Дериваты *гусятник* – *гусятница*, *цыплятник* – *цыплятница* находятся на одной ступени словообразования от мотиваторов *гусь* и *цыплята*, хотя в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова субстантив *гусятница* представлен мотивированным существительным *гусятник*. В таком случае *гусятница* должна развивать модификационное значение, лексические же значения деривата не подтверждают такой мотивации: *гусятник* выражает значения помещения и хищной птицы, а *гусятница* – значения лица и посуды:

гусятник: 1. Помещение, птичник для гусей. 2. Крупный ястреб. Самые большие [ястреба], достигающие величины крупной индейки, называются гусятниками, потому что --- ловят диких гусей. С. Аксаков. Рассказы и воспоминания охотника.

гусятница: 1. Работница, ухаживающая за гусями. 2. Продолговатая посуда с крышкой для жаренья гуся, утки и другой крупной птицы. Главным предметом домашней утвари у всякой здешней хозяйки была, конечно, гусятница. Г. Полонский. Медовый месяц Золушки (НКРЯ).

Словообразовательная структура субстантивов на схеме выглядит следующим образом:

Аналогичная словообразовательная структура характерна и для параллельных дериватов *цыплятник* – *цыплятница*, в семантической парадигме которых представлены мутационные значения:

цыплятник: 1. Помещение, сарай для цыплят. 2. обл. Коршун или ястреб, похищающий цыплят.

цыплятница: 1. Работница, ухаживающая за цыплятами. 2. обл. Курица, которая высидивает или водит цыплят; наседка.

Модификационное значение женскости также выражают субстантивы, опосредованно мотивированные названиями артефактов: *посудница* (женск. к *посудник* (во 2-м знач.) ← *посудник* 2. Рабочий, моющий посуду в буфете, в кухне), *саночница* (женск. к *саночник* (во 2-м знач.) ← *саночник* 2. Спортсмен, занимающийся скоростным спуском на гоночных санях по искусственным (ледяным) или естественным трассам).

На базе субстантивов с суффиксом *-ник*, мотивированных наименованиями отвлеченных понятий, образуются как однозначные, так и многозначные существительные с суффиксом *-ница(а)* с модификационными значениями женскости: *именинница, киношница* (прост.), *клязница* (разг. пренебр.), *наемница, невольница, ненавистница, разбойница, союзница, ябедница*. В этой группе дериватов выделяются субстантивы *именинница, невольница, ненавистница, разбойница* и *союзница*, которые выражают модификационные значения женскости ко всем ЛСВ многозначного мотиватора. Здесь имеет место отраженный тип полисемии, при котором все значения мотивирующего слова передаются деривату [3, с. 60]. Например:

именинник: 1. Человек в день своих именин. [Толкачев:] У Власиных завтра именинник Володя, ему нужно велосипед купить. А. П. Чехов. Трагик поневоле. 2. перен. шутол. Герой дня. Началось испытание. Оно заняло всего несколько минут, полностью подтвердив предположения Бориса Зиновьяча. Все трое почувствовали себя именинниками. Д. Гранин. Искатели.

именинница: женск. к именинник.

разбойник: 1. Тот, кто промышляет разбоем, грабежом. – Тут, где-то на этом кряже ---, когда-то во время оно разбойники напали на караван с золотом. А. П. Чехов. Счастье || перен. Тот, кто причиняет физический и материальный ущерб кому-л.; насильник, угнетатель. – Пока ты не станешь для рабочих добросовестным хозяином, а не разбойником, – прости за резкость, – я не с тобой, а против тебя. В. Я. Шишков. Угрюм-река. 2. разг. Употребляется как бранное слово. Тут только увидел герой наш, что Петрушка был, как говорится, мертвецки пьян и едва на ногах держался. – Бездельник ты этакой! – закричал господин Голядкин. – Разбойник ты этакой! Ф. М. Достоевский. Двойник. 3. разг. шутол. Сорванец, сорвиголова. – И скажи, пожалуйста, весь класс из разбойников состоял, из сорвиголов, но, понимаешь ты, великодушны были! А. П. Чехов. Накануне поста.

разбойница: женск. к разбойник.

союзник: 1. Тот, кто действует в союзе (в 1-м знач.) с кем-, чем-л. – Я надеюсь, господа, что вы позволите мне отныне считать вас своими союзниками в деле обороны Порт-Артура, – закончил адмирал. А. Н. Степанов. Порт-Артур. || перен. То, что содействует, помогает кому-, чему-л. Лед – извечный, устрашающий враг мореплавания – становится в наши дни надежным союзником исследователей. На дрейфующих полях сооружают жильё и научные станции. С. Морозов. Близкая Арктика.

2. Тот, кто находится в союзе (во 2-м знач.) с кем-л. Россия всегда была верным союзником на войне и честным партнером в экономических и дипломатических делах. Д. Медведев. Россия, вперед! (НКРЯ).

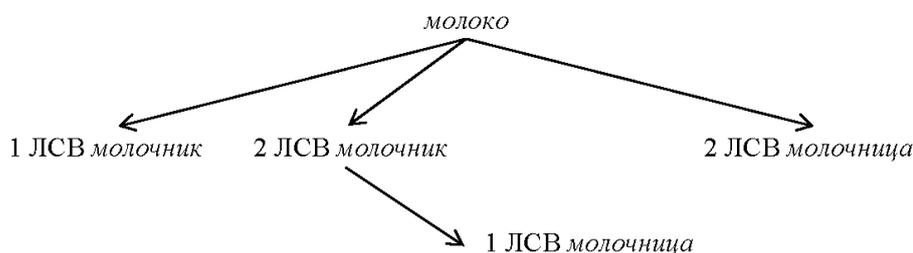
союзница: женск. к союзник.

Интерес вызывает структура лексических значений параллельных дериватов *молочник – молочница, цветочник – цветочница*. Субстантив **молочник**, мотивированный существительным *молоко*, выражает значения емкости для мотивирующего вещества и лица: 1. Кувшинчик для молока. Глиняный молочник. Входил торжественно, в одной руке палка, в другой поднос, на нем кофейник, молочник, сахарница, две чашки. А. Рыбаков. Тяжелый песок (НКРЯ). 2. Мужчина, торгующий молоком, молочными продуктами. Шинель украли, а жизнь идет: молочники приносят молоко, чиновники идут в департамент, а с утра приезжает по-прежнему генерал и с утра восходит

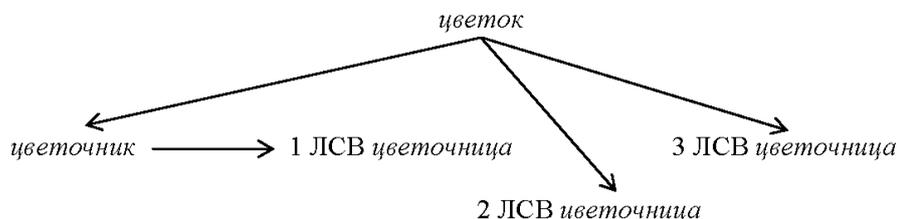
по-прежнему солнце, – потом, слава Богу, обед, потом ужин. В. Маканин. Голоса (НКРЯ). Значение лица деривата выступает мотивирующим для 1-го ЛСВ субстантива *молочница*, 2-й же ЛСВ мотивируется вещественным существительным *молоко*: **1.** Женщина, торгующая молоком, молочными продуктами. *У прилавков толпились женщины. Высокие бидоны молочниц блестели на солнце.* А. Рыбаков. Водители. **2.** Заболевание слизистой оболочки рта, выражающееся в появлении на языке, деснах, небе белых пятен (встречается чаще у грудных детей).

Таким образом, если в семантической парадигме субстантива *молочник* представлены мутационные словообразовательные значения, то в структуре деривата *молочница* 1-й ЛСВ выражает модификационное значение по отношению ко 2-му ЛСВ мотиватора, а во 2-м ЛСВ *молочницы* сформировано мутационное, метафорическое значение на основе сходства симптомов заболевания с мотивирующим словом *молоко*.

Схематически словообразовательную структуру дериватов *молочник* и *молочница* можно представить следующим образом:

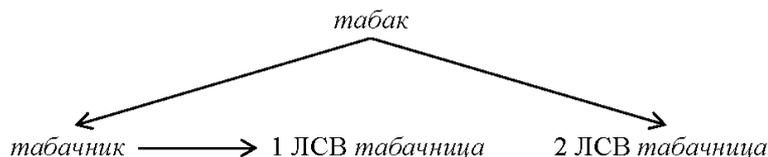

Многочисленность субстантива *молочница* сформирована по поликоррелятивному типу полисемии, при которой каждое значение производного слова мотивировано разными словами (*молочник* и *молоко*) [3, с. 63–64]. Смысловая структура деривата *цветочник* включает одно значение: «тот, кто торгует цветами, разводит их или изготавливает искусственные цветы». Это значение выступает мотиватором для 1-го ЛСВ субстантива *цветочница*: **1.** Женск. к сущ.: цветочник (Тот, кто торгует цветами, разводит их или изготавливает искусственные цветы). **2.** Муха, вредитель сельскохозяйственных растений. **3.** Ящик для цветов. *При установке цветочниц большое значение имеют освещенность, дренаж и полив.* Устанавливаем СПА // Ландшафтный дизайн. – 2001.11.15 (НКРЯ). Таким образом, как и у субстантива *молочница*, семантическая парадигма существительного *цветочница* включает модификационное (1-й ЛСВ) и мутационные значения, в которых инвариантное значение конкретизируется до наименования зоонима (2-й ЛСВ) и конкретного предмета, артефакта (3-й ЛСВ).

В семантической парадигме субстантивов *табачница* и *хлебница* представлены два значения. *Табачник* (так же, как и *хлебник*), являясь однозначным дериватом, выступает мотиватором для 1-го ЛСВ субстантива *табачница* (*хлебница*), в семантической парадигме которого 2-й ЛСВ мотивирован существительным *табак* (*хлеб*):

табачник: *прост.* Человек, который курит или нюхает табак. *Кочетовские табачники, обладатели самодельных трубок из корня березы, завидовали дяде. Ларион хвастал, что трубка обкурена знатным генералом, кавалером орденов.* И. А. Арамилев. В лесах Урала.

табачница: 1. *прост. женск. к табачник.*

2. *устар.* Коробка для табака; табакерка. *Образцов вынул дорожную табачницу, закурил, пуская дым сквозь усы.* А. Н. Толстой. Казацкий штос.

хлебник: *устар.* Тот, кто печет и продает хлеб. *Под парусинным пологом торговал хлебник, на прилавке были навалены булки, калачи.* Гл. Успенский. Нравы Растеряевой улицы. || Тот, кто ведет оптовую торговлю зерном; хлеботорговец.

хлебница: 1. *устар. женск. к хлебник.*

2. Тарелка или корзинка для хлеба. *Ел он быстро – признак хорошего работника, и через пять минут съел все, включая хлеб в хлебнице и сахар в сахарнице.* В. Токарева. Зануда (НКРЯ).

Анализ показывает, что структура лексических значений субстантивов *табачница* и *хлебница* включает модификационное и мутационное значения, которые мотивируются разными лексическими единицами, что свидетельствует о поликоррелятивной полисемии.

Проведенное исследование выявило наличие в структуре лексических значений субстантивов с суффиксом *-ник* различных мутационных словообразовательных значений лица, хищной птицы, помещения, емкости по отношению к субстанции, названной мотивирующим словом. В семантической парадигме же дериватов с суффиксом *-ниц(а)* наблюдается совмещение модификационных и мутационных значений. В основном представлено модификационное значение женскости по отношению к лицу, названному субстантивом с суффиксом *-ник*. Мутационные значения, выражаемые при помощи суффикса *-ниц(а)*, мотивируются теми же существительными, которые выступают мотиваторами для субстантивов с суффиксом *-ник*.

Список литературы

1. Улуханов, И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. – М. : Русские словари, 1996. – 222 с.
2. Соболева, П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия / П. А. Соболева. – М. : Наука, 1980. – 296 с.
3. Ширшов, И. А. Типы полисемии в производном слове / И. А. Ширшов // Филологические науки. – 1996. – № 1. – С. 55–66.

References

1. **Ulukhanov, I. S.** Edinitsy slovoobrazovatel'noy sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya / I. S. Ulukhanov. – M. : Russkie slovari, 1996. – 222 s.
2. **Soboleva, P. A.** Slovoobrazovatel'naya polisemiya i omonimiya / P. A. Soboleva. – M. : Nauka, 1980. – 296 s.
3. **Shirshov, I. A.** Tipy polisemii v proizvodnom slove / I. A. Shirshov // Filologicheskie nauki. – 1996. – № 1. – S. 55–66.

Касимова Гульзухра Кевировна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка и методики
преподавания русского языка,
Педагогический институт
имени В. Г. Белинского, Пензенский
государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: zuhra_kasimova@mail.ru

Kasimova Gul'zukhra Kevirovna

Candidate of philological sciences,
associate professor, sub-department
of Russian language and methods
of teaching thereof, Pedagogical
Institute named after V. G. Belinsky,
Penza State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

УДК 81

Касимова, Г. К.

О мутационных и модификационных значениях в семантической парадигме субстантивов с суффиксами *-ник/-ниц(а)* / Г. К. Касимова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 119–125.

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВТОРИЧНЫХ ТЕРМИНОСИСТЕМ ПРАВА

Аннотация. Рассматриваются вопросы формирования вторичных терминосистем права. Языковой материал представлен терминами горного, информационного, медицинского и спортивного права. Рассмотрены экстра- и интралингвистические факторы, основные принципы организации вторичных терминосистем, проблемы формирования терминов смешанного типа.

Ключевые слова: термин, терминология, вторичная терминосистема, привлеченные термины, экстралингвистические факторы, интралингвистические факторы.

М. А. Levina

ORGANIZATIONAL PRINCIPLES FOR SECONDARY LEGAL TERMINOLOGIES

Abstract. The article deals with the problems of secondary terminologies formation. Language material is represented by the terms of Rocky Mountain Law, Information Law, Medical Law, Sports Law. The author considers extra- and intra-linguistic factors, basic principles of secondary terminologies organization, problems of formation of the terms of a mixed type.

Key words: term, terminology, secondary terminology, attracted terms, extra-linguistic factors, intra-linguistic factors.

В терминоведении изначально терминосистемы исследовались по их отношению к конкретной науке. Такой подход был обусловлен стремлением к описанию системных, структурных и семантических свойств терминов разных наук, поэтому во все периоды истории развития терминоведения терминологи занимались описанием лингвистических свойств конкретных терминосистем. Такой подход актуален и в настоящее время для установления общих свойств терминологичности как языкового явления. Для данной статьи важно рассмотреть вопрос о типологии терминосистем, который не так часто становится объектом исследования.

В 80-х гг. XX в. Б. Н. Головин предложил классификацию терминологических систем по различным основаниям:

1. Терминосистемы, обусловленные соотносительностью терминов с различными областями трудовой деятельности (терминосистемы производства, техники, науки, управления, торговли и др.).

2. Терминосистемы, характеризующиеся разной степенью удаленности друг от друга: а) близкие, образующие сильные взаимные «наложения» (например, терминология литературоведения и литературной критики); б) удаленные друг от друга (например, терминология литературоведения и аналитической геометрии).

3. Терминосистемы, обслуживающие различные научные направления, школы, течения в пределах одной науки (например, терминология сравнительно-исторического и терминология структурного языкознания).

4. Личностные терминосистемы – такие, которые соотношены с личностными системами научных взглядов конкретного ученого (например, терминосистемы выдающихся отечественных лингвистов А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртене и др.).

5. Большие и малые терминосистемы, количественный состав терминов которых обусловлен в большей степени экстралингвистическими факторами. Исследование численности состава номинативных единиц, присущих терминосистеме, важно для отслеживания ступеней движения от больших к малым (например, в пределах большой терминосистемы современной лингвистики сформировались ее варианты, соотношенные с разными направлениями языкознания, научными методами, национальными традициями, личностными школами и т.д.) [1, с. 7–10].

В 80-е гг. XX в. и позже лингвисты все чаще стали отмечать межотраслевые или вторичные терминосистемы, в которых они выделяли наряду со специфическими терминами, принадлежащими к данной научной сфере, разнородные по своему характеру номинативные единицы. Такие единицы присутствовали во многих или в нескольких терминосистемах.

Еще Д. С. Лотте, рассматривая термины, воспринятые одной терминосистемой из другой, называл этот процесс *переносом* [2, с. 99]. В. П. Даниленко определяет этот процесс как *вторичную терминологизацию* номинативной единицы [3, с. 21], И. А. Лейчик предложил называть эти термины *привлеченными* [4, с. 40].

Таким образом, вследствие того, что термины, служащие для обозначения процесса перехода термина из одной терминосистемы в другую, «отягощены» полисемией, наиболее удачной номинативной единицей, характеризующей исследуемый процесс, следует признать термин *перенос*, а единицы, воспринятые в результате этого процесса, целесообразнее всего называть *привлеченными терминами*. Эти термины характеризуют номинативные терминологические единицы с точки зрения их генезиса. Но, исследуя терминосистемы в сопоставительном плане, лингвисты постоянно сталкивались с другой проблемой – характеристикой терминосистем с точки зрения наличия в них общего терминологического фонда. Его принято называть *общенаучной терминологией*, которую в свою очередь лингвисты отделяют от *общенаучной лексики*.

При изучении принципов организации терминосистем следует помнить о том, что принадлежность термина к терминосистеме надо определять в каждом конкретном случае, выявляя при этом наличие четкого определения содержания термина (дефиниции) либо наличие возможности формулирования четкой дефиниции.

Один из надежных способов определения принадлежности номинативной единицы к определенной терминологии предложен С. П. Хижняком и проверен другими исследователями юридической терминологии. Этот способ заключается в построении моделей терминологических макро- и микрополей. Такая модель показывает включенность различных понятий, репрезентированных терминами, в иерархическую структуру, в которой каждое понятие, а следовательно, термин, занимает определенное место. Факт включения единиц любого происхождения в такие иерархические структуры свидетельствует о приобретении номинативной единицей определенного значения, так как позиция видového термина, занимаемая общелитературным словом или

привлеченным термином, неизбежно влияет на семантику такой единицы, которая приобретает семы единицы, расположенной выше в иерархической структуре поля. Такая единица является основным системообразующим фактором формирования терминологий [5, с. 65].

Исследование типов терминов на основе ряда терминосистем, относящихся к одной отрасли знания, более плодотворно, так как, хотя в этом случае исследователь неизбежно будет сталкиваться с определенной спецификой терминосистемы, но и общие свойства типов терминов в разных отраслях данного знания будут более обозримыми, а критерии их выделения – более надежными.

В последние десятилетия вследствие дальнейшей активной интеграции и специализации наук, их отдельных отраслей и подсистем развивается все большее число междисциплинарных и комплексных наук. Так, в лингвистике возникли такие прикладные дисциплины, как *суггестивная лингвистика, юридическая лингвистика, медиалингвистика, политическая лингвистика, психиатрическая лингвистика*. В юриспруденции появились комплексные отрасли: *горное право, медицинское право, спортивное право, информационное право*. Названия таких научных отраслей свидетельствуют о том, что они с необходимостью должны интегрировать терминологию разных научных сфер.

Рассмотрение систем терминов вновь формирующихся вторичных терминологий невозможно без обращения к разработке идеи о взаимодействии и логико-языковых отношениях терминов внутри устоявшейся терминологической системы. Известно, что любая терминология должна отражать логику науки в своей системной организации. Каждая терминосистема организована таким образом, что одна и та же номинативная единица может быть самостоятельным термином, базовым или зависимым элементом полилексемного термина.

Рассмотрим тенденции образования современных терминологических систем с точки зрения способов использования привлеченных терминов в указанных вторичных терминосистемах права.

1. Привлеченный термин в таких терминосистемах может использоваться в «готовом» виде, т.е. форма термина, привлеченного из другой научной сферы, остается прежней: *Интернет, информационный ресурс* (информационное право); *районы морских зон, внутренние воды, континентальный шельф* (*горное право*);

2. В терминосистемах возникает множество терминов смешанного типа, в которых объединяются термины разных отраслей знания. В структуре таких терминов привлеченный термин может занимать место:

а) базового (исходного) термина: *непристойная информация, ложная информация* (информационное право), *незаконная стерилизация* (медицинское право);

б) зависимого компонента (форманта): *субъекты правоотношений в Интернете, информационные права и свободы, право на информацию*, (информационное право); *подкуп спортсменов* (спортивное право); *права пациента* (медицинское право).

Значительную роль в указанных процессах играют внешние факторы. Интеграция наук приводит к использованию в терминосистемах привлеченных терминов, формированию терминов, выражающих комплексные понятия и объединяющих признаки семантики разносистемных терминологических

единиц. Дифференциация научных сфер обуславливает размежевание вторичных терминосистем от отраслевых. Интернационализация терминосистем связана с языковыми контактами, влиянием зарубежных научных идей, заимствованиями терминов из других языков. Попытки внедрения целенаправленных изменений (создание терминологических словарей, издание терминологических стандартов) способствуют формированию стабильного терминологического фонда вторичных терминосистем.

Несомненно, указанные факторы действуют и в юридической терминологии. Однако для данного исследования более важным является рассмотрение внешних факторов частного характера.

Терминосистемы информационного, медицинского, спортивного и горного права сформировались на рубеже XX и XXI вв. как «малые», частноотраслевые, терминосистемы, соотносимые с «большими».

Появление рассматриваемых вторичных терминосистем обусловлено следующими экстралингвистическими факторами: 1) возникновением новых явлений в жизни общества; 2) усложнением некоторых сфер общественной жизни, подверженных правовому регулированию; 3) воздействием зарубежного правового опыта – условиями развития права в государстве, развитием науки о праве; 4) развитием современного законодательства и правовой науки.

Очевидно, что **возникновение новых общественно значимых явлений** требует правового регулирования. Так, появление новых информационных технологий в XX в., Интернета, информатизация различных сфер общественной жизни заставляют общество совершенствовать законодательство, вводить в юридическую сферу понятия, ранее применявшиеся в информатике.

В возникновении всех четырех рассматриваемых терминосистем заметно влияние такого фактора, как **усложнение сфер жизни общества, подверженных правовому регулированию**. Так, с появлением современных информационных технологий в обществе появились возможность и необходимость осуществления электронного документооборота; появление Интернета породило необходимость установления уголовной, гражданской и административной ответственности в сфере пользования глобальной сетью, что также явилось причиной возникновения информационного права. В современном мире изменились и условия разведки и добычи полезных ископаемых, начало развиваться горное законодательство, а вслед за этим возникло и горное право. Медицинское право регулирует множество проблем, важных для общества: продолжительность жизни и ее качество, проблемы трансплантации органов и активной эвтаназии. В большом спорте возникает ряд проблем, которые также нуждаются в правовом обеспечении: правомерность дисквалификации спортсменов, случаи необъективного судейства, лишения наград и т.д.

Большое значение для развития рассматриваемых терминосистем и отраслей права имело **влияние зарубежной юриспруденции**.

Так, до возникновения отечественного информационного права в США и европейских странах уже сформировалась подобная отрасль. Информационное право берет истоки в законе «The Freedom of Information Act», принятом в США в 1966 г.

Спортивное право (sports law) за рубежом выделилось в особую отрасль в 90-е гг. XX в. Его возникновению предшествовала длительная практика рассмотрения судами разных стран проблем любительского спорта, трудовых

отношений и правонарушений в спортивной сфере, связи спорта и предпринимательства, спорта и образования.

В 1967 г. была образована Всемирная ассоциация медицинского права (World Association for Medical Law – WAML), а ее первый Конгресс был проведен в том же году в Генте (Бельгия). Истоки медицинского права (medical law) в США датируют 1979 г.

Горное право (gосky mountain law) также является рецепцией зарубежной комплексной отрасли природоохранного права США. Его возникновение относится к 30-м гг. XX в.

Развитие современного отечественного законодательства и правовой науки – еще один фактор, влияющий на становление и развитие вторичных терминосистем.

Основная сфера образования новых терминов вторичных терминосистем – это полилексемные единицы. Такие термины могут быть разной структурной сложности и включают в себя до шести знаменательных слов. В рамках этих групп необходимо выделять термины, в которых базовый термин принадлежит:

1) правовой терминологии, а формант представлен терминами области знания, совместно с которой правовая терминология образует комплексную терминосистему;

2) терминосистеме, совместно с которой правовая терминология образует комплексную терминосистему, а формант имеет юридическое значение.

Состав терминов рассматриваемых вторичных терминосистем обусловлен отбором терминов из терминосистемы права и терминосистем регулируемых областей жизни в зависимости от конкретных потребностей новой терминосистемы, обусловленных спецификой системы денотатов отрасли знания, подвергаемой правовому регулированию. Различия касаются наличия во вторичных терминосистемах привлеченных терминов из третьих терминосистем (например, географии, авиационной промышленности, военного дела).

Так, терминосистема горного права включает в себя термины, привлеченные из терминосистем геологии (*ресурсы полезных ископаемых, запасы полезных ископаемых, твердые полезные ископаемые, нефть, газ*); географии (*районы морских зон, внутренние воды, континентальный шельф*); экономики (*инвестор, нематериальные активы, смета расходов, бонусы*).

В терминосистеме информационного права отмечены привлеченные термины математики и алгебры (*бит, Булева алгебра, вычислительная система*); библиотечного и архивного дела (*архив, архивный фонд, библиотека, пользователь библиотеки, реестр, файл*) и др.

Терминология медицинского права включает привлеченные в медицинскую терминологию экологические термины (*экология, экологическая катастрофа*).

В терминосистеме спортивного права имеются привлеченные термины медицины и фармакологии (*аутогемотрансфузия, биопроба, гемотрансфузия, иммунобиологические лекарственные средства, лекарственные препараты, лекарственные средства*); военного дела (*оружие, холодное оружие, боеприпасы, метательное оружие, огнестрельное оружие, пневматическое оружие, сигнальное оружие, крейсерские суда*); авиационной сферы (*авиационный персонал, воздушное судно, экипаж воздушного судна*) и др.

Таким образом, во всех исследуемых вторичных терминосистемах можно обнаружить термины разной структурной сложности (универбы и полилексемные единицы). Некоторые из таких терминов проникают в комплексные терминосистемы права в «готовом» виде (привлеченные термины). Другие образуются на основе сочетания разносистемных терминологических единиц (смешанных терминов), что обусловлено отражением в структуре терминов комплексного характера терминосистем. Общее количество смешанных терминов в исследуемых терминологиях невелико (от 5,4 % в терминологии информационного права до 1,6 % в терминологии спортивного права). Смешанный характер вторичных терминосистем достигается главным образом использованием большого количества правовых терминов и терминов производственно-практической деятельности, которая подлежит правовому регулированию.

Список литературы

1. **Головин, Б. Н.** О типах терминосистем и основаниях их различия / Б. Н. Головин // Термин и слово. – Горький : Изд-во Горьк. ун-та, 1981. – С. 3–12.
2. **Лотте, Д. С.** Основы построения научно-технической терминологии / Д. С. Лотте. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 158 с.
3. **Даниленко, В. П.** Русская терминология: Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М. : Наука, 1977. – 246 с.
4. **Лейчик, В. М.** Интеграция наук и унификация научно-технических терминов / В. М. Лейчик // Вестник АН СССР. – 1980. – № 8. – С. 39–46.
5. **Хижняк, С. П.** Юридическая терминология: формирование и состав / С. П. Хижняк. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1997. – 136 с.

References

1. **Golovin, B. N.** O tipakh terminosistem i osnovaniyakh ikh razlicheniya / B. N. Golovin // Termin i slovo. – Gor'kiy : Izd-vo Gor'k. un-ta, 1981. – S. 3–12.
2. **Lotte, D. S.** Osnovy postroeniya nauchno-tekhnicheskoy terminologii / D. S. Lotte. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1961. – 158 s.
3. **Danilenko, V. P.** Russkaya terminologiya: Opyt lingvisticheskogo opisaniya / V. P. Danilenko. – M. : Nauka, 1977. – 246 s.
4. **Leychik, V. M.** Integratsiya nauk i unifikatsiya nauchno-tekhnicheskikh terminov / V. M. Leychik // Vestnik AN SSSR. – 1980. – № 8. – S. 39–46.
5. **Khizhnyak, S. P.** Yuridicheskaya terminologiya: formirovanie i sostav / S. P. Khizhnyak. – Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1997. – 136 s.

Левина Мария Александровна
аспирант, Саратовская государственная
юридическая академия
(г. Саратов, ул. Чернышевского, 104)

Levina Mariya Aleksandrovna
Postgraduate student, Saratov
State Academy of Law
(Saratov, 104 Chernyshevskogo str.)

E-mail: mlevina@sgar.ru

УДК 801 (082)

Левина, М. А.

Принципы организации вторичных терминосистем права / М. А. Левина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 126–131.

Т. С. Круглова

СПЕЦИФИКА АДРЕСАЦИИ В КНИГЕ СТИХОВ АНДРЕЯ БЕЛОГО «ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ»

Аннотация. Статья посвящена проблеме адресации в лирике Андрея Белого (на примере книги стихов «Золото в лазури»). Доказывается, что именно фактор адресации является одной из важнейших авторских установок, влияющих на смысловую структуру, жанровое своеобразие произведений, на самую специфику протекания коммуникативного общения в пространстве художественного текста.

Ключевые слова: жанр, лирический диалог, символизм, послание, аргонавты, фактор адресации, посвящение.

T. S. Kruglova

SPECIFICITY OF ADDRESSING IN «ZOLOTO V LAZURI» POEMS COLLECTION BY ANDREY BELIY

Abstract. The article is devoted to the fact of addressing in the lyrics of Andrey Bely (the examples are taken from the poems collection «Zoloto v lazuri»). The author proves that the factor of addressing is one of the most important copyright installations affecting the structure of the meaning, genre originality of works, the very characteristics of the communicative dialogue in the space of a literary text.

Key words: genre, lyrical dialogue, symbolism, message, «argonauts», the factor of addressing, dedication.

Категория лирического диалога в настоящее время – предмет пристального внимания исследователей [1, с. 80–82]. Это связано с тем, что в культуре XX в. диалог является своего рода базовой универсалией, обуславливающей ее важнейшие особенности. Однако в данной работе нас интересует диалог не как широкое культурологическое понятие, а как феномен поэзии.

При взгляде на поэзию Серебряного века бросается в глаза усиление диалогических интенций, приводящих к появлению адресованных жанров – послания, посвящения и пр. [1, с. 80]. Очевидно, что этот процесс связан с формированием новых философских и эстетических установок модернистских течений. Представления о креативных функциях искусства (обосновываемые с различных позиций) и обусловили апеллятивно-диалогические тенденции в поэзии Серебряного века.

У Андрея Белого коммуникативная интенция младосимволизма наиболее ярко выражена в ранний период творчества – во время увлечения «аргонавтизмом». Если ранний Блок дает воплощение *идеала* соловьевства («Стихи о Прекрасной Даме»), то Андрей Белый поворачивает соловьевскую концепцию не как учение об идеале, замкнутое в самом себе, а как жизнотворческую идею, способную сплотить людей, жаждущих «подвига». Стремясь связать единой платформой больших художников, он обращается с посланиями к К. Бальмонту, В. Брюсову, А. Блоку, С. Соловьеву, Эллису, Метнеру. В этих обращениях Белый старается облечь свою проповедь в привлекатель-

ные для адресатов эстетические «одежды», прибегая к обильным аллюзиям из их творчества.

Аргонавтические теургические игры предполагали творение новой реальности по законам мифа. Однако Белый также прекрасно понимал, что эта реальность сталкивается с внесемиотической обыденностью. Это столкновение приводит к тому, что герои мифа с позиции наблюдателя, находящегося вне мифологических координат, оказываются скорее безумцами, нежели пророками (как они мыслили себя сами).

В сборнике А. Белого «Золото в лазури» (1904) фактор адресации играет важнейшую роль: он не только предопределяет жанровое своеобразие книги, но и обуславливает ее смысловую архитектонику.

Сборник открывается посланием-циклом «Бальмонту», где само имя адресата, вынесенное в сильную позицию (заголовок текста), становится своеобразным кодом к стихотворениям цикла.

Ключевой образ этого цикла, собирающий в единое целое его семантическую структуру, – это образ солнца. Этот образ, как и любой символ, имеет интертекстуальную природу, о которой свидетельствует сам фактор адресации: солнце у Бальмонта появляется в его знаменитом стихотворении «Будем как солнце». В другом стихотворении имя Бальмонта паронимически зашифровано: «Автору “Будем как солнце”».

Фактор адресации в данном случае выполняет функцию коммуникации между традициями. Здесь Белый через обращение к Бальмонту пытается соединить в единое целое две ветви русского символизма через символические образы, обнаруживая ряд сходств между своим творчеством и творчеством адресата. Таким образом, он как бы продолжает линию старших символистов, реализуя те образы и лирические сюжеты, которые были заложены в этом ключевом для Бальмонта стихотворении. Рассмотрим его поэментно с позиции интертекстуального взаимодействия ключевых образов-символов.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что в стихотворении Бальмонта кроме центрального солярного символа возникает также и лирический сюжет, важный для творчества Белого аргонавтического периода, – сюжет похода за золотым руном. Он предполагает пространственное преодоление низа и соединение его с верхними сферами бытия. Л. А. Колобаева, акцентируя внимание на этой принципиально важной для символистов мысли, отмечает, что «важнейшим творческим смыслом символа, целью создания художественного символического образа должно было стать уловление связей, соотношений этого и иного миров, в конечном итоге их единство и целостность как воплощение целостности мироздания» [2, с. 19]. В. Паперный, подтверждая идею Л. А. Колобаевой, пишет, что для «поэтики А. Белого характерна трансформация существующей во времени традиции в структуру чисто пространственную...» [3, с. 67]. А по мнению Е. Григорьевой, при описании этого типа пространства Белому были нужны «не диалектические, а абсолютные характеристики» [4, с. 135]. Результатом такой пространственной трансформации становится лицезрение Красоты (понимаемой в символистском духе) как начала абсолютной гармонии:

Будем как солнце! Забудем о том,
Кто нас ведет по пути золотому,
Будем лишь помнить, что вечно к иному,
К новому, к сильному, к доброму, к злему,

Ярко стремимся мы в сне золотом.
Будем молиться всегда неземному
В нашем хотенье земном! [5, с. 126]

«Вечно иное» – это сфера, внеположная миру. У Бальмонта она соотносится не только с Красотой, но и с Вечностью, Мечтой и Счастьем. Причем все эти символические образы вписываются в лирический сюжет стихотворения – сюжет восхождения к горним сферам:

Будем, как солнце всегда молодое,
Нежно ласкать огневые цветы,
Воздух прозрачный и все золотое.
Счастлив ты? Будь же счастливее вдвое,
Будь воплощеньем внезапной мечты!
Только не медлить в недвижимом покое,
Дальше, еще, до заветной черты,
Дальше, нас манит число роковое
В вечность, где новые вспыхнут цветы.
Будем как солнце, оно – молодое.
В этом завет красоты! [5, с. 126]

Все обозначенные образы и мотивы реализуются и в лирике Белого. Более того, ключевой сюжет бальмонтовского стихотворения – это имплицитный сюжет сборника Белого «Золото в лазури»: полет, восхождение, подъем – все это мотивы, конституирующие смысловое пространство сборника.

Кроме того, образы вечности («старины» – у Белого), мечты и счастья – это образы, которые в символистском универсуме занимают исключительное положение. У Белого в анализируемом цикле появляется сюжет восхождения к небесам, связанный с этими образами-ключами и понимаемый как преодоление тьмы и древнего хаоса:

И, закрытые тьмой,
горизонтов сомкнулись объятья.
Ты сказал: «Океан голубой
еще с нами, о братья!»

<...>

Древний хаос, как встарь,
в душу крался смятеньем неясным.
И луна, как фонарь,
озаряла нас отсветом красным.

Но ты руку воздел к небесам
и тонул в ликовании мира.
И заластился к нам
голубеющий бархат эфира [6, с. 22].

В последнем стихотворении цикла возникает интертекстуальный образ вечности:

Поэт, – ты не понят людьми.
В глазах не сияет беспечность.
Глаза к небесам подними:
с тобой бирюзовая Вечность [6, с. 23].

Примечательно, что в центре стихотворений Бальмонта и Белого находится специфически понимаемый образ пророка, который выполняет функцию проводника между мирами [7, с. 681]. Именно поэт-пророк обуславливает пространственную целостность мироздания, он занимает венаходимую по отношению к мирам позицию. Ср. у Белого:

О поэт – говори
о неслышном полете столетий.
Голубые восторги твои
ловят дети.

Говори о безумье миров,
завертевшихся в танцах,
о смеющейся грусти веков,
о пьянящих багрянцах [6, с. 23].

У Бальмонта поэт интерпретируется в сходном ключе. Он также понимает поэта как творца миров, человека, который видит мир как целое в его «нераздельности-неслиянности». Ср. в стихотворении «Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...»:

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И выси гор.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Море
И пышный цвет долин.
Я заключил миры в едином взоре,
Я властелин [5, т. 1, с. 125].

Однако тождество предполагает и различия. Образ-символ солнца, несмотря на ряд интертекстуальных совпадений, в творчестве Бальмонта и Белого имеет разные философско-эстетические трактовки. Если для Бальмонта солнце – это традиционный поэтический образ, который функционирует в сфере искусства, то для Белого солнце имеет *жизнетворческую семантику*. Аргонавтические игры и поход за золотым руном понимались им не как сюжеты античной мифологии, а как живые и конкретные цели [8, с. 507]. Говоря иначе, между двумя поэтиками возникают различия не в семантике, а в художественной прагматике. Таким образом, адресованность здесь указывает на то «диалектическое» противостояние литературных традиций, когда наличие сходных элементов предполагает разницу и в их интерпретации.

Лирический сюжет похода за золотым руном связывается у Белого и с другим адресатом – Э. Метнером, другом Белого, соратником по аргонавтическим играм. Аргонавты, «не располагая сколько-нибудь определенной программой, <...> тем не менее, обнаружили готовность к коллективным печатным выступлениям по широкому кругу вопросов. В 1906 г. возникает проект издавать сборники «Арго», на страницах которых художественные сочинения соседствовали бы с выступлениями по проблемам философии, мистики, науки и общественности» [9, с. 40].

Примечательно, что посвящение Метнеру предпослано не отдельному стихотворению, а циклу. В диптихе разыгрывается уже знакомая аргонавти-

ческая тема, однако поданная в ином ракурсе. Если стихотворения, адресованные Бальмонту, представляли по своей семантической структуре своеобразный перепев ключевых бальмонтовских мотивов (этому способствовал сам фактор адресации, включенный в жанр послания), то в диптихе, посвященном Метнеру, сюжет похода за золотым руном в большей степени мифологизирован и очищен от литературных наслоений. Обратимся к разворачиванию этой темы в первом стихотворении диптиха:

«Дети солнца, вновь холод бесстрастья!
Закатилось оно –
золотое, старинное счастье –
золотое руно!»

Нет сиянья червонца.
Меркнут светочи дня.
Но везде вместо солнца
ослепительный пурпур огня [6, с. 24].

Думается, что в первом случае автора более интересовал образ поэта как проводника между верхней и нижней сферой, во втором же случае он сосредоточился на предикативности самого мотива. Подобное различие связывается с различиями в адресованных жанрах: посвящение дает больше степеней свободы автору стихотворения, в то время как послание, как правило, включает в себя в качестве одного из обязательных элементов интертекстуальный компонент.

В книге «Золото в лазури» есть и «одиночные» посвящения друзьям-поэтам. В силу малого объема одного стихотворения в нем нельзя развернуть масштабные философско-символические концепции, однако пафос и элегическая тональность, характерная для посланий, объединенных в циклы, или посвящений-«тройчаток», остаются и в «одиночных» стихотворениях-посвящениях. Поэтому посвящения такого рода оказываются своеобразными зарисовками внутреннего эмоционального состояния автора. Ср., например, стихотворение, посвященное С. Л. Кобылинскому:

Окна запотели.
На дворе луна.
И стоишь без цели
у окна.

Ветер. Никнет, споря,
ряд седых берез.
Много было горя...
Много слез...

И встает невольно
скучный ряд годин.
Сердцу больно, больно...
Я один [6, с. 89].

Возможно, что такая форма стихотворения-посвящения, представляющая для Белого периода «Золота в лазури» исключение из правил, была связана с тем, что С. Л. Кобылинский не был собратом по цеху, иначе говоря, он не был поэтом-символистом. Поэтому в этом посвящении отсутствует арга-

навтический сюжет-инвариант, который возникает в стихотворениях, посвященных поэтам-символистам.

Еще одно «одиночное» посвящение адресовано О. М. Соловьевой, художнице, жене М. С. Соловьева. В этом стихотворении с символически значимым названием «Знаю» в свернутом виде присутствуют все основные поэтологические мотивы раннего творчества поэта, связанные с предчувствием «новой эпохи»:

Пусть на рассвете туманно –
 знаю – желанное близко...
 Видишь, как тает неожиданно
 образ вдали василиска?

Пусть все тревожно и странно
 Пусть на рассвете туманно –
 знаю – желанное близко.

Нежен восток побледневший.
 Знаешь ли – ночь на исходе?
 Слышишь ли – вздох о свободе –
 вздох ветерка улетевший –
 весть о грядущем восходе? [6, с. 96–97]

В сборнике есть и адресация С. М. Соловьеву, где утверждается общность людей одной судьбы. Недаром в стихотворении присутствует местоимение «мы». Думается, что жанр этой адресации – послание, а не посвящение, о чем, во-первых, свидетельствует сам заголовочный комплекс (адресат обозначен в заглавии), во-вторых, сама семантика и поэтика стихотворения. Если в посвящениях мы сталкиваемся с отстраненной аллегорико-символической формой, то в посланиях у Белого присутствует прямое обращение к адресату. Послание «С. М. Соловьеву» не является исключением:

Сердце вешее радостно чует
 призрак близкой священной войны.
 Пусть холодная вьюга бунтует –
 Мы храним наши белые сны.
 Нам не страшно зловещее око
 великана из туч буревых...
 Ах, восстанут из тьмы два пророка,
 Дрогнет мир от речей огневых [6, с. 111].

Таким образом, во всех случаях фактор адресации увязывается с жанром и влияет на поэтику стихотворений. Так, посвящения, появляющиеся в первом сборнике Белого, представляют собой преимущественно циклы-тройчатки, такая форма необходима поэту для развертывания символического сюжета. Послания же (более редкий жанр у Белого) оказываются «одиночными» стихотворениями, с присущим им лирическим пафосом. Нам кажется, что структура посвящений близка к лироэпической форме – отсюда уже недалеко до поэм и даже до прозы Белого.

Необычное посвящение памяти Вл. С. Соловьева «Раздумье» заключает книгу «Золото в лазури». Специфика жанра здесь особенно ясна: некоторая отстраненность, характерная для посвящения, здесь реализовалась особенно

отчетливо. В результате этой отстраненности возникает своеобразный «опосредованный» диалог лирического героя стихотворения с Вл. Соловьевым, который предстает как «пророческий голос»:

Ночь темна. Мы одни.
Холод. Ветер ночной
деревями шумит. Гасит в поле огни.
Слышен зов: «Не смущайтесь... я с вами...
за мной!...» [6, с. 111]

Итак, в книге «Золото в лазури» доминируют адресации, в основном обращенные к поэтам, друзьям-аргонавтам, которые можно определить как послания, цель которых – установить диалогический контекст внутри избранного круга посвященных символистов. Однако книга содержит в себе и большое число посвящений поэтам, не принадлежащим аргонавтическому кругу, но близким Белому по духу. В типологии адресованных жанров этот тип посвящений стоит особняком или же частично пересекается с адресациями, обращенными к братьям по цеху. В посвящениях подобного рода Белый ставит и решает те или иные философско-художественные вопросы. Такая диалогическая и одновременно поэтологическая стратегия могла возникнуть только в символистской традиции с ее теургическими интенциями предполагающими стирание границ между жизнью и творчеством.

Список литературы

1. **Дмитриев, Е. В.** Фактор адресации в символистской поэзии / Е. В. Дмитриев // Традиции русской классики XX века и современность : материалы Междунар. науч. конф. – М. : Изд-во МГУ, 2002.
2. **Колобаева, Л. А.** Русский символизм / Л. А. Колобаева. – М. : Изд-во МГУ, 2000.
3. **Паперный, В. М.** Андрей Белый и Гоголь / В. М. Паперный // Учен. записки Тартуского гос. ун-та. – Вып. 620. – Тарту, 1983.
4. **Григорьева, Е. Г.** «Распыление мира» в дореволюционной прозе Андрея Белого / Е. Г. Григорьева // Вопросы литературы. – 1995. – Вып. 748.
5. **Бальмонт, К.** Избранное : Стихотворения. Переводы. Статьи / сост. и комм. Д. Г. Макогоненко. – М. : Правда, 1990.
6. **Белый, А.** Собр. соч. : Стихотворения и поэмы / А. Белый ; сост., предисл. В. М. Пискунова. – М. : Республика, 1994.
7. **Лотман, Ю. М.** Поэтическое косноязычие Андрея Белого / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – СПб. : Искусство–СПб, 1996.
8. **Mann, R.** Apollo and Dionisus in Andrey Bely's Peterburg / R. Mann // The Russian Review. – V. 57. – № 4.
9. **Безродный, М.** Издательство Мусагет / М. Безродный // Книжное дело в России XIX – начала XX в. – Вып. 12. – СПб. : Рос. нац. б-ка, 2004.

References

1. **Dmitriev, E. V.** Faktor adresatsii v simbolistskoy poezii / E. V. Dmitriev // Traditsii russkoy klassiki XX veka i sovremennost' : materialy Mezhdunar. nauch. konf. – M. : Izd-vo MGU, 2002.
2. **Kolobaeva, L. A.** Russkiy simbolizm / L. A. Kolobaeva. – M. : Izd-vo MGU, 2000.
3. **Papernyy, V. M.** Andrey Belyy i Gogol' / V. M. Papernyy // Uchen. zapiski Tartuskogo gos. un-ta. – Vyp. 620. – Tartu, 1983.
4. **Grigor'eva, E. G.** «Raspylenie mira» v dorevolyutsionnoy proze Andreyaya Belogo / E. G. Grigor'eva // Voprosy literatury. – 1995. – Vyp. 748.

5. **Bal'mont, K.** Izbrannoe : Stikhotvoreniya. Perevody. Stat'i / sost. i komm. D. G. Makogonenko. – M. : Pravda, 1990.
6. **Belyy, A.** Sobr. soch. : Stikhotvoreniya i poemy / A. Belyy ; sost., predisl. V. M. Piskunova. – M. : Respublika, 1994.
7. **Lotman, Yu. M.** Poeticheskoe kosnoyazychie Andreya Belogo / Yu. M. Lotman // Lotman Yu. M. O poetakh i poezii. – SPb. : Iskusstvo–SPb, 1996.
8. **Mann, R.** Apollo and Dionisus in Andrey Bely's Peterburg / R. Mann // The Russian Review. – V. 57. – № 4.
9. **Bezrodnyy, M.** Izdatel'stvo Musaget / M. Bezrodnyy // Knizhnoe delo v Rossii XIX – nachala XX v. – Вып. 12. – SPb. : Ros. nats. b-ka, 2004.

Круглова Татьяна Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра перевода и переводоведения,
Пензенская государственная
технологическая академия
(г. Пенза, проезд Байдукова, 1а)

E-mail: tatjana.sk@mail.ru

Kruglova Tat'yana Sergeevna

Candidate of philological sciences,
associate professor, sub-department
of interpretation and translation science,
Penza State Technological Academy
(Penza, 1a Baydukova passage)

УДК 821.161.1

Круглова, Т. С.

Специфика адресации в книге стихов Андрея Белого «Золото в лазури» / Т. С. Круглова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 132–139.

УДК 378

А. С. Мещераков, Г. С. Куприянова

КОМПЕТЕНТНОСТЬ И МОДУЛЬНОСТЬ КАК ВЕКТОРЫ ОБНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ИНЖЕНЕРНОГО ПРОФИЛЯ: ИННОВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ (ЧАСТЬ 1)

Аннотация. Обозначены мотивирующие факторы влечения времени для принятия нововведений в теорию и практику профессионального образования и адаптации специалиста к современным условиям труда. Раскрывается один из признаков влечения времени в контексте современного рынка труда: концепция образования на основе компетентностного подхода к обучению студентов вузов как инновация.

Ключевые слова: компетенции, компетентность, инновации, влечение времени, компетентностный подход, реформирование образования, модульность.

A. S. Meshcheryakov, G. S. Kupriyanova

COMPETENCE AND MODULARITY AS THE VECTORS FOR RENEWAL OF ENGINEERING SPECIALISTS PROFESSIONAL TRAINING: INNOVATIVE ASPECT (PART 1)

Abstract. The paper emphasizes contemporary motivating factors necessary for accepting the innovations into the theory and practice of professional education and specialists' adaptation to the modern working conditions. The paper deals with one of the contemporary signs in context of modern labor market: the concept of education on the basis of competence-based approach to training university students as an innovation.

Key words: competences, competency, innovations, contemporary, competence-based approach, reformation of education, modularity.

Еще в 2007 г. экс-министром образования и науки РФ А. Фурсенко и ныне действующим министром этого ведомства Д. Ливановым обозначены «горизонты» структурной, институциональной и содержательной модернизации высшего образования в стране, на которые наше общество должно ориентироваться в ближайшие годы (в период до 2016 г.): какую стратегию выбрать, двигаясь вперед, какие барьеры и риски придется преодолевать [1].

Лейтмотивом цитируемой статьи [1] выступает фактор триединства действий всех субъектов, участвующих в модернизации образования. «Стратегически реформирование образования, – пишут они, – предполагает действия в трех измерениях: структурном, институциональном и содержательном... Только одновременная структурная, институциональная и содержательная модернизация высшего образования может дать системный эффект развития» [1].

Не претендуя на профессиональный анализ структурной и институциональной составляющих в обозначенном выше триединстве действий (это уровень федеральных, региональных и вузовских органов управления образованием), мы коснемся содержательного компонента в этой триаде действий. Скрупулезный анализ огромного массива литературных источников психолого-педагогического, философского, социологического и технического характера [2] позволил выявить ряд факторов, которые, на наш взгляд, вписываются в современную стратегию модернизации содержания профессионального образования в контексте обозначенных выше трех измерений. Тем более, что ориентированная на рыночную экономику структурная реформа образования, по утверждению авторов статьи [1], «...совсем не коснулась содержания образования», несмотря на то, что «...система образования не столько подстраивается под рынок труда, сколько сама является источником и инкубатором новых идей, инновационных решений прорывных технологий». А в свободном рынке «образование обслуживает рынок труда» [1]. Правда, возникает вопрос – достигли ли мы сегодня свободного рынка, когда по стране «шагает» коррупционное и криминогенное поле экономики? Об этом пишут А. Фурсенко, Д. Ливанов и говорил Президент страны В. В. Путин в своем Послании Совету Федерации и депутатам Государственной Думы 12 декабря 2012 г.:

«...что происходило в государстве, в обществе, в школе, в СМИ, да и в наших головах в последние 15–20 лет... Тогда были отброшены все идеологические штампы прежней эпохи. Но, к сожалению, тогда же были утрачены и многие нравственные ориентиры... Сегодня это проявляется в равнодушии к общественным делам, часто в готовности мириться с **коррупцией** (выделено нами – *авт.*), с наглым стяжательством, с проявлениями экстремизма и оскорбительного поведения... Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп – милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи – дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились.

...Именно поэтому определяющее значение приобретают вопросы общего образования, культуры, молодежной политики. Эти сферы – это не набор услуг, а прежде всего пространство для формирования нравственного, гармоничного человека, ответственного гражданина России» [3].

«...несистемный подход (к реформированию образования – уточнено нами – *авт.*) привел к резким перекосам во всей сфере высшего образования, что мы фиксируем в виде падения его качества, **коррупции**» (выделено нами – *авт.*) [1].

Есть надежда, что веление времени заставит общество и государство изменить ситуацию, не искоренить, а хотя бы снизить до минимума издержки коррупции и казнокрадства. Эту надежду вселяют в нас слова В. В. Путина: «Мы продолжим наступление, безусловно, на коррупцию, которая уничтожает ресурс национального развития... Чтобы Россия была суверенной и сильной, нас должно быть больше и мы должны быть **лучше в нравственности, в компетенциях, в работе, в творчестве**» (выделено нами – *авт.*) [3].

Наверное, не случайно озвучена в Послании эта цепочка понятий: нравственность, компетенции, работа, творчество. Все они дополняют друг друга и взаимосвязаны с понятием «личный опыт».

Так, понятие *нравственность* – то же самое, что и *мораль* – «совокупность норм и принципов поведения людей по отношению к обществу и другим людям... Содержание морали меняется с течением времени и различно у разных народов и слоев населения» [4]. В течение времени и приобретает *личный опыт*, который так необходим для совместной жизни людей в быту, *работе, творчестве*. Человек здесь выступает в мироздании чаще всего как активный субъект труда, создающий объекты предметной и социальной среды, используя при этом не только свой личный опыт, но и опыт всего человечества во все времена его развития. Самую главную роль в этом процессе играет творческая познавательная ориентированность в том, **ЧТО** (или **КТО**) выступает в роли среды (природа, человек, общество, техника, информация и др.). *Компетенции* – это «виды деятельности, законченные, пропущенные через личный опыт; это личный результат, встроенный в социально-общественную реальность, результат реальный, полезный» [5].

Что же делать, чтобы быть лучше? В сфере образования подготовку такого специалиста осуществлять на предметно-содержательной (дисциплинарной) основе уже невозможно, ибо ее качество характеризуется количеством дисциплин, содержание которых исходит из логики их предметной области. Ошибка заключается в том, что нельзя качество выпускника судить по суммарному качественному показателю обучающихся студентов различным дисциплинам, ибо, как утверждают Ю. В. Фролов и Д. А. Махотин, «...учебные дисциплины – это лишь различные способы отображения реального (и целостного) быстро меняющегося мира» [6].

Но, как известно, знания стареют, а особенно сегодня, в условиях прогрессирующей глобализации. Они стареют так стремительно, что их обновление через традиционную систему профессионального образования, основанного на знаниевой парадигме, становится неэффективным. В связи с этим современная российская система образования, пытаясь выйти из кризиса индустриального производства и адаптироваться к постиндустриальному, ориентируется на новую парадигму в образовании, в которой «идеология передачи «готовых знаний» постепенно сменяется идеологией формирования компетенций, а **на смену парадигме передачи знаний приходит парадигма дееспособности**. На первый план выходят задачи выявления и передачи современных способов организации мыслительной работы человека, что, с нашей точки зрения, и есть современное содержание образования» [1], а доминирующим подходом к обучению являются компетентностно-модульные технологии, таково **веление времени**.

Компетентностный подход, веление времени, мировоззрение человека... Какова же логическая связь между этими, казалось бы, «нерядоположенными» понятиями?

Логике взаимосвязи между этими понятиями следует искать в сущности человека. Человек рассматривается как «существо, воплощающее высшую ступень развития жизни, субъект общественно-исторической деятельности. Человек является системой, в которой физическое и психическое, генетически обусловленное и прижизненно сформированное, природное и социальное образуют нерасторжимое единство» [4].

В этом единстве главенствующую роль играет компетентность человека, его **компетентностное поведение** в личной, общественной и профессиональной деятельности. Компетентностное же поведение человека (по ут-

верждению Дж. Равенна [7, 8]) характеризуется его мировоззрением, его пониманием необходимости совершения определенных действий для жизни *сегодня* (выделено нами – *авт.*).

Мы часто и много говорим о трудностях жизни во все времена развития общества. Сегодняшнее время – не исключение. Постиндустриальное развитие общества требует подготовки специалиста не просто знающего, а «понимающего» специфику глобального мира, умеющего вписать себя в этот мир, осознающего ответственность за последствия своих действий. Для этого педагогической науке следует разработать такие модели и технологии обучения, которые позволят интегрировать в субъект образования индивида – личность – человека, обеспечив при этом их гармоничное сочетание, нарушенное в XX в. всем ходом научно-технического прогресса [9]. Но как этого добиться, если российская система образования сегодня претерпевает серьезные противоречия: с одной стороны, она находится в так называемом «неориентированном состоянии», порождая социальную напряженность, нестабильность и динамизм во всех сферах деятельности человека (нестабильность стала атрибутом времени, налицо несоответствие между природным, социальным и духовным в каждом субъекте), а с другой – у нее есть «запас» от традиционной системы образования – это высокий уровень фундаментальной подготовки специалистов всех профилей; обеспеченность вузов специалистами высокого уровня квалификации; устремление практических работников многих профессий к научным исследованиям (А. М. Новиков). Конечно же, этот «запас» должен как-то сгладить негативную ситуацию в сфере образования и экономики, тем более что Россия сегодня играет роль «реального лидера нового альтернативного пути развития человечества, в первую очередь, за счет традиций, во вторую очередь – духовности, накопленной нашей страной в предыдущие десятилетия и столетия, а также за счет опережающего развития образования» [10].

Кроме того, Россия обладает гигантским индустриальным, интеллектуальным и коммуникационным потенциалом, позволяющим развивать в стране как деловое, так и интеллектуальное общество.

Но есть и проблемы сугубо личного характера современного человека:

а) трудности в преодолении психологического барьера при смене своего статуса: быть государственным работником и вдруг стать активным субъектом труда;

б) ломка психологического стереотипа: хороший специалист – это специалист, работающий долго на одном рабочем месте, потеря работы – трагедия;

в) ощущение угнетенности человека «второго сорта», вынужденного получать социальные пособия, пособия по безработице и другие благотворительные выплаты.

Однако в зависимости от типологий личности (а они могут быть различными – темперамент, конституциональные типы, акцентуация личности, психосоциотипы и др.) [11] эти проблемы могут стать для нее дополнительным стимулом в поиске своего места в новом социуме, так как поведение человека зависит, с одной стороны, от типа (как врожденного качества), а с другой – от жизненных перипетий, социальных условий, вызовов времени.

Это видно из примера варианта типологии – темперамента. Темперамент – это внешнее проявление типа высшей нервной деятельности человека.

Этот тип в свою очередь является следствием свойств нервной системы человека: силы и слабости процессов возбуждения и торможения, а также подвижности [11]. Из четырех классических видов темперамента (сангвиник, флегматик, холерик, меланхолик) выделим сангвиника – человека с сильной, уравновешенной, подвижной нервной системой. Обладает быстрыми, но обдуманными и взвешенными реакциями, высокой устойчивостью к стрессам и хорошей приспособленностью к изменяющимся условиям. Имеет относительно низкую чувствительность и умеренную эмоциональность. Человек-сангвиник в сложившейся жизненной ситуации быстрее адаптируется к ней.

Человек с другим видом темперамента не во всех жизненных ситуациях может проявить свое компетентное поведение и адаптироваться к условиям нового велаия времени. Его нужно научить правильно реагировать на любые жизненные обстоятельства, приспособливаться к любым новым условиям. Сегодня это вполне возможно, в образовании произошли изменения в подготовке специалистов, в том числе и инженерного профиля: в учебные планы введен предмет «Психология и педагогика». Знания, которые получает студент как будущий специалист, из этого предмета становятся одним из мотивирующих факторов велаия времени для принятия нововведений в теорию и практику профессионального образования и адаптации специалиста к современным условиям рынка труда. Один из признаков велаия времени – это концепция образования на основе *компетентного подхода* к обучению студентов вуза. Другим признаком является *присоединение России к Болонскому процессу*. Третий признак – *глобализация образования*, охватившая все мировое образовательное пространство. Четвертый – это *смена образовательных парадигм*. Вероятно, есть еще и другие признаки, иного порядка, но этих четырех достаточно для того, чтобы объяснить необходимость внедрения этого феномена современности в теорию и практику профессионального образования. Рассмотрим подробнее **признак, отражающий концепцию образования на основе компетенции как инновации: аспект компетентного подхода**.

В процессе проектирования образовательных технологий возникает вопрос: что такое «инновация» и «компетенция»? В теории и практике образования и других сферах деятельности человека инновацию рассматривают двояко: как результат творческого процесса или как процесс внедрения новшеств. Приведем здесь одно из наиболее приемлемых определений *инновации* в работе коллектива авторов [12], суть которого заключается в следующем: «Инновация (нововведение) – это конечный результат творческой деятельности, получивший воплощение в виде новой или усовершенствованной продукции, реализуемой на рынке, либо нового или усовершенствованного процесса, используемого в практической деятельности». Как видим, под инновациями следует понимать создание новых продуктов деятельности человека (техники, технических систем, машин, технологий, методов управления, новой организации труда, новых материалов и др.) с помощью новых знаний, новых методов управления, новой организации труда, новых материалов и т.д.

Сегодня в обществе такой поток инноваций, которого не было за многие тысячелетия существования цивилизации. Если ты «не инноватор», значит не конкурентоспособен; если в стране мало инноваторов, а следовательно, и инноваций, значит, и страна в целом неконкурентоспособна. Областей, где можно реализовать инновации, много: это конкретные отрасли науки

(технические, гуманитарные, естественные и др.), образование, отрасли прикладного характера (бизнес, инженерия и др.). В частности, инновационные процессы активно внедряются в образовательную деятельность как теоретического, так и прикладного характера при подготовке специалистов инженерного профиля. Инновацией в этот период развития общества и является *компетентностный подход в сфере образования*. Поэтому в трудах многих отечественных авторов инженерное образование рассматривается как *инновационное*. Инновационное инженерное образование в их трактовке – «это смена парадигмы, новая педагогика, новые образовательные процессы, новые технологии» [13–15]. Как выглядят их представления о ключевых признаках традиционной и инновационной парадигм, видно из табл. 1.

Таблица 1

Ключевые признаки	Варианты парадигмы	
	Существующая парадигма	Возможное развитие
Главная задача человека	Познание мира	Изменение мира
Научная основа деятельности	Естественно-научный метод	Теория преобразующей практики
Типичная задача имеет	Только одно решение	Множество решений
Критерии оценки решения	Только один: правильно / неправильно	Множество критериев: полезность, эффективность, безвредность и др.
Влияние духовных факторов	Им нет места	Необходимы для выбора решений

Разберемся с понятиями «компетенция» и «компетентность». В науке и образовании существует огромное количество определений этим понятиям. На этой стадии исследования мы не будем рассматривать широко и подробно все сущностные характеристики этого психолого-педагогического явления. Остановимся лишь на *ситуативной стороне* проблемы. В данный момент этот подход, очевидно, самый перспективный в силу того, что в его основу закладываются иные принципы проектирования содержания образования:

– принцип собираемости компетенций в соответствии с ситуацией. Если знания, умения и навыки хранятся всегда в «готовом» к использованию виде, то компетенция носит собираемый характер и «собирается» лишь в момент ее реализации, т.е. в ответ на ситуацию [16], в которой и происходит смещение акцента от получения обучающимися готового научного знания к овладению методами и технологиями его получения;

– принцип преемственности (основа компетентностного подхода – это продолжение «знаниевого») [17];

– приоритет в содержании образования не только научных знаний, а наряду с ними «равноправно и рядоположенно» и других форм человеческого сознания, субъективно-личностные компоненты человеческой культуры.

Компетентность специалиста инженерного профиля распространяется на широкий спектр создаваемых им объектов предметной и социальной среды. И в зависимости от того, что (или кто) выступает в роли проектируемой среды (природа, человек, общество, техника, информация и т.д.), а чаще всего эта среда выступает одновременно в различном процентном соотношении, она и должна ориентироваться на содержательный фактор компетенций,

которые «содержат в себе не только профессиональные знания и умения, но и внепрофессиональные навыки, характеризующие конкретную личность» [18].

К внепрофессиональным навыкам, характеризующим личностную сторону специалиста, в условиях динамично развивающегося социума, интегрируемого в глобальный рынок образовательных услуг, смело можно отнести: творческую познавательную ориентированность во всех сферах деятельности человека, расширяющую его умственный кругозор; осознание и понимание прогрессивной роли истории науки, ее методологических и философских оснований при формировании научного мировоззрения специалиста, умеющего видеть ее современное состояние и перспективы дальнейшего развития; принцип исторической преемственности, обеспечивающий выявление, формирование и трансляцию не только базовых, профессиональных, но и «социально обеспечивающих» жизнедеятельность человека компетенций, при опоре на вековые традиции поколений, их лучший опыт и возрождение патриотизма как «всемирного качества»; возвращение к комплексному изучению человека и техники (технических систем, устройств и т.д.), его эмоциональной сферы, влияющей на характер настроения в условиях глобализации (свое российское или иммиграционное), коммуникативную эрудицию (т.е. способность коммуникации, которую К. Ясперс возвел в ранг «гносеологического критерия истины», а М. М. Бахтин перевел понятие «диалог» из литературной в философскую категорию) [19], в сложном мире профессий; диалог в культуре как универсальный принцип, который организует мышление человека, обеспечивает саморазвитие культуры, воспроизводство личности, способность к коммуникации; совместимость [20] на всех уровнях ее проявления: психофизиологическом, психологическом, социологическом.

Совместимость в трудовом коллективе проявляется во взаимодействии (в порядке перечисления уровней) особенностей темперамента, потребностей индивидов, характеров, мотивов и стереотипов поведения; в согласовании функционально-ролевых ожиданий, совпадающих (или схожих) интересов, ценностных ориентаций; в сработанности как согласованности¹ в работе между ее участниками.

Поскольку компетентностный подход основан на концепции компетенций инновационного характера, то за базовое определение понятия *компетентности* принимают разные дефиниции. Например, приведем определение, данное А. М. Новиковым: «Компетентность – это самостоятельно реализуемая способность к практической деятельности, к решению жизненных проблем, основанная на приобретенных обучающимся учебном и жизненном опыте, его ценностях и склонностях» [10].

Э. Ф. Зеер пишет: «Компетентности – это содержательные обобщения теоретических и эмпирических знаний, представленных в форме понятий, принципов, смыслообразующих положений. Компетентности теоретического уровня обобщения отражают внутренние связи и отношения предметов и явлений действительности, их конкретизация выражается в понятиях, законах, принципах» [21]. Или еще более близкое предмету изучения в нашем случае: «Компетентность – это сформированное ядро знаний, навыков и умений фундаментального и специального («профильного») характера плюс сформиро-

¹ Согласованность понимается как единомыслие, общность точек зрения, единые и дружеские отношения.

ванное творческое инженерное мышление и готовность их применения для решения задач профессиональной деятельности» [22].

Попробуем объяснить, что скрывается за этими определениями. Ситуация сегодняшнего времени такова: работодатель предъявляет определенные требования к *профессиональной компетентности* специалиста, а учебная деятельность – это *квазипрофессиональная деятельность*, в результате которой студент не сможет в полном объеме приобрести все профессиональные компетенции. Следовательно, понимая это, работодатель вынужден будет принимать активное участие в преобразовании квазипрофессионального принципа обучения студентов в вузе через наполнение его практическими элементами (знанием), инновациями сегодняшнего времени с учетом таких факторов, как:

- смещение акцента подготовки специалиста с узкой специальной на фундаментальную профессиональную подготовку (что означает познание и понимание);
- проектирование блочно-модульных и модульно-тестовых технологий обучения (что означает знание «как действовать»);
- ориентация не только на практическую, но и расчетно-проектную и другие виды работ (что означает знание «как быть»).

Одной из причин, которая заставляет принимать такие решения, по нашему мнению, является сокращение длительности жизненного цикла новой техники (сроки морального старения техники и технологий, по оценкам специалистов, даже не укладываются в сроки подготовки специалиста). Конечно же, есть и другие причины, но мы обратили внимание на чисто специфическую составляющую инженерной подготовки.

На вопрос, что делать, когда современной экономикой не востребованы специалисты инженерного профиля нового, инновационного типа, ответ должен быть один – двигаться вперед, навстречу опережающему развитию инженерного образования, преодолевая давление работодателей и повышая свою конкурентоспособность. Если специалист научится решать нетиповые, нестандартные задачи, опираясь на фундаментальные знания, то он найдет свое место в жизни и будет востребован любой экономикой.

Второй признак влечения времени рассмотрим во второй части.

Список литературы

1. **Волков, А.** Высшее образование: повестка 2008–2016 / А. Волков, Д. Ливанов, А. Фурсенко. – 2008. – URL: http://www.bonsk.ru/articles.php?cat_id=62&id=365.
2. **Куприянова, Г. С.** Дидактические материалы к изучению дисциплин тепло-энергетического цикла: модульно-тестовые технологии : учеб. пособие / Г. С. Куприянова, А. С. Мещеряков ; под ред. А. С. Мещерякова. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2012. – 188 с.
3. Послание Президента Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 года. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/17118>.
4. **Вишнякова, С. М.** Профессиональное образование: Ключевые понятия и термины, актуальная лексика : словарь / С. М. Вишнякова. – М. : НМЦ СПО, 1999. – 538 с.
5. **Байденко, В. И.** Компетенции в профессиональном образовании: К освоению компетентностного подхода / В. И. Байденко // Высшее образование в России. – 2004. – № 11. – С. 3–13.

6. **Фролов, Ю. В.** Компетентностная модель как основа оценки качества подготовки специалистов / Ю. В. Фролов, Д. А. Махотин // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 8. – С. 34–41.
7. **Равен, Дж.** Педагогическое тестирование: Проблемы, заблуждения, перспективы / Дж. Равен. – М. : Когито-Центр, 2001. – 396 с.
8. **Равен, Дж.** Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация / Дж. Равен. – М. : Когито-Центр, 2002. – 400 с.
9. **Громкова, М. Т.** Психология и педагогика профессиональной деятельности : учеб. пособие для вузов / М. Т. Громкова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 415 с.
10. **Новиков, А. М.** Постиндустриальное образование / А. М. Новиков. – М. : Эгвес, 2008. – 136 с.
11. **Рамендик, Д. М.** Психология и психологический практикум / Д. М. Рамендик, О. В. Одинцова. – М. : Химия, КолосС, 2004. – 240 с.
12. **Воронина, Т.** Управление инновациями в сфере образования / Т. Воронина, О. Молчанова, А. Абрамешин // Высшее образование в России. – 2001. – № 6. – С. 3–12.
13. Инновационное образование / В. Е. Шукшунов, В. Ф. Взятыйшев, А. А. Савельев, Л. И. Романкова // Высшее образование в России. – 1994. – № 2. – С. 13–28.
14. От осознания парадигмы к образовательной практике / В. Е. Шукшунов, В. Ф. Взятыйшев, Л. И. Романкова, В. Сергиевский // Высшее образование в России. – 1995. – № 3. – С. 35–44.
15. Университетское техническое образование: концептуальные основы / В. Е. Шукшунов, В. Лозовский, М. Буланова-Топоркова, Г. Сучков // Высшее образование в России. – 2004. – № 10. – С. 19–30.
16. **Хуторской, А. В.** Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения / А. В. Хуторской. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – С. 11.
17. **Логун, К. А.** Проблемы и перспективы компетентностного подхода: новые стандарты высшего профессионального образования / К. А. Логун. – Магадан : ГОУ ВПО «РГГУ», 2010. – С. 1–10.
18. **Белкин, В. В.** Компетентностный подход к образованию / В. В. Белкин. – URL: [http://www/edit.muh.zu/content/mag/tzudy/01/2010/04.pdf](http://www.edit.muh.zu/content/mag/tzudy/01/2010/04.pdf).
19. **Костикова, Л. П.** Современное образование с позиций диалогового подхода / Л. П. Костикова // Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской академии образования. – 2008. – № 4 (52). – С. 4.
20. **Шевандрин, Н. И.** Социальная психология в образовании : учеб. пособие / Н. И. Шевандрин. – М. : ВЛАДОС, 1995. – Ч. 1. Концептуальные и прикладные основы социальной психологии. – 544 с.
21. **Зеер, Э. Ф.** Психология профессионального образования : учеб. для студентов вузов / Э. Ф. Зеер. – М. : Академия, 2009. – 384 с.
22. **Соснин, Н. В.** Компетентностный подход в инновационном инженерном образовании : моногр. / Н. В. Соснин. – Красноярск : ИПЦ КГТУ, 2006. – 182 с.

References

1. **Volkov, A.** Vyshee obrazovanie: povestka 2008–2016 / A. Volkov, D. Livanov, A. Fursenko. – 2008. – URL: http://www.bonsk.ru/articles.php?cat_id=62&id=365.
2. **Kupriyanova, G. S.** Didakticheskie materialy k izucheniyu distsiplin teplo-energeticheskogo tsikla: modul'no-testovye tekhnologii : ucheb. posobie / G. S. Kupriyanova, A. S. Meshcheryakov ; pod red. A. S. Meshcheryakova. – Penza : Izd-vo PGU, 2012. – 188 s.
3. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu ot 12 dekabrya 2012 goda. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/17118>.
4. **Vishnyakova, S. M.** Professional'noe obrazovanie: Klyuchevye ponyatiya i terminy, aktual'naya leksika : slovar' / S. M. Vishnyakova. – М. : NMTs SPO, 1999. – 538 s.

5. **Baydenko, V. I.** Kompetentsii v professional'nom obrazovanii: K osvoeniyu kompetentnostnogo podkhoda / V. I. Baydenko // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2004. – № 11. – S. 3–13.
6. **Frolov, Yu. V.** Kompetentnostnaya model' kak osnova otsenki kachestva podgotovki spetsialistov / Yu. V. Frolov, D. A. Makhotin // Vysshee obrazovanie segodnya. – 2004. – № 8. – S. 34–41.
7. **Raven, Dzh.** Pedagogicheskoe testirovanie: Problemy, zabluzhdeniya, perspektivy / Dzh. Raven. – M. : Kogito-Tsentr, 2001. – 396 s.
8. **Raven, Dzh.** Kompetentnost' v sovremennom obshchestve: vyyavlenie, razvitie i realizatsiya / Dzh. Raven. – M. : Kogito-Tsentr, 2002. – 400 s.
9. **Gromkova, M. T.** Psikhologiya i pedagogika professional'noy deyatel'nosti : ucheb. posobie dlya vuzov / M. T. Gromkova. – M. : YuNITI-DANA, 2003. – 415 s.
10. **Novikov, A. M.** Postindustrial'noe obrazovanie / A. M. Novikov. – M. : Egves, 2008. – 136 s.
11. **Ramendik, D. M.** Psikhologiya i psikhologicheskiiy praktikum / D. M. Ramendik, O. V. Odintsova. – M. : Khimiya, KolosS, 2004. – 240 s.
12. **Voronina, T.** Upravlenie innovatsiyami v sfere obrazovaniya / T. Voronina, O. Molchanova, A. Abrameshin // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2001. – № 6. – S. 3–12.
13. Innovatsionnoe obrazovanie / V. E. Shukshunov, V. F. Vzyatyshev, A. A. Savel'ev, L. I. Romankova // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 1994. – № 2. – S. 13–28.
14. Ot osoznaniya paradigmy k obrazovatel'noy praktike / V. E. Shukshunov, V. F. Vzyatyshev, L. I. Romankova, V. Sergievskiy // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 1995. – № 3. – S. 35–44.
15. Universitetskoe tekhnicheskoe obrazovanie: kontseptual'nye osnovy / V. E. Shukshunov, V. Lozovskiy, M. Bulanova-Toporkova, G. Suchkov // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2004. – № 10. – S. 19–30.
16. **Khutorskoy, A. V.** Didakticheskaya evristika. Teoriya i tekhnologiya kreativnogo obucheniya / A. V. Khutorskoy. – M. : Izd-vo MGU, 2003. – S. 11.
17. **Logun, K. A.** Problemy i perspektivy kompetentnostnogo podkhoda: novye standarty vysshego professional'nogo obrazovaniya / K. A. Logun. – Magadan : GOU VPO «RGGU», 2010. – S. 1–10.
18. **Belkin, V. V.** Kompetentnostnyy podkhod k obrazovaniyu / V. V. Belkin. – URL: <http://www/edit.muh.zu/content/mag/tzudy/01/2010/04.pdf>.
19. **Kostikova, L. P.** Sovremennoe obrazovanie s pozitsiy dialogovogo podkhoda / L. P. Kostikova // Obrazovanie i nauka. Izvestiya Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii obrazovaniya. – 2008. – № 4 (52). – S. 4.
20. **Shevandrin, N. I.** Sotsial'naya psikhologiya v obrazovanii : ucheb. posobie / N. I. Shevandrin. – M. : VLADOS, 1995. – Ch. 1. Kontseptual'nye i prikladnye osnovy sotsial'noy psikhologii. – 544 s.
21. **Zeer, E. F.** Psikhologiya professional'nogo obrazovaniya : ucheb. dlya studentov vuzov / E. F. Zeer. – M. : Akademiya, 2009. – 384 s.
22. **Sosnin, N. V.** Kompetentnostnyy podkhod v innovatsionnom inzhenernom obrazovanii : monogr. / N. V. Sosnin. – Krasnoyarsk : IPTs KGTU, 2006. – 182 s.

Мещеряков Анатолий Семенович

доктор педагогических наук, профессор,
кафедра сварочного, литейного
производства и материаловедения,
Пензенский государственный
университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

Meshcheryakov Anatoliy Semenovich

Doctor of pedagogical sciences, professor,
sub-department of welding, casting
production and materials science,
Penza State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

E-mail: metal@pnzgu.ru

Куприянова Галина Сергеевна
аспирант, Пензенский
государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

Kupriyanova Galina Sergeevna
Postgraduate student,
Penza State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

E-mail: sunlight84.2006@rambler.ru

УДК 378

Мещеряков, А. С.

Компетентность и модульность как векторы обновления профессиональной подготовки специалистов инженерного профиля: инновационный аспект (часть 1) / А. С. Мещеряков, Г. С. Куприянова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 140–150.

С. Г. Разуваев

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ
БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ
В УСЛОВИЯХ МНОГОУРОВНЕВОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
КОМПЛЕКСА: УРОВНИ, УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ,
ЭТАПЫ И КРИТЕРИИ**

Аннотация. Рассматриваются некоторые аспекты профессиональной социализации будущих специалистов технического профиля в условиях многоуровневого образовательного комплекса. Дается характеристика: уровней системы профессиональной социализации обучающихся; условий эффективности профессиональной социализации в условиях МОК; этапов и критериев профессиональной социализации будущих специалистов технического профиля в условиях МОК.

Ключевые слова: профессиональная социализация, уровни профессиональной социализации, условия профессиональной социализации, этапы и критерии профессиональной социализации.

S. G. Razuvaev

**PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF A FUTURE
ENGINEERING SPECIALIST IN CONDITIONS
OF MULTILEVEL EDUCATIONAL COMPLEX: LEVELS,
EFFECIENCY CONDITIONS, STAGES AND CRITERIA**

Abstract. Professional socialization of future technical specialists in the multi-level educational complex is presented in this article. The author characterizes the levels of professional socialization system and the efficiency conditions of professional socialization in the multi-level educational complex. The author also gives the definition of the stages and the criteria of professional socialization of future technical specialists in the multi-level educational complex.

Key words: professional socialization, levels of professional socialization, efficiency conditions of professional socialization, stages and criteria of professional socialization.

Профессиональная социализация рассматривается нами как развитие и самореализация человека в процессе усвоения и воспроизводства профессиональной культуры [1].

Комплексное исследование процесса профессиональной социализации будущих специалистов технического профиля в условиях многоуровневого образовательного комплекса привело к необходимости моделирования процесса профессиональной социализации. При этом под многоуровневым образовательным комплексом (МОК) нами понимается открытая многофункциональная образовательная система, интегрирующая учреждения профессионального образования и образовательные подразделения разного уровня с преемственностью и взаиморазвитием в содержании и технологиях образования при реализации вариативных образовательных программ начального, среднего, высшего, послевузовского профессионального образования и дополнительного профессионального образования [2].

Моделирование, будучи ключевой технологией исследования сложных систем, функционирующих под воздействием большого числа внутренних и внешних факторов, в педагогике представляет собой качественное и количественное описание структуры и свойств педагогических объектов. К педагогическим моделям предъявляются требования ингерентности (согласованность создаваемой модели со средой, в которой ей предстоит функционировать), простоты (доступность идей, заложенных в модели, каждому субъекту, участвующему в ее реализации), адекватности (возможность с помощью модели достичь поставленной цели в соответствии со сформулированными критериями).

При построении модели профессиональной социализации необходимо выявить и описать следующие ее составляющие: уровни системы профессиональной социализации обучающихся в МОК; уровни системы профессиональной социализации обучающихся в учебно-профессиональной деятельности; комплекс условий эффективности профессиональной социализации; этапы профессиональной социализации и их содержания; критерии профессиональной социализации будущих специалистов.

На рис. 1 представлена иерархия уровней системы профессиональной социализации обучающихся в МОК.

Рис. 1. Уровни системы профессиональной социализации обучающихся в многоуровневом образовательном комплексе

Модельная система рассматривается как иерархия соответствующих систем всех уровней образовательного процесса в МОК: система профессиональной социализации обучающихся на уровне многоуровневого образовательного комплекса в целом; система профессиональной социализации внутри структурных подразделений МОК, реализующих программы разных уровней.

ней (НПО, СПО, ВПО, послевузовское и дополнительное профессиональное образование); система профессиональной социализации на уровне образовательных подразделений (факультетов, центров, отделений), входящих в МОК; система профессиональной социализации на уровне интегрированных образовательных программ; система профессиональной социализации на уровне предметных областей; система профессиональной социализации на уровне личности обучающегося. Иерархические связи названных уровней основаны на принципах системности, маневренности, дополнительности. Интеграция уровней профессионального образования рассматривалась в процессе моделирования не просто как их суммирование, а как единство, целостность, обладающая общим функциональным качеством.

На рис. 2 представлены уровни профессиональной социализации будущих специалистов в важнейшей составляющей образовательного процесса МОК – учебно-профессиональной деятельности. Таким образом, модель на данном рисунке является частной по отношению к модели, представленной на рис. 1. При этом в левой части модели помещена содержательная, а в правой – организационная основа уровней профессиональной социализации студентов МОК в их учебно-профессиональной деятельности.

Рис. 2. Уровни системы профессиональной социализации обучающихся в учебно-профессиональной деятельности

В ходе исследования выявлен ряд условий эффективности профессиональной социализации будущих специалистов в условиях МОК. Определяющим, генеральным условием успешности профессиональной социализации студентов МОК является педагогически целесообразная амплификация их деятельности, общения и самосознания. Реализовать это определяющее условие призван комплекс частных взаимосвязанных условий: 1) достижение высокого уровня интеграционных процессов, состояний и свойств в образовательном процессе МОК; 2) преемственность содержания, форм и методов профессиональной социализации на всех уровнях профессионального образования; 3) организация воспитательного пространства МОК с акцентом на профессионализацию студентов; 4) утверждение концепта соподчиненности профессиональной и культурной социализации; 5) широкое внедрение информационных технологий в образовательный процесс МОК; 6) интегрированная система управления и самоуправления в многоуровневом образовательном комплексе; 7) оптимизация социально-педагогического и психологического сопровождения профессиональной социализации студентов; 8) реализация компетентного подхода к профессиональной социализации на основе интегративных процессов в системе МОК.

Профессиональная социализация личности – длительный процесс, протекающий поэтапно; на каждом из этапов происходят конкретные преобразования в профессиональных и личностных качествах обучающихся.

Выделены следующие этапы профессиональной социализации и их содержание:

I этап – осознание личностью «запускающей» роли образования в формировании профессиональной и жизненной карьеры; активизация стремления к самоутверждению в образовательной деятельности; формирование способности к рефлексии своих возможностей в процессе профессионального обучения;

II этап – формирование реалистичного представления о профессии, понимания социальной значимости избираемой профессии; активизация субъектной позиции в решении задач профессионального образования; начало смены познавательной мотивации на профессиональную;

III этап – актуализация личностного смысла профессиональной деятельности; развитие субъектности и автономности студента в профессиональной подготовке; приобретение рефлексии практического опыта в выбранной сфере труда во время практики;

IV этап – интенсификация освоения специальных и профессиональных умений; становление чувства уверенности в себе в выполнении будущей профессиональной деятельности; продолжение формирования и утверждения профессионально-ценностных ориентаций;

V этап – готовность к продуктивному исполнению многообразных функций на уровне специальности; сформированность ценностно-смысловой стороны профессиональной социализации; стремление к профессиональному успеху; готовность к профессиональному саморазвитию.

Успешное прохождение всех этапов, появление в личностной структуре новообразований, присущих каждому этапу, должно привести в конечном итоге к появлению интегрального качества будущего специалиста – социально-профессиональной компетентности.

Выделенные этапы не привязаны к традиционной «пятилетке» очной формы обучения, существовавшей до недавнего времени. Их прохождение зависит от выбранного конкретной личностью образовательного маршрута в рамках многоуровневой подготовки. Задача педагогического сопровождения – отслеживать актуализацию тех или иных личностно-профессиональных новообразований в соответствии с данным образовательным маршрутом и при необходимости осуществлять педагогическую поддержку для их актуализации у личности.

Результативный блок (рис. 3) содержит описание критериев оценки эффективности профессиональной социализации обучающихся в МОК. Сложная структура профессиональной социализации личности обусловила комплексный характер критериального аппарата оценки ее эффективности. Критерии успешной профессиональной социализации разделены нами на три блока: *учебно-профессиональные, социальные и личностные*.

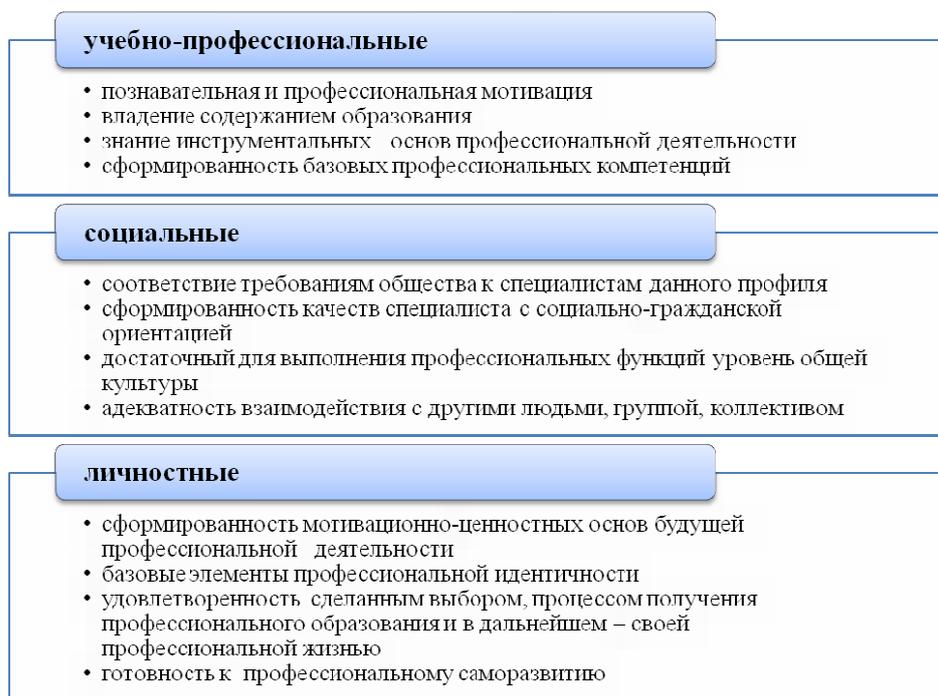

Рис. 3. Критерии профессиональной социализации личности

К *учебно-профессиональным* критериям отнесены: познавательная и профессиональная мотивация; владение содержанием образования; знание инструментальных основ профессиональной деятельности; сформированность профессиональных компетенций. Группу *социальных* критериев составили: соответствие требованиям общества к специалистам данного профиля; сформированность качеств специалиста с социально-гражданской ориентацией; достаточный для выполнения профессиональных функций уровень общей культуры; адекватность взаимодействия человека с другими людьми, коллективом. В комплекс *личностных* критериев включены: сформированность мотивационно-ценностных основ профессиональной деятельности; базовые элементы профессиональной идентичности; удовлетворенность сделанным

выбором, процессом получения профессионального образования и в дальнейшем (проспективная рефлексия) – своей профессиональной жизнью; готовность к профессиональному саморазвитию. Моделирование, будучи ключевой технологией исследования сложных систем, функционирующих под воздействием большого числа внутренних и внешних факторов, в педагогике представляет собой качественное и количественное описание структуры и свойств педагогических объектов. К педагогическим моделям предъявляются требования ингерентности (согласованность создаваемой модели со средой, в которой ей предстоит функционировать), простоты (доступность идей, заложенных в модели, каждому субъекту, участвующему в ее реализации), адекватности (возможность с помощью модели достичь поставленной цели в соответствии со сформулированными критериями).

При планировании и проведении экспериментального исследования эти критерии были положены в основу диагностических процедур, сопровождающих педагогически управляемый процесс профессиональной социализации будущих специалистов.

Список литературы

1. **Разуваев, С. Г.** Профессиональная социализация и профессионализация в системе высшего образования / С. Г. Разуваев // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. – 2012. – № 4. – С. 25–28.
2. **Разуваев, С. Г.** Профессиональная социализация личности в условиях многоуровневого образовательного комплекса : моногр. / С. Г. Разуваев. – Пенза : Пензенская государственная технологическая академия, 2012. – 179 с.

References

1. **Razuvaev, S. G.** Professional'naya sotsializatsiya i professionalizatsiya v sisteme vysshego obrazovaniya / S. G. Razuvaev // *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)*. – 2012. – № 4. – S. 25–28.
2. **Razuvaev, S. G.** Professional'naya sotsializatsiya lichnosti v usloviyakh mnogo-urovneвого obrazovatel'nogo kompleksa : monogr. / S. G. Razuvaev. – Penza : Penzenskaya gosudarstvennaya tekhnologicheskaya akademiya, 2012. – 179 s.

Разуваев Станислав Геннадьевич
кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра педагогики и психологии
высшей школы, Пензенская
государственная технологическая
академия
(г. Пенза, проезд Байдукова, 1а)

E-mail: sts@pgta.ru

Razuvaev Stanislav Gennad'evich
Candidate of pedagogical sciences,
associate professor, sub-department
of pedagogy and psychology
of higher school, Penza State
Technological Academy
(Penza, 1a Baydukova passage)

УДК 378.4

Разуваев, С. Г.

Профессиональная социализация будущего специалиста технического профиля в условиях многоуровневого образовательного комплекса: уровни, условия эффективности, этапы и критерии / С. Г. Разуваев // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2013. – № 1 (25). – С. 151–156.

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ СПЕЦИАЛИСТОВ СФЕРЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ

Аннотация. Приведена структура коммуникативных умений специалистов сферы обслуживания, включающая: диалогово-речевые, информационно-технологические, аудиоконтактные, аналитико-управленческие, оценочно-рефлексивные группы умений. Рассмотрены этапы их формирования: мотивационно-целевой, когнитивно-деятельностный, профессионально-деятельностный, оценочно-рефлексивный. Приведены результаты формирования коммуникативных умений, полученные в процессе критериально-диагностической оценки.

Ключевые слова: коммуникативные умения, специалисты сферы обслуживания, этапы формирования коммуникативных умений.

A. A. Tolsteneva, E. N. Galkina

FORMATION STAGES OF SERVICE SPECIALIST'S COMMUNICATIVE SKILLS

Abstract. The article describes a structure of communicative skills including as follows: dialogue and speech, information and technological, audio-contact, analyst-administrative, estimated and reflective. The authors also consider the stages of formation of communicative skills of service sector specialists: motivational and target, cognitive activity, professional activity, estimated and reflective. The work adduces the results of formation of communicative skills obtained in the course of a criterion-diagnostic assessment.

Key words: communicative skills, services sector specialists, stages of formation of communicative skills.

На современном этапе развития общества происходят социальные и экономические преобразования, которые затрагивают все сферы деятельности человека. Рыночные отношения стимулируют потребность в высококвалифицированных специалистах.

Подготовкой специалистов среднего звена занимается система профессионального образования. Одним из направлений профессиональной подготовки специалистов является сфера обслуживания. К специалистам сферы обслуживания относятся люди следующих областей деятельности: жилищно-коммунальной, страховой, торговой, туристической, сферы индустрии питания и др.

Специалисты сферы обслуживания – это работники, деятельность которых связана с процессом коммуникации. Поэтому в процессе обучения таких специалистов необходимо уделить внимание процессу формирования коммуникативных умений.

Коммуникативные умения специалистов сферы обслуживания – это составляющая профессиональных умений, совокупность осознанных, целенаправленных, освоенных, умственных и практических действий на основе продуктивного применения знаний о профессиональной деятельности специалистов сферы обслуживания, функций и структуры общения, основных техник коммуникации, обеспечивающих реализацию следующих видов дея-

тельности: организация питания, организация обслуживания, маркетинговая деятельность, контроль качества продукции и услуг, выполнение работ по рабочим профессиям и должностям служащих в организациях общественного питания.

Структура коммуникативных умений включает в себя: диалогово-речевые, информационно-технологические, аудиоконтактные, аналитико-управленческие, оценочно-рефлексивные умения.

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что проблема формирования коммуникативных умений у различных специалистов сферы обслуживания исследовалась в работах Н. В. Паркиной [1], З. И. Павицкой [2], Е. Н. Рыдановой [3] и других, однако вопросы формирования коммуникативных умений у будущих специалистов индустрии питания рассмотрены не достаточно полно, в то время как к таким специалистам предъявляются высокие требования.

Процесс формирования коммуникативных умений у будущих специалистов сферы обслуживания включает в себя несколько этапов: мотивационно-целевой, когнитивно-деятельностный, профессионально-деятельностный, оценочно-рефлексивный (рис. 1).

Рис. 1. Этапы формирования коммуникативных умений у будущих специалистов сферы обслуживания

Мотивационно-целевой этап обеспечивает развитие мотивации к формированию коммуникативных умений у будущих специалистов сферы обслуживания через знакомство студентов с особенностями будущей профессиональной деятельности, развитие потребностей к коммуникации; это этап предварительного ознакомления с системой формирования коммуникативных умений.

На *когнитивно-деятельностном этапе* осуществлялся процесс изучения и применения в учебном процессе техник коммуникации.

Курс «Сфера профессиональной коммуникации» позволяет студентам изучить основы техник коммуникации и особенности общения специалистов сферы обслуживания.

Структура курса включает:

- понятие профессиональной коммуникации;
- особенности профессионального общения специалистов сферы обслуживания;
- профессиональную коммуникацию в трудовом коллективе;
- способы решения конфликтных ситуаций в профессиональной деятельности.

В большую часть курса введены практические занятия, представляющие собой решение проблемных ситуаций, участие в тренингах и выполнение практических работ; методическое обеспечение состоит из рабочей программы курса «Сфера профессиональной коммуникации» и системы индивидуальных заданий, направленных на решение конфликтных ситуаций между начальником и подчиненным, на разработку алгоритма ведения беседы с работниками, нарушающими трудовую дисциплину, с клиентами, которым требуется помощь менеджера.

Формирование коммуникативных умений происходит на теоретических занятиях при изучении общеобразовательных дисциплин на первом и втором курсах и общепрофессиональных или специальных дисциплин на втором курсе («Психология и этика деловых отношений», «Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации и др.).

На *профессионально-деятельностном этапе* происходит формирование коммуникативных умений в условиях профессиональной деятельности, созданной и востребованной предприятиями – социальными партнерами. Деятельность реализуется через участие в мастер-классах, тренингах и при прохождении практики [4].

На *оценочно-рефлексивном этапе* осуществляются оценка и самооценка сформированности коммуникативных умений специалистов сферы обслуживания, который включает в себя выполнение заданий и упражнений на теоретических, производственных занятиях, во время внеаудиторной работы, а также показывает возможности реализации в профессиональной деятельности.

Формирование и оценка коммуникативных умений у студентов происходят при изучении конкретных дисциплин (табл. 1).

С целью оценки сформированности коммуникативных умений будущих специалистов сферы обслуживания в исследовании выделены три уровня сформированности: высокий, средний, базовый.

Перечисленные уровни включают в себя следующие показатели:

- высокий уровень: постоянная мотивация к процессу формирования коммуникативных умений; владение всеми видами коммуникативных умений

при решении проблемных задач; на практике коммуникативные умения реализуются осознанно, самостоятельно и без ошибок; объективная самооценка уровня сформированности всех видов коммуникативных умений;

– средний: слабо выраженная мотивация к процессу формирования коммуникативных умений; поверхностное понимание сущности процесса коммуникации; несистемное владение коммуникативными умениями (только в процессе учебной деятельности); объективная самооценка уровня сформированности отдельных видов коммуникативных умений;

– базовый: несистемная мотивация к процессу формирования коммуникативных умений; владение отдельными видами или частичное владение всеми видами коммуникативных умений; на практике коммуникативные умения реализуются неосознанно, с ошибками; неспособность объективно оценить уровень сформированности коммуникативных умений.

Таблица 1

Соотнесение вида коммуникативного умения к дисциплинам,
на которых они формируются

Вид коммуникативного умения	Дисциплины, на которых происходит формирование коммуникативного умения
Диалогово-речевые (умение правильно строить письменную и устную речь, грамотно строить диалог с персоналом, тактично беседовать с клиентом и др.)	«Русский язык и культура речи», «Психология и этика деловых отношений», «Сфера профессиональной коммуникации», «Введение в специальность»
Информационно-технологические (умение преподносить персоналу информацию об организации работ по обслуживанию клиентов, о работе производства, о контроле соблюдения технологического процесса производства и др.)	«Сфера профессиональной коммуникации», «Организация обслуживания в организациях общественного питания», «Контроль качества продукции и услуг общественного питания», «Маркетинг в организациях общественного питания», «Иностранный язык в профессиональной коммуникации»
Аудиоконтактные (умение выслушать клиента, оценить качество обслуживания и предложения по его повышению и др.)	Общеобразовательные дисциплины («Русский язык», «Литература», «Естествознание» и др.), «Сфера профессиональной коммуникации», «Психология и этика деловых отношений»
Аналитико-управленческие (умение анализировать производственные ситуации, регулировать производственные конфликты, устанавливать доверительный контакт с персоналом и клиентами и др.)	«Психология и этика деловых отношений», «Сфера профессиональной коммуникации»
Оценочно-рефлексивные (умение оценить ответную реакцию собеседника, контролировать эффективность общения на основе установления обратной связи, корректировать техники общения и др.)	«Психология и этика деловых отношений», «Сфера профессиональной коммуникации»

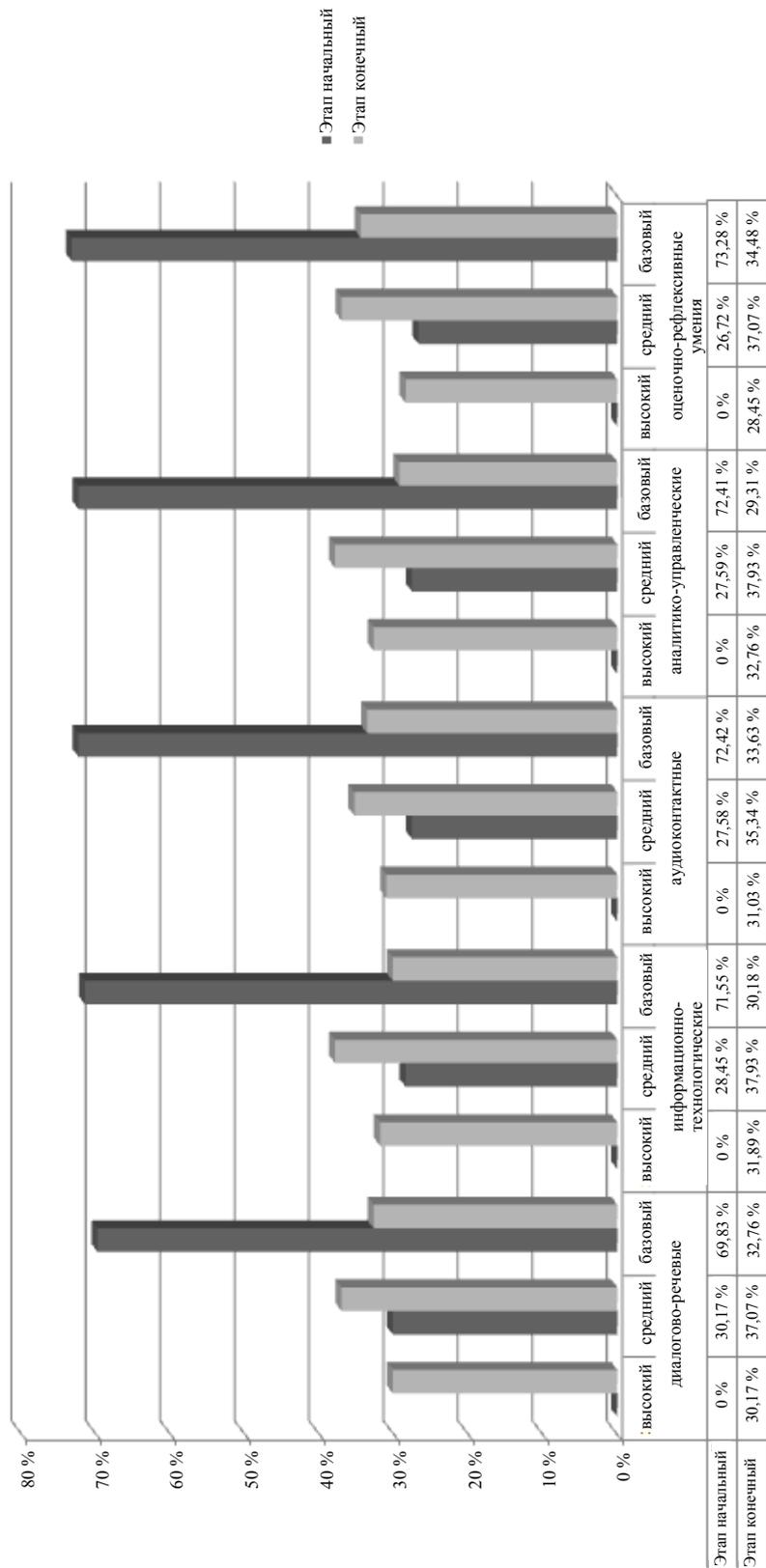

Рис. 2. Результаты уровня сформированности видов коммуникативных умений у будущих специалистов сферы обслуживания в экспериментальной группе

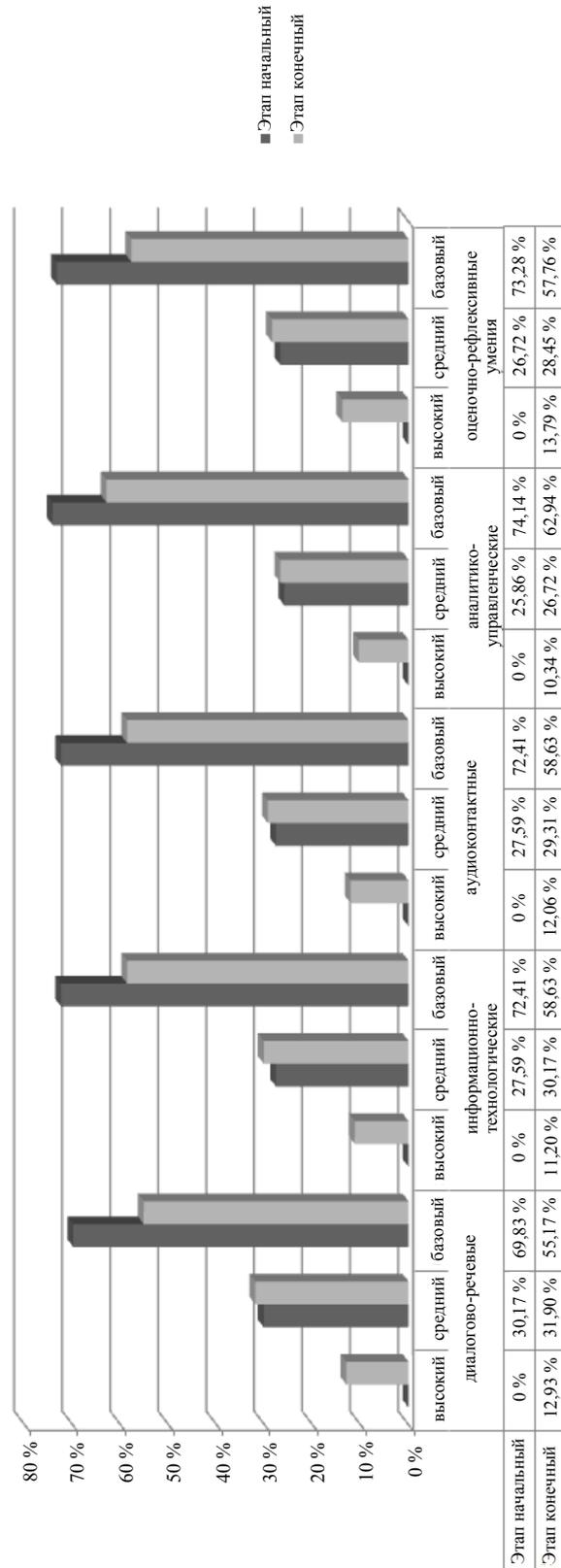

Рис. 3. Результаты уровня сформированности видов коммуникативных умений у будущих специалистов сферы обслуживания в контрольной группе

Результаты сформированности видов коммуникативных умений были получены при проведении педагогического эксперимента на базе Института пищевых технологий – Нижегородского филиала ГБОУ ВПО «Нижегородский государственный инженерно-экономический институт», уровень сформированности был определен у 116 студентов, обучающихся по специальности «Организация обслуживания в общественном питании», с помощью оценки выполнения тестовых заданий, мастер-классов, участия в научных конференциях, при выполнении тематических практических заданий, отзывов работодателей (рис. 2, 3).

Как видно из рисунков, на начальном этапе в экспериментальной и контрольной группах высокого уровня сформированности коммуникативных умений у будущих специалистов сферы обслуживания не выявлено; на конечном этапе, при сравнении результатов экспериментальной и контрольной групп, определено, что в экспериментальной группе количество будущих специалистов сферы обслуживания с высоким уровнем сформированности коммуникативных умений увеличилось в среднем в два раза, со средним уровнем количество будущих специалистов сферы обслуживания в обеих группах приблизительно одинаковое, с базовым уровнем количество будущих специалистов сферы обслуживания в случае экспериментальной группы уменьшилось в 1,5–2 раза.

На основе анализа результатов уровня сформированности видов коммуникативных умений у будущих специалистов сферы обслуживания на начальном и конечном этапах можно сделать вывод о том, что поэтапное формирование коммуникативных умений является эффективным.

Список литературы

1. **Паркина, Н. В.** Методика работы над языковыми средствами выражения оценки в процессе коммуникативной подготовки юриста : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Паркина Н. В. – Ярославль, 2006. – 18 с.
2. **Павицкая, З. И.** Формирование коммуникативных умений студентов в условиях аудиторного обучения : дис. ... канд. пед. наук / Павицкая З. И. – Казань, 1999. – 175 с.
3. **Рыданова, Е. Н.** Формирование коммуникативных умений будущих инженеров в проектной деятельности : дис. ... канд. пед. наук / Рыданова Е. Н. – Волгоград, 2010. – 144 с.
4. **Решетникова, А. В.** Методология проведения мастер-классов, семинаров и тренингов / А. В. Решетникова. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2007. – 80 с.

References

1. **Parkina, N. V.** Metodika raboty nad yazykovymi sredstvami vyrazheniya otsenki v protsesse kommunikativnoy podgotovki yurista : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk / Parkina N. V. – Yaroslavl', 2006. – 18 s.
2. **Pavitskaya, Z. I.** Formirovanie kommunikativnykh umeniy studentov v usloviyakh auditornogo obucheniya : dis. ... kand. ped. nauk / Pavitskaya Z. I. – Kazan', 1999. – 175 s.
3. **Rydanova, E. N.** Formirovanie kommunikativnykh umeniy budushchikh inzhenerov v proektnoy deyatelnosti : dis. ... kand. ped. nauk / Rydanova E. N. – Volgograd, 2010. – 144 s.
4. **Reshetnikova, A. V.** Metodologiya provedeniya master-klassov, seminarov i treningov / A. V. Reshetnikova. – M. : GEOTAR-Media, 2007. – 80 s.

Толстенева Александра Александровна
доктор педагогических наук, профессор,
заведующая кафедрой общей инженерной
подготовки, Нижегородский
государственный педагогический
университет
(г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1)
E-mail: Tolstenev25@yandex.ru

Tolsteneva Aleksandra Aleksandrovna
Doctor of pedagogical sciences, professor,
head of sub-department of general
engineering training, Nizhny Novgorod
State Pedagogical University
(Nizhny Novgorod, 1 Ulyanova str.)

Галкина Елена Николаевна
аспирант, Нижегородский
государственный педагогический
университет
(г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1)
E-mail: elenadankova85@yandex.ru

Galkina Elena Nikolaevna
Postgraduate student, Nizhny Novgorod
State Pedagogical University
(Nizhny Novgorod, 1 Ulyanova str.)

УДК 377.5

Толстенева, А. А.

Этапы формирования коммуникативных умений специалистов сферы обслуживания / А. А. Толстенева, Е. Н. Галкина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 157–164.

Т. В. Забельская

РОЛЬ НАРОДНОГО ИСКУССТВА В НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация. Статья посвящена проблеме приобщения детей старшего дошкольного возраста к русскому народному искусству. На основании психолого-педагогических исследований рассмотрен вопрос о важности народного искусства в нравственном воспитании детей дошкольного возраста. Представлены результаты исследования умения применять различные виды народно-прикладного творчества (как самостоятельной комплексной отрасли народного искусства) в процессе изобразительной деятельности.

Ключевые слова: народное искусство, народное творчество, декоративно-прикладное искусство, нравственное воспитание.

Т. V. Zabel'skaya

THE ROLE OF FOLK ART IN THE MORAL EDUCATION OF PRESCHOOL CHILDREN

Abstract. The article is devoted to the problem of accustoming high school children to the Russian folk arts. On the basis of psychological-pedagogical research the author considers the importance of folk arts in moral education of preschool children. The article adduces the results of researching the ability to apply various types of folk applied arts (as an independent complex branch of folk arts) in the process of visual graphic activity.

Key words: folk arts, folk culture, decorative applied art, moral education.

Одной из важнейших задач, стоящих перед нашим обществом в настоящее время, является его духовное, нравственное возрождение, которое невозможно осуществить, не усваивая культурно-исторический опыт народа, закрепленный в произведениях народного искусства.

Теоретическую основу исследований народного искусства составляют труды Э. Е. Алексеева [1], В. Е. Гусева [2], М. А. Некрасовой [3], Е. Ю. Стрельцовой [2], в которых данный вид искусства рассматривается как самостоятельная комплексная отрасль культуры.

И. С. Бочарникова [4] определяет народное искусство как художественную коллективную творческую деятельность народа, отражающую его основные ценности жизни, воззрения, идеалы. Зародившееся в глубокой древности, оно является исторической основой всей мировой художественной культуры, источником национальных художественных традиций, выразителем народного самосознания. Все функции, выполняемые народным искусством, по своему характеру являются социальными, так как вне социума не может быть творческой деятельности, с помощью которой решаются эстетические и этические, образовательные задачи.

Исследователем предложена структура народного творчества, которая выглядит следующим образом:

– *традиционные формы* (архаический (традиционный) фольклор, бытовое художественное творчество);

– инновационные формы (неофольклор, фольклоризм, художественная самодеятельность).

Функциональное поле народного творчества можно представить следующим образом:

1. Приоритетные социально-ролевые начала (подфункции) различных жанров и направлений народного творчества.

2. Утилитарные функции: фольклор (сохранение, фиксация и трансляция опыта, ритуально-обрядовая, коммуникативная, этносоциализирующая), неофольклор (отбор традиций, этномаркирующая, пропаганда ценностей традиционной культуры, игровая, семиотическая и т.д.).

3. Эстетические функции: фольклоризм (сценическая модернизация традиций, гедонистическая, рекреационная и т.д.), художественная самодеятельность (образовательная, воспитательная, познавательная, аксиологическая, информационно-коммуникативная и т.д.).

В исследовании Л. И. Михайловой [5] говорится о народном искусстве как о сложном и многогранном явлении, которое, с одной стороны, представляет собой созидательную, творческую деятельность народа, в процессе которой появляются новые духовные и материальные ценности. Они зафиксированы и хранятся либо в народной памяти, либо в предметном виде (изделия декоративно-прикладного искусства, народного промысла, народная игрушка и т.п.), распространяются, осваиваются из поколения в поколение через устные способы передачи. С другой стороны, народное искусство – определенный способ деятельности с использованием музыкально-поэтического, игрового языка, техники исполнения и других средств выразительности, это и культура, содержащая в себе определенные знаки, символизирующие нормы и образцы жизнедеятельности.

Народная культура в разных своих проявлениях – народное творчество и искусство, народный быт и уклад жизни, мифология и предания, фольклор – стала объектом изучения многих педагогов в работе с детьми дошкольного возраста (Е. Н. Водовозова [6], Т. С. Комарова [6], Е. А. Флерина [6] и др.).

Период дошкольного детства является, как показали исследования педагогов и психологов (Л. А. Венгер [7], А. В. Запорожец [8], Т. С. Комарова [6], Н. П. Сакулина [6], наиболее сензитивным к восприятию народного искусства. «Народное искусство как проявление творчества народа близко по своей природе творчеству ребенка (простота, завершенность формы, обобщенность образа), именно поэтому оно близко восприятию ребенка, понятно ему» [6].

В научно-педагогической литературе, посвященной теории и практике воспитания средствами народного искусства, проблема формирования нравственных качеств личности занимает одно из ведущих мест. Поэтому приобщение детей к литературе, музыке, художественно-прикладному творчеству, зодчеству и другим видам народной культуры способствует не только укреплению национального сознания, сохранению исторических, культурных корней, но и формированию нравственной личности ребенка.

Исследования под руководством Т. С. Комаровой [6] доказывают, что наиболее эффективно культурологическое самосознание ребенка формируется в процессе художественно-эстетических практик. Данный процесс возможен на основе постоянного соприкосновения ребенка с оригинальными образцами народного искусства, говоря о котором, Н. П. Сакулина [6] в своих

исследованиях не раз отмечала следующее: «Народное декоративное искусство отвечает интересам детей старшего дошкольного возраста, дает богатую пищу их художественному восприятию, содействует развитию их этических переживаний и первых эстетических суждений».

Язык народного искусства не несет эклектики, он лаконичен, в нем заключается совершенство композиции. Т. Я. Шпикалова [6] отмечает и такую черту народного искусства, как праздничность и мажорность, отражающие полнокровное и оптимистическое восприятие мира.

Н. К. Гаранина [9] в своем исследовании указывает, что первым видом подлинного искусства для дошкольника выступает народное декоративно-прикладное творчество, и прежде всего народная игрушка, многосторонне формирующая нравственное отношение ребенка к окружающему миру. Результат воздействия всегда целостен и охватывает весь духовный мир развивающейся личности. Ребенок начинает осмысливать внешний мир в его гармоничной целостности и в своих отношениях к нему.

По мнению М. Н. Братухиной [10], произведения русского народного искусства через особую форму выражения отношения к воспринятой действительности, через богатую тематику, содержание разносторонне воздействуют на ребенка, учат образно мыслить, в обычном предмете или явлении видеть необычное, закладывают основы нравственной культуры, формируют уважение к результатам деятельности многих поколений и умение творчески применять полученный опыт в различных ситуациях. Словесное творчество народа представляет собой особый вид народного искусства, т.е. вид духовного освоения действительности человеком с целью творческого преобразования окружающего мира «по законам красоты». Через устное народное творчество ребенок не только овладевает родным языком, но и, осваивая его красоту, приобщается к культуре своего народа, получает первые уроки доброты.

Сходную позицию отстаивает Э. А. Музенитова [11]. Она отмечает, что устное народное творчество раскрывает целесообразную гармонию и красоту окружающего мира, те правила поведения, которые способствуют его сохранению. Одним из ведущих приоритетов воспитания ребенка является обращение к фольклору, который содержит знания о мире и способы отношения к нему, сложившиеся в культурно-историческом процессе и представленные в образной, метафоричной форме, доступной для восприятия дошкольников. Воспитательный потенциал фольклора заключен в глубинных процессах пробуждения позитивного отношения к миру, зафиксированного в лаконичной форме пословиц, поговорок, сказок, содержанием которых являются устойчивые образы, имеющие определенные качественные характеристики, вызывающие симпатию или антипатию и другие чувства.

В ходе исследования проблемы по формированию нравственных чувств у детей старшего дошкольного возраста средствами этнической культуры анализировались умения использовать разные виды народно-прикладного творчества (как самостоятельной комплексной отрасли народного искусства) в процессе изобразительной деятельности (на основе схемы анализа детских работ, предложенной Т. С. Комаровой), оценивалось содержание выполненного изображения, передача формы, композиция, цвет, ассоциативное восприятие пятна, изобразительные навыки, регуляция деятельности, уровень самостоятельности и творчества.

Исходя из перечисленных критериев оценки детских работ, было выявлено и охарактеризовано три уровня сформированности практических навыков изображения предметов декоративно-прикладного творчества: высокий, средний, низкий.

Высокий уровень: 17–21 балл.

У детей есть опыт восприятия разных жанров русского искусства. Усвоенные сведения, касающиеся особенностей русской культуры и ее проявлений говорят об использовании пословиц и поговорок, загадок, образных выражений, знании народных примет, характерных особенностей о предметах народного быта, фольклоре, народных праздниках. Дети знают названия праздников и умеют объяснить, что это за праздник и когда он бывает, имеют представления о народных промыслах (хохлома, городец, дымка, филимоновская игрушка, жостово, гжель, матрешки (семеновские, загорские, полховмайданские и др.)) и используют их элементы в своих работах. При анализе работ, выполненных детьми в ходе эксперимента, отмечен высокий уровень овладения умениями и навыками работы с декоративными композициями, использования средств выразительности для создания орнаментов.

Средний уровень: 9–16 баллов.

Дети знают названия предметов русского народного быта и костюма, могут объяснить их назначение, помнят русские народные загадки, образные выражения, знают названия некоторых народных праздников, но затрудняются объяснить их суть. Собственное отношение детей к тому, что они принадлежат именно к русской культуре, не сформировано, хотя усвоено то, что они – русские. В процессе рисования наблюдается фрагментарность представлений о возможности использовать такие средства выразительности, как выделение элементов узора, цвета, сочетания и композиции. В процессе выполнения задания дети стараются самостоятельно моделировать свою деятельность, обращаясь за незначительной помощью.

Низкий уровень: 0–8 баллов.

Дети знают некоторые загадки, приметы, назначение предметов русского народного быта (могут даже различать дымку, хохлому), но при этом не испытывают особого интереса к обогащению и углублению своих знаний. Оценки произведений русского искусства носят ситуативно-эмоциональный характер («нравится – не нравится»), отсутствует мотивация их восприятия. Дети выполняют те работы, для исполнения которых хватает минимальных технических навыков. Отмечены значительные искажения в передаче формы и цвета, непродуманность композиции.

В ходе экспериментальной работы было установлено, что на занятиях по изображению предметов декоративно-прикладного творчества 48 % детей обнаружили средний уровень развития изобразительных умений и навыков. Содержание выполненного изображения частично отображало компоненты выбранного для рисования вида росписи. При изображении отгадки дети отдавали предпочтение матрешке, дымковской барышне, предметам быта. Хотя все они имеют представление о таких промыслах, как гжель, хохлома, изображение их элементов отсутствует в рисунках. Данная особенность объясняется отсутствием непосредственного восприятия. Изображения детей не отличаются особой оригинальностью. При построении композиции рисунка прослеживается миниатюрное или увеличенное изображение предметов. Причем такая особенность может относиться не ко всему изображению,

а только к отдельным частям. Форма изображенных предметов передается с искажениями. Передавая элементы костюма матрешки, большинство детей изобразили платок, фартук, сарафан, а у дымковской барышни обязательно присутствовал кокошник.

В основном дети в своих работах используют яркие цвета. При украшении игрушек, предметов быта изображают элементы, соответствующие данному виду росписи, но в некоторых рисунках наблюдается несоответствие.

Исходя из вышеперечисленных особенностей детских работ, можно заключить, что необходимо последовательное и систематическое обучение детей рисованию предметов декоративно-прикладного творчества с использованием различных средств познания народной культуры, как на занятиях, так и в повседневной жизни.

Для определения реального отношения дошкольников к предметами народной культуры мы проанализировали результаты наблюдения за детьми в повседневной жизни, в педагогической ситуации.

При наблюдении были выделены следующие показатели.

Инициативность – отражает желание ребенка привлечь внимание сверстника к средствам народной культуры, побудить к совместной деятельности с предметами декоративно-прикладного искусства, к играм, фольклору и т.д. Проявляется заинтересованность к действиям других детей, умение разделить радость или огорчение.

Чувствительность к воздействиям сверстника – отражает желание и готовность ребенка воспринять его действия и откликнуться на предложения организовать или поддержать деятельность со средствами народной культуры. Проявляется в отношении ребенка к затруднительному положению партнера, в оказании помощи сверстникам, в отношении к успехам и неудачам ровесников во время данной деятельности.

Преобладающий чувственный фон – проявляется в чувственной окраске взаимодействия ребенка со сверстниками: позитивный, негативный.

В ходе наблюдения, в соответствии с выделенными показателями, было выявлено следующее.

56 % детей часто проявляют инициативу для привлечения к себе внимания сверстника, заинтересованность, пытаются организовать совместную деятельность с предметами народной культуры, но не бывают настойчивыми.

36 % детей активно включаются в совместную деятельность со сверстниками, предлагают различные варианты взаимодействия, что свидетельствует о заинтересованности, желании использовать в своей деятельности предметы народной культуры.

5 % детей редко проявляют активность, предпочитая выполнять поручения, указания других детей. Предметы народной культуры используют по рекомендации взрослых или более активных детей.

2 % детей не выступают инициаторами активных действий с предметами народной культуры, совместная деятельность если и возникает, то по инициативе более активных детей и носит эпизодический характер.

54 % детей охотно откликаются на инициативу сверстников, активно подхватывают их идеи, действия, касающиеся действий с предметами народной культуры. Проявление таких чувств, как симпатия, доброжелательность, отзывчивость, радость, отмечено по отношению к сверстникам в ситуациях

их успеха или неудач, при осуществлении какой-либо деятельности с данными предметами.

41 % детей внешне проявляют симпатию, дружеские чувства, но не всегда вступают во взаимодействие со сверстниками ввиду отсутствия определенных умений, навыков, качеств, необходимых для возникновения совместной деятельности с предметами народной культуры.

4 % детей проявляют заинтересованность в предложениях сверстников, но предпочитают индивидуальную деятельность в связи с личными чертами характера.

В ходе наблюдения выявлен позитивный преобладающий чувственный тон у 95 % дошкольников при взаимодействии с предметами народной культуры, а проявление по отношению к сверстникам в группе таких чувств, как недоброжелательность, эгоизм, антипатия, вызвано недостаточной сформированностью нравственных чувств, неумением найти подход к сверстнику.

Выводы ученых, проведенное нами исследование убедительно доказывают, что ознакомление с произведениями народного искусства пробуждает в детях первые яркие представления о Родине, ее культуре, способствует воспитанию нравственных чувств, приобщает к миру прекрасного.

Психолого-педагогические исследования доказывают, что народное искусство – это синтез ремесла и художественного творчества, поскольку вечные идеи, заложенные в народном искусстве, оттачивались сотнями поколений мастеров. В нем нашло отражение мировоззрение русского народа, включающее в себя мироощущение, миропонимание, миропринятие и миродействие. Не случайно в работах Т. С. Комаровой [6], О. А. Соломенниковой [6] называются такие черты народного творчества, как его жизнеутверждающее начало, демократизм, гуманизм, преображающее, творческое отношение к действительности, гармоничное сочетание эстетического и этического.

Эффективность воспитательных возможностей средств этнической культуры русского народа определяется их нравственным содержанием, социально-психологическими особенностями, влиянием на чувственный мир ребенка, что способствует в дальнейшем оправданию тех требований и ожиданий, которые ему предъявляет общество.

Список литературы

1. **Алексеев, Э. Е.** Фольклор в контексте современной культуры / Э. Е. Алексеев. – М. : Сов. композитор, 1988.
2. **Гусев, В. Е.** Эстетика фольклора / В. Е. Гусев. – Л., 1968.
3. **Некрасова, М. А.** Народное искусство как часть культуры / М. А. Некрасова. – М. : Изобразительное искусство, 1983.
4. **Бочарникова, И. С.** Народное творчество как социальный феномен в современном российском обществе / И. С. Бочарникова. – Майкоп : Изд-во АГУ, 2010.
5. **Михайлова, Н. Г.** Ориентация на традиционную культуру в современном народном творчестве / Н. Г. Михайлова. – М., 1997.
6. **Комарова, Т. С.** Народное искусство в воспитании детей / Т. С. Комарова. – М. : Рос. пед. агентство, 1997.
7. **Венгер, Л. А.** Психология / Л. А. Венгер, В. С. Мухина. – М. : Просвещение, 1988.
8. **Запорожец, А. В.** Психология восприятия сказки ребенком-дошкольником / А. В. Запорожец // Дошкольное воспитание. – 1948. – № 9.
9. **Гаранина, Н. К.** Приобщение дошкольников к народной культуре средствами декоративно-прикладного искусства (в условиях музея дошкольного учреждения) / Н. К. Гаранина. – М. : Экспо, 2010.

10. **Братухина, М. Н.** Устное народное творчество как средство формирования творческой активности детей 5–6 лет : дис. ... канд. пед. наук / Братухина М. Н. – М., 2000.
11. **Музентинова, Э. А.** Особенности толерантного мироотношения у дошкольников средствами фольклора / Э. А. Музентинова // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2009. – № 2.

References

1. **Alekseev, E. E.** Fol'klor v kontekste sovremennoy kul'tury / E. E. Alekseev. – М. : Sov. kompozitor, 1988.
2. **Gusev, V. E.** Estetika fol'klora / V. E. Gusev. – L., 1968.
3. **Nekrasova, M. A.** Narodnoe iskusstvo kak chast' kul'tury / M. A. Nekrasova. – М. : Izobrazitel'noe iskusstvo, 1983.
4. **Bocharnikova, I. S.** Narodnoe tvorchestvo kak sotsial'nyy fenomen v sovremennom rossiyskom obshchestve / I. S. Bocharnikova. – Maykop : Izd-vo AGU, 2010.
5. **Mikhaylova, N. G.** Orientatsiya na traditsionnuyu kul'turu v sovremenном narodnom tvorchestve / N. G. Mikhaylova. – М., 1997.
6. **Komarova, T. S.** Narodnoe iskusstvo v vospitanii detey / T. S. Komarova. – М. : Ros. ped. agentstvo, 1997.
7. **Venger, L. A.** Psikhologiya / L. A. Venger, V. S. Mukhina. – М. : Prosveshchenie, 1988.
8. **Zaporozhets, A. V.** Psikhologiya vospriyatiya skazki rebenkom-doshkol'nikom / A. V. Zaporozhets // Doshkol'noe vospitanie. – 1948. – № 9.
9. **Garanina, N. K.** Priobshchenie doshkol'nikov k narodnoy kul'ture sredstvami dekorativno-prikladnogo iskusstva (v usloviyakh muzeya doshkol'nogo uchrezhdeniya) / N. K. Garanina. – М. : Ekspo, 2010.
10. **Bratukhina, M. N.** Ustnoe narodnoe tvorchestvo kak sredstvo formirovaniya tvorcheskoy aktivnosti detey 5–6 let : dis. ... kand. pед. nauk / Bratukhina M. N. – М., 2000.
11. **Muzentinova, E. A.** Osobennosti tolerantnogo mirootnosheniya u doshkol'nikov sredstvami fol'klora / E. A. Muzentinova // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki. – 2009. – № 2.

Забельская Татьяна Викторовна

соискатель, Академия
социального управления
(г. Москва, Староватутинский
переулок, 10);
заведующая детским садом № 54
Щелковского муниципального района
Московской области
(Московская область, Щелковский
район, г. Щелково, Фряновское шоссе)

E-mail: tat_vikt@list.ru

Zabel'skaya Tat'yana Viktorovna

Applicant, Academy of Social
Administration
(Moscow, 10 Starovatutinsky lane);
Head of kindergarten № 54,
Shchyolkovsky municipal district,
Moscow region
(Moscow region, Shchyolkovsky
district, Shchyolkovo, Fryanovskoe
highway)

УДК 373.24

Забельская, Т. В.

Роль народного искусства в нравственном воспитании детей дошкольного возраста / Т. В. Забельская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 165–171.

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ

Аннотация. Представлена авторская модель формирования профессиональной компетентности будущих переводчиков, реализуемая в процессе обучения переводу. Рассматривается структура и компонентный состав модели. Раскрывается содержание каждого компонента модели. Описывается взаимосвязь компонентов модели.

Ключевые слова: модель формирования, профессиональная компетентность переводчика, структура модели, компонентный состав, иностранный язык.

A. Yu. Kosnikova

MODEL OF FUTURE INTERPRETERS' PROFESSIONAL COMPETENCES FORMATION IN THE PROCESS OF TRANSLATION STUDIES

Abstract. The article introduces the author's model of future interpreters' professional competence formation in the process of translation studies. The model's structure and components are considered and every component's content is disclosed. The author describes a correlation between the model's components.

Key words: formation model, professional competence of a translator, model's structure, components, foreign language.

Центральным понятием статьи является понятие «модель» – определенная система, имеющая свой состав и предоставляющая информацию об объекте исследования [1, 2]. Под процессом формирования, в соответствии с понятием В. А. Сластенина, понимается процесс приобретения совокупности устойчивых свойств и качеств личности. Следовательно, процесс формирования профессиональной компетентности будущих переводчиков определяется как процесс приобретения будущими переводчиками профессиональных знаний, умений применять полученные знания на практике, в конкретной ситуации, а также как процесс приобретения свойств и качеств личности, необходимых для успешного осуществления профессиональной деятельности.

На основе работ Ю. К. Бабанского, Л. В. Поздняка, Л. Г. Семушиной, посвященных рассмотрению модели как системы с определенными элементами, в разработанной модели были выделены следующие структурные компоненты: **целевой, методологический, содержательно-процессуальный, организационный, контрольно-оценочный, условный.**

Целевой блок разработанной модели определяется с учетом социального заказа общества на появление высококвалифицированных переводчиков, умеющих успешно справляться со своими профессиональными задачами, а также с учетом требований новых образовательных стандартов, целью которых является повышение качества образования будущих переводчиков. Целевой компонент заключается в повышении уровня сформированности профессиональной компетентности будущих переводчиков в процессе обуче-

ния переводу в вузе и определяет наполнение остальных компонентов предлагаемой модели. Исходя из цели процесса формирования профессиональной компетентности будущих переводчиков, была поставлена задача: сформировать у будущих переводчиков способность успешного выполнения профессиональной деятельности в результате овладения необходимыми компетенциями.

Настоящая модель формирования профессиональной компетентности будущих переводчиков в процессе перевода разработана в соответствии с положениями системного, личностно-деятельностного, компетентностного, социокультурного и контекстного подходов.

Системный подход (И. В. Блауберг, Б. Ф. Ломов, В. Н. Садовский, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин и др.) позволил изучить процесс обучения и воспитания как целостное и взаимосвязанное явление и построить модель формирования профессиональной компетентности будущих переводчиков в процессе обучения переводу, компоненты которой взаимосвязаны. Личностно-деятельностный подход (Л. С. Выготский, И. А. Зимняя, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, В. А. Сластенин) позволил переориентировать учебный процесс на постановку и решение студентами конкретных учебных задач посредством выполнения деятельностных заданий и с учетом личностных особенностей учащегося. Применение компетентностного подхода (В. И. Байденко, А. Г. Бермус, Э. Ф. Зеер, И. А. Зимняя, О. Е. Лебедев, А. К. Маркова, Р. П. Мильруд, Ю. Г. Татур, А. В. Хуторской и др.) в процессе обучения будущих переводчиков предполагало овладение обучаемыми отдельными компетенций, необходимых для выполнения успешной профессиональной деятельности в будущем, в результате чего у будущего специалиста формировалась профессиональная компетентность. Социокультурный подход (И. Л. Бим, В. Г. Костомаров, Е. И. Пассов, П. В. Сысоев, В. В. Сафонова) позволил организовать подготовку будущих переводчиков таким образом, что в процессе обучения переводу и овладения языком происходил процесс познания другой культуры и общества – носителя данной культуры. Ядром теоретико-методологической базы стал контекстный подход (А. А. Вербицкий, Н. В. Борисова, Н. Б. Лаврентьева и др.), благодаря которому в процессе обучения переводу удалось максимально приблизить содержание и формы образования к содержанию и формам профессиональной деятельности будущего переводчика.

Применение вышеназванных подходов определило соблюдение следующих основных принципов:

- принципа личностного включения студента в учебную деятельность;
- принципа моделирования в учебной деятельности целостного содержания, форм и условий профессиональной деятельности специалистов;
- принципа проблемности содержания обучения;
- принципа межличностного взаимодействия и диалогического общения;
- принципа дифференцированного подхода к учащимся с учетом их возрастных особенностей, интересов, уровня подготовки;
- принципа культуросообразности.

Совокупность перечисленных подходов, а также лежащих в их основе принципов составляет **методологический блок** данной модели и регулирует формирование профессиональной компетентности будущих переводчиков в процессе обучения переводу.

В **содержательно-процессуальном блоке** представлены компоненты профессиональной компетентности будущих переводчиков, формируемые в процессе обучения переводу, а именно: переводческая, компенсаторная и профессионально-личностная составляющие. В ходе обучения переводу студенты получают знания о типологии переводных соответствий, основных моделях перевода и переводческих трансформациях, учатся выбирать верную стратегию перевода и выполнять перевод на профессиональном уровне, овладевают компенсаторными стратегиями, вербальными и невербальными средствами общения. Кроме того, у будущих переводчиков формируются профессионально-личностные качества; положительная мотивация к обучению и будущей профессиональной деятельности; профессиональная направленность.

В соответствии с принципами технологии контекстного обучения в предложенной модели выделены три основных взаимосвязанных этапа: семиотический, имитационный, социальный. В рамках каждого этапа осуществляется работа по формированию трех критериев профессиональной компетентности, которые формируются в процессе обучения переводу: переводческого, компенсаторного и профессионально-личностного. Семиотический этап является начальным этапом, предполагает индивидуальное усвоение студентом теоретической информации и в основном включает в себя работу с текстом (теоретическая информация о типологии переводимых текстов, переводческих трансформациях, выполнение предпереводческого анализа текста, сведения об основных трудностях при переводе, типичных переводческих ошибках, практика в переводе конкретных видов текста). Имитационный этап предполагает имитацию будущей профессиональной деятельности на основе имеющейся теоретической информации (деловые и ролевые игры, моделирование процесса перевода). Социальный этап представляет собой рассмотрение проблемных ситуаций и фрагментов профессиональной деятельности переводчика, причем работа осуществляется в коллективе и требует навыков взаимодействия (разбор кейсов, курсовые работы, конференции, учебная и производственная практика).

Формирование профессиональной компетентности будущих переводчиков в процессе обучения переводу реализуется посредством определенных методов, средств и форм организации преподавания, которые составляют **организационный блок** настоящей модели формирования профессиональной компетентности будущих переводчиков в процессе обучения переводу. К основным методам формирования профессиональной компетентности будущих переводчиков относятся объяснительный и логический методы, которые необходимо использовать на первом этапе формирования профессиональной компетентности будущих переводчиков в процессе обучения переводу. Важным является метод кейсов, игровые имитационные и неигровые методы интерактивного обучения, исследовательский и проектный методы. К основным формам организации процесса подготовки будущих переводчиков относятся проблемные лекции, деловые и ролевые игры, имитационные ситуации, устный перевод с листа, работа с различными видами текста, запись перевода на аудионосители и т.д. Средства организации процесса формирования профессиональной компетентности будущих переводчиков в процессе обучения переводу включают в себя как учебные программы и планы, учебные пособия, словари, справочную литературу, так и актуальные материалы из сети Интернет, медиасредства обучения, компьютерный класс.

Схематическая модель формирования профессиональной компетентности будущих переводчиков в процессе обучения переводу представлена на рис. 1.

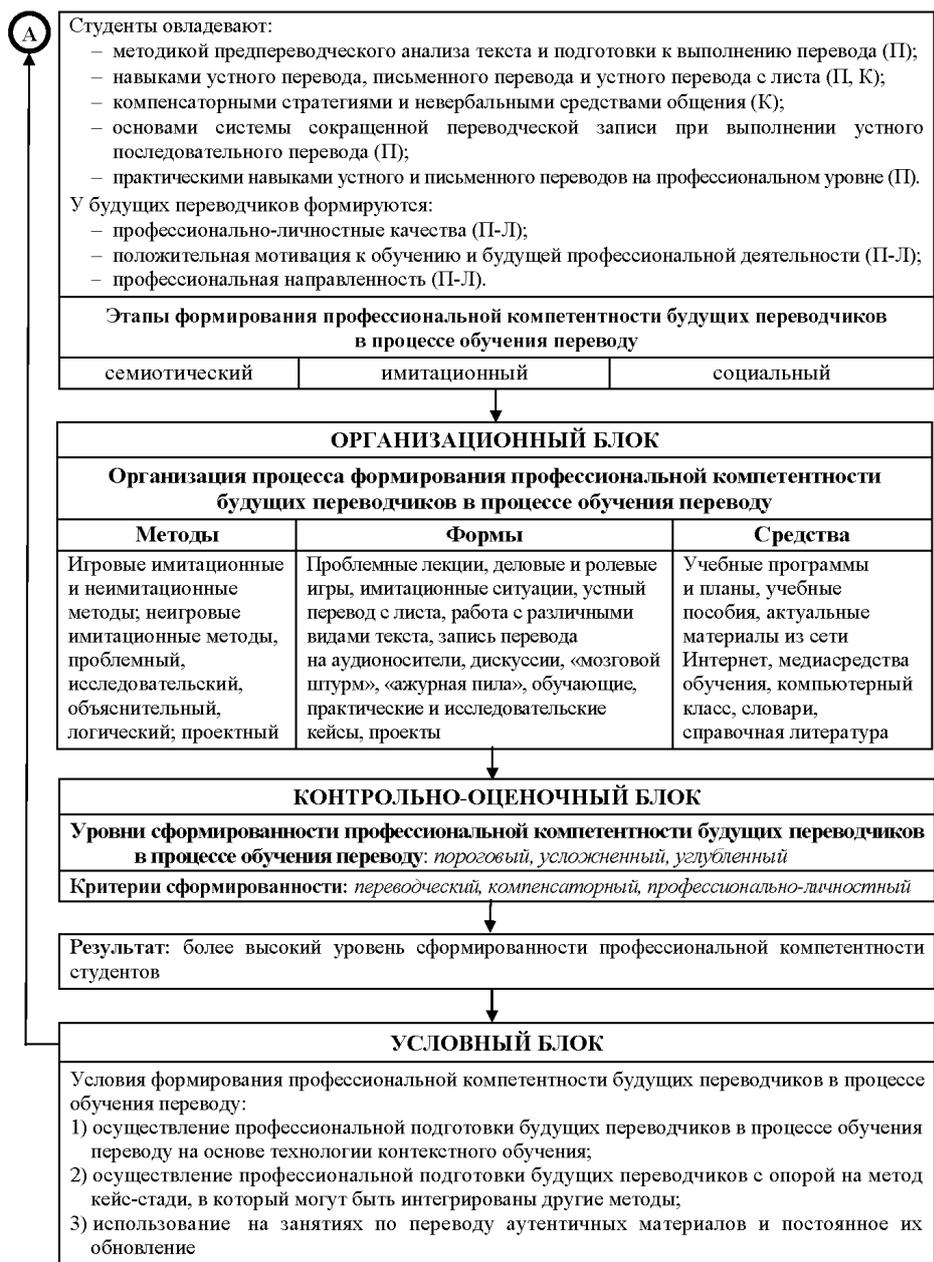

Рис. 1. Модель формирования профессиональной компетентности будущих переводчиков в процессе обучения переводу

Одним из важных компонентов процесса формирования профессиональной компетентности будущих переводчиков в процессе обучения переводу является **контрольно-оценочный блок**, в рамках которого осуществляется мониторинг динамики формирования профессиональной компетентности студентов. Данный блок представлен уровнями сформированности профессиональной компетентности будущих переводчиков в процессе обучения переводу.

Проблемой выявления уровней и критериев сформированности профессиональной компетентности занимались многие ученые (Т. А. Гудкова, Д. А. Иванов, О. Г. Назарова, Н. В. Кузьмина, А. К. Маркова, А. А. Реан, О. Н. Ионова и др.). В настоящей работе мы придерживаемся трехуровневой шкалы, принятой в системе высшего образования в ходе перехода на новые образовательные стандарты, включающей в себя пороговый, усложненный и углубленный уровни сформированности профессиональной компетентности, которые соответствуют низкому, среднему и высокому уровням сформированности. Данная шкала предполагает постепенный переход с уровня на уровень с сопутствующим усложнением элементов системы. Под критерием понимается признак, на основании которого производятся оценка, определение или классификация чего-либо, мера суждения, оценки какого-либо явления [3, с. 149]. Наполнением критериев сформированности профессиональной компетентности служат определенные знания, умения, способности и личностные качества студента.

В нашем исследовании под профессиональной компетентностью будущих переводчиков понимаются интегративное свойство личности, ее способности и личные качества, необходимые для успешного осуществления профессиональной деятельности, включающие в себя переводческую, компенсаторную и профессионально-личностную составляющие. Следовательно, критериями сформированности профессиональной компетентности выступают ее компоненты, а именно переводческий, компенсаторный и профессионально-личностный.

Прогнозируемым **результатом** реализации модели формирования профессиональной компетентности будущих переводчиков в процессе перевода является переход на более высокий уровень сформированности профессиональной компетентности студентов.

Важным компонентом является **условный компонент** модели формирования профессиональной компетентности будущих переводчиков, в котором раскрыты следующие педагогические условия, необходимые для успешного формирования профессиональной компетентности студентов в процессе обучения переводу:

- 1) осуществление профессиональной подготовки будущих переводчиков в процессе обучения переводу на основе технологии контекстного обучения;
- 2) осуществление профессиональной подготовки будущих переводчиков с опорой на метод кейс-стади, в который интегрированы другие методы;
- 3) использование на занятиях по переводу аутентичных материалов и постоянное их обновление.

Все компоненты модели формирования профессиональной компетентности взаимосвязаны и представляют собой целостность. Так, цель формирования профессиональной компетентности будущих переводчиков в процессе обучения переводу определяет содержание процесса ее формирования; цель и содержание требуют определенных методов, средств и форм организации процесса формирования профессиональной компетентности; необходимы контроль и оценка процесса формирования профессиональной компетентности, а на процесс формирования профессиональной компетентности в процессе перевода влияют определенные педагогические условия. Взаимосвязанность блоков является предпосылкой целостного и непрерывного процесса подготовки будущих специалистов.

Список литературы

1. **Дахин, А. Н.** Педагогическое моделирование: сущность, эффективность и... неопределенность / А. Н. Дахин // Стандарты и мониторинг в образовании. – 2002. – № 4. – С. 22–26.
2. **Штоф, В. А.** Моделирование и философия / В. А. Штоф. – М. : Наука, 1986.
3. **Коджаспирова, Г. М.** Словарь по педагогике / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. – М. : ИКЦ «МарТ», 2005. – 448 с.

References

1. **Dakhin, A. N.** Pedagogicheskoe modelirovanie: sushchnost', effektivnost' i... neopredelennost' / A. N. Dakhin // Standarty i monitoring v obrazovanii. – 2002. – № 4. – S. 22–26.
2. **Shtof, V. A.** Modelirovanie i filosofiya / V. A. Shtof. – M. : Nauka, 1986.
3. **Kodzhaspirova, G. M.** Slovar' po pedagogike / G. M. Kodzhaspirova, A. Yu. Kodzhaspirov. – M. : IKTs «MarT», 2005. – 448 s.

Косникова Анна Юрьевна
аспирант, Пензенский
государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

Kosnikova Anna Yur'evna
Postgraduate student, Penza
State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

E-mail: kosnik88@gmail.com

УДК 378:001.891

Косникова, А. Ю.

Модель формирования профессиональной компетентности будущих переводчиков в процессе обучения переводу / А. Ю. Косникова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 172–178.

О. В. Варникова

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Аннотация. Анализируется проблема иноязычной подготовки в уровневой системе вузовского образования. Сделаны выводы об особенностях обучения иностранным языкам в техническом вузе в процессе формирования профессиональной компетентности.

Ключевые слова: иноязычная подготовка, уровневая система вузовского образования, иностранный язык, технический вуз, профессиональная компетентность.

О. V. Varnikova

SUBSTANTIAL AND TECHNOLOGICAL CHARACTERISTICS OF FOREIGN LANGUAGE STUDIES IN A TECHNICAL UNIVERSITY

Abstract. The article analyzes foreign languages training in the multi-level system of higher education. The author concludes about the peculiarities during the study of the foreign languages in a technical institute of higher education in the process of professional competence formation.

Key words: foreign languages training, multi-level system of higher education, foreign language, technical institute of higher education, professional competence.

Проведенный анализ философско-методологических, педагогических и психологических источников свидетельствует о том, что в последние годы наблюдается заметный рост внимания исследователей к проблеме иноязычной подготовки в вузе и в этой связи к проблемам личностного, социального и профессионального становления студентов в период получения высшего профессионального образования.

Проблеме профессиональной подготовки посвящен ряд исследований, которые определяют сущность и характеристики данного процесса (Н. П. Анисимова, В. А. Бодров, Д. А. Григорьев, А. К. Маркова, В. А. Машин, Ю. Л. Поваренков, К. С. Романова, В. А. Славенин, А. Л. Турчинов, В. Д. Шадриков и др.). В психолого-педагогических исследованиях широко используется термин «профессиональное становление личности», который рассматривается как многоаспектное явление (А. А. Бодалев, Л. И. Божович, Е. А. Климов, А. К. Маркова, Л. М. Митина, Ю. П. Поваренков, Н. С. Пряжников, Н. Ф. Талызина и др.). Личностное становление – непрерывный целенаправленный процесс прогрессивного изменения личности (Э. Ф. Зеер); формирование основных отношений с миром и обществом (Д. Н. Завалишина). Профессиональное становление – это становление субъекта труда (Б. Г. Ананьев); процесс поэтапного разрешения противоречий между профессиональными требованиями, предъявляемыми к человеку, и его желаниями и возможностями (Ю. П. Поваренков); формирование профессиональной мотивации, компетентности, профессионально важных качеств (С. Б. Серякова).

В работах зарубежных авторов сложился ряд теорий профессионального становления как процесса овладения профессией, как деятельности, как овладения совокупностью способов и средств, где следование их друг за другом имеет целевую детерминацию (В. Bernstein A. Riedl, A. Schelten, G. Reinmann-Rothmeier, H. Mandl, S. Schollweck и др.).

В отечественных исследованиях под профессиональным становлением чаще всего понимается формирование профессиональной компетентности как процесса овладения средствами и методами решения профессиональных задач (А. И. Мищенко, Л. Ф. Спирин и др.). Профессиональное становление в этих работах рассматривается как составная часть формирования личности будущего специалиста как субъекта профессионального образования и профессиональной деятельности, как осмысление человеком общественной значимости труда, подготовка к сознательному овладению профессией, непрерывному повышению квалификации.

В процессе профессиональной подготовки можно выделить два различных подхода к определению его сущности. Первый подход предусматривает рассмотрение процесса развития и саморазвития личности, а второй – процесс профессионального становления в результате овладения способами деятельности при решении профессиональных задач. Тогда основная проблема процесса профессиональной подготовки может быть сформулирована как противоречие между системой изменяющихся профессиональных видов деятельности и индивидуальным развитием каждого конкретного человека, его становлением как субъекта этой деятельности.

Ведущими понятиями для оценки человека как профессионала становятся «рефлексия» и «деятельностный способ существования» (Н. Г. Алексеев, В. В. Давыдов, С. Л. Рубинштейн, В. И. Слободчиков). Профессионал, по мнению А. Р. Фонарева, чья позиция нам близка, – это человек, осознавший свое жизненное предназначение, являющийся субъектом своего труда и владеющий деятельностью в целом, несущий нравственную ответственность за последствия реализации деятельности, самостоятельно ориентирующийся на существующие культурные образцы и нормы [1].

К факторам, влияющим на становление профессионала и достижение им успеха, относятся: высокий уровень мотивации, потребность в достижениях, высокие личностные стандарты, стремление к самореализации (А. А. Деркач, Н. В. Кузьмина), престиж профессионального мастерства (В. Д. Шадриков), зрелость личности (А. Г. Портнова, Е. Л. Холодцева).

Современные авторы (А. И. Мищенко, Н. В. Чекалева) рассматривают профессионализм деятельности как качественную характеристику субъекта деятельности, отражающую высокую профессиональную квалификацию и компетентность, разнообразие эффективных профессиональных навыков и умений, владение современными алгоритмами и способами решения профессиональных задач, что позволяет осуществлять деятельность с высокой продуктивностью.

Профессионализм личности, с точки зрения некоторых ученых (Б. Г. Ананьев, С. Б. Серякова), – это качественная характеристика субъекта труда, отражающая высокий уровень развития профессионально важных и личностно-деловых качеств, мотивационную сферу и ценностные ориентации, направленные на прогрессивное развитие специалиста.

Мы рассматриваем профессиональную подготовку студентов технического вуза как процесс профессионально-личностного становления в результате формирования ценностно-смысловых отношений будущего специалиста к социокультурной и профессиональной сфере.

Расширение межнациональных и международных контактов, усиление процессов интеграции в жизни современного общества вызывают рост потребности в специалистах, технического профиля в том числе, интеллектуальных, ориентирующихся в достижениях зарубежной науки, готовых получить образование за рубежом, способных к взаимодействию с партнерами по бизнесу и людьми других национальностей, готовых использовать иностранный язык как средство оптимизации своей профессиональной деятельности.

Целью образования становятся не только знания, но и профессионально значимые качества личности, профессионально значимый опыт деятельности.

Научное осмысление и педагогическая интерпретация процесса профессиональной подготовки на основе ее компонентной структуры (когнитивный, деятельностный и эмоционально-ценностный компоненты) могут стать условиями модернизации профессиональной подготовки будущего специалиста технического профиля.

Направленность профессионального образования на формирование профессиональной компетентности выражается в готовности и способности будущих специалистов нести компетентную и продуманную ответственность в профессиональных, общественных и частных ситуациях планируемой профессиональной деятельности. Иноязычная подготовка при этом позволяет: обеспечить максимальный учет индивидуальных особенностей обучающихся; использовать такие организационно-педагогические формы и методы обучения, которые адекватны целям обучения, социально-психологическим особенностям обучающихся и специфике содержания обучения. В основном эти цели выражаются в изменении системы знаний, в системе ценностей людей, в комплексе личностных качеств, в поведении. При всей индивидуальности конкретных целей обучения можно выделить типологический характер каждой цели в зависимости от учебной дисциплины технического вуза. Опираясь на исследования И. Я. Лернера [2], И. К. Журавлева [3], отметим следующие типологические цели, достижение которых будет удовлетворять образовательные потребности каждого обучающегося: 1) получение новых знаний, информации; 2) приобретение навыков и умений в использовании этой информации; 3) выработка ценностных ориентаций и личностных качеств; 4) удовлетворение познавательных интересов. В процессе иноязычной подготовки, которая осуществляется в результате изучения учебной дисциплины «Иностранный язык», – это формирование коммуникативной иноязычной компетентности (языковая, речевая, компенсаторная, социокультурная и учебно-познавательная компетенции).

Далее необходимо разработать систему задач, соответствующих целям обучения. В практике иноязычной подготовки это обучение четырем видам речевой деятельности: чтению, говорению, письму и аудированию. Это важно знать, чтобы далее выбрать адекватные формы и методы обучения. Условно можно выделить следующие формы организации учебных занятий, которые успешно применяются при обучении иностранным языкам (здесь и далее – ИЯ): телепередача, диалог, дискуссия, конференция, интервью, мультимедиа, звукозапись, чтение, обсуждение прочитанного, инсценировка, ролевые игры,

критический анализ, групповое обучение, парная работа, проектная работа и др. Методы обучения при этом определяются в зависимости от характера взаимодействия субъектов процесса и от отношения обучающегося студента к содержанию и средствам обучения.

Характер целей, форм и методов обучения ИЯ позволяет отнести учебную дисциплину «Иностранный язык» к процессуальному блоку дисциплин.

В соответствии с этим определяется и содержание обучения ИЯ. Содержание обучения следует структурировать таким образом, чтобы повысить эффективность обучения. Это удастся сделать, используя многоуровневую систему профессиональной подготовки в вузе. Обучение иностранному языку рекомендуется разделить на междисциплинарные блоки либо модули компетентности в соответствии с уровнем образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура). Это позволяет поэтапно достигать определенных целей обучения, достижение которых будет соответствовать компонентному составу профессиональной подготовки (когнитивный, деятельностный, эмоционально-ценностный компоненты) (рис. 1).

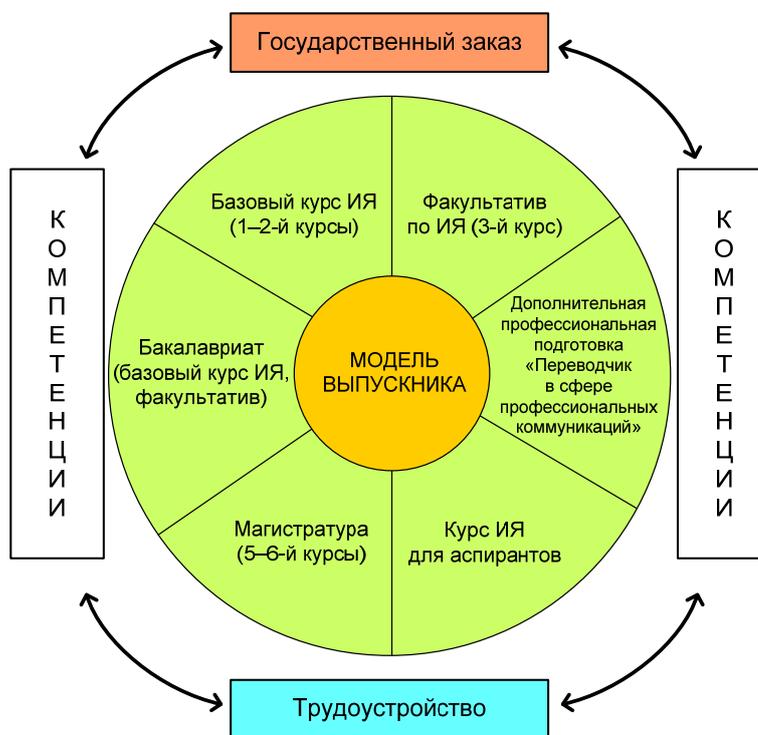

Рис. 1. Структурная модель иноязычной подготовки будущих специалистов технического профиля в условиях уровневой системы высшего профессионального образования

Для успешной организации процесса профессиональной подготовки, результатом которой является профессиональная компетентность будущих специалистов технического профиля, были выявлены содержательные и технологические характеристики иноязычной подготовки в техническом вузе. Мы имеем в виду научно обоснованные принципы обучения и систематизированный комплекс действий обучающего и обучающегося, которые приво-

дят с определенной степенью гарантии к достижению поставленных целей обучения.

Сформированная в результате профессиональная компетентность при этом измеряется составом компетенций, классификацию которых мы представляем:

– *квалификационная компетенция*: означает готовность и способность на основе специальных знаний и умений при ориентации на четкую цель и реализации активных методов самостоятельно и объективно решать профессиональные задачи, проблемы, достигать результатов;

– *коммуникативная компетенция*: предполагает готовность и способность понимать и конструировать ситуации общения; формулировать, анализировать и представлять свои взгляды и убеждения; свободно владеть жанрами общения; употреблять термины в деловом контексте; знать этикетные речевые формулы делового общения; владеть риторическими и мимическими умениями; знать ряд экстралингвистических факторов, которые служат важным параметром оценки коммуникативной ситуации и планирования коммуникативных действий; знать статусно-ролевые характеристики партнера;

– *учебно-познавательная компетенция*: означает готовность и способность совместно с другими людьми понимать и оценивать информацию о деловых отношениях и связях, строить умозаключения по этим вопросам. Сюда относится также готовность и способность развивать свои стратегии и техники обучения в области одной или нескольких профессий и использовать эту способность на протяжении всей жизни;

– *методическая компетенция*: означает готовность и способность к согласованному с целью, планируемому образу действий при решении задач и проблем (например, планирование этапов трудовой деятельности);

– *социальная компетенция*: означает готовность и способность к индивидуальному развитию; определяет требования и ограничения отношений в семье, в профессии, в общественной жизни; позволяет научиться открывать собственные таланты, строить и развивать жизненные планы. Эта компетенция включает в себя развитие таких качеств личности, как самостоятельность, способность к критике, ответственность, надежность, обязательность, умение дать себе адекватную оценку, а также готовность и способность жить в социуме и создавать отношения с людьми, находить рациональные способы снятия напряжения в отношениях между людьми.

На основе обобщения личного опыта и целого ряда исследований выявлено, что для эффективности процесса формирования профессиональной компетентности будущих специалистов технического профиля в процессе иноязычной подготовки необходимо создать условия не столько для овладения иноязычной компетентностью, сколько для осознания коммуникативной значимости изучаемого иностранного языка в моделируемых профессиональных ситуациях (табл. 1).

Традиционно обучение иностранному языку в техническом вузе было ориентировано на чтение, понимание и перевод текстов по специальности, а также на изучение проблем синтаксиса научного стиля.

В настоящее время цель курса ИЯ в техническом вузе предполагает формирование иноязычной коммуникативной компетентности (языковая, речевая, учебно-познавательная, компенсаторная, социокультурная компетенции).

**Содержательно-информационное согласование учебной дисциплины
«Иностранный язык» с учебными дисциплинами
базового и вариативного блоков дисциплин**

<i>Учебные дисциплины базового (социально-гуманитарные, общенаучные и общепрофессиональные дисциплины) и вариативного (профессиональные дисциплины) блоков дисциплин</i>	<i>Содержательные линии обучения иностранному языку по широкому и узкому профилям специальности (в рамках учебной дисциплины «Иностранный язык»)</i>
Все учебные дисциплины базового и вариативного блоков дисциплин	Формирование иноязычной коммуникативной компетентности (обучение чтению, письму, говорению, аудированию): языковая, речевая, компенсаторная, социокультурная, учебно-познавательная компетенции
<p>«Педагогика и психология», 1-й курс «Культурология», 1-й курс «История отечества», 1-й курс <u>«Введение в специальность», 1-й курс</u></p>	<p>1. “Lebenslauf (Biographie)“ 2. “Familie“ 3. “Studium“ 4. “Mein künftiger Beruf“ 5. “Russland – meine Heimat“ 6. “Deutschland. Land und Leute“</p>
<p>«Технология строительного производства», 4–5-й курсы «Архитектура гражданских и промышленных зданий», 1–3-й курс <u>«Технология возведения зданий и сооружений», 3–5-й курсы</u></p>	<p>1. “Mein Produktionspraktikum“ 2. “Das Gebäude und seine Elemente“ 3. “Einzelne Fragen zum Gebiet Stadtbaukunst“ 4. “Auf der Baustelle“</p>
<p>«Материаловедение» <u>«Строительные материалы», 1–4-й курсы</u></p>	<p>1. “Baustoffe“ 2. “Baustoffe für den Plattenbau“ 3. “Häuser aus Platten und Glasfasern“</p>
<p><u>«Обеспечение безопасности жизнедеятельности», 1–4-й курсы</u></p>	<p>1. “Umweltverschmutzung- Problemstellung“</p>
<p>«История автомобильного транспорта», 1-й курс «Автомобили», 3-й курс <u>«География автомобильных дорог», 1-й курс</u> «Транспортные машины и транспортно-технологические комплексы», 2–5-й курсы</p>	<p>1. “Die Erbauer des Automobils“ 2. “Das Auto“ 3. “Eine Fahrt im Auto“ 4. “Die Grundlagen der Autotheorie“</p>
<p>«Правила дорожного движения», 3-й курс «Пути сообщения, технологические сооружения», 2–3-й курсы «Методология подготовки водителей», 4-й курс <u>«Безопасность транспортных средств», 3–4-й курсы и др.</u></p>	<p>1. “Allgemeine Verkehrsregeln“ 2. “Zeichen und Verkehrseinrichtungen“ 3. “Sonstige Pflichten des Fahrzeugführers“ 4. “An der Tankstelle“</p>
<p>«Рынок», 1–5-й курсы «Торговля», 1–5-й курсы <u>«Менеджмент», 1–5-й курсы</u></p>	<p>1. “Markt“ 2. “Handel“ 3. “Management“</p>
<p>«Понятие земельного кадастра» «История возникновения земельного кадастра» <u>«Земельно-кадастровые документы»</u></p>	<p>1. “Bodenreform. Privatbesitz fördert Investitionen“ 2. “Die Geschichte von dem Bodenpreis und Bodenrecht“ 3. “EU unterstützt Reformen im Bereich Boden und Immobilien“</p>

Языковая компетенция – овладение новыми языковыми средствами в соответствии с темами и сферами общения, отобранными для выбранного профиля, навыками оперирования этими средствами в коммуникативных целях; увеличение объема знаний за счет информации профессионально-ориентированного характера.

Речевая компетенция – функциональное использование изучаемого языка как средства профессионального общения и познавательной деятельности: понимание аутентичных иноязычных текстов (аудирование, чтение), в том числе ориентированных на выбранный профиль; передача информации в связных аргументированных высказываниях (говорение, письмо); планирование своего речевого и неречевого поведения (специфика ситуации общения).

Учебно-познавательная компетенция – развитие умений, позволяющих совершенствовать учебную деятельность по овладению ИЯ, а также использовать изучаемый иностранный язык в целях продолжения образования и самообразования, прежде всего в рамках выбранной специальности.

Компенсаторная компетенция – умение выходить из положения в условиях дефицита языковых средств в процессе иноязычного, в том числе профессионально ориентированного общения.

Социокультурная компетенция – расширение объема знаний о социокультурной специфике страны изучаемого языка, о научных достижениях в мировой науке; умение строить свое речевое и неречевое поведение адекватно этой специфике и с учетом профессионально ориентированных ситуаций общения; адекватная интерпретация лингвокультурных фактов.

В результате достигается корреляция профессиональной и иноязычной компетентностей, которые формируются в процессе профессиональной подготовки, рассматриваемой в компонентной структуре. При этом профессионализм деятельности достигается посредством формирования *профессиональной компетентности*, а профессионализм личности – на основе формирования *иноязычной компетентности*. В век межкультурных интеракций необходимым атрибутом профессионализма современного работника является владение хотя бы одним иностранным языком. Рассматривая профессионализм личности как сложное личностное образование, следует учитывать, что профессионализм в целом рассматривают как:

– единство теоретической и практической готовности личности к осуществлению профессиональной деятельности (В. А. Сластенин);

– владение человеком необходимым нормативным набором психических качеств, когда профессионализм становится внутренней характеристикой личности (А. К. Маркова);

– мера овладения субъектом современными содержанием и средствами решения профессиональных задач, а также продуктивными способами ее осуществления (Н. В. Кузьмина, А. А. Реан).

А. А. Деркач и Н. В. Кузьмина предлагают рассматривать категорию профессионализма как совокупность профессионализма деятельности и профессионализма личности. Профессионализм деятельности – качественная характеристика субъекта деятельности, отражающая высокую профессиональную квалификацию и компетентность, что означает владение современными алгоритмами и способами решения профессиональных задач. Профессионализм личности – качественная характеристика субъекта труда, отражающая

высокий уровень развития профессионально важных и личностно-деловых качеств, адекватный уровень притязаний, мотивационную сферу и ценностные ориентации, направленные на прогрессивное развитие специалиста [4]. Отметим, что эмоционально-ценностный компонент содействует оптимальному отношению человека к выполняемой профессиональной деятельности. Известно, что эмоциональный фактор кардинально влияет на успешность, конкурентоспособность и микроклимат в коллективе. Успешная совместная деятельность зависит от положительного эмоционального настроения ее участников. Точно так же успех учебной деятельности студентов в большей мере зависит от эмоциональности, нежели от интеллекта. Позитивное отношение к смыслу выполняемой деятельности, к выбору способов деятельности происходит с учетом мотивов и индивидуальных особенностей человека. Прогресс по линии овладения знаниями, умениями и навыками сопровождается эмоциями. Важно создать условия для проявления такого эмоционального настроения, который будет содействовать оптимальному отношению к порученной деятельности. На первый план выходят субъект-субъектные отношения, когда студент (субъект) выполняет активную учебную деятельность, а преподаватель (субъект) обеспечивает возникновение и развитие положительных эмоций у студента.

Проявление положительных чувств у студентов по отношению к учебной деятельности можно развивать. Развиваясь, они становятся мотивами поступков и действий. Внешние мотивы, как правило, сводятся к сдаче экзамена, получению стипендии, получению диплома и т.п. Наиболее продуктивны внутренние мотивы, так как они основываются на интересе: в приобретении знаний, поиске знаний, расширении информационной сферы (квалификационная, методическая, учебно-познавательная, социальная компетенции); в приобретении друзей, в общении, в том числе в межкультурном (языковая, речевая, компенсаторная и социокультурная компетенции) (рис. 2).

Прогностическая функция этой модели состоит в том, что в этой связи появляется возможность говорить о компетенциях, формируемых в процессе обучения учебной дисциплине «Иностранный язык». Обучение иностранному языку, как и любой другой учебной дисциплине, – это планомерный, организованный и систематический процесс, в ходе которого и в результате взаимодействия преподавателя и студента осуществляется усвоение и воспроизведение определенного опыта деятельности в соответствии с заданной целью. Для организации этого процесса следует руководствоваться задачами и видами деятельности конкретной профессии. К тому же необходимо с целью дидактического и организационного планирования обучения следовать цели практического использования концепции обучения видам деятельности в форме обучающих ситуаций, релевантных профессиональным. Здесь уместно прокомментировать, что понятие «изучение языка» является более широким, чем понятие «овладение языком». В случае обучения ИЯ в условиях технического вуза речь идет именно об овладении иностранным языком. В зарубежной лингводидактической науке существуют две модели овладения ИЯ, которые повлияли на отечественную теорию и практику обучения иностранному языку. Согласно этой концепции способность человека к овладению (неосознанно, непреднамеренно, интуитивно) складывается из двух компетенций: общей и коммуникативной.

Рис. 2. Концептуальная модель взаимосвязи профессиональной и иноязычной коммуникативной компетентностей

Общую компетенцию, которая обуславливает познавательную активность личности, составляют: 1) знания о мире; 2) знания, присущие конкретной культуре; 3) знание специфики изучаемой языковой системы; 4) индивидуально-психологические особенности человека, позволяющие ему осуществлять речевую деятельность. *Коммуникативная компетенция* есть способность человека понимать и порождать иноязычные высказывания в разнообразных социально детерминированных ситуациях (Н. Д. Гальскова). Отсюда следует, что коммуникативная модель обучения ИЯ, рекомендуемая государственным образовательным стандартом, учитывает закономерности социального и профессионального взаимодействия. Нельзя сформировать способность к межкультурному общению (практическое использование ИЯ) без приобщения обучающихся к иному (национальному) образу сознания, к умению распознавать мотивы и установки личности, принадлежащей к иной общности, где действует иная система ценностей. Речь идет о развитии личности в целом, о ее интеллектуальных (когнитивный компонент), деятельностных (деятельностный компонент) и поведенческих (эмоционально-ценностный компонент) аспектах, которые проявляются через язык.

Список литературы

1. **Фонарев, А. Р.** Психология становления личности профессионала : учеб. пособие / А. Р. Фонарев. – М. : Изд-во Моск. псих.-соц. ин-та, 2005. – 240 с.
2. **Лернер, И. Я.** О соотношении общедидактических и частнопредметных методах обучения / И. Я. Лернер // Новые исследования в педагогических науках. – 1978. – № 2.

3. **Журавлев, И. К.** Дидактические основы построения учебного предмета общеобразовательной школы : дис. ... д-ра пед. наук / Журавлев И. К. – М., 1990.
4. **Деркач, А. А.** Акмеология: пути достижения вершин профессионализма / А. А. Деркач, Н. В. Кузьмина. – М. : РГАС, 1993. – 228 с.

References

1. **Fonarev, A. R.** Psikhologiya stanovleniya lichnosti professionala : ucheb. posobie / A. R. Fonarev. – M. : Izd-vo Mosk. psikh.-sots. in-ta, 2005. – 240 s.
2. **Lerner, I. Ya.** O sootnoshenii obshchedidakticheskikh i chastnopredmetnykh metodakh obucheniya / I. Ya. Lerner // Novye issledovaniya v pedagogicheskikh naukakh. – 1978. – № 2.
3. **Zhuravlev, I. K.** Didakticheskie osnovy postroeniya uchebnogo predmeta obshcheobrazovatel'noy shkoly : dis. ... d-ra ped. nauk / Zhuravlev I. K. – M., 1990.
4. **Derkach, A. A.** Akmeologiya: puti dostizheniya vershin professionalizma / A. A. Derkach, N. V. Kuz'mina. – M. : RGAS, 1993. – 228 s.

Варникова Ольга Васильевна

кандидат педагогических наук,
профессор, кафедра иностранных
языков, Пензенская государственная
технологическая академия
(г. Пенза, проезд Байдукова, 1а)

E-mail: wolga0106@gmail.com

Varnikova Ol'ga Vasil'evna

Candidate of pedagogical sciences,
professor, sub-department of foreign
languages, Penza State Technological
Academy
(Penza, 1a Baydukova passage)

УДК 811+159.9:378

Варникова, О. В.

Содержательные и технологические характеристики иноязычной подготовки в техническом вузе / О. В. Варникова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 179–188.

Н. Н. Яремко, О. В. Краснова

**СИСТЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КРИТЕРИАЛЬНО-
КОРРЕКТНОСТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ МАТЕМАТИКОВ:
КАЧЕСТВЕННОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА
И МЕЖПРЕДМЕТНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ**

Аннотация. Идея выделения критериально-корректностной подготовки, как одной из магистральных в обучении математиков, до сих пор не была развита и воплощена в дидактике и методике обучения математике. Она представляется актуальной в условиях компетентностной парадигмы и естественным образом влечет за собой тенденции межпредметной интеграции в обучении. В ее реализации целесообразно применить структурно-динамический подход, позволяющий выделить последовательность значимых качественных состояний в процессе и целесодержательные характеристики профессиональной педагогической поддержки.

Ключевые слова: математическая корректность, математическая критериально-корректностная подготовка, модель процесса, диагностические уровни, этапы, интегрированная межпредметная система.

N. N. Yaremko, O. V. Krasnova

**FORMATION SYSTEM FOR CRITERIA-CORRECTNESS
COMPETENCE OF MATHEMATICIANS:
QUALITATIVE STRUCTURING OF THE PROCESS
AND INTERDISCIPLINARY INTEGRATION**

Abstract. The idea of selection of criteria-correctness training as one of the backbones in the education of mathematicians has not yet been developed and implemented in didactics and methodology of teaching mathematics. It is urgent in terms of competence paradigm and entails the interdisciplinary integration trends in education. In realising this training it is advisable to use structural-dynamic approach that allows to identify a meaningful qualitative stages sequence in the process and aim-content features of professional pedagogical support.

Key words: mathematical correctness, mathematical criterial-korrektness training, process model, diagnostic levels, process stages, integrated interdisciplinary system.

Компетентностный профиль специалистов направления «Математика» включает множество аспектов, позволяющих им впоследствии выбрать и реализовывать исследовательскую, проектно-практическую (в составе конструкторского коллектива) или педагогическую деятельность. Одним из метапонятий, значимых для всех аспектов и связующих в профиле «Математика», является понятие математической корректности.

Корректность – метапредметная категория, актуальная также во многих других профессиональных и общекультурной сферах: юридической, этической, нормативно-поведенческой, языковой, медицинской, СМИ, политической, программировании, естественно-научных и технических областях, в любых научных исследованиях.

Идея выделения критериально-корректностной подготовки, как одной из магистральных в обучении математиков, до сих пор не была развита

и воплощена в дидактике и методике обучения математике. Она представляется актуальной в условиях компетентностной парадигмы и естественным образом влечет за собой тенденции межпредметной интеграции в обучении.

Проблема математической подготовки студентов вуза в разное время разрабатывалась Г. Л. Луканкиным, А. А. Столяром, А. Г. Мордковичем, Н. Я. Виленкиным, М. И. Шабуниним, Т. А. Ивановой и др. Анализ опубликованных ими результатов позволяет констатировать недостаточную разработанность названной проблемы и, в частности, психолого-педагогических аспектов критериально-корректностного подхода к математической подготовке студентов.

Методические системы обучения математике исследовались в работах А. М. Пышкало, В. П. Беспалько, В. А. Гусева, Г. Л. Луканкина, А. Г. Мордковича, Г. И. Саранцева и др. Знакомство с ними говорит о том, что понятие естественно-научной корректности ранее не изучалось с методологической и методической точек зрения, не разрабатывались возможности его использования в качестве общенаучной основы, ведущей идеи математической подготовки студентов вуза.

Являясь необходимым и значимым компонентом системы метапредметных компетенций, линия критериально-корректностной подготовки в недостаточной мере разработана как компонент содержания образования, не обоснован интегрированный межпредметный комплекс форм и методов его формирования, не установлены психолого-педагогические условия эффективности применения подобного комплекса.

В общеупотребительном значении прилагательное «корректный» используется в смысле «правильный, верный, точный, вежливый, соответствующий установленным правилам, исправленный, улучшенный» [1]. В то же время прилагательное «корректный», входящее в общеупотребительную лексику, становится научным термином, и его смысл однозначно закрепляется и не может трактоваться произвольно. В математике это касается ряда научных терминов: корректность математической задачи (по Ж. Адамару, А. Н. Тихонову), корректность математической модели, корректность определения понятия, корректность правил вывода, корректность алгоритма, корректность применения операторов, корректность выполнения действий (операций, приемов, команд), корректность интерпретации. Употребление прилагательного «корректный» в других словосочетаниях: корректная формулировка задачи; корректное решение, доказательство; корректность применения математического метода, приема; корректные вопрос и ответ и т.д. – предполагает большее смысловое разнообразие и близко к общеупотребительному значению. Это понятие относится к большому числу объектов в различных предметных областях, считать его метапонятием оправданно и целесообразно.

В математических и смежных дисциплинах содержание метапонятия «корректность» состоит в однозначной определенности математического объекта, о котором идет речь, и дополнительном наличии качественных признаков. Объем метапонятия «корректность» достаточно широкий: под это понятие попадает большое число математических объектов, например задача, математическая модель, определение понятия, доказательство, вопрос-ответ, решение, метод и др.

Корректности как метапредметной категории присущи свойства:

- общности и универсальности;
- фундаментальности;

- относительности;
- системности;
- абстрактности;
- условности.

Выявление состава критериально-корректностной математической подготовки студентов основано на анализе компетентностных моделей ФГОС ВПО третьего поколения. В ФГОС ВПО (бакалавриат) для направлений подготовки «Физико-математические науки» и 050100 «Педагогические науки», профиль «Математика» (010100 «Математика», 101200 «Математика и компьютерные науки», 010500 «Математическое обеспечение и администрирование информационных систем», 010800 «Механика и математическое моделирование»), указаны следующие общекультурные и профессиональные компетенции, связанные с понятием корректности:

- умение на основе анализа увидеть и *корректно* сформулировать математически точный результат;
- знание *корректных* постановок классических задач;
- понимание *корректности* постановок задач;
- самостоятельное построение алгоритма и анализ его *корректности*;
- способность *корректно* выразить и аргументированно обосновывать имеющиеся знания;
- способность *логически верно* строить устную и письменную речь.

Как указано в ГОС ВПО, характеристика профессиональной деятельности бакалавров указанного направления подготовки включает такие виды деятельности, как:

- решение различных задач с использованием математического моделирования;
- разработка эффективных методов решения задач естествознания, техники и управления.

Объектами профессиональной деятельности бакалавров являются понятия, гипотезы, теоремы, методы и математические модели. Очевидно, что понятие «корректность» может быть критериально-оценочным для объектов профессиональной деятельности и для самой профессиональной деятельности.

Например, в компетентностном профиле бакалавра направления 231300.62 «Прикладная математика», профиль «Математическое моделирование в экономике и технике», как показывает анализ, только 10 из 32 компетенций напрямую не затрагивают понятие «корректность» (математическую или иную) и умение по корректному выполнению тех или иных действий. В других профилях направления «Математика» – не меньше. Это подтверждает возможность и необходимость межпредметной интеграции в формировании критериально-корректностной компетентности и целесообразность дидактически обоснованной систематизации на этой основе всего процесса.

В разработанной нами системе *содержательную* сторону критериально-корректностной математической подготовки составляют задачи, теоремы, понятия, методы, математические модели, рассмотренные на основании понятия «корректность». *Операциональная* составляющая – это универсальные учебные действия познавательного и оценочного характера: обоснование однозначной определенности и варьирование. *Личностно-мировоззренческая*

составляющая критериально-корректностной математической подготовки студентов связана с тем, что:

1) понятие «корректность» участвует в формировании целостной картины мира, поскольку корректные и некорректные модели дают полное представление об окружающей реальности;

2) процесс учебного и научного познания безграничен, развивается по спирали и неоднократно проходит через «преодоление некорректности».

Содержание, на котором осуществляется формирование критериально-корректностных компетенций [2], представлено:

– программным базовым компонентом – дисциплинами математического цикла (математический анализ, алгебра, геометрия, математическая физика, численные методы (методы вычислений));

– интегрированными спецкурсами и спецсеминарами «Корректные и некорректные задачи математической физики», «Корректность математических понятий и их развитие», «Культура математических рассуждений», «Матлогика», «Экстремальные задачи»;

– вычислительной практикой;

– педагогической практикой;

– курсовым и дипломным проектированием.

Понятие корректности и умение соблюдения корректности в математических действиях, распознавания и исправления некорректности формируются в расширяющейся системе межпредметных связей, имеющей результат – универсализацию, а впоследствии на этой базе специализацию умений и навыков из области критериально-корректностной математической подготовки – педагогической, по одному из научно-исследовательских или практических направлений.

Формирование критериально-корректностной компетентности математика – естественно, процесс неоднородный, он подвержен таким естественным фундаментальным закономерностям, как **асимметрия** и закон **обратного действия** (Д. И. Фельдштейн [3] сформулировал его для процесса социализации личности, в работах [4, 5] показано наличие его во всех системах педагогических взаимодействий, в том числе дидактических).

Закон асимметрии связан с изменением долей вкладов во взаимодействие его участников – педагога и учащегося – изменением в сторону увеличения роли учащегося, повышения его самостоятельности, субъектности, осмысленности действий и решений и снижения вклада и роли наставника вплоть до наблюдательной и консультативно-экспертной позиции.

Закон обратного действия связан с отмиранием методов и форм педагогических взаимодействий, необходимых для осуществления текущих задач, по мере решения этих задач и постановки/возникновения новых, операционально, содержательно, количественно (число действий, связей, логических выводов) или практически (без упрощений, абстрагирования от реальных помех, шумов и пр.) более сложных.

Исследование практического опыта требует указать и на тот факт, что по мере усложнения задач снижается количество студентов, осваивающих эти задачи в полной мере (если не применять модель полного усвоения – как на лабораторных занятиях по информатике). В педагогике, насколько нам известно, этот факт как таковой не формулировался и не изучался. В общей

теории систем он фигурирует в виде следующей гипотезы: лишь 20 % обучающихся осваивают 80 % и более содержания. Об остальных 80 % обучающихся гипотеза полагает, что доля освоенных ими содержаний (остаточные знания) не составляет в среднем 20 % от программы. Б. Г. Матюнин также упоминает доли 1/5 и 4/5, говоря о закономерностях процесса обучения [1]. И педагогика допускает это (в традиционной авторитарно-прагматической педагогике норма – это средние показатели успеваемости, в отличие, например, от психологии развития, где доказано, что любое отставание влечет за собой, как снежный ком, еще большее отставание на следующих этапах).

То есть до коммуникативных (на равных) субъект-субъектных методов и поисково-исследовательских форм взаимодействия «дорастают» не все – а точнее единицы, большинство останавливается в освоении всякой компетентностно-предметной сферы на тех самых пресловутых средних и около них уровнях. В условиях групповой формы обучения это происходит, с одной стороны, в единых рамках выделенных учебных часов, с другой стороны, для успевающих студентов – в форме самостоятельной работы и внеаудиторных консультаций с преподавателями и в форме инициативной работы в библиотеках и лабораториях.

Помимо этого, очевидно, что процесс появления качественных новообразований в критериально-корректностной сфере специалиста – процесс **эмерджентный**, невозможно зафиксировать и описать в наблюдении точно момент их возникновения, нам доступна лишь констатация факта скачка – *не умел – теперь умеет!* Выход для исследователя – выделить ключевые системообразующие скачки в этом процессе и иметь универсализованные средства их идентификации.

Разумеется, это некие общие рассуждения, которые на подготовительном этапе констатирующего и экспериментального исследования подвигли нас к поиску системы диагностики и формирования, учитывающей эти изначально предполагаемые обстоятельства. Среди таковых на данном этапе мы остановились на подходе, разрабатываемом О. В. Красновой [4, 5], с этого началось наше сотрудничество в экспериментальной работе.

Данный подход позволил на основании структурно-динамических и функциональных характеристик следующим образом выделить значимые точки-уровни в процессе (табл. 1).

Применение подхода потребовало:

– разработки комплектов интегрированных диагностических заданий для идентификации уровней критериально-корректностной подготовки (неопределенного, дезорганизованного, манипулятивного, прагматического, оптимального и автономного) – для сбора констатирующих данных и для фиксации времени достижения учащимися соответствующих уровней в процессе формирующего эксперимента – в экспериментальных и контрольных группах;

– разработки интегрированной межпредметной системы критериально-корректностной подготовки – как взаимопреemptвенной последовательности межуровневых переходов (ориентационного, адаптационного, функционализации, оптимизации, автономизации, самоактуализации как этапа после достижения высшего – автономного – уровня), цели/задачи/содержания, средства, методы, формы которых обусловлены разностью исходного и актуального (целевого на данном этапе) уровней.

Таблица 1

Диагностические признаки сформированности (уровня развития) критериально-коррекционной компетентности

№ п/п	Название уровня	Диагностические признаки			субъектно-личностные
		содержательные	деятельностные (операциональные)	5	
I	Нере- Деленный	Знания-знакомства (по Бесталько): общеклассовое представление о корректности; отсутствие научных взглядов по вопросам корректности	Отдельные действия по обоснованию однозначной определенности математических объектов, по варьированию, восприятию, запоминанию	5	Субъектность студента по проблеме не сформирована, мотивация отсутствует
II	Дезорганизованный	Знания-узнавания: первичные представления о математической корректности в общепотребительном и терминологическом смыслах; знакомство с философскими взглядами; представление о целостной картине мира и принципе завершенности знаний на основе математической корректности	Попытки ориентации, понимания: студенты начинают разграничивать общебывовое, общепотребительное и терминологическое понятие математической корректности; знакомы с составом деятельности по обоснованию однозначной определенности единичных математических объектов, по их варьированию		Эмоциональные реакции ориентационного этапа: «непонятно», путающе, страхи, раздражение, неприятие; внешняя мотивация
III	Манипулятивный	Знания-копии: 1. Знание терминологической корректности математической задачи по Адамару, по Тихонову и т.д., определения понятия, правил вывода, ПО, вопроса и ответа. 2. Представления об общепотребительной корректности: корректности доказательства, метода, изложения материала, формулировки задачи. 3. Знание постановок основных корректных и некорректных задач, знание требований корректности к диалоговой речи, методам, доказательству, формулировкам	Уверенные действия по образцу без понимания общей структуры проблем, без творческого владения содержанием: студенты перечисляют три требования корректности, знают определения условно-корректных задач, воспроизводят решение некорректных задач, могут доказать устойчивость вычислительного алгоритма в стандартных привычных случаях, обосновать корректность доказательства, изложения материала, вопроса и ответа по имеющемуся образцу; знание структуры деятельности и ООД по обоснованию однозначной определенности математических объектов, по их варьированию		Снятие негативных эмоций предшествующего уровня, появление положительных эмоций – интереса, удовлетворенности первыми успехами, уверенности; учебно-познавательная мотивация; осознание философских взглядов, целостности картины мира и принципа завершенности знаний на основе математической корректности

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5
<p>IV</p>	<p>Прагматический</p>	<p><i>Знания-умения – стабильные умения по обоснованию корректности на основе ООД, деятельность «во внешнем плане»:</i> 1. Умение исследовать и решать модельные некорректные задачи, владение методами теории некорректных задач в стандартных ситуациях, умение обосновывать номинальную математическую корректность в стандартных случаях. 2. Умение обосновывать корректность доказательства, метода, формулировки задачи, изложения материала – общеупотребительная математическая корректность</p>	<p>Распознавание и решение типовых задач и их комбинаций, сознательный обоснованный выбор методов исследования математических объектов на корректность; распознавание и решение типовых задач и их комбинаций, сознательный обоснованный выбор методов исследования математических объектов на корректность, владение методами теории некорректных задач и их отдельными приложениями</p>	<p>Осознание взаимосвязей и понимание сущностного смысла требований корректности; учебно-познавательная мотивация, принятие философских взглядов, целостной картины мира и принципа незавершенности знаний на основе математической корректности</p>
<p>V</p>	<p>Оптимальный</p>	<p><i>Знания-умения, методы сотрудничества:</i> 1. Владение методами теории некорректных задач, умение применять методологию этой теории при работе с любой задачей, владение терминологической корректностью на уровне применения в стандартных условиях. 2. Способность применять основы общеупотребительной математической корректности в практической квазипрофессиональной деятельности</p>	<p>Опыт совместной с преподавателем учебно-познавательной с элементами исследования деятельности в процессе решения некорректных задач, обобщения понятий при анализе корректности доказательств, методов, диалоговой устной и письменной речи; владение операционным составом деятельности по обоснованию математической корректности, деятельность «во внутреннем плане», применение знаний и умений в практических исследовательских целях</p>	<p>Потребность в систематическом общении с преподавателем и коллегами на предмет решения проблемных вопросов, исследования нестандартных случаев; учебно-познавательная мотивация, оперирование понятием корректности в философском плане для создания целостной картины мира, деятельности освоение принципа незавершенности знаний</p>

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
VI	Автономия	<p><i>Знания-трансформации:</i></p> <p>1. Умение реализовывать методологию некорректных задач в практические условия недостатка, переизбытка и противоречивости данных, владение основами теории математической корректности.</p> <p>2. Дальнейшая разработка теории математической корректности, опыт автономного решения нетривиальных задач, связанных с понятием корректности, употребление знаний теории корректности в практической деятельности и личной жизни, проведение диалоговой речи (устной и письменной) в соответствии с требованиями корректности, владение философскими основами теории корректности и принципом незавершенности знаний, применение их в практической деятельности; творческое осмысление, переработка состава деятельности по обособлению корректности математических объектов и личную сферу в практическую и личную сферы</p>	<p>Исследовательская деятельность, опыт автономного решения нетривиальных задач, связанных с понятием корректности: употребление знаний теории корректности в практической деятельности и личной жизни, проведение аргументации и построение диалоговой речи (устной и письменной) в соответствии с требованиями корректности, владение философскими основами теории корректности и принципом незавершенности знаний, применение их в практической деятельности; творческое осмысление, переработка состава деятельности по обособлению корректности математических объектов и личную сферу</p>	<p>Осознание компетентности в сфере математической корректности, способность оценить компетентность другого в данной сфере, философское осознание вопросов математической корректности, построение единой картины мира в соответствии с математической корректностью; мотивация к творчеству, развитие философских взглядов, критическая оценка и создание собственного взгляда на картину окружающего мира, развитие понятия «корректность» в естественно-научной, юридической, общественной и других сферах жизни</p>

Констатирующее исследование показало распределение по уровням среди студентов всех курсов (специалитет), среди школьных учителей, аспирантов.

Целью формирующего эксперимента явилась проверка гипотезы о том, что предложенный подход к критериально-корректностной подготовке – систематизированный как межпредметная система качественных межуровневых переходов, эффективен и позволит обеспечить как оптимизацию процесса во времени, так и прирост числа студентов, освоивших компетенции на высоких уровнях.

Экспериментальный процесс исходил из следующих посылок.

Динамика системы представляет собой последовательность межуровневых переходов. Эти переходы характеризуются появлением новых качеств во взаимодействии субъектов системы на основе ранее сформированных. Цели, формы, методы и средства взаимодействий на каждом переходе обусловлены разницей структур наличного и следующего уровней.

Формирование критериально-корректностных компетенций начинается с *ориентационного* этапа. Его исходный уровень – **неопределенный**, характеризуется отсутствием у студентов научных знаний по вопросам корректности математических объектов, общебытовым эпизодическим употреблением этого понятия, представлением о некорректной задаче как о «неправильной», которую не нужно решать. Практически вся активность – в руках преподавателей, его организационно-управляющие функции играют ведущую роль в процессе. Методы – объяснительно-иллюстративные и контролирующие. Форма взаимодействия в силу взаимной позиции по предметной осведомленности (0:1) скорее авторитарная (традиционно-педагогическая). Основная задача этапа – ввести понятие корректности и первые представления о сфере его применения в математике, первые примеры и правила определения корректности – метода, решения. Большие сложности, как показывает практика, вызывает у студентов оперирование правилами и определениями в курсе высшей алгебры, где рассматривается теория групп (начало семестра). Более наглядно, но не менее строго, плюс очень объемно выглядят аксиомы и теоремы математического анализа, пугающие студентов новыми требованиями к мыслительным операциям, к распределению внимания и организации запоминания (окрестность точки, признаки монотонности, непрерывности, беглое оперирование этими понятиями в процессе рассмотрения задач и доказательств). Наглядно, но фантастически по манипуляциям с объектами в пространстве и на плоскости, воспринимается студентами курс аналитической геометрии. Здесь малейшая алгебраическая некорректность приведет к совсем другой фигуре, т.е. к ошибочному распознаванию объекта. Сложность составляют терминология, чертежи и процедуры преобразований (понятие аффинного репера и преобразований, запоминание основных канонических форм, методов приведения к ним и т.д.). Начало изучения любой предметной сферы объективно приводит к кризисному моменту – кризису интеграции системы (**дезорганизованный** уровень). Его проявления: студенты чувствуют рассогласование их возможностей с темпом и языком объяснения нового материала, формами контроля и требованиями преподавателя, необходимостью запоминания многочисленных незнакомых терминов, производных от иноязычных слов.

Его преодоление (а оно требует пройти с волевым усилием момент непонимания, возможно, заучивания на память, когда важно не опустить руки, не бросить сразу) «переводит» субъекта на следующий – *адаптационный* – этап.

На этом этапе происходит знакомство с номинальным употреблением понятия «корректность», студенты знакомятся с корректностью математической задачи, математической модели в смысле Ж. Адамара. Это также происходит на 1-м курсе математического факультета. Новые приемы и правила интериоризируются хотя бы на уровне запоминания и различения – по предметам, смысловым единицам, объектам, к которым применяются. Этот процесс связан с началом практического применения элементарных теоретических законов, правил и формул. Многочисленные повторения единообразных примеров-упражнений обеспечивают интериоризацию начал вузовских математических дисциплин. Это дает первую уверенность, чувство стабильности и посильности предстоящей учебы, пополнение багажа знаний – о правилах, подходах, типах, различиях ситуаций. Почти монотонное многократное повторение простых действий, алгоритмов, правил, применение их в типичных ситуациях, знакомство со «стандартными», типологизированными исключениями приводят студента на **манипулятивный** уровень, завершающий *адаптационный* этап.

Манипулятивный уровень обнаруживается у студентов при обучении на 1-м (идеально) либо на 2-м курсе. Студенты осваивают здесь межпредметные модули, затрагивающие: корректность математической задачи, модели, метода, определения понятия; демонстрируют при этом знания-копии, умения действовать «по образцу» при исследовании существования и единственности решения математической задачи; имеют представление и могут исследовать в модельных случаях устойчивость решения, устойчивость алгоритма; способны сформулировать требования корректности математической модели и исследовать ее в простейших случаях, привести примеры и обосновать корректность определения математического понятия, вопроса и ответа; знакомы с алгоритмами действий в простейших стандартных случаях недоопределенности, переопределенности и противоречивости исходных данных задачи.

Переход к следующему (**прагматическому**) уровню – самое сокровенное действие всего процесса: от запоминания-копирования к пониманию, а значит к субъектности, самоуправлению, самостоятельности в постановке текущих задач индивидуальной траектории развития в сфере математической корректности, и представляет уровень реальных практически значимых задач и результатов. На **прагматическом** уровне студент владеет понятием «корректность» в терминологическом и общеупотребительном смыслах, распознает корректные и некорректные математические объекты в приближенных к практическим условиям, умеет с ними работать, выбирать и обосновывать методы, объяснять основания своих решений, находить и исправлять некорректности в решениях других. Основой этого является богатый запас знаний (определений и свойств объектов, теорий, подходов, методов, алгоритмов, правил, типов задач, приводимых к типовым, экстремальным случаям, граничных ситуаций) и опыта, приобретенного в процессе изучения множества учебных курсов: «Численные методы», «Теория вероятностей», «Математическая физика», «Корректные и некорректные задачи математической физики». Здесь начинает значимо влиять на эффективность процесса спланиро-

ванная межпредметная интеграция: 1) обычное применение умений из дисциплин математического цикла в других курсах, где эти умения приобретают статус инструментов; 2) интегрированный подход к курсовым и творческим, конкурсным, исследовательским заданиям; 3) интегрированные модули; 4) комплексное владение знаниями и методами из различных разделов математики и информатики и демонстрация этого в процессе вычислительных практик (требуется идентифицировать проблему, построить адекватную/корректную модель, реализовать алгоритмически и на языке программирования, отладить – выявить систематические – принципиальные – ошибки в алгоритме, модели, программе, синтаксические/языковые ошибки в программных модулях); 5) оттачивание критериально-корректностных навыков в процессе педагогической практики – распознавание, идентификация, объяснение либо управление поисковой работой школьников по выявлению и исправлению ошибок; 6) проведение деловых игр с отбором заданий на применение критериально-корректностных компетенций в практических ситуациях в различных предметных сферах: оптимизация затрат предприятия, расчет рабочих циклов производственных процессов, моделирование критических ситуаций и прогнозирование сценариев их развития.

Этап перехода к **прагматическому** уровню в модели носит название *функционализации*. Процесс обучения здесь отличается большим разнообразием: появляются вычислительные практикумы, курсовые работы, индивидуальные инициативные творческие работы (решение открытых проблем математики), педагогическая практика с проведением учебных занятий и проверкой домашних и контрольных работ.

Пятый и шестой уровни (**оптимальный** и **автономный** соответственно, этапы движения к ним – *оптимизации* и *автономизации*) в критериально-корректностной подготовке, по нашим наблюдениям, достигаются *отдельными* студентами к 4-му курсу и далее проявляются в профессиональной деятельности математиков-исследователей и практиков и математиков-педагогов. Они предполагают переход к «*знаниям-трансформациям*»: владение понятием «корректность» на творческом уровне, освоение методологии и рассмотрение практических вопросов, связанных с применением понятия и усвоенных методов, – на **оптимальном** во взаимодействии с преподавателями, на **автономном** – самостоятельно; сформированность содержательной, деятельностной и субъектно-личностной составляющих критериально-корректностных компетенций.

Для большинства математиков уровень **автономности** в сфере корректности достигается в процессе применения знаний, умений и навыков в практической профессиональной деятельности, связан с накоплением опыта самостоятельной деятельности, в которой сформированные знания, умения и навыки выступают в качестве инструмента. Для субъектов профессионального развития, достигших данного уровня, характерно свободное творческое владение предметом, самодостаточность, автономность, способность самостоятельного выбора, освоения и практической оценки новых ИТ-продуктов и методов для решения профессиональных задач, способность поделиться опытом с другими.

Отдельные профессионалы-исследователи на этом уровне способны осуществить не только самостоятельное и в команде применение, обучение и консультирование других (атрибуты уровня **автономности**), но и дать кри-

тическую оценку и реализовать развитие философских и математических взглядов на проблемы корректности, методов и критериев ее оценки, развитие понятия «корректность» в прикладных и научно-исследовательских аспектах естественно-научной, юридической, общественной и других сфер, т.е. *самоактуализироваться* в данной сфере.

Заключение

Выстроенную модель мы проверяем в формирующем эксперименте, который был начат со студентами специалитета в 2009 г. и продолжается до сих пор, два года назад начата работа со студентами, обучающимися по программам бакалавриата [2]. Модель позволяет отслеживать и координировать процесс обучения математиков именно с заданной позиции критериально-корректностной подготовки, дает более точную, тематически ориентированную диагностическую информацию. Этот опыт показывает существенность сдвигов под влиянием экспериментальных воздействий, что говорит об эффективности модели, выбранного подхода и целесообразности дальнейшей разработки предложенного направления.

Список литературы

1. Общий толковый словарь русского языка. – URL: <http://tolkslovar.ru>.
2. **Яремко, Н. Н.** Понятие корректности в математике и его реализация в процессе формирования математической деятельности обучающихся / Н. Н. Яремко // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2010. – № 18 (22). – С. 244–250.
3. **Фельдштейн, Д. И.** Психологические закономерности социального развития личности в онтогенезе / Д. И. Фельдштейн // Вопросы психологии. – 1985. – № 6. – С. 26–37.
4. **Володина, О. А.** Основы и примеры приложений теории развития систем педагогических взаимодействий / О. А. Володина, А. В. Краснов, О. В. Краснова // Современные образовательные технологии: психология и педагогика : кол. моногр. / под общ. ред. Е. В. Коротаевой, С. С. Чернова. – Новосибирск : ЦРНС ; СИБПРИНТ, 2008. – Кн. 2. – С. 12–73.
5. **Краснова, О. В.** Проблема поиска единого механизма функционирования и развития систем педагогических взаимодействий: опыт структурно-динамического исследования / О. В. Краснова // Образование и наука. – 2009. – № 11 (68). – С. 123–139.

References

1. Obshchiy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. – URL: <http://tolkslovar.ru>.
2. **Yaremko, N. N.** Ponyatie korrektnosti v matematike i ego realizatsiya v protsesse formirovaniya matematicheskoy deyatel'nosti obuchayushchikhsya / N. N. Yaremko // Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo. – 2010. – № 18 (22). – S. 244–250.
3. **Fel'dshteyn, D. I.** Psikhologicheskie zakonomernosti sotsial'nogo razvitiya lichnosti v ontogeneze / D. I. Fel'dshteyn // Voprosy psikhologii. – 1985. – № 6. – S. 26–37.
4. **Volodina, O. A.** Osnovy i primery prilozheniy teorii razvitiya sistem pedagogicheskikh vzaimodeystviy / O. A. Volodina, A. V. Krasnov, O. V. Krasnova // Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii: psikhologiya i pedagogika : kol. monogr. / pod obshch. red. E. V. Korotaevoy, S. S. Chernova. – Novosibirsk : TsRNS ; SIBPRINT, 2008. – Kn. 2. – S. 12–73.
5. **Krasnova, O. V.** Problema poiska edinogo mekhanizma funktsionirovaniya i razvitiya sistem pedagogicheskikh vzaimodeystviy: opyt strukturno-dinamicheskogo issledovaniya / O. V. Krasnova // Obrazovanie i nauka. – 2009. – № 11 (68). – S. 123–139.

Яремко Наталья Николаевна

кандидат физико-математических наук,
доцент, кафедра математического
анализа, Пензенский
государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: yaremki@yandex.ru

Yaremko Natal'ya Nikolaevna

Candidate of physical and mathematical
sciences, associate professor,
sub-department of mathematical
analysis, Penza State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

Краснова Оксана Викторовна

кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра педагогики и психологии
профессионального обучения,
Пензенский государственный
университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: oksana_krasnova@mail.ru

Krasnova Oksana Viktorovna

Candidate of pedagogical sciences,
associate professor, sub-department
of pedagogy and psychology
of professional training, Penza
State University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

УДК 372.8; 37.012.8

Яремко, Н. Н.

Система формирования критериально-корректностной компетентности математиков: качественное структурирование процесса и межпредметная интеграция / Н. Н. Яремко, О. В. Краснова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 189–201.

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ЮРИДИЧЕСКИМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ

Аннотация. Представлена авторская модель формирования коммуникативной готовности студентов – будущих юристов. Раскрываются основные принципы, задачи и средства, используемые в рамках технологии формирования коммуникативной готовности студентов. Предлагается формировать коммуникативную готовность на основе технологии контекстного обучения.

Ключевые слова: коммуникативная готовность, студенты, юридическая деятельность.

TECHNOLOGY OF DEVELOPING COMMUNICATIVE READINESS IN STUDENTS OF LAW

Abstract. The article describes the author's model of developing communicative readiness of students – the future lawyers. The author reveals the basic principles, objectives and means used in the communicative technology readiness of students. It is proposed to form a communicative readiness on the basis of context education technology.

Key words: communicative readiness, students, legal activity.

В структуре профессиональной деятельности юриста можно выделить следующие компоненты: познавательный, коммуникативный, удостоверительный, организационный, реконструктивный, социальный, воспитательный [1].

Каждый из указанных компонентов требует определенных личностных качеств, позволяющих эффективно выполнять профессиональные функции. Полагаем, что одним из особо значимых компонентов профессиональной юридической деятельности является ее коммуникативная составляющая, поскольку коммуникация пронизывает всю юридическую деятельность. Как справедливо подчеркивает О. М. Косянова, «коммуникативный компонент обеспечивает оптимальную работу всех остальных компонентов профессиональной деятельности юриста. Это позволяет нам считать его базовым, основополагающим в структуре профессиональной деятельности юриста, что, в свою очередь, позволяет рассматривать коммуникативную компетентность в качестве базисной основы профессиональной компетентности и условием профессиональной самореализации личности будущего юриста» [2, с. 12].

Учитывая важность и значимость коммуникативной составляющей в профессиональной деятельности юриста, в качестве важнейшей составляющей готовности к юридической деятельности следует рассматривать коммуникативную готовность.

Коммуникативная готовность студентов-юристов к будущей профессиональной деятельности предполагает формирование целого ряда образовательных компетенций, определяемых квалификационными требованиями к подготовке юриста с высшим профессиональным образованием и позволяющих в конечном итоге сформироваться личности юриста-профессионала.

К сожалению, большинство педагогов-исследователей, активно занимающихся разработкой данной проблематики, акцентируют свое внимание исключительно на языковой или речевой коммуникативной готовности юриста. При этом вопросы общей коммуникативной готовности студентов-юристов незаслуженно выпадают из исследовательского поля.

На наш взгляд, под коммуникативной готовностью студента-юриста можно понимать сложную динамическую систему, предполагающую определенный уровень личностного развития студента, необходимого для осуществления коммуникативного взаимодействия в процессе профессиональной юридической деятельности. Это позволяет рассматривать коммуникативную готовность юриста как системное образование профессионально-личностных качеств, включающее в себя познавательный, поведенческий и эмоционально-оценочный компоненты.

Очевидно, что одной из задач профессиональной подготовки юристов в системе вузовского образования является достижение коммуникативной готовности, а сама готовность студента-юриста к профессиональной коммуникации является необходимым условием эффективного осуществления профессиональной деятельности. В систему коммуникативной готовности юриста входят и устойчивые качества личности юриста, и факторы, которые носят ситуационный характер.

Несмотря на то, что квалификационные требования, предъявляемые к различным юридическим профессиям, как правило, закрепляются в законах, коммуникативные требования к подготовке юриста не находят своего отражения в нормативно-правовых актах. В то же время следует согласиться с И. И. Сиговым, рассматривающим модель подготовки специалиста через призму определенной документации, в которую входит паспорт специалиста, определяющий вид и род его деятельности [3, с. 8].

Кардинальные изменения качества подготовки специалиста в системе высшего профессионального образования требуют пересмотра сложившихся подходов к процессу и содержанию вузовского обучения. Необходимость формирования специалиста, обладающего высоким уровнем профессиональных компетенций, делает актуальной задачу использования активных технологий обучения студентов в современном вузе. Применение технологичного подхода позволяет обеспечить подготовку специалистов, соответствующих постоянно возрастающим потребностям современного общества.

В современное время технологичный подход к обучению в системе вузовского образования основывается на том, что существует значительный разрыв между учебной деятельностью, в которую студент вовлечен на протяжении нескольких лет обучения в вузе, и будущей профессиональной деятельностью. Такой разрыв ведет к неумению решать нестандартные задачи, включаться в профессиональное общение. В итоге выпускник вуза оказывается не готов не только выполнять профессиональные функции, но и взаимодействовать с другими специалистами, вступать с ними в коммуникационное взаимодействие.

В этой связи есть все основания полагать, что разработка модели формирования коммуникативной готовности студентов-юристов должна учитывать контекстный подход к технологии вузовского обучения. Данный подход оправдан в первую очередь потому, что усиливает практическую направленность профессиональной подготовленности будущих юристов. Как отмечает

И. А. Жукова, «для того чтобы стать профессионалами в области юриспруденции, студентам необходимо не только глубоко изучить право и закон, но и научиться применять их в повседневной деятельности. По какой бы юридической специальности ни работали выпускники в дальнейшем – судьями, адвокатами, следователями, юрисконсультами, нотариусами и т.д., навык правоприменительной деятельности для них абсолютно необходим» [4, с. 3].

Кроме того, контекстный подход позволит преодолеть разрыв между теоретическими знаниями студентов-юристов и их практической готовностью к выполнению тех или иных коммуникативных задач, поскольку он позволяет интегрировать различные виды деятельности студентов [5].

Данный подход к обучению получил достаточную разработку в работах Н. А. Бакшаевой, А. А. Вербицкого, Н. Б. Лаврентьевой, Л. В. Львова, М. В. Машенко и других отечественных педагогов.

С позиции анализируемого подхода коммуникативные знания, необходимые будущему юристу, должны усваиваться через контекст практических действий обучаемого. Формирование коммуникативной готовности студента-юриста требует, чтобы учебная деятельность была максимально приближена к предметной и социальной деятельности юриста. Конструирование учебного процесса таким образом, чтобы студент был вынужден решать проблемные ситуации, приближенные к реальной практической деятельности, позволит уменьшить разрыв между учебной и профессиональной коммуникацией.

В качестве основных направлений формирования коммуникативной готовности студентов-юристов в вузе можно рассматривать:

- формирование у студентов системы теоретических знаний о специфике, организации и осуществлении юридической коммуникации;
- овладение технологией профессиональной юридической коммуникации;
- формирование социально адаптированной к специфике юридического общения личности.

Основными принципами формирования коммуникативной готовности студентов-юристов, на наш взгляд, следует считать:

- 1) принцип детерминированности процесса формирования коммуникативной готовности спецификой будущей профессиональной юридической деятельности;
- 2) принцип динамичности за счет поэтапного перехода от академической учебной деятельности к квазипрофессиональной, а затем к учебно-профессиональной деятельности;
- 3) принцип активного включения студентов в решение проблемных ситуаций с различным коммуникативно-профессиональным содержанием;
- 4) принцип системного и межпредметного подхода к определению содержания деятельности по формированию коммуникативной готовности студентов-юристов;
- 5) принцип диалогичности процесса формирования коммуникативной готовности;
- 6) принцип выбора адекватных поставленным задачам профессионально ориентированных технологий.

На основе учета данных принципов с целью совершенствования процесса формирования коммуникативной готовности студентов-юристов к будущей профессиональной деятельности нами была разработана модель, бази-

рующаяся на технологии контекстного обучения. Технология формирования коммуникативной готовности студентов юридического вуза конструировалась как определенный дискретный процесс. Технология контекстного обучения реализуется через систему различных моделей: семиотических обучающих моделей, имитационных обучающих моделей, социальных обучающих моделей и контроля. Динамика этих моделей обеспечивает переход от традиционных технологий к деятельностным технологиям, базирующимся на активном взаимодействии в процессе обучения и, что важно, на единстве познавательной, исследовательской и будущей практической деятельности. Полагаем, что вполне оправданным будет вывод о том, что технология контекстного обучения создает благоприятные условия для развития деятельностного подхода к процессу организации усвоения обучающимися в системе высшего профессионального образования социально значимого опыта.

При конструировании технологии формирования коммуникативной готовности студентов-юристов мы исходили из необходимости учета системного единства пяти следующих элементов: а) знания психологических закономерностей учебно-познавательной деятельности студента; б) знания сущности обучающей деятельности преподавателя; в) знания закономерностей совместной деятельности преподавателя и студентов; г) владения содержанием учебного предмета; д) знания закономерностей представленной в модельной форме профессиональной деятельности, где информация выступает средством решения задач и проблем [6].

В качестве задач формирования коммуникативной готовности нами были определены:

- формирование системы знаний об особенностях юридической коммуникации, ее назначении, средствах, приемах;
- формирование системы общекоммуникативных и специальных умений и навыков;
- развитие у студентов в процессе общения профессионально ориентированной мотивации;
- развитие системы представлений об этических основаниях профессионального юридического общения.

Данные задачи получили свою проработку и конкретизацию на основных этапах реализации разработанной технологии. В связи с ориентацией на контекстный подход к разработке технологии мы изначально отказались от варианта формирования коммуникативной готовности в рамках только одного учебного курса. Для решения поставленных экспериментальных задач были выбраны разноплановые учебные дисциплины, обеспечивающие формирование коммуникативной готовности через разнообразный учебный материал как непосредственно, так и опосредованно.

Отбор содержания по конкретным учебным дисциплинам осуществлялся с учетом целого ряда факторов: количественно-качественные параметры курса студентов и отдельных студенческих групп; конкретные задачи, решаемые при изучении отдельной темы в рамках конкретного учебного предмета; задачи, решаемые при проведении конкретной лекции, семинара, практического занятия, организации практики и обучения в юридической клинике; уровень мотивированности и готовности студентов к выполнению соответствующих заданий; условия внешней среды, т.е. организационные и материальные условия для реализации разработанной технологии.

В процессе выбора учитывалось содержание учебной и производственной практик, а также содержательная часть консультационной работы в юридической клинике. При планировании системы средств формирования коммуникативной готовности мы исходили из необходимости приоритетного использования тех средств, которые несут в себе наибольший коммуникативный потенциал, т.е. в большей степени способствуют формированию коммуникативных умений и навыков, позволяют моделировать ситуации профессионального юридического общения, имеющие целью подготовку будущего юриста не только к эффективному выполнению профессиональных обязанностей, но и к профессиональной коммуникации. Например, при подготовке к практическим занятиям по гражданскому процессуальному праву и уголовному процессуальному праву студенты готовят процессуальные документы, выступления в судебном заседании и выполняют другие задания, которые затем разбираются на практическом занятии.

Особая роль в формировании коммуникативной готовности студентов отводилась имитационным играм, в частности модельному судебному процессу. Учебный суд представляет собой имитацию уголовного или гражданского судопроизводства в стадии судебного разбирательства. Участвуя в такой имитационной игре, студент через квазипрофессиональную деятельность вырабатывает навыки деятельности юриста в рамках судопроизводства.

Такая игра позволяет наглядно продемонстрировать этапы и процедуру стадии судебного разбирательства, сформировать у студентов элементарные навыки правовой оценки материалов гражданского или уголовного дела, законодательства, выработки правовой позиции по рассматриваемому делу, принятия определенных процессуальных решений. Участвуя в модельном судебном процессе, студент учится составлять процессуальные документы, выступать в суде с ходатайствами, заявлениями, задавать вопросы участникам процесса и отвечать на вопросы председательствующего.

Использование учебных судебных процессов позволяет решить целый ряд задач, значимых для создания именно коммуникативной готовности будущих юристов:

- формирование у студентов представлений о будущей профессиональной деятельности;
- демонстрация типовых моделей профессионального юридического общения на стадии судебного разбирательства;
- формирование у студентов первичных навыков правоприменительной деятельности;
- показ студентам наиболее типичных ситуаций юридической коммуникации, возникающих в процессе судебного разбирательства;
- анализ проблем применения норм материального и процессуального права в ходе судебного разбирательства;
- развитие навыков выступления в судебном процессе;
- формирование умения отстаивать в суде позицию по делу;
- выявление возможных конфликтных ситуаций в ходе судебного разбирательства и уяснение возможных путей их разрешения;
- развитие профессионально-личностных качеств юриста у студентов в условиях, приближенных к будущей профессиональной деятельности.

Несомненным достоинством такой имитационной игры следует считать то обстоятельство, что в активную квазипрофессиональную коммуникацию удается вовлечь до 30 студентов.

В целом применение имитационных игр позволило решить следующие задачи:

- 1) сформировать у студентов новые модели поведения в ситуациях юридически значимой коммуникации;
- 2) научить студентов принимать роли разных участников правовой коммуникации;
- 3) обучить моделям эффективной коммуникации в различных профессиональных ситуациях;
- 4) продемонстрировать зависимость поведенческих моделей от коммуникативного контекста;
- 5) создать условия для осознания и коррекции собственного коммуникативного поведения;
- 6) снизить остроту эмоциональных переживаний в юридически значимых ситуациях.

Значительное место в технологии формирования коммуникативной готовности было отведено и такому средству обучения, как практические занятия с тренингом общения. Проведение подобных занятий планировалось в рамках дисциплин «Основы психолого-педагогических знаний для юристов» и «Юридическая психология».

Юридическая клиника была включена нами в технологию формирования коммуникативной готовности потому, что данная форма обучения представляет собой логичный соединительный элемент между квазипрофессиональным и социальным контекстом и позволяет поэтапно перейти от имитационных игр и тренинговых упражнений к непосредственному профессиональному юридическому консультированию и ведению гражданских дел граждан, обращающихся за юридической помощью. К тому же юридическая клиника позволяет студентам собрать необходимый эмпирический материал для выполнения студенческих научных работ, в первую очередь выпускных квалификационных работ.

В связи с этим обучение в юридической клинике конструировалось как двухуровневая система, включающая в себя как общие основы клинического обучения, так и практическую работу с клиентами. Содержание клинического образования и, соответственно, содержание целенаправленной деятельности по формированию коммуникативной готовности студентов определялись с учетом общеправовой специализации юридической клиники.

Важной частью разработки технологии формирования коммуникативной готовности студентов юридического факультета явилось определение контрольно-измерительного материала, позволяющего адекватно оценить результаты проделанной экспериментальной работы.

В качестве ориентира для текущего и итогового оценивания эффективности использования тех или иных средств в формировании коммуникативной готовности студентов – будущих юристов мы опирались на следующие требования к итоговой коммуникативной готовности.

Студент должен знать: специфику правовой коммуникации как социального феномена; особенности профессионального юридического общения; основные показатели эффективной юридической коммуникации; тактические приемы опроса граждан, установления с ними психологического контакта; особенности передачи гражданам юридически значимой информации; основные проблемы этики профессионального общения; способы документирования

ния юридически значимой информации; основные средства вербальной и невербальной коммуникации в юридически значимых ситуациях.

Студент должен уметь: устанавливать контакт с другими людьми; передавать и принимать юридически значимую информацию в процессе опроса и консультирования граждан; фиксировать полученную информацию в юридических документах; получать информацию как через вербальные, так и через невербальные средства коммуникации; проводить самодиагностику коммуникативных умений, коммуникативно-значимых качеств личности.

Опытно-экспериментальная работа по апробации разработанной технологии формирования коммуникативной готовности будущих юристов была организована на базе юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Орловский государственный университет».

Результаты данной работы позволили прийти к ряду значимых выводов:

1. Реализация модели формирования коммуникативной готовности будущих юристов требует интеграции теоретического и практического компонентов профессионального юридического образования, не только моделирования предметного обучения, но и создания и поддержания развивающей профессионально ориентированной образовательной среды. В этой связи технология формирования коммуникативной готовности рассматривалась как разработка целостной системы педагогических процедур, реализация которых должна привести к повышению исходного уровня коммуникативной готовности студентов-юристов. Проверка эффективности технологии, осуществлялась в рамках формирующего эксперимента.

2. Итоги опытно-экспериментальной работы подтвердили результативность применения разработанной модели формирования коммуникативной готовности студентов-юристов и показали, что использование в образовательном процессе вуза специально разработанной модели формирования коммуникативной готовности на основе технологии контекстного обучения позволяет добиться более высоких результатов в формировании коммуникативной готовности будущих юристов. У студентов экспериментальной группы была выявлена лучшая динамика в формировании коммуникативных знаний и умений.

3. Опытно-экспериментальная работа позволила выявить педагогические условия, обеспечивающие результативность реализации модели формирования коммуникативной готовности студентов юридического факультета и предполагающие: совершенствование государственного образовательного стандарта высшего юридического образования; активное использование технологии контекстного обучения; систематическую диагностику коммуникативной готовности студентов-юристов; активное использование возможностей квазипрофессиональной деятельности; подготовку педагогов к деятельности по формированию коммуникативной готовности студентов-юристов.

Список литературы

1. **Романов, В. В.** Юридическая психология : учеб. / В. В. Романов. – М. : Юристъ, 1999. – 559 с.
2. **Косянова, О. М.** Интегративный подход к формированию профессиональной коммуникативной компетентности студентов правовых специальностей : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Косянова О. М. – М., 2008. – 49 с.

3. **Сигов, И. И.** Проблемы разработки конкретного содержания моделей специалистов широкого профиля / И. И. Сигов. – Л. : Просвещение, 1974. – 182 с.
4. **Жукова, И. А.** Контекстное обучение как средство формирования профессиональной компетентности будущих юристов : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Жукова И. А. – М., 2011. – 22 с.
5. **Вербицкий, А. А.** Активное обучение в высшей школе: контекстный подход / А. А. Вербицкий. – М. : Высшая школа, 1991. – 204 с.
6. **Вербицкий, А. А.** Педагогические технологии контекстного обучения : науч.-метод. пособие / А. А. Вербицкий. – М. : МГГУ им. М. А. Шолохова, 2010. – Вып. 1. – 52 с.

References

1. **Romanov, V. V.** Yuridicheskaya psikhologiya : ucheb. / V. V. Romanov. – М. : Yurist", 1999. – 559 s.
2. **Kosyanova, O. M.** Integrativnyy podkhod k formirovaniyu professional'noy kommunikativnoy kompetentnosti studentov pravovykh spetsial'nostey : avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk / Kosyanova O. M. – М., 2008. – 49 s.
3. **Sigov, I. I.** Problemy razrabotki konkretnogo sodержaniya modeley spetsialistov shirokogo profilya / I. I. Sigov. – Л. : Prosveshchenie, 1974. – 182 s.
4. **Zhukova, I. A.** Kontekstnoe obuchenie kak sredstvo formirovaniya professional'noy kompetentnosti budushchikh yuristov : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk / Zhukova I. A. – М., 2011. – 22 s.
5. **Verbitskiy, A. A.** Aktivnoe obuchenie v vysshey shkole: kontekstnyy podkhod / A. A. Verbitskiy. – М. : Vysshaya shkola, 1991. – 204 s.
6. **Verbitskiy, A. A.** Pedagogicheskie tekhnologii kontekstnogo obucheniya : nauch.-metod. posobie / A. A. Verbitskiy. – М. : MGGU im. M. A. Sholokhova, 2010. – Vyp. 1. – 52 s.

Агаева Альбина Владимировна
старший преподаватель,
кафедра истории государства
и права, Орловский
государственный университет
(г. Орел, ул. Комсомольская, 59)

Агаева Al'bina Vladimirovna
Senior lecturer, sub-department
of state and law history,
Orel State University
(Orel, 59 Komsomolskaya str.)

E-mail: alb-agaeva@yandex.ru

УДК 378.02

Агаева, А. В.

Технология формирования коммуникативной готовности студентов, обучающихся по юридическим специальностям / А. В. Агаева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 202–209.

С. Н. Дорофеев

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ОБУЧЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Исследуются проблемы повышения качества математического образования бакалавров инженерного профиля. Обосновывается необходимость внедрения индивидуальных траекторий обучения в систему математической подготовки студентов.

Ключевые слова: бакалавры инженерного профиля, индивидуальные траектории обучения, система математической подготовки.

S. N. Dorofeev

INDIVIDUAL EDUCATION TRAJECTORIES AS MEANS FOR MATHEMATICAL ACTIVITY ORGANIZATION

Abstract. The article investigates the problems of quality improvement of mathematical education for bachelors of an engineering profile. The author substantiates the need of introduction of individual trajectories of training in system of mathematical activity of students.

Key words: bachelors of an engineering profile, individual education trajectories, systems of mathematics training.

Переход подготовки будущих бакалавров инженерного профиля на компетентностную основу значительно обострил многие проблемы, связанные с их естественно-научным образованием. В связи с сокращением числа часов, отводимых на изучение дисциплин естественно-научного цикла, возникли проблемы поиска путей интенсификации естественно-научной подготовки бакалавров, дифференциации учебного материала: что важно изложить на лекции, что дать в качестве самостоятельной работы, как на практическом занятии проконтролировать уровень усвоения материала, изложенного на лекции и усвоенного в процессе самостоятельной работы. Главная цель преподавателя вуза заключается в реализации государственного стандарта, в формировании у обучающихся компетенций, которые определяются программой. Индивидуальные возможности обучающихся, как правило, не учитываются должным образом и иногда не признаются, рассматриваются как некоторое препятствие на пути реализации программы. Поэтому вузовский преподаватель в целях формирования общекультурных и профессиональных компетенций, формируемых в процессе изучения дисциплин естественно-научного цикла, вынужден либо игнорировать индивидуальные способности обучающихся, либо «насильственным образом» преодолевать их [1]. Более того, он вынужден выступать в качестве главного инициатора естественно-научной деятельности обучающихся, постоянно принимать за каждого из них определенные решения, важные на данном этапе его обучения. В действительности большая часть преподавателей при всем своем таланте не имеет возможности принимать по несколько различных решений за каждого обучающегося. В результате неизбежно появляется такая категория обучающихся, как «средний студент», имеющая усредненные интересы и потребности.

Практика показывает, что вузовские преподаватели, как правило, осуществляют индивидуальный подход лишь по отношению к небольшой группе обучающихся, которые, по их мнению, в силу своих способностей выходят за рамки «среднего студента». Чаще всего в эту группу попадают особо одаренные, «продвинутые» студенты, которые в силу своего интеллекта требуют индивидуального подхода. Основная же часть обучающихся, укладывающаяся в стандарты «среднего студента», незаслуженно оказывается лишенной индивидуального подхода со стороны преподавателя, вынуждена довольствоваться фронтальным общением с ним. В ходе этого общения преподаватель не ставит целью выявить индивидуальные особенности усвоения учебного материала конкретным студентом, не ищет индивидуальных путей, способствующих интенсификации усвоения знаний, он лишь многократно, иногда в более или менее упрощенном виде, повторяет, «втолковывает», «разжевывает» для него изложенные ранее факты. На лекционных и практических занятиях преподаватель чаще замечает отсутствие интереса, быструю утомляемость студентов, недостаточно высокую мотивацию [2, 3] и редко интересуется, почему тот или иной студент проявляет слабый интерес, например, к математике, не хочет ею заниматься. В любом случае речь не идет об изучении индивидуальности каждого студента. А проблема учета этих особенностей в учебном процессе, к сожалению, вообще остается за пределами внимания преподавателя, крайне неудовлетворительно используются и способность обучающихся к учебной деятельности, поскольку не разработана методика диагностирования возможностей студентов к овладению учебным материалом.

Эффективным способом реализации индивидуального подхода, обуславливающим обучение на основе индивидуальной избирательности и личной активности каждого обучающегося, может служить свободный самостоятельный выбор. Признание за будущим бакалавром права свободного самостоятельного выбора дисциплин специализации, проявление самостоятельности в изучении этих дисциплин, основанное на стремлении студента реализовать индивидуальные интересы и потребности, ставит перед вузовскими преподавателями чрезвычайно важную проблему – как использовать интересы и потребности студента на благо его развития. Управление учебной деятельностью студента становится косвенным через создание соответствующей образовательной среды, через построение целой системы условий, позволяющих каждому студенту учиться самостоятельно, самому принимать осознанные решения, делать ответственный выбор. Для этого необходимо организовать и структурировать образовательное пространство каждого студента; вводить новые условия, обновлять учебные средства и материалы и т.п. При этом преподаватель не только исходит из требований учебной программы, но и, что самое важное, учитывает изменяющиеся со временем интересы, потребности и возможности обучающихся. А это в свою очередь требует от него ведения систематических наблюдений за личностным ростом и развитием студентов.

Формируя образовательное пространство, преподаватель тем самым создает для каждого студента реальную возможность двигаться по своей собственной, индивидуальной траектории обучения, которая представляет собой целенаправленную образовательную систему, обеспечивающую каждому обучающемуся субъективные возможности выбора, разработки, реализации

Федерального государственного образовательного стандарта при непосредственном руководстве со стороны преподавателя.

На особенности этой траектории огромное влияние оказывает большое количество внешних и внутренних факторов. В качестве внутренних выступают особенности познавательной активности, интересы, мотивы и потребности, эмоциональное и физическое состояние обучающегося, сформированность его волевых качеств, таких как целеустремленность, настойчивость, внимательность. К внешним факторам можно отнести любое влияние на студента со стороны окружающей среды: поведение преподавателя и одноклассников; обстановка в семье, дружеской компании, группе; особенности самой ситуации выбора и т.п. Таким образом, индивидуальная траектория обучения не носит устойчивый характер, а может существенно изменяться с течением времени под влиянием внешних и внутренних факторов. Важно помнить, что всякие попытки обобщения и усреднения индивидуальной траектории обучения различных студентов могут привести к потере этой самой индивидуальности и в конечном итоге к обесцениванию самого понятия, превращению его в пустую абстракцию.

Потенциал индивидуальной траектории обучения предполагает, что студент при изучении темы может, например, выбрать один из следующих подходов: наглядно-образное или логическое познание, углубленное изучение или изучение на уровне понятий и фактов, ознакомительное, выборочное или расширенное усвоение темы. Сохранение логики предмета, его структуры и содержательных основ будет достигаться с помощью фиксированного объема фундаментальных образовательных объектов и связанных с ними проблем, которые наряду с индивидуальной траекторией обучения обеспечат достижение студентами нормативного образовательного уровня.

При обучении, например, математическим методам необходимо предлагать студентам задания, способствующие овладению различными видами деятельности, развитию наглядно-образного, аналитического и логического мышления. Однако, учитывая приоритетные виды деятельности, индивидуально присущие каждому студенту, следует допускать выбор ими этих видов при изучении одних и тех же образовательных объектов. Например, при решении задачи: доказать, что точки пересечения боковых сторон трапеции, ее диагоналей и середины оснований лежат на одной прямой, каждый обучающийся может выбрать свой способ решения. Наши наблюдения показывают, что чаще всего при решении задач подобного типа студенты с развитым аналитическим мышлением отдают предпочтение векторному или координатному способу решения, студенты с развитым наглядно-образным мышлением предпочитают использовать в процессе решения этой задачи свойства аффинных преобразований, а студенты с достаточно высоким уровнем развития логического мышления решают эту задачу на основе свойств полного четырехвершинника. Особую значимость при обучении студентов математическим методам посредством индивидуальных образовательных траекторий приобретают задания, связанные с изучением одного и того же математического объекта или объединенных единой целью, в которых находят свое отражение основные личностные особенности каждого обучающегося. Знание приобретает глубокий смысл для обучающегося, если оно выражает его пристрастное отношение к тому, что содержится в этом знании, эмоционально

переживается личностью. Такая объективизация смысла усвоения знаний обуславливает «сближение» обучающегося с целью, а возможно, и их отождествление, выражающееся в подчинении мотивов логике задач и получении обучающимися удовлетворения от результативности собственной поисковой деятельности. Процесс формирования индивидуальной траектории обучения опирается на основные принципы обучения, такие как преемственность, доступность, фундаментальность, научность, целостность. Более того, обучение посредством индивидуальных траекторий образования включает в себя пять значимых компонентов: когнитивный, операционно-деятельностный, мотивационный, волевой и рефлексивно-оценочный.

Когнитивный компонент включает в себя все процессы, в ходе которых обрабатывается, перерабатывается, фиксируется мозгом информация, поступающая к человеку по различным каналам, охватывает не только целенаправленное, теоретическое познание, но и простое, обыденное (не всегда осознанное) постижение мира в повседневной жизни человека, приобретение самого простого телесного, чувственно-наглядного или сенсорно-моторного опыта во взаимодействии человека с окружающим миром. Когнитивный компонент связан с усвоением знаний, их преобразованием, запоминанием, извлечением из памяти, использованием.

Формирование операционно-деятельностного компонента образования посредством индивидуальных траекторий обучения направлено на организацию деятельности обучающихся, непосредственно связанной как с самостоятельным поиском решений учебных задач, так и с самостоятельным поиском различных способов доказательств одной и той же теоремы.

Процесс формирования мотивационного компонента образования посредством индивидуальных траекторий обучения способствует осознанию обучающимися смысла и ценности предстоящей деятельности и состоит из четырех этапов: актуализации, мотивации, постановки учебной задачи, планирования ее решения. В процессе реализации мотивационного компонента у каждого обучающегося формируется личная потребность в последующей деятельности, связанной с открытием субъективно нового для него знания.

Формирование волевого компонента образования посредством индивидуальных траекторий обучения обуславливает формирование у обучающихся таких личностных качеств, как целеустремленность, внимательность, ответственность, настойчивость, умение управлять своими эмоциями, собой и коллективом.

Рефлексивно-оценочный компонент обучения посредством индивидуальных траекторий обучения ориентирован на осмысление обучающимися деятельности, связанной с получением новых знаний. Эта часть включает в себя следующие этапы: соотнесение целей и полученных результатов; осмысление методов, приемов, теоретических положений, с помощью которых получены эти результаты; осознание ценностей приобретенных результатов и соответствующих им методов; оценка собственной деятельности. На этапе реализации рефлексивно-оценочного компонента соотносятся цели, запланированные в начале деятельности, и результаты, полученные по ее окончании. Соответствие целей и полученных результатов, как правило, вызывает у обучающихся положительные эмоции от радости познания, «открытия» нового. Анализируются методы, приемы, теоретические положения, с помощью которых получены соответствующие целям результаты. Таким

образом, обучающиеся осознают не только результаты деятельности, но и способы их получения и, кроме того, пополняют личный опыт новыми эвристическими приемами. На этапе оценивания собственной деятельности обучающийся анализирует значимость собственного вклада в совместно полученные результаты, свой уровень усвоения новых знаний и уровень усвоения способов работы с этим знанием, собственное эмоциональное состояние.

Особую значимость при обучении студентов математическим методам посредством индивидуальных траекторий обучения приобретают задания, связанные с изучением одного и того же математического объекта или объединенных единой целью, в которых находят свое отражение основные личностные особенности каждого обучающегося. Примерами таких траекторий [4–6] могут служить системы математических заданий следующего вида:

I. Дан куб $ABCD A_1 B_1 C_1 D_1$ с ребром 1. Точка M – середина ребра AB , точка K – середина ребра DD_1 . Найти:

- 1) угол между плоскостями AKB_1 и KMC ;
- 2) угол между прямой KM и плоскостью AKB_1 ;
- 3) площади полной поверхности параллелепипеда;
- 4) объем параллелепипеда;
- 5) площадь полной поверхности тетраэдра $ADCD_1$;
- 6) объем тетраэдра $ADCD_1$;
- 7) отношение объема параллелепипеда к объему тетраэдра $ADCD_1$.

II. Прямая призма $ABCD A_1 B_1 C_1 D_1$, в основании которой лежит квадрат, задана относительно прямоугольной декартовой системы координат координатами вершин $A(3; 0; 0)$, $B(0; 4; 0)$, $B_1(0; 4; 6)$.

- 1) Найти координаты остальных вершин призмы.
- 2) Найти площадь полной поверхности призмы.
- 3) Вычислить ее объем.
- 4) В данную призму вписан цилиндр. Найти радиус его основания.
- 5) Найти площадь полной поверхности цилиндра.
- 6) Найти объем цилиндра.
- 7) Найти отношение объема призмы к объему цилиндра.
- 8) Найти координаты центра сферы, описанной около призмы.
- 9) Найти радиус сферы.
- 10) Найти площадь поверхности сферы.
- 11) Во сколько раз площадь поверхности цилиндра больше площади поверхности призмы и меньше площади поверхности сферы?

III. Тетраэдр $SABC$ задан уравнениями плоскостей, содержащих его грани: $3x - 4y + 1 = 0$, $3y - 4z + 1 = 0$, $4x - 3z + 1 = 0$, $z - 2 = 0$.

- 1) Найти координаты вершин тетраэдра.
- 2) Найти объем тетраэдра.
- 3) Найти площади всех его граней.
- 4) Найти длины высот тетраэдра.
- 5) Составить уравнения прямых, содержащих его ребра.
- 6) Составить уравнения высот тетраэдра.
- 7) Найти величины углов при вершине S .
- 8) Найти координаты центра сферы, вписанной в тетраэдр.
- 9) Найти радиус сферы, вписанной в тетраэдр.
- 10) Найти объем сферы, вписанной в тетраэдр.

11) Во сколько раз объем тетраэдра больше объема сферы, вписанной в тетраэдр?

IV.

1. Вычислить определители второго порядка:

$$\text{а) } \begin{vmatrix} 3 & 8 \\ 9 & 2 \end{vmatrix}; \text{ б) } \begin{vmatrix} -5 & 8 \\ 45 & 2 \end{vmatrix}; \text{ в) } \begin{vmatrix} 6 & -2 \\ 9 & 12 \end{vmatrix}; \text{ г) } \begin{vmatrix} -9 & 8 \\ 11 & -8 \end{vmatrix}; \text{ д) } \begin{vmatrix} 14 & -6 \\ -1 & 12 \end{vmatrix}; \text{ е) } \begin{vmatrix} 13 & 5 \\ -9 & 2 \end{vmatrix};$$

$$\text{ж) } \begin{vmatrix} \cos \alpha & -\sin \alpha \\ \sin \alpha & \cos \alpha \end{vmatrix}; \text{ з) } \begin{vmatrix} a+b & a-b \\ a-b & a+b \end{vmatrix}; \text{ и) } \begin{vmatrix} 3\sin \alpha & \cos \alpha \\ 3\sin \beta & \cos \beta \end{vmatrix}.$$

2. Вычислить определители третьего порядка:

$$\text{а) } \begin{vmatrix} 2 & 8 & -1 \\ 9 & 2 & 12 \\ 4 & 5 & -3 \end{vmatrix}; \text{ б) } \begin{vmatrix} 1 & 4 & -1 \\ 3 & 2 & 12 \\ 2 & 8 & -2 \end{vmatrix}; \text{ в) } \begin{vmatrix} 2 & 3 & -1 \\ 4 & 2 & 11 \\ 3 & 6 & -3 \end{vmatrix}; \text{ г) } \begin{vmatrix} 5 & 3 & -1 \\ 2 & 2 & 12 \\ 7 & 5 & 11 \end{vmatrix}; \text{ д) } \begin{vmatrix} 0 & a & a \\ a & 0 & a \\ a & a & 0 \end{vmatrix};$$

$$\text{е) } \begin{vmatrix} 1 & a & 1 \\ a & 1 & a \\ 1 & a & 1 \end{vmatrix}; \text{ ж) } \begin{vmatrix} \cos \alpha & -\sin \alpha & 1 \\ \sin \alpha & \cos \alpha & 1 \\ 0 & 0 & 1 \end{vmatrix}; \text{ з) } \begin{vmatrix} a & b & c \\ c & a & b \\ b & c & a \end{vmatrix}.$$

3. Решить уравнения:

$$\text{а) } \begin{vmatrix} 1 & 2 & -4 \\ 3 & x & 1 \\ 1 & 1 & x \end{vmatrix} = -12; \text{ б) } \begin{vmatrix} x-1 & 2 & -4 \\ 3 & x+2 & 1 \\ 1 & 1 & x \end{vmatrix} = -1.$$

4. Найти все целые числа, удовлетворяющие неравенству

$$\begin{vmatrix} -\frac{2}{3} & 2 & -1 \\ x-1 & 3 & 0 \\ 1 & 2x+1 & 1 \end{vmatrix} > 3.$$

5. Найти, при каких значениях параметра a неравенство

$$\begin{vmatrix} x & 2 & -4 \\ 4 & 2x-3 & 1 \\ 1 & 1 & a-1 \end{vmatrix} > 1 \text{ справедливо для всех вещественных чисел.}$$

6. Найти, при каких значениях параметра a неравенство

$$\begin{vmatrix} a-1 & -2 & 3 \\ 4 & 3x-2 & 1 \\ 1 & 1 & x-1 \end{vmatrix} < 2 \text{ не имеет вещественных решений.}$$

7. Даны матрицы: $A = \begin{pmatrix} 1 & -3 & 2 \\ 5 & -1 & 3 \\ 2 & -5 & 6 \end{pmatrix}$; $B = \begin{pmatrix} -1 & -5 & 3 \\ -3 & -6 & 7 \\ -4 & -5 & 6 \end{pmatrix}$; $C = \begin{pmatrix} 5 & 4 & -1 \\ 3 & 2 & -1 \\ 2 & 1 & -4 \end{pmatrix}$.

Найти: а) матрицу A^{-1} ; б) матрицу $(AC + B)^{-1}$; в) $(A + B + C)^{-1}$; г) $C^{-1}(AB - BA)$.

8. Найти, при каких значениях параметра a матрица $A = \begin{pmatrix} 1 & -2 & 1 \\ a & -1 & 3 \\ 2 & -2 & 3 \end{pmatrix}$

обратима.

9. Найти, при каких значениях параметра a матрица $A = \begin{pmatrix} 2 & -1 & 1 \\ a & 2 & 3 \\ 2 & 3 & a \end{pmatrix}$

не обратима.

10. Доказать тождество
$$\begin{vmatrix} 1 & 2 & 3 & \dots & m \\ 1 & 2^2 & 3^2 & \dots & m^2 \\ 1 & 2^3 & 3^3 & \dots & m^3 \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ 1 & 2^m & 3^m & \dots & m^m \end{vmatrix} = 1! \cdot 2! \cdot 3! \cdot \dots \cdot m!.$$

Разнообразие заданий, связанных единой целью, стимулирует обучающихся самостоятельно и осознанно выбрать себе работу, чтобы затем приступить к ее выполнению, самим отобрать свои собственные, индивидуальные способы учебно-познавательной деятельности. В ситуации самостоятельного свободного выбора наиболее ярко проявляется индивидуальность каждого студента, его индивидуальная траектория обучения. Использование заданий, объединенных единой целью, требует от преподавателя перехода от привычной роли наставника и контролера к позиции наблюдательного помощника, который меньше учит и воспитывает, а в основном помогает студентам учиться самостоятельно, мотивирует их к активной учебно-познавательной деятельности. Как известно, знание приобретает глубокий смысл, если оно выражает пристрастное отношение обучающегося к тому, что содержится в этом знании, эмоционально переживается личностью. Такая объективизация смысла усвоения знаний обуславливает «сближение» обучающегося с целью, а возможно, и их отождествление, выражающееся в подчинении мотивов логике задач и получении обучающимися удовлетворения от результативности собственной поисковой деятельности. Процесс формирования индивидуальной траектории обучения опирается на основные принципы обучения, такие как преемственность, доступность, фундаментальность, научность, целостность.

Таким образом, значимость индивидуальной траектории обучения состоит в том, что в процессе ее реализации каждый обучающийся вовлекается в определенный вид учебно-познавательной деятельности, поскольку каждое задание он выполняет через призму структурных компонентов деятельности.

Список литературы

1. **Дорофеев, С. Н.** Интегративные приемы в обучении старшеклассников математическим методам решения прикладных задач / С. Н. Дорофеев, Е. А. Емелина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2. – С. 75–84.
2. **Дорофеев, С. Н.** Координатный метод в обучении старшеклассников приемам распознавания геометрических образов / С. Н. Дорофеев, Н. В. Наземнова // Пси-

- ходидактика высшего и среднего образования : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (г. Барнаул, 10–12 апреля 2012 г.). – Барнаул, 2012. – С. 331–338.
3. **Дорофеев, С. Н.** О роли гуманитаризации математического образования в подготовке инженерных кадров / С. Н. Дорофеев // Информация и образование: границы коммуникаций (INFO-12) : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (10–13 июля 2012 г.) / Горно-Алтайский гос. ун-т. – Горно-Алтайск, 2012. – С. 56–60.
 4. **Дорофеев, С. Н.** Гуманитаризация как основа повышения качества математического образования студентов технических вузов / С. Н. Дорофеев // Геометрия многообразий и ее приложения : материалы науч. конф. с междунар. участием (20–23 июня 2012 г.) / Бурят. гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2012. – С. 182–187.
 5. **Дорофеев, С. Н.** Преобразования в примерах и задачах : учеб. пособие / С. Н. Дорофеев. – Пенза : Информационно-издательский центр ПГУ, 2002. – 154 с.
 6. **Дорофеев, С. Н.** Высшая математика. Курс лекций : учеб. пособие / С. Н. Дорофеев. – М. : Мир и образование, 2011. – 592 с.

References

1. **Dorofeev, S. N.** Integrativnye priemy v obuchenii starsheklassnikov matematicheskimi metodami resheniya prikladnykh zadach / S. N. Dorofeev, E. A. Emelina // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki. – 2009. – № 2. – S. 75–84.
2. **Dorofeev, S. N.** Koordinatnyy metod v obuchenii starsheklassnikov priemam razpoznavaniya geometricheskikh obrazov / S. N. Dorofeev, N. V. Nazemnova // Psikhodidaktika vysshego i srednego obrazovaniya : materialy IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Barnaul, 10–12 aprelya 2012 g.). – Barnaul, 2012. – S. 331–338.
3. **Dorofeev, S. N.** O roli gumanitarizatsii matematicheskogo obrazovaniya v podgotovke inzhenernykh kadrov / S. N. Dorofeev // Informatsiya i obrazovanie: granitsy kommunikatsiy (INFO-12) : materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (10–13 iyulya 2012 g.) / Gorno-Altayskiy gos. un-t. – Gorno-Altaysk, 2012. – S. 56–60.
4. **Dorofeev, S. N.** Gumanitarizatsiya kak osnova povysheniya kachestva matematicheskogo obrazovaniya studentov tekhnicheskikh vuzov / S. N. Dorofeev // Geometriya mnogoobraziy i ee prilozheniya : materialy nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem (20–23 iyunya 2012 g.) / Buryat. gos. un-t. – Ulan-Ude, 2012. – S. 182–187.
5. **Dorofeev, S. N.** Preobrazovaniya v primerakh i zadachakh : ucheb. posobie / S. N. Dorofeev. – Penza : Informatsionno-izdatel'skiy tsentr PGU, 2002. – 154 s.
6. **Dorofeev, S. N.** Vysshaya matematika. Kurs lektsiy : ucheb. posobie / S. N. Dorofeev. – M. : Mir i obrazovanie, 2011. – 592 s.

Дорофеев Сергей Николаевич

доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой
профессиональной педагогики
и психологии, Пензенский
государственный университет
(г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: ppip.kafedra@inbox.ru

Dorofeev Sergey Nikolaevich

Doctor of pedagogical sciences, professor,
head of of sub-department of professional
pedagogy and psychology, Penza State
University
(Penza, 40 Krasnaya str.)

УДК 372.851

Дорофеев, С. Н.

Индивидуальные траектории обучения как средство организации математической деятельности / С. Н. Дорофеев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 210–217.

РОЛЬ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ОБ АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ МУЗЫКАЛЬНОМ ИНСТРУМЕНТЕ ГАНУН (КАНОН) В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. Рассматриваются вопросы об истории создания гануна и исполнении музыкальных произведений на этом инструменте, который занимает важное место в музыкальной культуре Азербайджана. Художественно-технические возможности гануна изучаются на основе теоретических знаний, применение которых представляется важным в обучении исполнению на этом инструменте. Исследователь на основе богатого фактического материала рассматривает роль теоретических знаний о гануне (кануне) в подготовке музыкальных кадров, вырабатывает свои предложения и рекомендации по овладению школьниками и студентами сложным устройством, богатой звуковой системой и широким диапазоном гануна, критически анализирует труды известных музыковедов, аргументированно обосновывает свою позицию о роли гануна в обогащении музыкальной культуры Азербайджана.

Ключевые слова: музыкальная культура Азербайджана, музыкальный инструмент, ганун, художественно-технические возможности, звуковое устройство, тембр, диапазон, обучение, исполнение, детское музыкальное училище, музыкальные отделения вузов, профессиональный музыкант, умение, способность.

S. Mamedova

THE IMPORTANCE OF THEORETICAL KNOWLEDGE OF THE AZERBAIJAN MUSICAL INSTRUMENT (KANON) IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Abstract. The article considers the history of creation and playing the Azerbaijan musical instrument kanon, which takes an important place in the musical culture of Azerbaijan. Technical capacity of the canon is studied on the basis of theoretical knowledge, the application of which is essential in learning to play the instrument. On the basis of abundant actual material the researcher considers the importance of theory of the kanon in training musicians, develops her own suggestions and recommendation for students to master such complicated instrument, its rich sound system and wide range, critically analyzes the works of famous musical experts, reasonably substantiates her position about the importance of the kanon in enriching the musical culture of Azerbaijan.

Key words: Azerbaijan music culture, the musical instrument, kanon, literary-technical changes, sound structure, tember, diapason, teaching prosess, children music schools, the music departments of the higher schools, professional musician, ability.

Наука, искусство и просвещение во все времена были и остаются основными показателями прогресса. Потому в эпоху глобализации и международной интеграции в суверенной Республике Азербайджан во всех отраслях культурно-экономической сферы, в том числе в образовании, принимаются неотложные и целенаправленные меры по коренному переустройству. Воспитание всесторонне развитого и верного нравственно-эстетическим идеа-

лам поколения, достойного настоящего и будущего Азербайджана, является необходимым фактором целенаправленного осуществления этого процесса. С уверенностью можно сказать, что при этом значительная роль принадлежит кадрам высшего и среднеспециального музыкального образования.

Сегодня как никогда следует уделить особое внимание тому, чтобы подготавливаемые в высших и среднеспециальных музыкальных учреждениях кадры отличались способностью достойно оценивать национальный интерес, национально-человеческие ценности и отличались бы умением их целенаправленно применять в учебно-воспитательном процессе. Специалисты-педагоги, занимающиеся подготовкой этих кадров, должны решать ряд педагогических проблем, привлекая при этом внимание учащихся своей нравственно-эстетической культурой, знанием средств музыкального искусства, профессиональным мастерством, способностью передавать субъекту красоту и эстетику окружающего мира, его культурные музыкальные традиции.

В связи с этим педагог сам должен знать теоретические аспекты предметного профессионального образования и возможности внедрения современных педагогических технологий, форм и методов в процесс обучения и воспитания учащихся; обладать творческими способностями; стремиться к успешной музыкальной деятельности; быть музыкально развитым и образованным, чтобы уметь прививать студентам навыки слушания музыки и ее восприятия; прививать им вкус и потребности общения с музыкой разных направлений и жанров; владеть современными методиками освоения музыкального искусства в контексте исторического развития национальной культуры. И наконец, что самое главное, уметь понимать идеи музыкальных произведений своей страны.

Все вышесказанное есть работа души, сердца и разума в их единстве [1], благодаря которой педагог и сможет сформировать осмысленное и богатое отношение к миру музыки посредством музыкальных инструментов, различных техник игры на них.

Данная статья ориентирует на привлечение внимания к возможностям воздействия музыкальных инструментов, являющихся жемчужиной художественного мышления народа, а также музыкальных произведений, созданных для исполнения на них. Когда речь идет о музыкальных инструментах, на которые ссылаются в процессе подготовки музыкальных кадров, особое внимание уделяется художественно-эстетическим возможностям воздействия гануна, саза, тара, кеманчи и других древних азербайджанских народных музыкальных инструментов, история создания и развития которых уходит в глубь веков. В этом ракурсе очень актуальны и значительны произведения Низами. Он известен в истории азербайджанской национальной культуры как великий поэт, мыслитель, знаток музыки. Достаточно отметить, что в поэме «Искандернаме», когда Низами ведет речь о создании Афлатуном музыкального инструмента, поэт запоминающимися строками подчеркивает возможности эстетического воздействия десятка музыкальных инструментов, в том числе и гануна, сыгравших важную роль в развитии музыкальной культуры народа Азербайджана и не потерявших своего воздействия и поныне. Глубокий знаток восточной музыкальной науки поэтесса Мехсети Гянджеви, жившая и творившая в XII в., также искусно владела гануном и другими песенными инструментами. Игра на гануне получила отражение и в творчестве Мухам-

меда Физули, который в поэме «Йедди Джам» следующим образом описал этот музыкальный инструмент:

Однажды ночью шел меджлис, весельем развлекая,
Да тем, что грусть-тоска была забыта, далека,
Звучали песни царские и дева рая
Гануном услаждала слух всем, радуя сердца.

Ганун нашел свое отражение и в миниатюрных произведениях. Пройдя долгий путь развития, этот инструмент, периодически совершенствуясь, дошел и до наших дней [2, с. 108].

Подчеркивая роль народных музыкальных инструментов в развитии музыкальной культуры азербайджанского народа и музыкальных кадров как основных носителей этой культуры, следует признать и констатировать такой немаловажный факт, как умение должным образом использовать эти ценности и имеющиеся возможности (период с XII в. по настоящее время).

Нельзя не отметить, что XII в. в истории азербайджанского народа характеризуется периодом Ренессанса национальной культуры. По единому мнению музыковедов, в указанный период существовало до 70 музыкальных инструментов, и только их малая часть дошла до нашего времени. В семействе музыкальных инструментов ганун и уд занимают свои места с прошлого века.

Однако закрытость образовательной среды этого периода не способствовала всенародной доступности к знаниям, умениям и навыкам исполнения музыкальных произведений на этих инструментах. Открытость же образовательной политики в эпоху глобализации и международной интеграции способствует доступности образования различного уровня и содержания, совершенствованию методов, форм и технологий предметного обучения, воспитания. Образовалась ситуация, позволившая раскрыть все художественно-технические возможности таких инструментов, как ганун, уз и др., для формирования духовно-нравственных качеств личности, ее мировоззрения, поскольку музыка порождает оптимизм, позитивное отношение к действительности, возвышает человека, воспитывает милосердие, любовь и уважение к другому человеку, а в итоге символизирует духовную жизнь общества.

На фоне всего изложенного следует обратить внимание на высказывания кандидата искусствоведения, доцента А. Рахматова, отметившего, что «ганун впервые был включен в состав Государственного оркестра народных музыкальных инструментов Республиканского комитета телевидения и радиовещания в 1959 г., накануне подготовки декады азербайджанской литературы и искусства, проведенной в Москве. А в 1966 г. в Бакинском средне-специальном музыкальном училище имени А. Зейналлы был открыт класс ганун» [3, с. 36].

Ученый-музыковед в своих исследованиях привносит ясность еще в один вопрос, связанный с музыкальным инструментом ганун: «Долгое время в нашей (азербайджанской – С. М.) музыкальной литературе ганун ошибочно назывался как «канон». Ганун является музыкальным инструментом профессиональных музыкантов. Произведения, исполняемые на виртуозном уровне, главным образом, мугамы («Чахаргях», «Баяты-Шираз»), исполняются на нем особенно с большим мастерством» [3, с. 36–37].

Профессор О. Гулиев, крупнейший исследователь в этой области, в более отчетливой форме подчеркивает особое место гануна в составе оркестра

народных музыкальных инструментов, его художественно-технические возможности: «Оркестр состоит из четырех групп музыкальных инструментов: плекторных (тар, саз, ганун, уд, дутар), кеманных (кеманча), духовых (балабан, тутек, зурна) и ударных (деф, нагара, гоша нагара). Ганун – старинный музыкальный инструмент, исполняющийся плектром. Он имеет очень тонкий звуковой тембр. Использование в гануне арпесио (арпеджио), гиссандо (глиссандо), различных пассажей (пассажей) и других технических возможностей оставляет весьма хорошее впечатление. В ряде случаев используют и парные (двойные) ноты и аккорды. Его диапазон – от звука «ля» малой октавы до «до диез» третьей октавы. Многострунный (их количество 72) ганун с плоским стволком используется в оркестре в качестве аккомпанирующего и солирующего инструмента» [4, с. 78].

Наши наблюдения показывают, что музыкальный инструмент ганун был в центре внимания исследователей XII–XVI вв. Об этом можно судить по мнению талантливого музыковеда, кандидата искусствоведения Аббасгулу Наджафзаде. Его слова вызывают определенный интерес: «...на территории Азербайджана ганун широко использовался в XII–XVI веках, а в XVIII–XIX столетиях он вышел из употребления» [5, с. 79].

Заявленная историко-теоретическая информация имеет важное значение, и, если она должным образом не доводится до сведения студентов – будущих специалистов по музыкальному образованию на ступенях «бакалавр» и «магистр» высшего образования, если при использовании наглядно-иллюстративных методов не проводятся анализ и сравнение, безусловно, эффективность учебного процесса невозможно поднять на соответствующий уровень. Поэтому педагоги в учебном процессе при ссылке на необходимые теоретические источники, связанные с исполнительскими возможностями музыкального инструмента ганун, могут привлечь внимание студентов на нижеследующие вопросы, которые имеют важное значение:

1. Как добиться того, чтобы музыкальный инструмент ганун, еще в XII в. занимающий достойное место в ряду национальных музыкальных инструментов, сыгравших важную роль в развитии музыкальной культуры Азербайджана, был включен не только в состав оркестра народных музыкальных инструментов, но и стал достоянием образовательных учреждений (детских садов, школ, училищ, вузов, консерваторий и других социальных учреждений), тем более что пример по подготовке декады азербайджанской литературы и искусства, проведенной в Москве в 1959 г., уже имеется даже в условиях закрытости образовательной среды?

2. Какие педагогические технологии нужно разработать, чтобы усовершенствовать преподавание блистательного музыкального инструмента ганун, выдержавшего испытание веков, в Бакинском среднеспециальном музыкальном училище им. А. Зейналлы?

3. Какие нужно принять меры по открытию, организации класса ганун и в Азербайджанской государственной консерватории им. У. Гаджибекова, известной в тот период своими традициями и своими выпускниками – национальными музыкальными кадрами – не только в республиках бывшего Союза, а также в самых развитых странах мира?

И таких вопросов много. Безусловно, ответы на поставленные вопросы могут быть разными. Но одно понятно, что следует рассуждать, ссылаясь

на научные источники, опираясь на достоверные исторические факты, реальность и убедительность мыслей. Для информирования студентов-музыкантов о музыкальном инструменте ганун следует обстоятельно изучить исследования известных ученых М. Керимова, С. Абдуллаевой, А. Наджафзаде и других в области освоения и пропаганды азербайджанских национальных инструментов.

Кандидат искусствоведения А. Наджафзаде в связи с историей создания гануна и исполнения на этом инструменте музыкальных произведений, проникнув вглубь веков, отметил: «Принято считать, что музыкальный инструмент ганун древние шумеры использовали еще 3 тысячи лет назад... В начале XX столетия, в 1913 году, известный музыковед Мешади Джамиль Амиров (1875–1928, отец всемирно известного композитора Фикрета Амирова), когда учился в Турции, прекрасно выучился играть на гануне и, возвращаясь в Азербайджан, привез с собой на родину инструменты уд и ганун, последний из которых с того времени снова стал украшать наши музыкальные коллективы, преподаваться в вузах Азербайджана и считаться одним из профессиональных музыкальных инструментов» [5, с. 111].

Здесь следует внести ясность. Так, в приведенном высказывании привлекает внимание факт существования музыкального инструмента ганун у древних шумеров. Другая сторона вопроса заключается в том, почему он исчез в XVII–XIX вв. Если даже невозможно ответить на этот вопрос на основе конкретных доказательств, то нельзя забывать и такой факт, что в указанный период мастера-производители гануна были иностранцами (возможно, что ими были армяне), которые всячески старались вытеснить возможности положительного влияния гануна на обогащение азербайджанской музыкальной культуры.

Рассматривая эти стороны проблемы, имеющей большую важность, невольно вспоминается известная мысль гениального композитора, музыковеда Узеира Гаджибекова, констатировавшего, что «если сегодня для каждого музыканта важно уметь играть на фортепиано, то восточные музыканты прошлого, будучи исполнителями на тех или иных инструментах, считали обязательным для себя также владеть игрой на гануне» [6, с. 237].

У. Гаджибеков, по праву считающийся великим архитектором национальной профессиональной музыкальной культуры, выдвинул идею о важности усовершенствования процесса преподавания музыкального инструмента ганун на уровне самых современных требований. Поэтому в Музыкальной академии, Национальной консерватории, в соответствующих отделениях университетов и музыкальных училищ первостепенными задачами являются изменение подхода к преподаванию гануна в зависимости от современных реалий, повышение роли инструмента в развитии национальной музыкальной культуры, обогащение соответствующих репертуаров.

Опыт показывает, что процесс информирования студентов историко-теоретическими сведениями о сути этого музыкального инструмента, его роли в развитии азербайджанской профессиональной музыкальной культуры с первого года обучения (даже с первых занятий) способствует повышению у них значительного интереса к старинному инструменту, их более тесной привязанности к нему. Такая позиция в свою очередь окажет положительное влияние на развитие их исследовательской деятельности, а приобретенные ими теоретические знания мобилизуют на успешное практическое исполнение на этом блистательном инструменте.

Проведенные нами исследования доказывают, что в ряде научных источников об азербайджанских народных музыкальных инструментах, народных музыкальных инструментальных оркестрах и входящих в их состав инструментальных группах авторы в основном рассматривают вопросы об истории создания музыкального инструмента ганун, его структуре, звуковом устройстве, частях, материалах изготовления.

Так, А. Рахматов, в частности, говоря о позиции музыкального инструмента ганун в искусстве музыкальной импровизации, пишет: «Ганун представляет собой плоский деревянный ящик прямоугольной трапециевидной формы. Его общая длина 800–900 мм, ширина 380–400 мм, толщина 40–50 мм. Плоский корпус гануна склеен из отдельных досок в форме трапеции. Основную часть корпуса обхватывает деревянное покрытие толщиной примерно 4 мм, изготовленное из чинары. Деревянное покрытие в его нижней конечности оставляется открытой и обворачивается тонкой завесой – кожей сердца крупного скота. Покрытие гануна составляют 6 резонаторных отверстий. Нижняя и боковые его стороны изготавливаются из березы, ореха, абрикоса и других твердых пород дерева. Над верхней декой в продольном направлении натянуты 24 тройные жильные струны, настраиваемые вращающимися колками. Струны, будучи одним концом прикреплены к специальным отверстиям на корпусе инструмента, проходят над этой подставкой и другим своим концом закрепляются к полкам (колкам) и регулируются с помощью ключа. Под струнами, близ колков, укреплены дополнительные откидные порожки, позволяющие быстро перестраивать каждую струну на полтона, тон, а некоторые на полтора тона. Строй струн – диатонический, диапазон – 3 (три с половиной октавы)» [3, с. 37].

Очевидно, что такие сведения о структуре, частях, особенностях извлечения звука музыкального инструмента ганун, содержащиеся в учебных пособиях, в первую очередь направлены на создание у студентов ясного представления о нем. С другой стороны, ознакомление учеников и студентов с такими важными сведениями имеет значение и для правильного обращения с инструментом. Вооружение студентов вышеуказанными теоретическими знаниями в доступной форме создает хорошую почву и для правильной настройки инструмента на коленях исполнителя. Для совершенного усвоения этих аспектов, связанных с прекрасным исполнением гануна, необходимо уделить внимание его этимологическому значению. Так, кандидат искусствоведения А. Наджафзаде отмечает: «Ганун преподается в вузах Азербайджана и считается профессиональным инструментом. Слово «ганун» происходит от греческого, на арабском языке означает «правило, распорядок, аккуратный и т.д.» [5, с. 112].

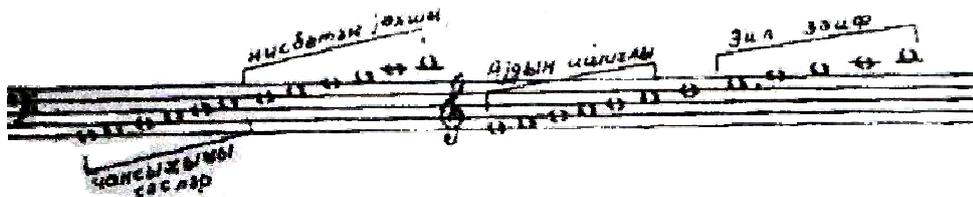
Данные комментарии, связанные с этимологическим значением, другими художественно-техническими признаками музыкального инструмента ганун, еще раз демонстрируют, что в создании и исполнении этого инструмента следует соблюдать такую гармонию, чтобы слушатель получал наслаждение, а импровизированные на нем музыкальные образцы (образы) своим специфическим влиянием пробуждали в людях эмоциональные переживания и разные чувства.

Преподаватель, занимающийся обучением игре на гануне (кануне), безусловно, наряду с указанными выше аспектами, должен уделить специальное внимание и на соответствующие информации о диатоническом уст-

ройстве, тембре, диапазоне инструмента. Диатоническое звуковое устройство, состоящее из 24 натянутых тройных жильных струн, посредством лингов, поднимаясь и опускаясь, изменяет высоту звука на тон и полутон:

Безусловно, что и звуковой тембр инструмента, имеющего такое широкое звуковое устройство, создавая хорошее настроение, привлекает внимание:

Чтобы обратить внимание на широкие возможности диапазона этого инструмента, показать его богатую и разнообразную исполнительскую манеру, в процессе преподавания игры на гануне (кануне), опираясь на знания, полученные на первых занятиях в детских музыкальных школах, следует играть на нем, исполняя разнохарактерные и разножанровые музыкальные образцы (произведения). Конечно, в этом процессе необходимо обратиться и к официальным источникам, научно-методическим трудам и провести соответствующее сопоставление. Чтобы быть более понятным, следует уделить внимание двум источникам, связанным с проблемой. Так, А. Рахматов в изданном в 1980 г. труде «Азербайджанские народные музыкальные инструменты и их место в оркестре» писал: «В гануне звуки от «до» маленькой (малой) октавы до звука «фа» второй октавы звучат более полно и гармонично, тогда как 3 (три) прежние низкие ноты почти не слышимы. Как было отмечено, каждая струна гануна (кануна) поднимается посредством рычага в (на) малую и большую секунды, а также с малыми терсонными (терцовыми) интервалами, и в результате создается возможность для приобретения (извлечения) всех знаков (звуков) гаммы. Так, для извлечения (исполнения) «си бемольно-мажорной гаммы» (гаммы «си бемоль мажор») звуки «си» и «ми» на 0,5 тона (полтона) уменьшаются (понижаются), или для приобретения (исполнения) звука (гаммы) «ля мажор» звуки «до», «фа», соль» на 0,5 тона увеличиваются (повышаются на полтона). Отсюда следует, что все 7 (семь) знаков (нот) гануна (кануна) имеют возможность для исполнения «диезных» и «бемольных» гамм и двойных нот.

В (на) гануне (кануне) исполняются все гаммы, все аппрессии (арпеджио), имеющиеся в мажоре и миноре, при этом особенно привлекает внимание аппрессию (арпеджио). С помощью рычага в гануне (кануне) во всех тональностях можно использовать одинаковые пальцы» [3, с. 38].

Поскольку ганун (канун) имеет сложную структуру и изготавливается из разных материалов на основе сложных технологических приемов, то имеются определенные разногласия, связанные с мнениями об образах (приемах) исполнения, описанием общей структуры инструмента, его звукового устрой-

ства и диапазона. Конечно, все сказанное составляет всего лишь азбуку обращения с этим музыкальным инструментом, так как, не зная важных сведений о структуре, настройке, звуковом устройстве, диапазоне гануна, не учитывая их в процессе исполнения, нельзя добиться совершенного и достойного исполнения и стать грамотным музыкантом.

Считаем важным обратить внимание и на такой факт. В процессе нашего исследования возникли и некоторые вопросы, связанные с другой стороной проблемы. Так, между высказанными мнениями в опубликованной в 1980 г. книге А. Рахматова и изданными за последние годы трудами ученых наблюдаются определенные несоответствия и расхождения в авторских позициях. Для доказательства верности нашего тезиса обратим внимание на мнение М. Керимова, отметившего, что «...относящийся к плоским сазам ганун является музыкальным инструментом натянутых струн. Этот инструмент исторически широко распространился на Ближнем и Среднем Востоке, а также на территории Азербайджана» [2].

Данная цитата привлекает внимание своей историко-информативной характеристикой и художественно-эстетической сущностью. Примечательно, что М. Керимов, неустанно трудящийся (работающий) в области пропаганды национальных музыкальных инструментов в ряде стран мира как художественный руководитель музыкального инструментального ансамбля и как реставратор и конструктор национальных инструментов, в более совершенной форме и в свете современных требований описывает структуру, отдельные части, звуковое устройство, диапазон музыкального инструмента ганун: «...нижние и боковые части гануна изготавливаются из материалов орехового дерева и из других крепких деревьев. 3/4 верхней части гануна состоит из деревянного покрытия толщиной примерно 4 мм. На деревянной части верха имеются 3 резонаторных отверстия. На кожаной части верха, разделенной на 4 равные части, располагается деревянная подставка во всю ширину инструмента. У полков (колков) под струнами располагаются «линги» (железные рычаги), при помощи которых струны, поднимаясь и опускаясь, изменяют высоту звука на тон или полутон. На ганун (канун) навязываются 24 ряда тройных струн при общем их числе 72. На ранних стадиях струны изготавливали из шелка и кишок особым способом. В настоящее время используются струны из капрона. Ганун ставится на колени, и при игре на нем на указательные пальцы обеих рук надеваются железные наперстки, под которые подкладываются эбонитовые плектры. Инструмент настраивается при помощи железного ключа, внутренняя часть которого имеет четырехугольную форму» [2, с. 108].

Как можно убедиться, проведенные анализ и обобщение исследований всех трех ученых – О. Гулиева [4], А. Рахматова [3] и М. Керимова [2] о создании, структуре, звуковой системе, тембре, порядках (правилах) настройки, звуковом диапазоне – привлекают внимание и по своему теоретико-практическому значению. Но при этом следует отметить, что разногласия о звуковых диапазонах музыкального инструмента ганун приводят к определенному недоразумению и растерянности. Обратим внимание на то, что пишет профессор О. Гулиев в связи со звуковым диапазоном гануна в монографии, изданной в 1980 г.: «...его (гануна (кануна) – С. М.) диапазон состоит от звука «ля» маленькой (малой) октавы до звука «до диез» второй октавы» [4]. Отличительным является мнение по этому поводу доктора наук по искусствоведе-

нию М. Керимова, которое приведено выше. Поэтому возникает вопрос: какой из этих вариантов все же можно использовать в учебном процессе на современном этапе?

Точно и конкретно ответить на этот вопрос входит в компетенцию композиторов, сочиняющих разножанровую музыку для этого инструмента, а также музыковедов, ведущих исследования в связи с его историческим развитием и современным положением. Тем не менее мнение М. Керимова по проблеме представляется нам более убедительным по той причине, что последний уже долгие годы ведет системное и последовательное исследование в этой области. В настоящее время он – крупный (известный) музыковед, являющийся руководителем ансамбля древних музыкальных инструментов Государственного музея азербайджанской культуры, заведующий научно-исследовательской лабораторией по реставрации и усовершенствованию старинных музыкальных инструментов, функционирующей при Бакинской музыкальной академии. Следовательно, его большой теоретический и практический опыт, основанный на последних достижениях науки по музыкальным инструментам, убеждает нас в точности его высказываний.

В заключение подчеркнем, что изучение пути развития, структуры, исполнительских особенностей созданных в старину и дошедших до наших дней музыкальных инструментов, особенно гануна (кануна), всегда было в центре внимания, но необходимо основательное рассмотрение и исследование ряда проблемных вопросов, связанных с изучением и исполнением на этом древнем азербайджанском музыкальном инструменте.

Список литературы

1. **Сластенин, В. А.** Психология и педагогика / В. А. Сластенин, В. П. Каширин. – М. : Академия, 2010. – 544 с.
2. **Керимов, М.** Музыкальные инструменты Азербайджана / М. Керимов. – Баку : Ени несил (Новое поколение), 2009. – 283 с.
3. **Рахматов, А. М.** Народные музыкальные инструменты Азербайджана и их место в оркестре / А. М. Рахматов. – Баку : Ишыг (Свет), 1980. – 106 с.
4. **Гулиев, О. С.** Оркестр народных музыкальных инструментов Азербайджана / О. С. Гулиев. – Баку : Ишыг (Свет), 1980. – 84 с.
5. **Наджафзаде, А. И.** Толковый словарь музыкальных инструментов Азербайджана / А. И. Наджафзаде. – Баку : ЭЛМ, 2003. – 224 с.
6. **Гаджибеков, У. А.** Избранные сочинения : в 2 т. / У. А. Гаджибеков. – Баку : Изд-во Академии наук Азербайджана, 1965. – Т. II. – 412 с.

References

1. **Slastenin, V. A.** Psikhologiya i pedagogika / V. A. Slastenin, V. P. Kashirin. – M. : Akademiya, 2010. – 544 s.
2. **Kerimov, M.** Muzykal'nye instrumenty Azerbaydzhana / M. Kerimov. – Baku : Eni nesil (Novoe pokolenie), 2009. – 283 s.
3. **Rakhmatov, A. M.** Narodnye muzykal'nye instrumenty Azerbaydzhana i ikh mesto v orkestre / A. M. Rakhmatov. – Baku : Ishyg (Svet), 1980. – 106 s.
4. **Guliev, O. S.** Orkestr narodnykh muzykal'nykh instrumentov Azerbaydzhana / O. S. Guliev. – Baku : Ishyg (Svet), 1980. – 84 s.
5. **Nadzhafzade, A. I.** Tolkovyy slovar' muzykal'nykh instrumentov Azerbaydzhana / A. I. Nadzhafzade. – Baku : ELM, 2003. – 224 s.
6. **Gadzhibekov, U. A.** Izbrannye sochineniya : v 2 t. / U. A. Gadzhibekov. – Baku : Izd-vo Akademii nauk Azerbaydzhana, 1965. – T. II. – 412 s.

Мамедова Сахиба Вагиф кызы
преподаватель, кафедра обучения
музыке, Нахичеванский
государственный университет
(Азербайджанская Республика,
Нахичеванская автономная
Республика, г. Нахичевань,
Университетский городок)
E-mail: gusein.adygezalov@mail.ru

Mamedova Sakhiba Vagif kыzy
Lecturer, sub-department of music
studies, Nakhichevan State University
(Azerbaijan Republic, Nakhichevan
autonomous republic, Nakhichevan,
University town)

УДК 37.001.89

Мамедова, С.

Роль теоретических знаний об азербайджанском музыкальном инструменте ганун (канон) в процессе обучения / С. Мамедова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (25). – С. 218–227.

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области истории, философии, филологии, педагогики, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows версий не выше 2003.

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru, дискета 3,5", CD-диск) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах.

Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Тип файла в электронном виде – RTF.

Статья **обязательно** должна сопровождаться индексом УДК, краткой аннотацией и ключевыми словами **на русском и английском языках**.

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисуночными подписями.

Формулы в тексте статьи выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], ...). Номер источника указывается в квадратных скобках. В списке указывается:

- для книг – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц;
- для журнальных статей, сборников трудов – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, выпуск, страницы;
- для материалов конференций – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

В конце статьи допускается указание наименования программы, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

К материалам статьи **должна** прилагаться информация для заполнения учетного листа автора: фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, адрес, контактные телефоны (желательно сотовые), e-mail.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается.

Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.